СЕРИЯ «ОРЛЕНОК»

ОТКУДА СОКОЛЫ ВЗЛЕТАЮТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборник о героических судьбах военных летчиков-южноуральцев вошла повесть о Герое Советского Союза М. П. Галкине, а также повести о дважды Героях Советского Союза С. И. Грицевце и Г. П. Кравченко.

- Откуда соколы взлетают
  -
  - Николай Галкин
    -
    - Желтый призрак
    - Палая полоса
    - Коммуненок
    - Вечный двигатель
    - Слушающий жнет
    - О ца железяка?
    - САД
    - Летающие кладбища
    - Золотые бабочки
    - Запас
    - От Советского Информбюро…
    - «…В последний бой… летит стальная эскадрилья»
  - Алексей Головин
    -
    - Цветы герою
    - Летное Оренбургское
    - Самолет над Шумихой
    - Первая высота — Косотур
    - Пятый океан
    - Первая встреча с испанцами
    - Специальное задание правительства
    - Бои над Эбро
    - Задание выполнено
    - От Эбро к Халхин-Голу
    - В небе Монголии
    - «Чайки» над степью
    - Последнее задание
  - Геннадий Устюжанин, Василий Яковлев
    -
    - Переселенцы
    - Школа

- Буду летчиком
- Крылья крепнут в полете
- Учить самолеты летать
- В небе Китая
- Летчик-испытатель
- Герои Халхин-Гола
- В мире снова неспокойно
- И снова в бой

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

Откуда соколы взлетают

СЕРИЯ «ОРЛЕНОК»

ОТКУДА СОКОЛЫ ВЗЛЕТАЮТ

Николай Галкин

СОКОЛ ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ (ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ)

Желтый призрак

Умирая, велел позвать к себе кособродский крестьянин Александр Галкин десятилетнего сына Петьку.

— Об одном прошу перед смертью: не лезь в старатели. В какой угодно тяжелый хомут толкай свою головушку, когда подрастешь, только не в золотой. И ты, мать, тоже следи за этим. Следи… И… Слышь?.. Сама на корню засохни, а проучи парня в школе три зимы. Может, хоть он через азбуку белый свет увидит…

Но три зимы не получилось: хворая мать дышала на ладан, и надо было как-то кормиться хотя бы самому. Как? Где? Чем? Наймом? Наймом. Больно кому нужен малолетний батрак.

— У тебя парень якобы нашу «окодемию» заканчивает нонче? — подавая как-то Галкиной вдове христорадный кусок, подъехал к ней на кривой кособродский делец Карфидов.

Везде успевал: хлеб сеял, овец пас, шкуры выделывал, обувь тачал и слыл купчишкой-лавочником из тех, у кого каждая потраченная копейка была рублевым гвоздем прибита. Одни возносили и ставили его чуть ли не на божницу, как образ, другие — наоборот.

Третьи считали простым и грешным. И никто не ошибался.

— Ой, не знаю, не знаю, — принимая милостыньку, глотала слюну и слезы вдова. — Заканчивает, да, наверно, не закончит.

— Тянись. Заветы надо блюсти. И присылай потом ко мне его в обучение.

Выгоду свою Карфидов за версту чуял, тут же ни принюхиваться, ни приглядываться не надо, тут она вовсе была явная, как даровое крашеное яичко в пасху после христосованья.

— Христос воскрес, дяденька, — робко переступил хозяйский порог Петька и сбивчиво сотворил крестное знамение, начав левой и закончив правой рукой.

— Пришел? Какому ремеслу учиться? Сапожному ай скорняцкому?

— Сапожному.

— Тогда присматривайся пока.

Присматривался ученик два года, ни разу не допущенный в мастерскую за это время. Потом еще три распиливал березовые окомелки[1] на баклуши, прокаливал их над угольями костра, ночуя один в лесу, олифил, колол из них шпильку, готовил сапожный вар и казеиновый клей, недоумевая, почему

казеиновый, если он из козьего творога. Сучил он и дратву и пропитывал кому чистым дегтем, кому коломазью[2] пошивку из яловки, и украдкой по памяти кроил из репейных лопухов переда, союзки, стельки, ранты, задники, устья.

Так и не дождалась мать сына с карфидовского подворья в новеньких сапогах, какие шили напоследок ученики для себя из хозяйского материала как зачетные. Похоронили ее не по духовному обычаю, а по мирскому. Без плакальщиц и всенощного чтения псалмов, без отпевания в церкви и поминок. За это за все надо было платить, а чем. Предали земле — и ладно.

— Но-ка, опнись, — загородил Карфидову путь дед Матера при полном иконостасе Георгиевских крестов и медалей и свел к переносице лохматые брови, как двух белых медведей лбами столкнул. — Ты, клоп ржавый, докуда будешь кормиться возле сирот?

— А не они ли подле мене?

— Да подлей тебя нету, нехристь, а прешься, небось, к заутрене. И не сверкай зенками, они у войскового атамана тухнут перед моим кивотом. Уразумел? — подвел черту дед Матера, чиркнув большим пальцем ниже регалий.

— Доразу.

И Карфидов тем же следом вернулся домой.

— Уматывай, — выкинул он подмастерью шмат свиной кожи с парой подметок.

— Спасибо.

— А это уж ты крестового туза своего благодари.

— Какого?

— То не знаешь, один он в Кособродке с четырьмя Георгиями. И посмотрим, что за чеботарь из тебя получился.

Чеботарь получился, и заказы на обувку скоро пошли позамимо карфидовской вывески над тесовыми воротами в галкинскую неприметную избенку.

— Вот трафит Петр Александрович! На ноге не слыхать.

Не часто в деревнях навеличивали заглазно по имени-отчеству безродных сирот да еще и сапожников, иные кузнецы умирали с прозвищами; и Карфидов, уразумев доразу, за что такая почесть конкуренту, начал ставить непременные условия принесшим шкуры на выделку:

— И шить что из нее к мене ж принесешь.

— Так… — заикались было некоторые возразить.

— Не, не, не. Или шапку об пол и с круга долой, или к мене.

Обман тогда почитался за великий грех до гробовой доски, и молодой сапожник перебивался с хлеба на воду.

— Ты вот что, Петя, ты наплюй на него и перебирайся в Пласт, — ввалясь в избу, подпер потолок и загудел шмелем под сплюснутой казачьей папахой дед Матера. — Там старатель золотой песок кожаными картузами в скупку потаскивает, а путнего сапожника ни одного. Там заживешь. И замуж, тут невесты бракуют, а там любая за тебя пойдет. Дуй в Пласт, не раздумывай. Город!

Не раздумывай… Нагляделся он на этот город за пять лет, бегая с посылом от мастеров за «Петровской», «Смирновской», «Харинской» в приисковую монопольку каждую субботу и понедельник, чем-чем, а водкой Карфидов не торговал.

Город. Контора, особняк Тарасова, крестовик управляющего, поповские покои, церковь, школа, казенный барак для учителей, кабаки из расчета один на сто работных мужских душ. И все строения поверх земли, остальное — под ней. Жилища назывались балаганами — назвать землянкой не поворачивался язык, потому что сплошной плитняк-дресвяник. Вырубалась прямоугольная яма так на так и на эдак, кому где взглянется и кто в чем прикинет на глаз, кто в аршинах, кто в саженях без норм и ограничений; но, какая бы семья ни была, «хоромы» с полезной жилой площадью более двенадцати квадратных метров не затевал никто: твердь. Даже сам желтый призрак не обольщал искателя счастья шансом попользоваться, замахнувшись киркой на большее жилое пространство: рассыпное месторождение в кубическом метре породы содержало до двух фунтов[3] золота высшей, девяносто шестой пробы. Леший с ними и с лишними фунтами — твердь. И все же норовил прибывший вновь рыть балаган и жаться к тем, кому по слухам выпала такая удача.

И холодно, и густо курилась эта твердь, готовая вот-вот взбугриться взрывом, будто от сотен фитилей опущенных в шурфы запалов.

А люди чахли с отбитым нутром. Сгорали от вина. Пропадали без вести в осыпях утайных шурфов. Кому — рай, кому — преисподняя.

Поэтому и покидал Петр Галкин свою Кособродку с твердым намерением скоро вернуться с деньгой, завести кожевню и потягаться с Карфидовым.

— Эй! Есть кто живой? — приседая на корточки (ну и город!..), кричал он в бельмоватые оконца из бычьих пузырей, — На постой пустите? Обувку бесплатно шить буду сверх мзды за жилье.

Пускали, но, заносив обновку, отказывали.

— Колготы от твоего ремесла много. Дверь на петлях нисколько не стоит, не натопишься.

— У нас девка на выданье, а ты холостяк. Так что давай от греха подальше.

Женился — опять причина: горшкам в печи тесно.

— Может, в деревню ко мне подадимся, Катя? Там и угол, и очаг свой будет…

— Как знаешь…

Но еще издали с пригорка заметил он щемящую пустоту на месте избенки.

— Все, Петька, сгорел твой мост и умысел с ним. Бог шельму метит. Вот и мыкайся теперь по квартирам, отщепенец. А приплод пойдет — вовсе запоете лазаря.

И Галкины, что обозные лошади на долгом волоке, потеряли счет постоялым дворам: своим не рады, а чужие с двумя детьми кому нужны?

— Вы это… не третьего ли ждете? До весны, конечно, живите, под снег не гоню, а там куда знаете. Самим повернуться негде. И пора бы уж оседлаться, не цыгане.

— Легко сказать — оседлаться. От сапожного промысла на коровенку скопить не можем, голы уж, как голенище, не то ли что сруб купить или землекопов нанять.

— Да, шилом тут много не наковыряешь…

— Чеботарь у вас квартирует? — пыхнула с порога живым здоровьем поповская кухарка. — Айда, батюшка за тобой послал.

Заказчик заказчику рознь. Этот из тех, которые на дом зовут.

Поп, рыжее самовара, чаевничал.

— Я слышал, ты пристанищем бедствуешь. Нет? Сие похвально, что не ропщешь. Ботфорты стачаешь — призрю. По самое чрево, аки чулок, и на меху. И чтобы сырники не пропускали, охотой на болотную дичь грешу. Стачаешь?

«Черти бы вам на том свете из сыромятины китайские колодки[4] тачали», — усмехнулся Петр, все еще помнивший кособродского учителя закона божьего.

Но только усмехнулся.

— Придется растелешиться до сраму.

— Это можно. Что естественно, то не безобразно.

Знал ли пластовский священник байку о сапогах Петра Первого, сапожник из Кособродки знал, как это делается, и подался в Троицк, от которого до Киркрая[5] рукой подать; вернувшись оттуда с двумя шкурами, снятыми с верблюжьих лыток целиком, выделал, проолифил, покрасил, насадил на колодки, высушил, прибил подметки, навел блеск — и к попу.

— Меряй… отче наш.

Поп долго разглядывал обновку без единой прошвы, потом скользнул в чебот, скользнул в другой и замаслился:

— Искусно. Зело искусно. Молодец. После рождества Христова ступай в школу вести уроки труда. И нынче ж можешь перебираться в учительский дом. По моему повелению, скажешь церковному старосте.

Исходил на нет и обреченно щерился матовыми сосульками февраль. Брезжило утро за окном фонаря[6]. На полу тихо играли обрезками кожи двое ребятишек. На раскладной сапожной скамеечке боролась с дремой мать.

Зыбаю, позыбаю,
Дед ушел за рыбою…
Тятенька — дрова рубить,
А казак — в трубу трубить…

Внизу хулиганисто ухнула парадная барачная дверь, знакомо протарахтели доверху лестничные ступеньки: Петр.

— Что? Отказали?

— Царя спихнули. Только день и пожил наш Мишка при нем.

Палая полоса

— Это что за палая полоса такая нашла на прииск, — разминали старухи на солнцепеках одеревеневшие за зиму языки.

— Ой, не говори. Позавчера царь пал, вчера Федька Штоф сверзился, седни корова у сапожника.

— О-о, это начало токо…

— А ее какая язва взяла?

— Кого? Корову? То-то и оно, что язва якобы сибирская.

— У-у, эта холера и на людей может перейти.

— Да с чего ради, не болтай, если не знаешь.

— Знаю. У нас в Кочкаре, я еще девчушкой была, у одних там эдак же вот от сибирской язвы бычок-третьяк[7] пал. Ну, увезли подале от села, зарыли. И уж замуж вышла, и ребятишек столько же, сколько у Галкиных, было уже трое, это уж лет, поди-ка, пятнадцать уж минуло…

— Галкиным надо кобылицей обзаводиться на кумыс, сама и старшой уж покашливают, свету белого не видели по чужим балаганам.

— А кто заставлял строгать их через каждые два года, как сапожные колодки через два номера, мал мала меньше.

— Ет не наше дело теперь, мы свое отстрогали, ты слушай про язву. Лет пятнадцать уж минуло, а может, и больше. И понесло мужика с бабой по грузди. А жара — во рту горит. Натакались на родничок, испили. Ей хоть бы что, к нему эта язва прильнула и в момент все нутро кончала, умер.

— Вот стерва какая живучая.

— Хто?

— Да язва эта.

— И сроду, поди, и не от нее…

— От ней, от ней. Ну-у, деревня да не дозналась бы от чего.

Приисковый лекарь Шерстобитов, брезгающий лестничных перил касаться, в галкинский «фонарь» поднимался долго.

— Говорят, попу ты потрафил. Так вот и мне потрафь. — И обособил с намеком: — Как попу.

— Понятно. Изо всего моего и задаром. Так то ж попу…

— А я — врач.

— Фершал. И хватает совести даже суровья на дратву не принести.

— Болеть, значит, не собираешься.

— Ну, тогда из той шкуры и сошью, которую ты с меня сдерешь за лечение.

— Заговорил, плебей, у большевиков научился. Фершал. Я тебе этого фершала еще припомню… На чистую воду выведу.

— Посмотрим, кого вперед выведут.

Гражданская началась. Шерстобитова белые не трогали — как меньшевика, красные вовсе — с самим Лениным в одной группе Казанского университета учился. А Галкина если донимали и те и другие, то больше из-за рослой кобылки, которую купил-таки сапожник.

— Не, не, она в холке токо высокая, на самом деле жеребенок еще. Не токо сбруи — недоуздка не знает еще. Не верите — загляните в зубы. Ей-ей двухлеток.

— Ладно, оставьте его, товарищ обувь нашим шьет.

— Шьет он. И нашим, и вашим успевает. Намекал мне тут интеллигент один.

— Ну, если ремесло у человека такое. Он, может, и рад быть на определенной стороне — ребятешки. Жена вон четвертым в тягостях ходит.

Шить сбрую хозяин решился, когда Колчака из-под Челябинска за Тобол угнали и заваруха немного поутихла. Достал с пропыленного чердака выделанную шкуру, снятую с палой коровы еще в позапрошлом году, но только то и успел, что ремней нарезал. Утром сколупнул ногтем зачесавшийся прыщик со щеки, а к вечеру распухло и покрылось нарывами сперва лицо, потом шея, плечи, грудь.

— Катерина, уноси скорей куда-нито ребятишек, я за Шерстобитовым побегу, это, ведь сибирка у него!

У фельдшера горел свет, но дверь не открывали. И не открыли.

— Кто?

— Сурова. Теща Петра Александровича. Похоже, заразился он.

— Ну и что?

— Как — что? Доктор нужен. По ту сторону двери усмешка:

— Ах, доктор нужен. А я — фершал. Слышите? Фершал. И ночь на дворе. Темень, грязь, лужи. И даже не просите. Сапог нет, а в штиблетах не пойду.

— Тогда по свету ждать?

— Никогда. Так и передайте, он знает почему. Попа зовите.

— Креста на тебе нет.

— Ни креста, ни звезды, а на нем, похоже, и то, и другое. И перестаньте барабанить, бесполезно.

Сапожник Галкин на третий день умер, а фельдшер Шерстобитов долго еще здравствовал, выступая перед учениками в школах с рассказами о своей учебе с Лениным в одной группе

Казанского университета.

Похоронила Екатерина кормильца — и хоть самой петлю на шею да тем же следом.

У казахов купили, казахам же и продали и проели Алтынат[8] за какие-нибудь две недели, самим зарезать на мясо — оно бы в рот не полезло, вот с такусенького жеребеночка растили; выручку за оставшийся кожевенный товар только и видели, пока пересчитывали ее, колодки с инструментом — те вовсе даром никому не нужны тут. Спасибо, добрые люди посоветовали, сама не догадалась.

— Сноси в Кособродку к Карфидову. Может, на что и выменяешь.

— Ага, ближний путь двадцать четыре версты в оба конца, — заворчала на дочь Прасковья Егоровна, узнав, далеко ли она собирает сапожную снасть. — Пузо вон на нос уж лезет, снесу… И не выдумывай, сиди, прижми хвост. Дотянем как-нибудь до зимнего первопутка и вместе сползаем потихоньку на санках.

Расспросив, кто они и зачем, мешок с инструментом Карфидов и развязывать не дал.

— Свой ищу, кому сбыть. Новая власть больше одного работника держать не дозволяет.

Колодки вытряхнул.

— Эти возьму. Авось хоть домочадцев в фасон обуть успею. А Петро, царство ему небесное, соединился, значит, с пролетариями всех стран?..

— Не кощунствуй, не бери грех на душу.

— Грех? Будь помоложе, я бы его такой взял, какого Емеля не брал. Не беда, что Петро умер, цари мрут, и не их жалко, жалко — мастера свои ремесла переживут. И канет в конце концов промысел народный в небытие. Вот сколько вы запросите за деревяшки эти?

Женщины переглянулись.

— Не зыркайте. Больше ведра картошки все равно не дам, а ведь им цены не было. Ни цены, ни веку бы. И сгорят. Не сегодня, так завтра.

— Это почему?

— А то уж вы сами смекайте…

Но тогда было не до раздумий, почему должны сапожные колодки до срока сгореть, тогда думали, как самим не угаснуть. На прииске какой-то умник отлил из червонного золота плевательницу для общественного туалета, пустив слух, что оно якобы при социализме ни на что другое и не годно будет, изъято новой властью из обращения и упразднено как основная причина

неравенства и как этот… будь он неладен… базис проклятого капитализма, а поэтому рушить, так рушить. Разрушили — и нигде никого. Хозяев — ни старых, ни новых. Работы — никакой.

— Езжай-ка ты, слышь, милая дочь, к братьям на угольные копи, пока не народился четвертый на явную смерть.

— А там чем лучше? Везде одинаковое творится.

— Одинаковое, да не везде. В Копейске, сказывают, порядок. И, опять же, огороды свои у ребят, хозяйство.

Екатерина заплакала.

— Ой, мама, мама… Жену муж любит здоровую, брат сестру — богатую, а я кому нужна со своей ордой? Может, написать сперва? Вдруг откажут.

— Да неуж они без понятия, в Красной гвардии столько лет воевали за человеческую справедливость. Езжай, примут. И работу подыщут.

Пристроили братья сестру поначалу сторожихой-уборщицей в школу, а немного окрепла — перешла на полный паек грузчика угля. И слегла на больничную койку в желтухе. По статистике того руинного времени эпидемии валили с ног каждого второго. И многие из этих вторых так и не поднялись. Заболевали оспой, желтухой, малярией, тифом, и по всей стране спешно сколачивались карантинные бараки. И гробы: умершие от «летучих» болезней хоронились в тот же день.

Но страшнее эпидемий были кулацкие банды.

Инфекционный барак, сколоченный из просушенных до пороховой сини дощечек, занялся весь разом, и пламя, зябко дрожа, напрасно тянулось к беспомощным звездам: на скрипучем снегу переставали ворочаться и скоро затихали выброшенные через окна больные.

И еще четырьмя круглыми сиротами стало больше на земле: Екатерина Федоровна Галкина, не приходя в сознание, умерла от скоротечного воспаления легких.

Наплакавшись до песка в глазах над могилой дочери, каменной бабой стыла около спящих под теплым тулупом внучат Прасковья Егоровна.

— Ох, Галкины, Галкины… Да что же это за роковая судьба такая выпала роду вашему, ни отцов, ни матерей не знать?.. А заберу-ка я вас, наверно, обратно туда, к себе.

— Не выдумывай, таскать ребятишек взад-вперед.

— Мы им что, не свои? — обиделись снохи.

— Свои, но все равно только тетки, а я — бабушка.

И спор с ней оказался бесполезным: жила-жила податливым

воском всю жизнь, тут отвердела кремнем. Разыскала извозчика с лошадью, санями, с коробом и соломой в нем, упаковала пассажиров, — старшему семь, младшему годик, — захлобучила сверху ватным одеялом и — господи, благослови.

Мороз зверел. Воздух, как пронашатырен, рукавицу нельзя от лица отнести — сразу до слез прошибает. Мерин закуржавел и часто спотыкался, мотая мордой с наросшими у ноздрей сосульками. Ямщик передавал бабке вожжи, вываливался из коробушки, разминаясь, догонял повод недоуздка, перекинутый через гуж, останавливал одним касанием догадливое животное и тер шу́бенкой[9] храп до тех пор, пока не отпадут ледышки и бедняга не зафыркает.

— Ну, ровно в губы тебе его целовать, обихаживаешь. Не довезешь ведь эдак, поморозишь мне сиротинок, — шарила бабушка рукой под одеялом, не коченеет ли который.

— Довезем. А вот если сопатку перехватит коню, тогда хана и ему, и нам.

— Спаси, Христос, и помилуй. Мы, ладно, пожили, им каково не своей смертью умирать.

— Баба! — вылез наружу Колька. — А не своей кто-то никогда не умрет?

— Почему? Умрет. Но всякая смерть до срока, естеством определенного, — насильна и грех, за коий должен быть наказуем виновный в нем. Сиди, рано ишо тебе разбираться в этом.

В Половинное въехали затемно. Село, видимо, и названо было так потому, что расположилось в аккурат на половинной шестидесятой версте между Челябой и Пластом.

В домах — ни лучинки не теплится ни в одном, как вымерли все. На стук или не отвечали, или отпугивали тифозным больным, или указывали на соседей, которые всякого Якова, якобы, пускают на ночлег.

— Берегутся, — вздыхал, поворачивая от глухого окна, возница. — Вон их сколько еще шастает колчаковских недобитков.

Остановились на краю улицы у ворот последнего дома-крестовика.

— Не пустите — запалю к чертовой матери этот ваш Великий Устюг!

— А ето видел? — соорудил хозяин там за двойными стеклами кукиш. — Ну, и откуда вас леший несет?

— С копей. Внучат, круглых сирот, бабка призрела, в Пласт к себе везет. А я нанялся доставить.

— Заезжай. — Открыл ворота, запустил, запер снова. — И чур

мое сено не трогать, сам тяну до весны. И в доме дальше кути ни шагу. Как сумеете, так и размещайтесь. Ребятишек на печь можно. Сколько их?

— Четверо.

— Н-наплодили. Видать, было чем кормить.

Колька заметался в жару около полуночи. Сперва только ворочался и что-то бормотал, потом перешел на крик, по-детски требовательный и по-взрослому жуткий:

— Мама! Мамочка!! Выкопайте маму. Она умерла… не своей смертью! Не своей!! Выкопайте.

Бешеным тараканом выбежал из горницы хозяин со свечкой.

— Убирайтесь. Немедля убирайтесь из дома! Ты что, оглохла, ведьма старая? Уматывай! Живо! Ты! Запрягай клячу свою.

— Да побойся бога, Христос с тобой, да куда мы среди ночи? Померзнут. Дети померзнут.

— Нас это не касаемо! — хватко тянулась на печь хозяйка. — Скидывай их оттуда, барчуков зевластых, разорались, я сама на сносях, пугаться нельзя, родится какой-нибудь припадочный.

— Да! Сунули эти совзнаки, и те, похоже, фальшивые.

— Миленькие, не гоните, дайте утра дождаться. Я доплачу. — Развязала узел с оставшимся от дочери. — Вот новая совсем шаль кашемировая, чистой шерсти. Платье батистовое. Ботинки хромовые. Кофта.

— Ладно, хватит ремками трясти, но чтобы до свету и духу вашего не было тут. И пусть только пикнет еще — вытурю.

— Не-е, ошибся я вечор, ошибся, — замахал кулаками после драки ямщик. — Огарок он белогвардейский, не красный партизан.

— А мы, знать, ему богачами показались притворившимися.

— А у тебя там живой ли уж парень, не слыхать?

— Дышит. Ой, токо бы до дому довезти…

В остатный путь засобирались с третьими петухами, но мерин не признавал родные оглобли, по-собачьи поджимал хвост, не давая заправить шлею, ушло задирал кверху башку перед хомутом и едва обратно не выпрягся за воротами, зашабашив сразу всеми четырьмя копытами и осев крупом чуть ли не на оголовок саней.

— Это ведь он зачуял что-то, я уж его изучил, — опустил возница горячий кнут. — А-а, ага, с гнилого угла потянуло. О-о, и небо вон пеленой затягивает, как бы поземку не понесло, дорогу переметет — хана. Может, на Копи обратно повернем, тетя Пана?

— У меня стельная корова на чужой глаз оставлена. Вот если

с ней что случится, тогда действительно хана придет ребятишкам. Нет уж, давай хоть худо, но вперед, как-нибудь выскребемся. Кому сгореть, тот не утонет.

Непостижимо, но шестидесятилетняя старуха шестьдесят верст прошла с деревянной лопатой впереди возка с внучатами.

Бесчувственного Кольку занесла в балаган сама, кто остальных — не помнит.

Не пошел Шерстобитов и к больному сыну сапожника. Да будь оно трижды распроклято это людское злопамятство, страшнее которого нет ничего, и время ему — вечность!

— Похоже, крупозка у парня, Егоровна, — сползались к ней соседки.

— Она, она. Не выжить мальчонке. Пережженный сахар с водкой хорошо лечит от легких, так где их взять, забыли уж не токо на вкус, а и на цвет.

— Соленая ванна нисколь не хуже, — настаивала Евдокия Корытиха, от всякой хворобы лечившая чужих ребятишек корытом, своих никогда не было.

И понесли, вытряхнув из солонок, остатнюю соль безграмотные старухи, которые и слыхом не слыхивали о Гиппократе. И приберегаемое ко Христову дню яичко нашлось, рассол должен быть таким, чтобы оно не тонуло. И дров беремя в складчину насобирали, кизяк — не топливо.

Вынули Кольку из корыта — плеть плетью. Головенка болтается, руки-ноги висят. Ну истово, как тряпичная кукла.

— Упрел. Хорошо упрел, — повеселела Евдокия. — Теперь оживе-е-ет. Давай заворачивай в одеяло его — и на печь.

Да трое суток и просидела над внуком Прасковья Егоровна, ежечасно поднося к заостренному носику выдернутую из подушки пушинку: колышется — значит дышит еще.

И Кольку выходила, и Зину с Мишей дотянула до молока, полуторагодовалого Юрочку не смогла отстоять у самого голодного тысяча девятьсот двадцать первого. Старшенькие, хоть и давясь, но ели и картофельную шелуху — собирала ходила по соседям, и черные постряпушки из лебеды, и холодец из заскорузлой телячьей шкуры, купила у кого-то и, сбривая шерсть, варила, Юра все это выплевывал. Недаром же есть что-то вроде загадки о ребенке: отнять — отнимешь, а дать — не дашь.

Умер отец, не приходя в сознание, не приходя в сознание, умерла мать, так же мог умереть и старший брат, тоже взрослый уже по сравнению с ним. Взрослые, особенно которые умирают до срока, определенного естеством, наверно, поэтому и умирают в беспамятстве, чтобы не страшно и не горестно было

преждевременно уходить из жизни. Юра умирал, не понимая, что умирает, и даже не плакал, а только живыми до мурашков по коже глазами следил за бабушкой и ждал, когда ж она ему даст суленого теплого молочка.

Утром умер, а вечером корова отелилась.

— День… Дуня, день, день, — всхлипывая, все выше и выше туда ко всевышнему возносила Егоровна указующий перст, сухой, тонкий и негнущийся, как грабельный зуб. — День всего пожалел, паразит, для своего ж ангелочка…

— Это кого ты паразитом навеличиваешь? Уж не бога ли?

— А кто они, боги наши, если не паразиты? Особливо земные, хоть Тарасова того же вспомни. Мало он крови повысосал из людей и земли? Да и небесный он ничем не лучше. Один Мир сотворил, и тот несчастный.

— Ой, да сдай ты их в приют, сдай, рядом вон в Кочкаре открыли. Кто тебя осудит? Сдай.

— Да мне ж потом, как ведьме, не умереть, отказаться от плоти своей. Сдай… Это ж какое затмение надо чтобы нашло, отказаться от них.

А ведь всех надо было кормить, поить, одевать, обувать, обшивать, обстирывать. Айда-ка погорбись на исходе седьмого десятка лет.

Коммуненок

Пока все они слыли безотцовщиной, и в каком бы огороде не досчитались на грядках огурчика или морковки, с пеной у рта летели хозяйки к бабке Сурихе.

— Прасковья! Ты если взялась, так следи за своей ордой, житья от нее нету, пакостит. Уйми, пока до большого греха не дошло…

А когда им по чужим огородам лазить было, если работу спознали раньше, чем детство, детства они и не видели. Старшенький Колька и в школу-то пошел лишь на одиннадцатом году, бегая подпаском за коровами с кнутом во время летних каникул, за Зиной числилась вся уборка по дому и стирка, Мишка с бабушкой ходил по дворам на поденщину, тоже какая ни на есть, а помощь и, главное, не беспризорщина.

Подрядилась Прасковья Егоровна по весне за сытный обед у местного богатея остричь десятка полтора овец перед пуском в табун.

— К обеду не управишься — имей в виду, отдельного застолья для тебя с твоим коммуненком собирать не буду, — предупредила хозяйка, — не велики господа.

— Одна управлялась, а с подручным уж как-нибудь…

— Не иначе слово знает, — ходили по этому поводу слухи о бабке Суриной. Тут с овцой своей, с этой дикошарой тварью не можешь пособиться, она с чужой ладит, овцы сами под ножницы ложатся, как собаки.

Ладила она со всякой домашней тварью просто, а почему ладила, объясняла еще проще:

— Понимай животное, и животное поймет тебя.

Стрижку начинала со старок и тут же прямо в деннике. Присаживалась на нижнюю жердочку прясла и ждала, когда которая-то из них первой вспомнит ножницы, клочковатый ворох снятой зимнины, долгожданную легкость вспомнит и подойдет сама.

— Мась, мась, мась, — начинали поскрипывать пружинистые ножницы и падать охапками бурая шерсть. — А ты, помощничек золотой, подбирай, чтобы другие не растаскивали. Да потихохоньку подбирай, не резко.

— А обедать скоро?

— Скоро, скоро. Потерпи, ты уж большенький.

Потерпи, а как терпеть, если хозяйский сынок, усевшись на чурбак посреди двора, выщипывает мякиш из огромного куска хлеба, смазанного свежим маслом и густо посыпанного сахаром.

Выщипывает и бросает курам на драку, показывая то язык, то кукиш изнывающему работнику.

— Баб… Ну давай уйдем отсюда… Уйдем…

— А ты не смотри.

Но Мишка не мог не смотреть. И терпеть больше не мог. Открыл воротца денника, кышнул — и стригите вы, буржуи проклятые, своих овец сами.

И в третий раз осиротели Галкины ребятишки: умер Иван Суров. И дядя, и приемный отец. Страшно умер. Не дай и не приведи никому так умирать, захлебываясь собственной кровью, хлынувшей горлом из легких, съеденных за какой-то месяц прогрессирующим туберкулезом.

И оставил на полуголодное прозябание Иван Федорович Суров целую коммуну из восьми душ нетрудоспособных: мать-старуху, бобылку Дуню с ее пожизненной надсадой, троих приемышей и жену Анну с двумя грудными погодками.

— Теперь вся надежа на Кольку, — собрала семейный совет баба Паня.

Надежа на Кольку, а надежа эта самодельные тетрадки из амбарных книг в матерчатую сумку засовывала, «Задачник по арифметике» и «Русский язык» для четвертого класса, завтра уроки по ним в Тарасовском особняке, отданном под школу, которую назвали Тарасовской в отличие от бывшей церковной.

— Да кто ж насмелится принять его на работу четырнадцатилетнего-то? Теперь ни права, ни закона такого нет.

— Добавим возрасту, на обман пойдем. И пойдешь, куда денешься.

— Ему не возрасту — росту добавить бы, а такому хоть бороду приклей, не поверят.

О приеме работника в аршин с кепкой и слышать не хотели.

— Я вообще-то сидел уже в тюрьме, — усмехнулся кадровик, возвращая заявление не поступающему, а его бабушке, — но то была царская тюрьма для политических, и в советскую для уголовных вы меня не толкайте. И-и н-не н-надо меня умолять и упрашивать. Все. Крест. Кре-ест, сказано вам.

— Не кисни, Коля. Свет клином еще ни на ком не сходился, — успокаивала бабка чуть ли не плачущего внука. — Не на ту нарвался тюремщик, неизвестно еще какой, теперь все норовят выставить себя борцами. Борец. Посмотрим, кто кого переборет. Если уж Суриха что задумала — хоть камни с неба вались, сделает.

Сходила к троюродному племяннику Добрухину.

— Ты с какого года партиец? С девятнадцатого? И фамилия у тебя — Добрухин? Вот и оправдай своей звание и фамилию,

помоги парню устроиться на работу. Ведуновых Полину с Александром пристегни к себе, они тоже из первых комсомольцев прииска, да все вместе и ступайте к ихнему секретарю.

Добились своего. Приняли Колю Галкина.

После первой же смены с полегчавшей заботой на сердце уступила бабушка старшему внуку свое место за столом.

— Отныне ты, Коля, главный хозяин тут.

И решения по жалобам на Мишку откладывала до возвращения хозяина с работы.

— Казилов прибегал…

— Какой Казилов?

— Ну, не старатель же. У какого мы овец в позапрошлом годе стригли да не достригли.

— И зачем он прибегал?

— Зачем… Жалиться. Говорит, люди видели, как наш вояка с буржуями все ведра у него на молоканке[10] раскурочил, дужки повынимал. Только, говорит, новые подойники промыл да на колья сушить развесил — и как псу под хвост денежки выбросил, не под мышками ж их носить теперь.

— Пусть не врет, я взамен моток медной проволоки оставил.

— А дужки тебе на кой ляд понадобились?

Сталистые дужки понадобились на оковку самодельных деревянных коньков, излаженных для всех мальчишек своего класса братовым инструментом. И пересекали приисковые мальчишки приисковый пруд, еле подернутый пленкой льда. И когда в образовавшейся крохотной полынье закачалась обреченным утиным подранком всплывшая Мишкина латаная шапчонка, вмиг опустел каток: ни судей, ни соперников.

Коньки подвели, коньки же и выручили. Целиком из металла, не одного пацана утянули они на дно, а эти деревяшки даже помогали держаться на плаву. И почти до самого того противоположного пологого берега ломал Мишка грудью хрусткий лед, пытаясь выбраться на него.

И сосулька сосулькой заявился он, конечно же, не домой, к тете Дуне сначала, и на ее допросы лишь кивал, головой со смерзшимися волосами «ага» или «нет».

— Если уж Кольку у крупозки отстояла, то тебе и кашлянуть не дам.

Раздела донага, приговаривая: «Не стесняйся, не стесняйся, некого стесняться», закутала в свой зипунишко из домотканого сукна, сгоношила самовар, запарила травки, попоила, затолкала в печь.

— Жарься, пока не скажу «вылазь».

— Но-ка, выкладывай, водолаз, как тебя угораздило? —

басовито строжил вечером старший брат младшего.

— Как… Рано разбегаться перестал. Надо было, пока лед не затрещит. Завтра все одно проскочу.

— Я тебе проскочу опояской вот…

— Не, Коль, знаешь, как здорово: катишься, а лед под тобой так вот и прогибается… И подо льдом из-под коньков пузырьки в разные стороны разбегаются…

Мишку начинала манить скорость, и катание с отвалов на обычных санках его уже не устраивало.

— Коль! Ты мне из своей мастерской срезок вот такой вот не принесешь? — обрисовал он приблизительную величину горбыля. — Я в кружок «Юный конструктор» записался, принесешь?

— Разрешат взять — принесу.

И следующим же утром, соскочив ни свет ни заря со скрипучего топчана и накинув на себя что попадет под руки на ощупь, прокрался Мишка в закуток к Красавке, затеплил фонарь и, отщипывая щепкой от дымящейся еще коровьей лепехи, принялся обмазывать ошкуренный овал срезка.

— Ты эт чего тут опять затеял? — застукала конструктора за воплощением изобретательской мысли почуявшая неладное бабушка.

— А вот обмажу, водой оболью, заморожу — и с большого угора до Кособродки укачусь.

— До Кособродки, значит… А обратно с какой катушки покатишься?

— Обратно? О-о, это, ба Пана, ты верно подсказала, насчет «обратно» я не сообразил. Баб! А если п-парус еще…

И скоро «снежными глиссерами» обзавелись не только все пластовские мальчишки, но и девчонки побойчее. Но тешились они не долго.

В школе учащихся второй смены пораньше распустили на зимние каникулы, их родителей в цехах — на подготовку к Новому году.

Кто праздничку рад, тот накануне пьян. И Казилов… Нет, не молокозаводчик — старатель Казилов, может быть, впервые в жизни позволил себе набрать зелья всех мастей и всех мастей назвать гостей и, рассадив их по скамьям и плахам, накрытым половичками, велел налить всем водки и, продравшись из переднего угла до середины сдвинутых столов, собрался проникновенно сказать, до какого Нового счастья они уже дожили и до какого, поди-ка, еще доживут, как хрястнули перекрестия оконных рам, покатились сбитые все до единой стеклянные кегли бутылок, брызнула по сторонам соленая, горькая и сладкая закусь

и, скользнув напоследок по рыбному студню, вылетел в противоположное окошко чей-то, будь он окаянный, тот самый «снежный глиссер». Чей и кто его беспризорно пустил с горы на поселок — признаться не нашелся ни один желающий, ущерб же причинен — невосполнимый, и дабы не допустить еще большего изъяну, решено было на поселковом Совете изничтожить дотла сию «прихиметрию» по предложению единственного в округе столетнего бородача, прозванного дедом Пыхто.

И в мелкие щепки исщепили спортивные снаряды, развивающие скорость до свиста в ушах.

— Миш… А ведь у нас кто-то дрова потаскивает…

— Какие дрова, не трогал, — не сразу и понял, что не на него, а ему жалобится бабушка. — А-а, у нас потаскивает… Придется узнать, кто.

— Да где ж ты укараулишь — зима. Падает у меня косой взгляд на Мазиных, уж больно рано, раньше всех, дым у них из трубы начинает куриться, но за руку не пойман — не вор.

— Поймаем… Сам скажется. Только ты, смотри, меченые угольком полешки не бери, ладно?

Три порочных сестры «кража», «лень» и «мелочность» даже по алфавиту рядом стоят, а живут уж и подавно под одной крышей.

Располыхав топку и приставив к огню варево, Мазиха с мешком под мышкой укрутилась тоже на ночной промысел, и Степку с похолодавшего супружеского ложа потянуло на теплые кирпичи, но только он укогтил закраек лежанки и нашарил сонной ногой приступку, печь раз за разом жахнула царь-пушкой, изрыгая дым и пламя во всю куть вслед литым ядрам ведерных чугунов.

Первой догадалась, в чем дело, Евдокия-Корытиха и — за милиционером.

— Беги скорей, не иначе Колчак возвернулся. Степка Мазин от кого-то отстреливается.

— Мазин? — не шибко потел от сборов на службу участковый. — Мазин не то ли ружья — палки сроду в руках не держал.

— Вот, полюбуйся, блюститель порядка, какой тут Сиваш с Перекопом устроили мне, — хлюпало у Степки под ногами и в носу. — И не посмеивайся, а составляй акт, на причиненный убыток, — все настырней подступал он с ножом к горлу. — Ведро картошки — раз, — загнул палец. — Чигун треснул — два.

— Картоху соберешь, она не за границу укатилась, трешшина старая, не ври. И протокол составлять — на кого?

— На кого… На Мишку Галкина.

— Это точно? Тогда пошли к ним, где он теперь живет, у

бабки?

Следом за милиционером и потерпевшим в землянку Сурихи мигом набилось родни и несущих дровяной урон соседей.

— А чем он докажет, что наши дрова в его печке стреляли, а не другие чьи? — спокойно и даже плутовато улыбался Мишка.

— Нарвался? — хохотал участковый. — Протокольчик-то… на тебя надо составлять, Мазин. Не своими ж трехдюймовыми снарядами ты печь топишь. Верно, бабочки?

Бабочки наперебой завыпархивали наружу к своим поленницам.

— Ты не до моего пороха там добрался? — кинулся Колька к чемоданчику с охотничьим припасом, оставшимся от дяди Вани.

— Нужен твой порох, пять минут вонь, потом огонь, у меня получше, — достал Мишка заветный утай с доброй сотней винтовочных патронов. — У Ястребовых в подвале нашел. Полный с бугром бочонок.

— А где остальные?

— Пацанам нашим из класса разделил всем поровну.

— Коммуненок ты, коммуненок, — покачала головой бабушка. — Не зря зовут. Сегодня же отбери обратно и сдай в Совет. Додумался, военными патронами поленья заряжать. А если бы убило кого пулей?

— Не убило бы, я пули повынал.

— Повынал, — передразнила Зина. — В третьем ведь классе учишься уж… Вынул.

— А ты не суйся. Тоже мне, Зинаида Петровна.

— А ты слышал, что бабушка сказала? Немедленно сдай патроны.

Но патроны Мишка сдал, лишь убедившись, что перестали исчезать меченые дрова не только у них, но и у соседей.

— Ай, да коммуненок! Живо он Мазиных отучил свое экономить, — не могли нарадоваться и нахвалиться хозяйки всего околотка.

Жить Галкиным становилось труднее. Ввели трудодни, ввели карточную систему, отменили трудовую деятельность по частному найму, прикрыли частные лавочки, пересмотрели положение об иждивенчестве, и пришлось Прасковье Егоровне в который уж раз собрать чрезвычайное вече, где решено и постановлено было:

— Анна пойдет работать на своих иждивенцев. Зину выдвигают на курсы учительш — ей тоже какой-никакой положат паек. Николай меня с Мишкой запишет на себя.

— А тетю Дуню на кого? Забыли?

— Не забыли, да к кому ты ее пристегнешь, даже в дальнем родстве ни с кем из нас не состоит. Делиться будем, она с нами делилась.

Чем делиться? Ни приварка, ни припеку; припек из-под полы на толкучке стоил сто рублей булка, месячное ученическое жалованье кормильца Кольки — 13 руб. 50 коп. Ешь, пей и вперед береги.

Мишку бабушка по отделам кадров за ручку не водила.

— Значит, пятнадцать-шестнадцатый тебе? — переспросил инспектор. — А ты не на цыпочках стоишь, года два с гаком прибавил, ну-ка, отойди от стола подальше.

Отошел.

— Ладно, комиссия какая вдруг спросит — не забывай: шестнадцатый тебе. В мехцех учеником пойдешь? Паек по первому списку.

— А иждивенцам — тоже?

— Иждивенцам — тоже, да у тебя-то кто?

— Мать. Приемная. Она это… Ну, нетрудоспособная…

Брал ли кто еще в неполные тринадцать лет на полное иждивение совсем чужую тетю? Вот уж митингов и разговоров было в околотке…

— Мишка-то… Галкин-то… Ну, коммуненок этот. Слыхала? Дуню-бобылку в матери взял. Вот вам и ширмач…

— Так он что и жить к ей перейшел?

— Ну, а как же, перешел, иначе не зачтут. Не-е, бабы, дай бог каждому такого «ширмача». Говорят, ласковое теля двух маток сосет, в нем уж четвертая души не чает.

— Это на каких счетах ты насчитала?

— На таких. Родившая, Екатерина, — раз? Раз. Прасковья и за бабку, и за мать была? Была. Два. Анну мамой звал? Звал. Евдокея — четвертая. Ширмач. Ну, имелась, ясное дело, и у него неприязнь к богатеньким, так у бедных у кого ее нет…

— Болтают, скоро, якобы, ни бедных, ни богатых не станет…

— А вдруг не болтают… Это ж умрешь со скуки ж, кукиш некому будет показать вослед.

— Не умрешь. Яблоки от яблони — и те в разные стороны катятся.

А Галкины от родового ствола укатятся, к тому же еще и далеко. Но от ствола — не от корня, и последняя стычка с имущим классом произошла у Мишки в Кособродском колхозе, куда был срочно брошен с прииска на уборку первого коллективного урожая весь их механический цех в шефском порядке.

Колхозники с шефами только собирались начать уборку,

единоличник Прохоров уже и барыш в уме прикинул от продажи арбузов на воскресной Троицкой ярмарке. Прикинул и повеселел:

— Если по средней цене — и то озолочусь, а ну как еще и конкурентов не окажется… Ох и заломлю картуз…

И дыхание у мужика перехватило: не должно быть «сурьезных» конкурентов, серьезных подвели под лозунг «Вон кулака с земли!» и умели туда, где не то что арбуз — морошка сроду не росла, а он вот избежал кары благодаря опять же своей жадности: батраков не держал, поденщиков не нанимал, трудящиеся массы и человека человеком не эксплуатировал, а если семья с весны до поздней осени более четырех часов в сутки не спала — так это за чужой труд не считается.

— К вам можно по одному делу? — приоткрыв малые воротца, явно отгораживал от кого-то собой этот приисковый русак.

— По каковскому это ишо, на ночь глядя, де-лу?

— Комсомольцы прииска и Кособродки просят выделить арбузов для приютских ребятишек. Штук десять…

— А не слипнется кой-где у ваших приютских?

— Мы ж не задаром, мы заплатим.

— Заплат не хватит, плательщики. Эт во-первых. Во-вторых… Ты не щерься, молод ишо. Во-вторых, я те прямо скажу: две сволочных штуки затолкано в человека при сотворении мира. И в меня, и в тебя. В кажного. Одна — сердце, другая — разум. Сердцем бы всю фуру вот сиротам за так отдал, а как разумом раскину — так золоторотцам[11] ентим и за деньги жалко. А вообще-то я под какой монастырь подвожу? Под ваш же: кто не работает, тот не ест. Понял?

— Понял. Мироед ты.

— Айда, айда. Мироед… Уматывай, — выдавил Прохоров Мишку из притвора и двинул засов. — Нацепил КИМ да дурацкий этот косой яхим[12] и корчишь Георгиевского кавалера из себя, как дед Матера.

— Ну, и ни на какой базар не уедешь.

— А это мы ишо посмотрим, — не принял Прохоров за серьез Мишкино «Иду на вы».

Но под фургон старую сермягу бросил и Шарика с цепи спустил. И с каждыми петухами вставал глянуть в окошко, не держит ли он за штаны кого. Тварь эта служила честно и молча, не напоказ «тяв-тяв», а вор там хоть амбар со двора уводи; Шарик — нет, Шарик тихо и мирно заходил на цыпочках откуда-нибудь сзади и брал чужака сразу за желудь, и пса поэтому, похоже, и комар не посмел беспокоить.

А на рассвете, когда самый что ни на есть бесчувственно

сладкий сон…

— Прох!! — затарабанил в глухое окно подслеповатый дед Матера. — Уехали уж арбузы-те…

— Да не туды ли их мать паразитов, а? Ить это они без топора с меня голову сняли.

На арбе ни арбузика: сама арба принижена: колес ни передних, ни задних, на осях стоит: десятиаршинное дышло — на взводе, хоть уши затыкай, сейчас пальнет, как дальнобойное орудие.

— Ну, сволочь кудлатая, токо сыщись, я тя научу лаять…

Но квалификацию в ту субботу повысили почти все кособродские собачки, пока прохоровские ордынцы, — все до единого парни, — вырядившись в шапки, пимы, зипуны[13] и варежки, выцарапывали свои арбузы из крапивы по проулкам.

— Так им и надо, богатеям, хорошо кто-то додумался, — на час раньше обычного заговорило «сарафанное радио», и через минуту уже вся деревня знала, что с Прохиндеевского горького подворья в какое-то одночасье умыкнули из-под почуткого хозяйского носа и сладкий товар его, и колеса, и легендарно знаменитую псину. Недосчитался Прох всего десятка арбузов, и ни в какие бы сельские и поселковые Советы не пошел он с крапивной той жалью своей и не требовал бы с виновных взыскать за убыток, если бы еще и не сняли и не спрятали колеса. Но и эта обида — не обида, ногами Прохоров заскал, когда в понедельник утром и колеса оказались надетыми и смазанными, и арбузы в арбе, и на днище трехведерного лагуна дегтем: «Теперя ехай», и стрелка в ту сторону, где Троицк.

Вечный двигатель

К тому времени, как их ринулись изобретать умные головы, маясь дурью, двигателей этих, и первого, и второго рода, человечество обрело уже столько, что не вдруг и не всякий с определенностью мог сказать, который из них действительно вечный. Вера. Надежда. Любовь. Патриотизм. Деньги. Искусство. Идея. Энтузиазм. Но самый изначальный и самый непреходящий — стремление стать на ноги, на четвереньках в люди не выйдешь.

И страны капитала не догонишь. А надо было подняться, догнать и перегнать. Иначе — затопчут. Пахнуло новой интервенцией: Великобритания разорвала дипломатические отношения с Россией[14].

«Даешь индустрию!» — выбрасывались лопатами и отвозились на тачках миллионы кубических метров грунта из котлованов.

«Пятилетку — в четыре года!» — устанавливались неслыханные рекорды по укладке бетона.

«Учиться, учиться и учиться!» — заканчивая курс ликбеза, без ошибок и крупно дописывал в самом низу аспидной доски главную заповедь сельский бородач, коленопреклоненный и благообразный, как патриарх всея Руси.

Галкины доучивались вечерами после работы. И водило их в школу всеобуча общее для тогдашних сирот стремление выбиться в люди. А этим надо было еще и выжить.

Раб… Фак… Раб-фак. Рабфак. Как паровоз трогает с места тяжелый состав, застоявшийся на проржавевших рельсах.

Живых паровозов не видели, а влезть в тот состав стремились, но в первую группу организованного на прииске горного рабфака начали было принимать исключительно чуть ли не гвардейцев в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет с трудовым стажем шахтера в три года и с образованием не ниже семи классов. Только что рост не ограничивался, тогда бы не то ли что десятка — и полдюжины абитуриентов не набралось вместо тридцати. Делать нечего, пошли на компромисс: мы вас берем всех от шестнадцати и старше вплоть до сорока, без различия пола, минимум с тремя зимами церковноприходской школы, переводим сразу на третий курс, а вы усваиваете программу в полном объеме за семь месяцев.

Историю преподавал сам завуч рабфака… В общем, Троянским Конем его звали за то, что временами целый урок до поту гонял по другим предметам, но оценки ставил как за свой,

вопреки протестам.

— Все, происходящее на Земле, — процесс развития природы и общества, то есть история. Так что «неуд» вполне законный.

В декабре 1930 года приступили к занятиям, в июне 1931-го успешно закончили подготовку для поступления во втузы Челябинска и Свердловска, месяц из семи отработав каталями на проходке штреков, соединивших шахту «Октябрь» с шахтой «Красной». И весь первый набор поступил в техникумы и институты, а несколько старых членов партии даже в промакадемию, выдержав и этот экзамен.

Прасковья Егоровна не дождется правнуков, не порадуется за внуков. Она умрет не своей смертью после того, как выберется из весеннего потока, в который сорвалась со скользкого перехода в две жердочки, возвращаясь с приработка. А радоваться было бы чему: Николай, окончив Свердловский горный институт, вернется инженером и станет впоследствии директором всего Кочкарского приискового управления, Зина — учительницей, Михаил — летчиком, сколько бы ни пытались разубедить его родственники. Особенно усердствовал старший брат, козыряя дипломом и рисуя перспективы.

Миша к тому времени из механического цеха опустился в шахту старателем, и Николай уговорил его поехать на велосипедах в Тыелгу за сто верст к дяде Алеше, работающему бригадиром приисковой артели в системе «Миассзолото», о которой знала уже не только «золотая» Россия — весь «золотой» мир.

— Было это, как сейчас помню, двадцать… Да, двадцать восьмого января, — расплываясь отражением во весь новомодный никелированный самовар по случаю приезда дорогих гостей, рассказывал знаменито известный бригадир. — Долбим по рудной трещинке, как сороки, мерзлую требушину, таскаем торбами к водогрейке — зашлиховало. Перекурили…

— Тачки смазали, — продолжил ходячую прибаутку Николай.

— Не, какие тачки, торбами носили. Перекурили, махаем дальше. Смотрим — самородки с боб посыпались. Ну, тут уж мы полушубки с плеч долой и без перекуров: жила. Колупать, колупать да и наколупали — еле унесли. Только два именных самородка за малым полтора пуда не вытянули. Из Алмазного фонда приезжали. Так и назвали: который весом 14 145 граммов — «Большой Тыелгинский», который 9339 — «Малый»… Оно и теперь есть на что поглядеть, завтра свожу, но если бы тогда вы приехали, когда мы тут эту жилу рванули… А ты, Миша, значит, решил из подземелья да в поднебесье? — неожиданно и

круто свернул Алексей с золотой тропы. — Наш сынок эти же места изодрал, чесался, ровно горошина ему туда закатилась. С твоими, говорю, ногами разве в кавалерию, так и то надо будет всему эскадрону на коня тебя с головы надевать, как хомут. Ну, укосолапил — и с концом. Через месяц, примерно, письмо на артель: поступил, учусь, с авиационным приветом. Ну, мы на радостях и натрясли из кисетов «золотого руна» пять килограммов, чтобы построили ероплан для Центрального аэроклуба имени Чкалова, да три кэгэ из табакерок на клуб при нашем прииске. И решение твое, Галкин, правильное: надо кому-то и защищать такое добро.

— Ну, дядя Алеша, удружил. Я за сто верст педали крутил в надежде, что ты поможешь отговорить его, а…

— А он тебя отговаривал в институт поступать? Нет. Вот и не суй нос, куда пес хвост не совал. Ты знаешь, как на нас зубы скалят? О-о! Заграничные газеты такого шептунка пустили — не продохнешь… Якобы в России всех старателей насильно толкают в партию вступать, чтобы потом в принудительном порядке заставлять их золото сдавать… В общем, чуть ли не права человека ущемляют. От Лиги Наций прикатил… Рабкор по-нашему.

— И что вы ему сказали?

— У-у, пока он заикался спросить, мы уже запели. Потом опохмелились. Потом товарищ сам понял, что все десятеро из нас беспартийней некуда, и нам оставалось только подтвердить, что золотишко было сдано добровольно и безвозмездно, и не ахти уж и сколько, всего полпуда, и для пущей убедительности показали шурф. Глядел, глядел, да как заокал: о-кэй, ол-райт, о Урал — русски Клондайк.

Русский Клондайк. Канадский Клондайк по сравнению с Уралом — бисер. На Клондайке «золотая лихорадка» началась с 1897 года и к 1963-му оттрясла, на Урале ж золото с незапамятных времен до нескончаемых, берут и берут потихоньку. Вот только Тыелгинская жила Алексея Сурова, правда, шуму наделала.

Кто-то из масштабных настоял вскрыть ее направленным взрывом. Дурак со спичкой — катастрофа, если еще и с портфелем — конец света. Рванули. Рванули и остолбенели, не решаясь войти: в штреке сплошное мерцание, как в аду, в котором забастовали образумившиеся черти, разметав головешки и уголья из-под котлов с грешниками.

В каком направлении вылетело золото, знали, а вот сколько — сказать трудно, если уж ребятишки, когда стаял снег, по спичечному коробку насобирывали за день, но и то, что

осталось после взрыва, завораживало: куски самородков на золотых нитях гирляндами свисали со стен и сводов. Пришлось вызывать из Миасса роту курсантов всевобуча и ставить в наружное оцепление.

Выборка большого золота длилась несколько суток. И еще потом бригада Алексея Сурова добудет здесь его за год более ста двадцати килограммов.

Не смог отговорить Николай брата, Миша Галкин поехал в Ворошиловградскую военную школу пилотов.

Слушающий жнет

Призывную комиссию Михаил Галкин прошел лишь со второй попытки, а тогда, год назад, его признали негодным вообще ни к какой службе в рядах Красной Армии и завернули обратно в свой Пласт из первого же кабинета: учащенный пульс, повышенное артериальное давление и в скобках — предрасположенность к гипертонии.

Заворачивали с диагнозом «начальная стадия порока сердца», а парнишка просто-напросто переволновался, перешагивая через заветный порог. Заворачивали с трахомой обоих глаз, а едущий на комиссию всю дорогу проторчал в открытом вагонном окне и нахватал полные веки обыкновенной сажи из обыкновенной паровозной трубы. Заворачивали не задумываясь: желающих летать было куда больше, чем строилось самолетов, несмотря на осознанные и добровольные поэтому полупудовые пожертвования чистым золотом.

— На самолеты не жалко. По нонешним временам без авиации все одно, что без портков, а пригоршней не много прикроешься.

И еще скажет старатель божьей милостью Алексей Суров на проводах племянника в армию:

— Смотри, Миша, не подкачай: сам комсомол тебя шлет. И не забывай, какая земля вас на крыло поднимает.

Не забывали южноуральцы. И вообще Урал был потитулован опорным краем державы не ради красной строки, ради правды о нем. Только Челябинская область станет родиной более двухсот Героев Советского Союза и около сорока трижды награжденных орденом Славы. Только Челябинское высшее военное авиационное Краснознаменное училище штурманов воспитает сорок одного кавалера «Золотой Звезды». Только из Пласта с населением десять тысяч шестеро удостоятся этих высоких званий. И каждые двое из троих пластовчан, ушедших на фронты Великой Отечественной войны, падут смертью храбрых в боях за Родину. Каждые двое из троих. Нет, комсомол, конечно, знал, кого направляет он в специальные школы и училища. Ребята из Аши, Сима, Сатки, Коркино, Копейска, Пласта были готовы к труду и обороне и выдерживали проверку мандатных комиссий, дотошно копающих, а здоровый ли дух в здоровом теле.

Гоняли подолгу. Какой пост и с какого времени занимает вождь и учитель трудящихся всего мира И. В. Сталин? Когда умер Ленин? Почему победила Октябрьская революция? Кто первый маршал? Что такое социализм? Чем опасны враги народа? С кем

борется Испания? Имеете ли оборонные значки?

Может быть, ни одного вопроса Галкину так и не задали потому, что оборонных значков у него председатель мандатной комиссии с четырьмя полковничьими рубиновыми «шпалами» на голубых петлицах насчитал тоже четыре.

— Полный комплект. Молодец!

Полистал «Личное дело», подчеркнул красным «Год рождения 1917-й», «Трудовой стаж с 1930-го», «Член ВЛКСМ с 1930-го», показал сидящему слева от себя, показал сидящему справа, и у всех троих получилось, что с тринадцати лет он и там, и там. И плюс ко всему — «Ворошиловский стрелок»[15].

— Предлагаю зачислить. Других мнений нет?

Других мнений не было.

Нормы на значок «Готов к санитарной обороне» Миша Галкин сдал еще в пионерском лагере. И сразу ГТО осилил, минуя первые две ступени, как нижние две ступеньки парадного крыльца клуба имени Володарского, где проводились занятия кружковцев-рабочих, но более двадцати восьми очков из тридцати возможных и обязательных выбить никак не мог, и не форсить бы ему в Ворошиловских стрелках, если бы не дед с веником.

Стадион и военно-спортивный комплекс построят потом, пока их заменяла дресвяная насыпь от казенной бани чуть ли не до середины пруда, дожди с нее стекали, снега сдувало. И с крыш, бывало, еще и слезинка не навернулась капнуть, а насыпь уже проталинками зачешуилась — просохла, хоть босиком бегай. Раздолье. Особенно для ребятни: кишат, как мураши на змеином выползке[16], кто в бабки режется, кто в городки, кто в лапту, кто в чижика, кто учебную гранату мечет. Понадобился тир — опять самое то место, насыпь, в конце которой на вечные времена был вкопан столб со щербатым щитом: «Купаться и полоскать белье запрещено! Штраф 10 руб». Мишень прикнопил — и целься под обрез. Купаться и полоскать белье — нельзя, стрелять — можно: мимо щита и с завязанными глазами не пальнешь, он габаритней телеги на боку, а пули из «мелкашки» и до половины доски не прошивали.

Показательные соревнования комсомолия в ту субботу приурочила к мужскому банному дню не без умысла: стрелковый спорт только-только входил в моду, и наглядная пропаганда его была не лишней.

Расчет оказался верным: к стрельбищу поворачивали из любопытства: «Пойду гляну поближе, что там деется», а глянув поближе «чо», скоро забывали, куда и зачем шли, и не могли уже совладать с азартом.

— Э! Дай, я попробую…

— Попробуешь, в кружок запишешься.

— Пиши! Ведунов моя фамилия.

Сорокалетние из рук друг у друга «тозовку» рвали — ладно, деду этому с веником что нужно было — непонятно. Торчал, торчал истуканом в сторонке с час, если не больше, — исчез. Маленько погодя — опять смотрят, голик его обхлестанный тут и сам, но уже во всем чистом.

— Что, батя, завидки берут?

— Да завидовать шибко нечему, зазря припас жгете. Хочете, покажу, как партизаны стреляли…

— Когда? В восемьсот двенадцатом году?

— Не в двенадцатом, а в гражданскую. Хочете?

— Надо было до бани показывать, а теперь: тебе ж бабка всю бороду выдерет, с запачканными коленками явишься, это, скажет, ты эдак париться по субботам ходишь. Ладно, выдели ему парочку патронов, пусть потешит душу святой старец.

И как держал этот «святой старец» под мышкой веничек, так и отстрелялся: подсказать не успели, куда целить. И куда попал — смотреть не пошли, доверили ребятишкам.

— Ну?! — не терпелось с докладом посыльных.

— Одна в самой середке, другой не найдем! — кричат.

— А в щите?

— И в щите нету!

— Другая в той же дырке.

Ну, все захохотали, конечно. Молодежь. Переждал дед веселье.

— Смеетесь, а парнишка этот, который «в той же дырке» сказал, не подковыривает. И стрелок из его настоящий может получиться. Пули обе две вместе. Отдирайте доску, бегите к банщику за пилой. В столб ушли — перепиливайте столб, а я вам докажу. И либо тычьте три кнопки рядом, али как и давайте ишо три патронки.

Из трех кнопок получилось три шайбочки, и поглядывали то на них, то на деда с веником уже с раскрытыми ртами.

— Это кто вас научил так стрелять, дедушка?

— Командир наш. Токо под мышку он засовывал не веник, а шрапнельный шарик. И не дай господь выпустить его оттуда. Ну и жмешь локоть к ребрам. Уразумели? А дед я никакой не дед. Внуков пока ишо не имею. Обличье мне маленько Колчак подпортил, так вот и прячусь в бороду. А ты, малый, проводи-ка меня, я те кое-что посоветую дорогой попутно.

Мишке и уходить не хотелось, и случая упускать тоже. Пошел.

— Ты чей будешь?

— Галкин.

— Галкин, Галкин… Это не твой отец обувку нам шил?

— Наверно. Баба Пана рассказывала, что да, был он сапожником, а сам я не помню.

— Значит, царство ему небесное. Жалко, мастеровой мужик сгинул. Но я что хотел сказать: глаз у тебя емкий. Это мне стало ясно, когда ты и сам в «десятку» мазал, морщился, и когда я пуля в пулю всадил, ты аж порозовел. И к мишени не побежал, видел, как кнопки ихние просверлил. Ты охотник?

— Да есть ружье.

— Вот оно все дело и портит, избаловал ты глаза свои этой дробью. И ведь додумался кто-то ж горстями свинец швырять, пали — он виноватого сыщет. Да подслеповатый же какой-то и додумался… Ты уши на сторону не вороти, вникай. Теперь забывается уж, а давнишняя эта пословица: говорящий сеет, слушающий жнет. Ты не жнешь.

— Почему… Жну.

— Через пень-колоду. Твоей зоркости бы да твердость, так и самому Клименту Ефремовичу бы на завидки. Я что хочу тебе посоветовать: начни вырабатывать эту твердость с палки. Бильярд в нашем клубе, видел, стоит? Вот и ходи туда почаще. Потом спасибо скажешь еще, не посмеивайся. Наторeешь руку — будешь стрелять. А зоркость у тебя, парень, прямо птичья.

— Ну и зрение у вас, молодой человек… Орлиное, — будут говорить комплименты ему врачи-окулисты на медкомиссиях после того, как назовет без единой заминки Михаил Галкин все буковки нижней строчки таблицы.

— В моей практике такого еще не было.

— Какого?

— Какого? Нормальное считается единица, а у вас оно вдвое острее.

— А это хорошо или плохо?

— Разумеется, хорошо.

С тем чудаковатым бородачом Михаил больше так и не встретился — за совет поблагодарить. И за пословицу, очень уж понравилась она и надолго запомнилась. Особенно «слушающий жнет».

Слушать приходилось внимательно: программа была настолько плотной, что между пунктами распорядка учебного дня и блоха не проскочит, и часа, отводимого на самоподготовку, едва ли хватило бы лишь на то, чтобы усвоить, какие существуют высоты в авиации.

— Ну, как ты пустяка такого не можешь понять, — терпеливо

начинал Михаил снова да ладом, помогая товарищу. — За абсолютный ноль в нашей стране, например, принят уровень поверхности Балтийского моря. Так? Так. А высота по отношению к нему — абсолютная.

— Ага, а относительная тогда какая?

— А относительная — высота по отношению к тому аэродрому, с которого взлетел.

— А истинная?

— Истинная — это по отношению к той поверхности, над которой летишь.

— И получается, что все они относительные, и нечего зря голову морочить.

Штурманская подготовка некоторым казалась вообще наукой непостижимой: курсы, ракурсы, метры, километры, прицелы, лимбы, звездные углы, секстанты, палетки; начальный пункт маршрута путают с исходным, исходный с конечным; вектор ветра, сила ветра, угол сноса, маршрут компасный, маршрут расчетный, истинный маршрут, ориентировка. Какая там еще какая-то воздушная ориентировка, если вначале на этажах блудили, у него в деревне они все первые были.

— Товарищ лейтенант, ну зачем нам это, у меня уж голова дрябнет.

Единственному, пожалуй, из всей эскадрильи позволялось Кеше Игошину задавать вопросы и обращаться вольно к преподавателям, как ребенку к родителям.

— Зачем? Едины в трех лицах бог да летчик-истребитель.

— В каких трех?

— Считай. Пилот, штурман, радист. Сходи-ка глянь, сколько там времени.

Трехстрелочные стенные часы на втором этаже были единственными на весь учебный корпус, и глянуть «сколько там времени» ходили иной раз до звонка.

Но Кеша вернулся сравнительно быстро, сходив лишь попить да постояв возле расписания занятий.

— Два часа… три… четыр… нет, пятнадцать теперь уж минут и еще двадцать секунд было.

— Садись, «очень плохо».

— В журнал? За что, товарищ лей…?

— За что? «Очень» за то, что два часа может быть только ночью, а «плохо» — отметка времени на полетных картах начинаться должна с секунд, поймете вы это когда-нибудь или нет. Или когда отчислят за неуспеваемость, тогда.

Ответить на «удочку» ему считалось великим достижением, но из школы никого не отчисляли, и на испытаниях,

производимых комиссиями НКО[17], ниже «хорошо» по штурманской подготовке никто не получал.

Для Михаила предмет этот был чуть ли не самым любимым, и когда дожили наконец до самостоятельных полетов на штурмовку наземных целей и бомбометание, между руководителями групп и инструкторами велись такие вот якобы шутейные разговоры.

— Ивлев, ты бы свою Галку не мог после моих орлов выпускать на бомбежку?

— Это почему?

— Не прикидывайся, будто не знаешь. Он же всю эту крестовину к чертовой бабушке разносит: только бревна в воздухе мелькают, в землю втыкаются…

— Ну и что, что втыкаются? Дальше.

— А вот в том и дело, что дальше мои уже не летят, сворачивая с курса и сбрасывая бомбы куда попало.

— Почему?

— Думают, это зенитки торчат. Нет, Галкину в штурманское училище надо было идти: самородок.

Интересней всех проходили занятия по тактике ВВС. И начались необычно, хотя и с обычного «Встать! Смирно! Вольно. Садитесь».

— Достаньте ваши конспекты. Пишите. Нет, нет, не на первой странице — на корочках. Максимальное время на раздумья в воздушном бою — секунда. Ну, а теперь число, месяц, тема номер один.

И это правило секунды прививалось ежедневно. Отвечает учлет «Боевое построение звена» и вдруг:

— Полторы селедки стоят полторы копейки, сколько стоят десять селедок? Секунда.

— Пятнадцать, — множит застигнутый врасплох полтора на десять.

В зале смех и оживление — в журнале учета успеваемости против фамилии отвечающего грусть и тишина.

Или:

— Внимание всем. Вопрос на логическое мышление: вес тысячи миллиметровых стальных шариков. Секунда.

Какая секунда, в минуты не укладывались, высчитывая объем одного шара и перемножая на удельный вес и количество. У кого семьдесят граммов получалось, у кого семьсот и так аж до семи килограммов.

— Ух, математики с физиками. Ответ проще пареной репы: менее восьми граммов, ибо объем этих тысячи шариков менее одного кубического сантиметра.

Во всех трех характеристиках на Галкина (комсомольской, рабочей и рабфаковской) отмечалась исполнительность и стойкость в защите своих мнений и взглядов, и одно из мнений расходилось с канонами тактики ведения воздушного боя звеном из трех самолетов.

— Третий — лишняя мишень. Баба на возу. Ну зачем он?

— Прикрывать второго.

— Тогда надо и четвертого, и пятого. Ну, поставьте весь полк в круг и пойте: «Каравай, каравай!».

— Галкин! Отстраняю от полетов. Тоже мне Главный маршал авиации выискался.

Впоследствии Главный маршал авиации Новиков напишет книгу «В небе Ленинграда», где будут и такие вот строки:

> «Велись поиски в области тактики. Пришлось отказаться от использования истребителей в плотных строях и в боевых порядках групп. Громоздкое построение чрезвычайно усложняло ведение воздушного боя, ухудшало маневренность машин, сковывая действия и тактическое мышление летчиков. В результате настойчивых поисков в основу боевого порядка истребителей была положена пара, состоящая из ведущего и ведомого, она заменила звено из трех машин…
>
> Переход к паре во многом менял тактику воздушного боя, делал его более стремительным и быстротечным. Особенно эффективным был новый боевой порядок в строю «пара в кругу». В таком строю хорошо было обороняться против численно превосходящих сил противника.
>
> Часто и всегда с успехом применяли ленинградские летчики это построение и при атаках больших групп вражеских бомбардировщиков».

Об этом же напишет впоследствии и первый трижды Герой Советского Союза маршал авиации А. И. Покрышкин.

Маршалы потом согласятся с Галкиным, но тогда инструкторы не соглашались.

Из книжки учета усвоения летной программы:

> «Галкин М. П. прибыл в Ворошиловградскую военную школу пилотов (летчиков) 19 августа 1936 года, зачислен в 3-е звено 2-го отряда 7-го выпуска 3-й эскадрильи. Приступил к обучению на учебном самолете 3 марта 1937 года, окончил обучение на учебном

самолете 21 октября 1937 года. Было сделано с 7-го мая 1938 года по 22-е ноября 1938 года: вывозных полетов — 70, самостоятельных — 87, контрольных — 50.

Все зачеты приняты с оценками «отлично» и «хорошо».

Присвоено звание «младший лейтенант».

О ца железяка?

До лейтенанта Галкин не дотянул всего по двум предметам из тринадцати, а на него уже и бронзовые литеры заказали для Доски почета окончивших школу с отличием. И по каким дисциплинам не дотянул, думать не додуматься: по воздушной стрельбе и моторам. Так что верно было написано в характеристике:

> «Не любит выделяться, сильно развито чувство товарищества».

И зная уже, как отстрелялся, на всякий случай не ответил еще и на пустяшный дополнительный вопрос.

— Да вы что, товарищ Галкин… Марки зарубежных авиадвигателей без запинки, а типы отечественных болтов и гаек назвать не можете.

— А не все равно, какие откручивать?

— Странно вы рассуждаете.

В зачетной карточке учлета Галкина поставили второе «хор», так как первое уже перечеркнуло лейтенантские «кубари».

— Летчик-истребитель должен быть еще и классным авиамехаником, — высказал для летчиков четвертую ипостась экзаменующий. Вообще-то он мог придумать и пятую — стрелок. Но Галкинских попаданий в конус насчитали только на «хорошо», и то с натяжкой потому, что добрую половину своих патронов оставил он Кеше Игошину, стреляющему пулями той же окраски, но по буксировке с другого борта. И оставил вот почему…

Изучили наган, изучили карабин, бомбовооружение.

— ШКАС, — вынул наконец-то пулемет из чехла преподаватель. — Шпитального, Комарицкого. Авиационный. Скорострельный. Производит тысяча восемьсот выстрелов в минуту, то есть тридцать в секунду…

— Шо? О ца железяка? — не поверил Ваня Ищук, прозванный «Я з Украины» с первого дня знакомства.

— Я? О-о-о, я з Украины, — тянул он до того продолговато, будто Ворошиловград от его родины где-то аж за три… три… тридевять земель.

«О ца железяка» была проще и легче самозарядной винтовки Токарева, но по скорострельности пулемет этот остался, пожалуй, непревзойденным, и Гитлер до самого последу держал его в личном кабинете как образец в назидание своим хваленым оружейникам, так и не создавшим ничего, хотя бы мало-мальски

похожего.

На упражнение полагалось всего тридцать два патрона; секунда — и нет. Не зря преподающий тактику ВВС отпускал этот максимум времени на раздумья в воздушном бою. Некоторые потом будут умудряться и по шесть, и по десять коротких очередей делать, и даже одиночные выстрелы, но то при стрельбах в тире, на земле, с намертво закрепленных турелей, а там… Там Кеша Игошин со своей лапищей да в крагах пока палец в предохранительную скобу проталкивал, добираясь до спускового крючка, полбоекомплекта, глядишь, уже и улетело в белый свет, как в копейку. В белый свет — ладно, в первый вывоз на стрельбу по конусу чуть буксировщика не сбил, едва-едва сел потом бедный У-2.

И не поделись на зачетах патронами Галкин с ним — носить бы да носить Кеше треугольнички младшего комсостава.

Да и Галкин бы вряд ли рискнул на эту взаимовыручку, не поддержи его тогда командир эскадрильи.

Ждали команды «отбой». Дежурный по отряду стоял уже над душой, посматривая на часы, и заядлые доминошники, — руки краснее гусиных лап, — торопились добить «козла» с таким азартом, что у стола ножки подкашивались. И вот он — командир эскадрильи. Одного спросил, сколько раз подтягиваешься на турнике, другого — почему редко пишешь родителям, жалуются, на имя начальника школы письмо прислали. Потешил шуткой:

— Ну, что, вятский… Слыхал по радио, какое вредительство в вашей Кировской области раскрыли?

— Нет. А какое? — аж покраснел Кеша Игошин.

— Семь миллионов пар лаптей на одну ногу наплели, — и не пережидая хаханек:

— А Галкин почему бильярд разлюбил?

— Комотряда запретил, товарищ комэск.

— Запретил? Да он что… Что он сказал?

— Сказал: учись на Чкалова, Кочетковым тебе не стать. А кто он такой?

— Кочетков? О-о… «Юность Максима» смотрели? Так вот, когда это кино снимали, то Жаров с Чирковым только целились, а шары забивал Кочетков за кадром. Первый мастер спорта по бильярду. Я как-то дождался очереди сыграть с ним, так он мне и ударить ни разу не дал, все восемь шаров положил.

— Ага, я тоже легенду о нем слышал…

— Правильно. На то они и Чкаловы, и Кочетковы, чтобы им подражать. Ходите играйте, Галкин, я поговорю с отрядным. И другим советую: от бильярда куда больше пользы, чем от этого домино. Дежурный! Подавайте команду «отбой».

Кочетков, Кочетков… Это благодаря ему игра на бильярде стала видом спорта. Причем популярным. Организовывались соревнования, открывались клубы. В Москве их насчитывалось около четырехсот пятидесяти (осталось три). В Ленинграде — сто семьдесят (ни одного не осталось), В Одессе бильярдных было больше, чем пивных (остались только пивные). Бильклубы закрыли как злачные места, питейные заведения — не злачные.

Но запрет комотряда еще как-то можно было оправдать, как оправдать этот…

— Курсант Галкин к самостоятельному полету готов. Разрешите выполнить обратную петлю.

— Какую, какую? — переспросил инструктор. — Обратную? Не знаю такой.

— Ну, это как петля Нестерова, только витком вниз.

— Ох, Галкин, Галкин… Ты кого из себя мнишь? То звено из трех самолетов не признаешь, то игру на бильярде предлагаешь ввести в учебную программу. Петля Нестерова — это петля Нестерова.

— Но ведь сделал же Иммельман в верхней точке ее переворот через крыло.

— Так то опять же Иммельман, а твою фигуру как назовут? Удавка Галкина?

— Пусть удавка, а я попытаюсь.

— А я тебя не допускаю к полету. Кру… гом!

Десятилетия спустя она дополнит официальный перечень фигур высшего пилотажа, но первым применит в бою обратную петлю как маневр — Галкин.

И всего через три года.

А пока от него требовали строгого выполнения положений «Боевого устава авиации» и неустанного совершенствования летного мастерства — специальный приказ Наркома обороны по боевой подготовке на лето 1940 года указывал на необходимость приближения повседневной учебы войск к условиям боевой действительности:

> «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне».

И о Галкине писали газеты. «Рабочий путь»:

> «Когда над полевым аэродромом, побуревшим от августовского солнца, появляются быстролетные стальные птицы, нарушая утреннюю тишину, то истребительное звено Михаила Петровича поражает мастерством…» — восхищался капитан Шалагин.

«Летчик-комсомолец тов. Галкин к Всесоюзному Дню авиации завоевал первое место в нашем подразделении по всем дисциплинам боевой и политической подготовки…» — писал капитан Борисов.

«Красноармейская правда» от 17 августа 1939 года… Третья публикация — и все в августе!

— Читал? Опять про тебя, — каждый норовил уведомить первым.

— Да читал, будто не о ком больше.

— Значит, не читал, тогда слушай: «С первого января 1939 года Михаил Петрович»… — По имени-отчеству… — «Михаил Петрович работает на Смоленском аэродроме, а в марте этого же года он командир комсомольского звена истребителей…» — Ну, это мы знаем, что тебе исполнилось двадцать два года… А вот: «Его звено в составе Галкина, Ищука, Мурашова — хорошо слаженная боевая истребительная единица».

— Да как она может быть «хорошо слаженная», если на самолетах радиостанций нет?

И этот «пробел» сказался в одном из учебных воздушных боев.

Отрабатывался маневр отрыва от преследующего самолета «противника», но Галкину в какую-то секунду пришла мысль, а почему бы и намеренно не подставить под его винт свой хвост: может же такая ситуация сложиться в настоящей войне, когда у тебя и боезапас израсходован, и неприятель, зная об этом, нахально подходит вплотную, чтобы расстрелять в упор. Сбавь скорость — и врежется. Приблизить-то он приблизил условия максимально и на вираже газ убрал, а товарищ-«враг» этого не ожидал и предупредить не по чему было.

Тот без винта посадил самолет — ничего удивительного, И-16 слыл замечательным планером, но как без рулей высоты сел Галкин — гадали и матерые асы.

Подтвердилось и то, что третий в звене — лишний.

Началась финская кампания, и их 4-й истребительный авиаполк перебазировался на Ладожское озеро, лед которого использовали под аэродром. Звено взлетало на очередное задание, и третий еще только поднимался, а первый уже делал разворот над начальным пунктом маршрута, но делал с ходу без набора необходимой высоты. Совпали горизонты на противоположных курсах: истребители шли лоб в лоб. Все. Смятка. И менее чем через секунду. Свалиться в пике Галкин успел, но выйти…

Удар об лед был настолько сильным, что летчика сорвало с

ремней крепления и выбросило из кабины.

— Мишка разбился!!

Не разбились ни Мишка, ни самолет, оба отделались вмятинами, летчик — над бровью, машина — на фюзеляже: успел-таки проутюжить его этот третий лишний. Да так, что колесо отломилось, пришлось на «живот» садиться. Сел. И тем лишь и отделался.

А Галкин две недели не приходил в сознание на койке изолированной палаты ленинградского военного госпиталя: сильное сотрясение головного мозга.

Но еще через неделю после того, как пришел в сознание, Галкин уже изводил главврача просьбами выписать его.

— Чего захотел. С подобными травмами иные навек остаются калеками…

— Ну, товарищ военврач, ну как вас еще просить… А-а! Ну, вы же лучше меня знаете, что без пищи человек может около двух месяцев жить, Бауман, вон я книжку «Грач — птица весенняя» читал, восемьдесят суток не ел, объявив голодовку в царской тюрьме. Без воды…

— Неделю, — подсказал врач.

— Неделю. А без воздуха сколько?

— Без воздуха? Минут пять, не более.

— А вы меня уже сколько здесь держите?

— Ах, шельмец! Подвел-таки под монастырь. Ладно, в следующую… Да, в пятницу пусть встречают тебя.

В пятницу выдалась нелетная погода, и за Галкиным явилась целая свита из самых-самых, остальные поджидали в расположении части: предстоял мини-водевиль.

— Товарищ младший лейтенант! Вас с-с-срочно вызывает командир полка. В штаб, — немного переврал репризу «посыльный». — Форма одежды — парадная.

— Ну, не в комбинезоне ж и унтах попрусь.

Присел перед топчаном, нащупал ручку чемодана, тянет его из потемок оттуда на свет — что-то не то. Вытянул — так и есть: к родной и кровной ручке приделан какой-то фанерный ящик и во чреве — правое колесо от И-16 вместе со стойкой.

— Ищук! Твоя работа?

— О ца железяка? Не зовсим. Знайшел — я, а пер Кеша Игошин. На памьять о зустричи з Миколой Голубком.

— Ну, драматурги…

Рано выпросился Галкин из госпиталя: начал ощущать перегрузки даже при плавном наборе высоты, появлялось безразличие, терялось пространственное восприятие до того, что земля казалась вверху, голова становилась неимоверно тяжелой:

наклони он ее — и уже не поднять. Дошло — сесть не мог, не ударившись о полосу, не «скозлив».

А это уж совсем непонятное: из очередного вылета на задание Галкин вернулся с полдороги, и после приземления его самолет понуро затих в конце посадочной полосы.

— «Санитарку»! Срочно!

— Я не вижу… Ребята, я ничего не вижу… Не это… Только не это…

И товарищи, помогая выбраться Галкину из кабины, старались не смотреть в его немигающие глаза.

Врачи вернут ему зрение, но к тому времени с Финляндией будет уже подписан мирный договор. В ноябре начался конфликт, в марте закончился, из четырех месяцев провоевал Галкин менее двух, но в представлении к ордену Красной Звезды сказано будет, что сделал он 72 боевых вылета, уничтожив много живой силы и техники противника.

— А самолетов-то сбил ихних сколько-нибудь? — спросит у приехавшего на отдых племянника Алексей Суров.

— Самолетов? И в глаза не видел.

САД

Дивизию, пожалуй, надо было назвать комсомольской: самому комдиву едва-едва минуло двадцать семь лет. Но… не назвали. Просто 20-я САД. Строго официально. Неофициально — кто что придумает: кто — «детский САД № 20», кто — «смешная» вместо «смешанная», потому что сформирована она была из двух истребительных полков, одного бомбардировочного и одного штурмового, хотя о специальных самолетах-штурмовиках в то время и шепотом по секрету не говорилось ни в узких, ни в широких военных кругах.

ИЛ-2 появится потом, в июне 1942 года. И сразу станет чуть ли не легендарным.

— Вот разделывает он эти ихние танки… Как бог черепаху, — будут рассказывать потом восхищенно очевидцы.

— Ага, я тоже однажды наблюдал такую картину. На колонну «тигров» или «пантер» они всего вчетвером налетели, так те, веришь ли, ребята, сами начали на спину переворачиваться: лежачего не бьют…

— «Тигры» для «горбача» семечки: «фердинанды» напополам раскалывает, а у тех броня двести миллиметров толщиной.

«Горбачом» ИЛ-2 прозывался не за сходство с китом: сутулила самолет кабина стрелка. Звали его еще «утюгом» — за непостижимо низкий бреющий полет.

— Придумай немцы такую оказию — русский Иван оглоблей сбивал бы их.

Не придумали ни немцы, ни итальянцы. И так, наверно, и осталось загадкой для их авиационных конструкторов, за счет чего советский «ильюша», держится в воздухе, имея полетный вес, превышающий расчетную подъемную силу. Такими феноменальными способностями обладает только майский жук, но хрущ — существо живое, а у этой железной болванки с крыльями откуда что бралось…

Тыловые фрицы звали русский самолет-штурмовик летающим танком. Да он и предназначался для борьбы с танками ползающими и по огневой мощи не уступал им, а даже превосходил. Одни противотанковые бомбы чего стоили… И русский летающий танк наводил ужас с таким же успехом на немецкие прифронтовые аэродромы, на мотоколонны, на склады, на железнодорожные эшелоны, на речные и морские суда…

Если тыловые немцы звали ИЛ-2 летающим танком, то фронтовые — черной смертью. Откреститься от этой смерти нельзя было никакими крестами: ни на корпусах танков, ни на

фюзеляжах «мессершмиттов», ни на стволах зенитных пушек. Танковые пулеметы его не брали, пушки для стрельбы по воздушным целям для танков не рассчитывались, «мессера» атаковать сверху не решались из боязни врезаться в землю, а зенитки и подавно ничего не могли с ними поделать: «ИЛы» ниже их дульных тормозов летали.

Потом, когда появятся реактивные снаряды, ИЛ-2 будут звать еще и летающей «катюшей».

Потом и 20-ю САД (только один А. И. Покрышкин собьет 59 самолетов, но это потом) будут расшифровывать как снайперская авиадивизия, а пока…

А пока роль штурмовиков суждено было исполнять стареньким И-15, И-15(бис), И-153, И-16… И пока в дивизию была собрана вся обстрелянная и необстрелянная молодежь. И командиром назначен двадцатисемилетний генерал-майор авиации Александр Степанович Осипенко…

И не случайно по боевой и политической подготовке его дивизия значительно превосходила аналогичные авиасоединения:

> «С первого дня войны, — писала газета «Красная звезда», — летчики части Героя Советского Союза Осипенко храбро сражаются с врагом. Под их ударами уже нашли свою гибель 126 неприятельских машин…»

Да, только за первый месяц Великой Отечественной 20-я САД двумя полками сбила в воздушных боях 126 вражеских самолетов, почти вдвое больше количественного состава этих истребительных полков. За триста дней войны 20-я САД совершит более 20 тысяч боевых вылетов, собьет и уничтожит 420 немецких стервятников.

Десять летчиков этой дивизии будут в числе первых Героев Советского Союза, а капитан Анатолий Морозов 7-го июля 1941 года первым таранит вражеский истребитель, сбив его.

В очерке «С первых часов — в бой!», опубликованном газетой «Советская Молдавия» в июне 1986 года, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации А. Осипенко с большой любовью напишет о них и о соединении:

> «…Наша 20-я смешанная авиационная дивизия была родной семьей многих прославленных военных летчиков. Среди них трижды Герой Советского Союза маршал авиации А. И. Покрышкин, бывший старший лейтенант, а ныне маршал авиации Герой Советского Союза И. И. Пстыго, также геройски сражавшийся в небе Молдавии. В одном ряду с ними стоят и славные красные

соколы — Герои Советского Союза капитаны А. Карманов и А. Морозов, лейтенанты М. Галкин и К. Селиверстов, которые совершили ратные подвиги в начальный, самый трудный этап Великой Отечественной войны.

…Бои 41 года были для всех нас, их непосредственных участников, теми самыми боевыми «университетами», которые помогли обрести необходимый опыт, познать и понять сильные и слабые стороны врага, научиться без промаха, тактически грамотно и искусно бить его в воздухе и на земле».

А тогда, в начале 1942 года, А. Осипенко был отозван в Москву и утвержден в должности командующего истребительной авиацией ПВО территории всей страны, затем назначен командиром 8-го авиационного истребительного корпуса Резерва Верховного Главнокомандования, и за период боевых действий летчики его совершили 21 586 самолетовылетов, провели 676 воздушных боев, сбив 735 вражеских самолетов, и уничтожили на аэродромах противника 151.

Отважный и опытный и хорошо изучивший еще в Испании психику фашистских летчиков, А. С. Осипенко применил против них уникальный по своему решению фактор психологического воздействия, приказав покрасить в красный цвет капоты своих истребителей от редукторов до плоскостей, и немцы боялись их, как черти ладана, и до того часто уклонялись от боя с «красноносыми», что гитлеровское командование вынуждено было издать специальный приказ, в котором за сбитый русский самолет с красным носом сулило большую сумму денег и Железный крест. Но все равно не прельщались.

Командованием 20-й САД был использован и такой психологический фактор — сопровождение эшелонов с эвакуируемыми. Зная об этом, вызывались сами те летчики-истребители, чьи семьи вывозились в тыл, и ни одна бомба не упала ни на один из отправленных поездов с мирным населением, покидающим города и села Молдавии. И первым воздушным боем с вражескими пикирующими бомбардировщиками руководил лейтенант Михаил Галкин, командир звена 4-й эскадрильи 4-го истребительного авиаполка, о котором как о лучшем писала впоследствии «Красная звезда»:

«Только майор Орлов и его боевые друзья сбили больше десятка «мессершмиттов», до полутора десятков «юнкерсов» и «хейнкелей»».

И полдесятка из них к тому времени числилось на лицевом

счету лейтенанта Галкина.

К нему и направили корреспондента фронтовой газеты, присланного после публикации в «Правде».

Товарищ об авиации знал, похоже, только то, что она летает, но держал форс и лез в такие дебри, путая элероны с лонжеронами, консоли со шпангоутами, струбцины со стремянкой и божий дар с яичницей, что зубы ныли от сдерживаемой улыбки.

— А какой фирмы первый самолет вы сбили? — задал наконец деловой вопрос журналист.

— Какого типа? Ю-88.

— Бомбардировщик, знаю такой. Ну, и как вы его…

— Как? Да почти случайно. Барражирую над заданным объектом, смотрю — летит оттуда.

— С нашей территории?

— Да, возвращался уже… Нашкодил и явно торопится улизнуть: скорость крейсерская, высота меньше тысячи метров. Ну, думаю, хоть бы первый блин да не комом… Пропустил его под себя, пикирую, сближаясь до верного, а он лупит трассирующими, давит на все гашетки. Терплю. Дал короткую, длинную некогда, врезался бы, заложил крутой вираж — и вниз…

— А почему не вверх?

— Вверх он меня стволом пулемета бы проткнул.

— Промазал, значит.

— Не промазал, но и не пронял, у них там броневые спинки в палец толщиной. Отваливаю вниз, делаю разворот и, прикрываясь его же плоскостями, захожу под брюхо. Тут он меня и потерял.

— И все?

— Все. Пытался, конечно, скольжением на левое крыло сбить пламя — высоты не хватило, и на бреющий полет перешел, чтобы, не выпуская шасси, приземлиться, тоже поздно, врезался плоскостью и носом.

— А другие четыре как были сбиты, помните?

— Другие? Других придется, кажется, обождать, товарищ спецкор, — поднялся Галкин со стояночной тормозной колодки.

— А что случилось?

— Да с запада ползет как-то… «Хейнкель». В общем, остальное увидите сами…

По положению готовность № 1 Галкин должен был дежурить в кабине самолета, но ради случая комиссар эскадрильи, сопровождающий журналиста, разрешил летчику покинуть пост, надеясь на его зоркость, и теперь помогал разбрасывать по сторонам маскирующие самолет ветки…

— А почему он не навстречу немцу взлетел? — недоуменно

смотрел вслед истребителю товарищ из газеты.

— Во-первых, потому что взлетают против ветра, во-вторых, сначала нужно необходимую высоту набрать. В-третьих…

— Вы знаете, — покраснел специальный корреспондент, — а я ведь еще не писал о летчиках…

— Ничего, напишете. Смотрите, не отвлекайтесь, Галкин вам пересказывать бой не будет…

В-третьих, не досказал комиссар, строжайше было запрещено всем летчикам рассекречивать свои аэродромы, и 20-я САД всю войну славилась таким искусством маскировки, что немецкая воздушная разведка не могла обнаружить их не только на советской территории, но потом и на своей, изученной до квадратного сантиметра. И так и останется загадкой для командования гитлеровских люфтваффе, откуда поднимались на перехват «яки» и «аэрокобры» Покрышкина, принявшего к тому времени дивизию и приспособившего под взлетно-посадочную полосу широкое шоссе, в лесопосадках вдоль которого прятал он свои истребители. С ума сойдешь, а не догадаешься.

А идея эта якобы пришла после того как младший лейтенант Юра Яблочкин спас от явного плена самого Иосипа Броз Тито с его радисткой, посадив связной самолетик По-2 на дорогу и умыкнув окруженных из-под носа уже ликующих в злорадстве фашистов.

Но в этот раз бомбардировщик, видимо, успел засечь, откуда поднялся русский истребитель, и, судя по тому, как быстро развернулся и лег на обратный курс Хе-111, Галкин тоже понял, что шел он налегке с провокационной целью выявить место базирования 4-го авиаполка, и упустить разведчика значило обречь на явную гибель от массированного налета фашистов десятки машин.

Настиг он врага над самым аэродромом и, зайдя так же снизу из-под плоскости, прошил длинной очередью бок бомбардировщика ближе к хвостовому оперению. Но и сам успел поймать несколько пуль левой плоскостью.

— Ладно, зайдем с другого боку.

После вторичной атаки «Хейнкель» дал крен заглохшим мотором, с третьего захода за самолетом потянулся черный шлейф.

— Ага, зачадил.

Горящий самолет резко пошел на посадку и, едва успев выпустить шасси, так ударился о землю, что стойки не выдержали и вместе с колесами разлетелись в стороны.

— Ну, у наших куда крепче ноги, — отметил про себя Галкин, сравнив свою «посадку» на лед Ладожского озера с этой на

овсяное поле.

И видя, как из кабин упавшего самолета выскакивает и расползается чудом уцелевший экипаж, среди которого выделялся белым кителем командир, Галкин с пикирования открыл по немецким летчикам огонь:

— Все равно не дам уйти гадам. Ишь, обнаглели, летают тут в белых мундирах, как на парад, — прижимал он пулеметными очередями и держал немцев до тех пор, пока к месту падения горящего «хейнкеля» не пришла автомашина с бойцами батальона аэродромного обслуживания.

Подняли одного фашиста, обезоружили этого в белом, усадили пленных в машину и собрались уезжать, шофер уж и дверцу кабинки захлопнул.

— Да они что… Не знают, сколько человек в экипаже «хейнкеля». Ну, ведь уйдут же, линия фронта рядом… О, бестолочи!

Пронесся, на бреющем, вровень с бортами грузовика, показав на пальцах, из скольки, и, взмыв вверх, спикировал, на залегших в овсе немецких летчиков.

— А-а, теперь от этих фениморов куперов они уже не уйдут, — успокоился Михаил, заметив бегущих по полю и машущих руками вездесущих деревенских ребятишек.

А на стоянке его дожидался корреспондент и в таких деталях описывал впервые увиденный воздушный бой сменщику Галкина, будто он сам его провел.

— Следите за газетой, Михаил Петрович, «Интервью с показом» будет называться очерк о вас. Поздравляю.

— Не с чем. Вот если бы он на бомбежку летел, тогда бы еще куда ни шло… А этот скорей всего блуданул. Или прогуливался чин какой-то.

— Да, да, да! Нет, не «Интервью с показом» — «Последний моцион» заголовок будет! А?

— Для этих — последний, для нас… В общем, ваше дело писать.

— Тоже верно. Еще раз поздравляю, до свиданья на газетной полосе… Послушайте, а ведь это мысль! «До свидания на газетной полосе», — перечеркнув, перелистнул он очередную страницу новенького блокнота.

«Ну, друг… Сам замаялся и бумагу замаял», — подумать подумал, но вслух ничего не сказал, чтобы не обидеть парня ненароком: сразу мастером еще никто не родился.

И все-таки поспешил уехать начинающий представитель фронтовой прессы, не став свидетелем эпизода, который бы оказался не лишним в его очерке.

Прибегает в землянку оперативный дежурный по штабу полка:

— Галкин!.. Где ты? К Орлову. Срочно.

— Форма одежды парадная? Как на Ладоге?

— Да нет, серьезно комполка вызывает.

Ну, раз «серьезно», то поясной ремень потуже, фуражку кокардой строго против носа, планшетку с полетной картой через плечо, чтобы не возвращаться за ней — наверняка боевое задание предстоит, летчиков-истребителей так просто не вызывают в штабы — перед дверью кабинета большие пальцы рук под ремень, проутюжил складки на гимнастерке, стучит.

— Входи, входи, — голос комполка оттуда.

Вошел. За столом — Орлов, напротив него у стенки на табуретке этот немецкий летун в белом кителе с полковничьими ихними погонами и с Железным крестом у стыка наглухо застегнутого стоячего воротника.

— Товарищ майор, по вашему приказанию лейтенант Галкин при…

— Да вольно, вольно. Я почему тебя и вызвал, что птицу, оказывается, сбил ты настолько важную у них и мнящую о себе, что требует… Понимаешь? Требует показать, кто ты такой. О, наглец. Вот он, — показал рукой немецкому полковнику русский майор на русского лейтенанта. И по-немецки: «Дас ист эр».

— Дизер? Ви альт бист ду? — недоуменно вертел рыжей башкой фриц, не веря ни словам майора, ни молодости лейтенанта.

— И сколько тебе лет — интересуется. Фирундцванцих ему. Понял? Двадцать четыре.

— Так что не очень-то кичитесь…

Кичились.

> «Уверовав в свою мощь, гитлеровцы в первые недели совсем не маскировали боевую технику и сажали авиацию очень плотно: по 80—100 самолетов на один аэродром и почти не прикрывали ее зенитной артиллерией. Вот тогда мы и начали менять формы и методы борьбы с авиацией противника на аэродромах. Основным оружием ее стали истребители. Так появились на свет штурмовые комбинированные авиагруппы, состоящие из истребителей разных типов…»[18]

Делая по шесть, по восемь боевых вылетов в день, штурмовали вражеские аэродромы, уничтожая «на корню» их самолеты, наводили ужас и панику на движущуюся маршем немецкую пехоту, сопровождали на бомбометание свои

бомбардировщики, охраняли от налетов санитарные поезда и эшелоны с техникой и людьми, патрулировали над объектами и зонами передислокации частей Красной Армии.

На штурмовку прорвавшей нашу оборону немецкой танковой колонны с мотопехотой был поднят почти весь 4-й истребительный авиаполк, и налет его оказался для врага настолько яростным и неожиданным, что авиагруппа не потеряла ни одной машины, хотя Галкин с техником звена и насчитали после приземления «дома» более двадцати пробоин в плоскостях и фюзеляже.

Группу на обратном курсе замыкало его звено как наиболее опытное, но командир, показав ведомым «следуйте прямо» где-то на середине маршрута, круто лег на ребро и ушел в сторону.

— Это куда он? — пожал плечами один.

— Увидел кого-то, — так же мимикой ответил ему второй.

Этим увиденным за добрый десяток километров оказался немецкий корректировщик «Хейнкель-126», прозванный «кочергой» за черную окраску и несуразно огромный киль, который позволял ему крутиться над небольшим объектом, засекая координаты с точностью до метра.

Изучаемый «кочергой» объект был, вероятно, настолько важным, а «работа» до того увлекательной, что фашистский пилот не заметил советского истребителя.

— Нет, надо гранаты у пехотинцев взаймы просить, — на шутку перевел Галкин официальный доклад о сбитом им корректировщике. — Вот ведь до чего засушил им мозги этот Геббельс своей брехней, что у нас нет авиации… Подпускают… как дикуши, птица такая, ни куропатка, ни тетеря, середка на половинке. Сидит и смотрит сверху вниз, из чего ты в нее целишься, из ружья или палки. Так дикуши хоть смотрят, тот и ухом не повел…

Из тридцати пяти воздушных боев этот был самым легким и последним один на один: очередная встреча с Ю-88 больше походила на обдуманный маневр, и бой с ним на равных оказался началом боя одного против пяти.

Утро выдалось — в мирное время такие редкость: теплынь, в небе ни облачинки и синева — глаз неймет, а тишина — слышно, как солнце ворочается за горизонтом. Но самолет заправлен, бомбы под плоскостями, задание на штурмовку выдано, взлет разрешен.

«Юнкерс-88» шел встречным курсом и на той же высоте. Тяжело шел. Пропустить — значит дать ему возможность разгрузиться по цели, завязать бой — у самого бомбы, и попади в любую из них вражеская пуля — костей не соберешь.

— А-а, семи смертям не бывать, а одной так и так не миновать…

Из-под немца посыпались бомбы, замигали дула пулеметов.

— Ага, — добавил газку мотору и Галкин, догоняя удиравший бомбардировщик.

Догнал, дал очередь, дал другую — ни даже тебе папиросного дымка от него, только хвостом крутит, норовя избавиться от нависшего над ним краснозвездного советского истребителя.

«Юнкерс» уходил, и преследовать его дальше было уже не на чем: горючего едва-едва хватило бы дотянуть до аэродрома. И садиться придется с бомбами. Делать нечего, повернул обратно. И вдруг о спинку сидения начали плющиться пули.

— Блазнит или на самом деле, — все еще не верилось Галкину, что по нему стреляют. — Не бомбардировщик же тот его нагнал, а других самолетов не было, я бы за…

В лобовом стекле кабины засеребрилась дырка, мгновенно осветив реальность. Бросил послушного «ишака» в крутой вираж — и вот они — пять «мессеров» над головой, а у него подвеска и горючее с боезапасом на исходе.

— Это очень даже интересно получается… Ладно, попробую потягаться. С наглыми по-наглому.

Освободился от бомб, взмыл налегке ввысь — и в атаку на ведущего, резанув по нему трассирующими. Фашист отвалил в сторону, зарыскали, растерявшись, ведомые, стало полегче, но ненадолго: при соотношении пять к одному немецкие летуны были и смелыми, и храбрыми, и настойчивыми в стремлении навязать русскому бой на вертикалях, где Ме-109 над нашим И-16 имел преимущество в скорости, и Галкин, зная это, уходил на крутые виражи, с виражей — в штопор, с трудом выводя из него машину на захлебывающемся моторе и успевая вести обстрел снизу, сверху, на разворотах и при лобовых атаках, которых так боялись стервятники. Но один против пяти — не пятеро против одного: его взяли в клещи, по два «мессершмитта» с боков и «мессершмитт» сверху.

— Все, Мишка, отвоевался…

И вот тут-то и вспомнилась заветная обратная петля.

Исчез он из виду преследующих до того неожиданно, что те и очухаться не успели, как их ведущий Ме-109 с разнесенным пулеметной очередью «фонарем» клюнул носом и свалился в отвесное пике, из которого так и не вышел.

— Один отмекал… Сейчас второго подловим на удавку Галкина. Подловим?

Но пулеметы промолчали. И поняв, что русскому стрелять больше нечем, немецкие истребители перестроились в «лесенку»,

опускаясь по ней и решетя беззащитный самолетик, которому оставалось только идти на таран. На таран… На таран? Какой таран, если и горючего «ноль» за стеклом бензодатчика. Садиться на аэродром? Ни в коем случае, с него и товарищи не могли подняться, чтобы помочь…

Ужалили шею осколки разрывных пуль. Потекла по спине противно-теплая кровь. Перебило левую руку, и брызнувшая из раны струя залила защитные очки. Потерялось пространство и координация. Падал неуправляемый самолет, и следившие за боем друзья там на аэродроме из-под укрытий отворачивались, чтобы не видеть момента гибели…

А Галкин сел. Не выпуская шасси. На то же самое овсяное поле, что и сбитый им «хейнкель». И вывалившись из кабины, успел укрыться до того, как фашисты, сделав несколько заходов, обстреляли его живучий и выносливый И-16, но так и не подожгли: в сухих баках гореть было нечему.

В госпиталь Михаила Галкина провожали летчики, оставшиеся без самолетов, технари, штабисты. А старший писарь полка, зыркнув по сторонам, улучил-таки момент, чтобы шепнуть ему:

— Товарищ лейтенант… На вас, — и совсем тихо, — геройская бумага в Верховный Совет послана… Но это пока военная тайна.

> «Представляется к присвоению звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» лейтенант Галкин Михаил Петрович, командир звена 4 эскадрильи 4-го истребительного авиаполка 20-й смешанной авиадивизии.
>
> С начала боевых действий Красной Армии против германских фашистов совершил 58 боевых вылетов. Из них 20 боевых вылетов на самолете И-153 летал на штурмовку войск и сооружений противника.
>
> Сброшенными бомбами и пулеметным огнем уничтожил большое количество германских фашистов, автомашин, вооружения, боеприпасов и других военных материалов.
>
> 45 боевых вылетов совершил на самолете И-16 с мотором, выработавшим свой ресурс свыше 45 часов. За время боевых действий участвовал в 18 воздушных боях, из них более половины боев провел с превосходящим числом истребителей противника. В этих воздушных боях сбил два бомбардировщика типа «Юнкерс-88», два истребителя типа «Мессершмитт-109» и одного

разведчика типа «ЦЗЛ-43». В воздушных боях за нашу Родину проявил себя мужественным и отважным воином.

26 июля 1941 года после выполнения боевого задания, при возвращении на свой аэродром встретил двух истребителей противника и смело вступил с ними в бой. На помощь лейтенанту Галкину пришел летчик капитан Филоненко. Вражеские стервятники не выдержали атак наших летчиков и обратились в бегство. Лейтенант Галкин, несмотря на то, что в баках его самолета горючее было на исходе, бросился преследовать истребитель противника, догнал его и атаковал снова. После нескольких метких пулеметных очередей самолет противника стал терять скорость и упал на землю. Лейтенант Галкин благополучно вернулся на свой аэродром. После посадки самолета мотор остановился, в баках не было горючего. На другой день, 27 июля 1941 года, лейтенант Галкин, выполняя боевое задание, встретил разведывательный самолет противника, который разведывал сосредоточение наших частей. Лейтенант Галкин принял решение уничтожить разведчика. При сближении самолетов противник отвернул, стремясь уйти на свою территорию. Лейтенант Галкин стал преследовать его, догнал самолет противника и зажег в воздухе. Вражеский самолет и летчик сгорели, фашисту не удалось доставить собранные сведения в свой штаб.

Командующий ВВС Южфронта генерал-майор авиации Шелухин

Военком ВВС Южфронта бригадный комиссар Алексеев

Утверждаю

Член Военного Совета ВВС Красной Армии армейский комиссар 2 ранга Степанов».

Летающие кладбища

Пока ходатайство шло по штабным столам, начиная с полковых, число сбитых Галкиным самолетов перевалило на второй десяток, не считая пяти, уничтоженных им на вражеских аэродромах.

— Эка заслуга… Что мишени на полигонах, что они — одинаково, — не соглашался Михаил с записями в лицевой карточке.

И в окончательной редакции представления его к Герою, подписанного командованием ВВС Южфронта, оставлена строка «После посадки самолета мотор остановился, в баках не было горючего»: летчику-истребителю драться до последней капли бензина все равно, что до последней капли крови.

А самолет Галкина редко когда добирался до стоянки своим ходом.

С ополовиненными баками сел Михаил только однажды, пожалуй. И готовься документы на него чуть позже, эпизод наверняка бы включили как подвиг.

Отступали к Крымскому перешейку. Полевой аэродром 4-го истребительного еще только разворачивался неподалеку от украинской деревни, лебедино белеющей хатками вдоль километровой балки, заросшей кустарником, а на воздушное патрулирование над ним уже взлетал крохотный «ястребок» Михаила Галкина.

Оторвался от полосы, убрал шасси, заложил крен, развернулся, полез в горку, посматривая на высотомер… Вышел на «горизонт» дать передышку мотору и самому осмотреться…

Похолодели и покрылись испариной очки, пересохло во рту, почернело в глазах. Почернеет.

Шло их не менее полка. В парадном строю. Тройками. В два яруса. По направлению к аэродрому, с которого разбегались в укрытия все живые, живой жить хочет.

— Ох, муха… Как воронья. Ну-к-а, сколько же это их там… Три… Три… Три… Восемь троек и один. Должно быть, флагман… вот его и надо снять. Снять, а там видно будет, лиха беда — начало.

Немцы уже знали о настырности и бесшабашности советских летчиков-истребителей, но чтобы на такое отважиться кто-то рискнул…

И они с усмешкой поглядывали на вертлявый самолетик, который метался, не представляя себе, что делать и в какую сторону бежать.

А он вдруг ринулся навстречу. В лоб флагману. А флагманские машины водят не новички. Отвернуть он отвернул, но царапнуть по брюху Галкин все же успел его. И, видать, чувствительно, если тут же давнул на кнопку аварийного сбрасывания бомб. Глядя на командира, принялись наобум разгружаться и подчиненные.

Проскочив мимо ведущего, И-16 ушел на петлю и, крутнув иммельман, оказался на попутном курсе армады и в самой гуще ее. Ну вот уж всякого могли ожидать от него фашисты, но только не этого: затесался между двух троек и летит рядом, посмеивается, ни тем, ни тем по нему стрелять нельзя, друг друга посшибают.

Ох, как жалел Галкин, что не додумались конструкторы поставить на истребителях еще и бортовые пулеметы, из носовых он тоже не стрелок, а довернуть вправо или влево — крыло отломишь себе и все — загудел, каракатице же этой ни черта не доспеется. Но двух все-таки он ухитрился подбить, назад повернули. Хотя тоже не спросишь, почему вы повернули, может, просто передумали дальше лететь, и считать их, стало быть, нечего.

— Нет, так и так надо когда-то выбираться из них, если докумекают — хэндэ хох мне придет.

Особой заковыки в том, как избавиться от нахального попутчика, конечно же не было, и через плексиглас пилотских кабин засветились неоновые контрольные огоньки включаемых радиостанций: сейчас или уйдут на разные высоты, или станут «в цуг», или еще как перестроиться договорятся.

— Из окружения выходил с боями, — будет потом рассказывать Михаил, но сказка, вопреки присловью, сказывалась дольше, чем делалось дело, — куда ни сунусь — везде кресты. Еле-еле выпутался и только собрался дать тягу за облака, как оттуда вывалились одиннадцать «мессеров». Я тогда срочно в пике до самой земли и, чуть не посшибав колесами трубы на хатах, прошел вдоль деревни бреющим, плюхнулся за крайним плетнем огорода, вырубил зажигание да так с выключенным мотором и скатился в балку.

— Ну, и не лез бы на такое стервье, они ж могли на куски тебя разрезать, как автогеном.

— Вполне. А вот растерялся и полез не туда.

— Ты растеряешься, как же. Скажи уж, кишка не терпит у тебя, чтобы не ввязаться в драку. Ну, ладно бы с двумя там или с тремя, а то ведь с целым полком. Нет, Мишка, не умрешь ты своей смертью…

— А на войне никто за себя не умирает, все за кого-то. И не

вступи я в бой — наверняка умер бы уж теперь. Причем бессмысленно. Хотя… Да, бессмысленных смертей, наверно, вообще не бывает. Особенно на войне, на которой разные смыслы у смертей.

Через полтора года, где-то уже в самом конце 1942-го, под Ленинградом, на Волховском фронте, когда от 283-го истребительного авиаполка останется одна боеспособная машина и над аэродромом покажется такая же армада немецких бомбардировщиков в сопровождении «мессершмиттов», комиссар полка Л. И. Колесников тоже решится вступить в бой с целым полком.

— Куда? — успеет поймать его на стремянке техник самолета. — Это бессмысленно, явная гибель, комиссар.

— Нет, это не гибель, гибель, если я не взлечу… И не то страшно, что обо мне скажут, страшно — так могут подумать о всех комиссарах. Пусти.

Знал ли комиссар 283-го о поступке Михаила Галкина, который тоже воевал в этом полку после излечения? Наверно, знал. И, может быть, поэтому повторил его подвиг.

Самолет Колесникова не сбили — искромсали вместе с летчиком, но он успел вывалиться из пылающей машины и дернуть за вытяжное кольцо парашюта, тут же потеряв сознание и безжизненно повиснув вниз головой на обмотнувшейся вокруг ног стропе. Это и спасет его: решив, что русский летчик убит, немцы не станут зря расходовать боезапас.

На войне как на войне, на ней бывало всякое, во что подчас даже поверить трудно.

Обстрелянный ночью и покинутый экипажем близ линии фронта, благополучно сел утром в глубоком тылу транспортный ЛИ-2, выработав горючее.

Пилот «кукурузника», парнишка далеко не богатырской силы, вернулся с задания — весь полк перебывал на экскурсии, дивясь, как ему удалось согнуть дугой дюралевую трубку рычага управления, выводя самолет из штопора, в который он свалился, попав в воздушную яму.

— А жить, — говорит, — захочешь и рельсу согнешь.

У другого стропа через купол парашюта перехлестнулась, тоже где-то метрах в пяти от земли сумел он эту стропу расправить. Докладывает подбежавшему начальству, почему вынужден был покинуть самолет, и седеет от висков до макушки. За каких-то полминуты стал белым до волосинки. Онемели все, и никто решиться не может сказать двадцатилетнему об этом. Ладно, сестра с дежурной «скорой помощи» догадалась зеркальце мальчишке дать. Ну, посмотрелся он в него — и слезы

навернулись.

И, вспомнив этот случай, запросил зеркало Галкин у прибывших на «санитарке» медичек к месту вынужденной посадки…

— На сухих баках сел, — будут рассказывать и об этом случае как о невероятном, — с изрешеченными плоскостями…

— О-о, он без хвоста, говорят, садился.

— Когда без хвоста, тогда за ним четыре «мессера» не гонялись. Ты скажи, как он с истыканной осколками шеей и с перебитой лучевой костью в левой руке самолет из отрицательного пике сумел вывести… Как?

— А вот из госпиталя вернется, спросишь.

— Теперь не скоро вернется.

— Ну, это опять же смотря в какой госпиталь попадет.

— Писарь сказал — в Мариуполь.

— Так он, может, знает, когда и война кончится?

Война, казалось, не кончится, немцы были уже под Москвой, и в небе господствовали самолеты с крестами.

Золотые бабочки

Из ленинградского госпиталя в финскую войну еле выпросился, особенно во второй раз, из мариупольского в эту, можно сказать, сами выпихнули:

— Помощи от вас, Галкин, не ахти уже сколько — тяжелораненых на машины грузить. В общем, вот вам продовольственный аттестат, вот вещевой, вот денежный, вот проездной литер, вот выписка, вот заключение медкомиссии…

— Ну, и какое оно, это заключение?

— Читай, всех уже не упомнишь.

— «Поступил… с множественными осколочными ранениями в затылочную часть шеи и сквозным рваным ранением разрывной пулей предплечья верхней левой конечности»… А что и у левой нижней конечности тоже есть предплечье? — скопировал ординатора Михаил.

— Вы лучше там уже критику наводите! — чуть не проткнул носатый врач пальцем перекрытие фанерного закутка. — Или где начинается авиация… там кончается порядок? Читай, уясняй, некогда мне.

— «…предплечья левой верхней конечности с переломом лучевой кости. Находился на излечении»… Это я знаю. А-а, вот: «Выписан как не нуждающийся в дальнейшей медицинской помощи. Функциональная двигательная способность кисти левой верхней конечности на день выписки 40%».

— А почему сорок?

— Потому что сорок. Не двадцать, не пятьдесят, не сто пятьдесят. Сколько прибор показал, столько и написали: динамометрия правой руки — восемьдесят кэгэ, левой — тридцать два. Три двести на восемьдесят разделить — сколько будет? А левая рука у вашего брата у летчиков-истребителей сильнее правой. Не так?

— А направление почему в Горький, не в Москву?

— Потому что Москву, может, скоро в Горький переведут. Паника, одним словом… Продаттестат тоже оставьте при себе, пакет я опломбирую, а неделя без пищи вам длинной покажется. Длинней войны. Да, да. Неделя, не меньше. По прибытии поспешите в железнодорожную комендатуру, если поездом доберетесь, если Волгой — в портовую, и там вам скажут, где этот «Горький ПП», — засургучив, перевернул он пакет лицом кверху.

Галкин не верил.

Сперва тому, что для него не найдется самолета, не может такого быть: над парадными подъездами всех гарнизонных Домов

Красной Армии и авиаклубов висел полуолимпийский девиз «Летать выше всех, летать дальше всех, летать быстрее всех!» Раз летать, летать и летать, стало быть, есть на чем.

Потом не верил тому, что к эвакуации будто загодя готовились, столько вагонов на путях, куда ни сунься. И вряд ли добрался бы он до Горького за неделю, не попадись литерный эшелон со своим братом авиатором, который уже отправился с разъезда. Подхватили на ходу — и аки воробей в теплушку впорхнул.

— Да вы что, ребята, а если не туда мне…

— Туда-а-а… У летчиков одна дорога: вперед и вверх.

Но верх за такой облачностью оказался, что и пробить не смог…

«Горький, ПП» означал адрес всеармейского пересыльного пункта резерва ГКО, куда направлялись и расформированные, и вышедшие из окружения, досрочно выписанные из прифронтовых госпиталей и кто отстал от своей части, и кто опередил ее настолько, что из виду потерял. Проходили через медицинские перекомиссии, проходили через следственные, через трибуналы, и, может быть, поэтому решено кем-то было, что в должность начальника пункта вполне впишется эдакий… кадровый буденновец со старшинскими треугольничками на петлицах, а этот к тому ж еще соответствовал и фамилией, как раз в аккурат: Перелет.

Не имея ни единой штатной души, непосредственно подчиняющейся ему, успевал Перелет и учет прибывших-убывших вести, и быть за каптенармуса, помня, на какой полке чей чемоданчик или сидор, и получать продукты для пищеблока, и обеспечивать топливом, шанцевым инструментом. И до того дешево и сердито обходился экономике страны, что даже когда на пересыльном пункте рубиново заотсвечивали ромбами никем не предвиденные комбриги, старшину Перелета все равно не сменили, ни в звании не повысили. Подчинялись. Без амбиций, без экивоков на знаки отличия. Но если и находились такие, которые начинали оглядываться, что там за однофамилец на нарах, не офицера ж он назначает рядовым рабочим на кухню. Перелет выжидал, пока товарищ насмотрится по сторонам, кому идти чистить картошку:

— Вам, вам. В порядке очереди.

— Мне? Да кто ты такой?!

— Кто? Давай разберемся. Здесь что? Пункт резерва Государственного Комитета Обороны. Так?

— Ну и что? Допустим.

— Не допустим, допустили уже… Намек поняли? Второй

поняли. А первый?

— Какой первый?

— Такой, что председателем ГКО является товарищ Сталин, и я, значит, его заместитель, а согласно Уставу Красной Армии, младший по должности подчиняется старшему независимо от звания. Должности у вас никакой, а звание может оказаться и того ниже. Поняли третий намек?

Тем Перелет и нравился пересыльным, что дальше фамилии строчек в списке не читал, и кто там попал в дневальные, кто в дежурные, кто дрова пилить — ему без разницы: «пересылка» для всех «пересылка». И на хоздворе пункта любителям народного кустарного промысла доводилось умиляться «живыми игрушками» наподобие этой: два медведя пилят, третий колет, четвертый в поленницу складывает, сочетая физический труд с умственным.

Перелета признавали. И если подтрунивали над ним, то любя.

И все-таки взъелся на Перелета один «шибко танкист» какой-то.

— Ну, чего пучишься, шишка на ровном месте!

— Шишка, не шишка, но место бугроватое, верно… Что еще скажете?

— А то, что я фронтовик и майор по званию, а ты нацепил тут по четыре противотанковых надолбы, — чиркнул по треугольникам на петлице, — и командуешь, тоже мне, нижегородский воевода. А ты хоть одного живого немца видел, чтобы помыкать людьми?

«Права начались» по ту сторону двери с табличкой «начальник ПП». Но кабинет был и канцелярией, и спальней, и надо только диву даваться, почему еще и не вещевым складом. Шмотье не вернувшихся на «пересылку» Перелет горьким вдовам не успевал раздавать: не все и не сразу брали — может, сыщется товарищ, а товарищ не сыскивался. На вопросительном знаке самодельных плечиков висел один-единственный кровный его парадный кавалерийский мундир под маскхалатом коленкоровой простыни. Сдернул ее: — Видел. И живых, и мертвых немцев.

На застегнутом кителе эдак немного фасонисто по косой от третьей пуговицы к плечу — Георгиевский крест, на алом банте — орден Красного Знамени героя гражданской войны и совсем новенький на бело-розовой ленточке за эту.

— За трех немецких генералов от трех Николаев.

— Это от каких? — разбежались глаза у танкиста, как в музее.

— Крест от царя, ордена от Щорса и от Булганина позавчера

только вручили.

— Тогда беру свои слова обратно и прошу извинить… как вас по имени-отчеству…

— Дмитро Петрович, а вас?

— Юриваныч.

Началось чуть ли не с драки, закончилось дружбой. С этого дня их как цепью сковали и радостная скороговорка при встречах по утрам светила солнышком даже седоволосым в двадцать лет:

— Привет, Днепропетрович!

— Буздрав, Ереваныч.

И, как выяснилось в Горьком, они оказались из этих городов. И на «пересылке» их не станет в один и тот же день: увезет с собой старшину майор с мандатом на право отбора из резервистов бывших трактористов-гусеничников для Челябинской танковой бригады.

А Галкин будет еще долго ходить по кабинетам, добиваясь права на то, что ему на роду было написано.

— Ну, сколько можно вдалбливать тебе, лейтенант, что ни о какой летной практике с твоими ранениями и контузией и речи быть не может. Слыхал анекдот, как один казак на миллион поспорил, что он с Эйфелевой башни спрыгнет. Не слыхал? О-о-о… Во всех газетах его портреты, рядом портреты башни, под снимками год, месяц, число, часы. Народу собралось… Ну, представляешь, сколько. Поднялся он туда на эту площадку, глянул через поручень вниз — и замер, как дискобол в наших парках и на стадионах.

«Чего ж ты?! — кричат ему снизу и показывают на часы. — Прыгай!» — «О прыжке и речи быть не может, вы мне скажите, как обратно отсюда слезть…» Так что выбирайте, молодой человек: адъютант эскадрильи, энный отдел штаба полка. Это — в действующей армии. В тылу — военком, военрук, командир учебного звена в авиашколе. В лучшем случае — инструктором на учебный самолет.

— На У-2? Ну, это не самолет, это две фанерных лопаты на одном черенке, — и про себя: — Травите вы тут анекдоты от нечего делать.

— Тогда ждите небесных светил из Москвы.

Они же после первой рентгеноскопии затылочной части шеи и предплечья верхней левой конечности летчика-истребителя Галкина решительно вытолкали в тыл:

— Ровно через месяц отдыха вернетесь сюда же, а там посмотрим, что рентген покажет…

— А сразу обратно в полк нельзя?

— Какой полк, у вас в тканях шейной и лучевой мышц

столько железа, что миноискатель зашкаливает. Осколочки, осколочки…

— Да не мешают они мне…

— Вам не мешают, нам мешают дать заключение «годен к боевой службе в истребительной авиации».

— А если «боевой» не указывать, пропустить.

— Мы пропустим, ты ж не пропустишь? Нет. Вот и поезжай на свой Урал. Отдохни, подлечись. Мы тебя посадим на истребитель… Сколько там числится уже за тобой?

— Чего? А! Сбитых? Да не меньше дюжины уж, наверно.

— Обязательно посадим.

Когда? Месяц отпуска. Полмесяца на дорогу туда-обратно. А там карантины, переосвидетельствования, перемедкомиссии… Кончилась бы за это время война — черт бы и с ней, с волокитой, но ведь долго не кончится ни война, ни волокита.

В Пласт Михаил ухитрился-таки прибыть в аккурат на торжественное собрание трудящихся прииска, посвященное двадцать четвертой годовщине Великой Октябрьской революции, и с докладом на нем выступал брат Колька. Колька… Не Колька, а уже Николай Петрович, директор приискового управления. Горохом сыпались месячные, квартальные и годовые проценты, из которых семьдесят от числа всех занятых на производстве по добыче золота падало на долю женщин и семьдесят же от семидесяти работало в штреках, шурфах, штольнях и шахтах.

— …Но не только не снизили годовой план, а и выполнили его к седьмому ноября…

— Золотые бабочки! — выкрикнул из зала дребезжащий мужской голос.

И президиум, на девяносто процентов состоящий из приезжих представителей, зааплодировал. Золотые бабочки, а памятника им ну даже ни глиняного.

В Горький Михаил вернулся, не догуляв отпуска, и тем же следом был отправлен обратно через Урал и дальше на станцию Обь под Новосибирском, где формировался уже 283-й истребительный авиаполк, командиром 2-й эскадрильи которого назначался признанным годным к боевой службе лейтенант Галкин.

Запас

Михаилу казалось, что ему и до Оби никогда не доехать. До Оби… до Оби…

— О спрыгивании и речи и быть не может, — вспомнил он горьковского военспеца по анекдотам. — А ведь не без смысла он его рассказал. Наполеон увяз не в таких просторах, еле выскребен, Гитлер из Сибири вовсе обратной дороги не найдет, никакого соображения, куда полез, шваб припадочный… Да не допустят его не только до Сибири — за Волгу.

И в запасной полк лейтенанта Галкина направили — значит, есть еще такая возможность про запас держать.

— В запасы немощных не шлют, — радовался Михаил хоть такому исходу тыловых проволочек.

Просил резерв продовольствие, просил обмундирование, а главное — новую технику. И она уже поступала в полки.

Но беспокоила Галкина не забота, как он будет осваивать эту новую технику, а как примут в полку его назначение, откуда такой командир эскадрильи взялся.

А о нем почти все уже знали. И что орденом Красной Звезды награжден за финскую, и что за Отечественную сбил и уничтожил более двенадцати вражеских самолетов, и что в последнем из боев сражался до последней возможности с пятью «мессерами», и что с перебитой левой рукой вывел самолет из отрицательного пике и сумел посадить его на поле, не повредив, и что…

Ах, писари, писари… Сколько бы подвигов кануло в Лету, не будь вас в штабах.

Новая техника. К новой ложке пока привыкнешь, горшок щей расплещешь, самолет — не ложка. И ладно бы только самому переучиться, а то ведь надо было еще и молодежь учить, которая вообще, кроме как на У-2, ни на чем не летала. И по восемь часов в день, забывая про обеденный перерыв иногда, — взлет, посадка, зона, круг, круг, зона, посадка, взлет. Одного «аса» ссаживаешь со «спарки», другой уже топчется, ждет не дождется своей очереди. А тут еще осколки начали о себе напоминать: рука то горела, как тарантулом укушенная, то немела до бесчувствия, хоть ножом режь ее. И уж совсем ни к чему задергался шейный нерв в спазмах, стягивающих голову набок. И хотя после горьковских мытарств дал он себе зарок за версту обходить этих врачей, пришлось свернуть навстречу своему полковому. Выслушал жалобу. Подумал. И выдал рецепт. Устный и самый короткий, пожалуй, за всю историю военно-медицинской практики:

— Перебори. — И уже по дороге из санчасти на ужин в

столовую: — Кто-то из отцов медицины, не помню точно… Да Гиппократ же, по-моему, и сказал: нет болезни страшнее самовнушения, и нет лекарства эффективней самовнушения.

Свирепствовали морозы, отменялись полеты, одолевали просьбами помочь председатели колхозов, волки начисто вырезали овец в кошарах, обнаглев до того, что среди бела дня собак вытаскивали из-под крылечек и конур и тут же во дворах разрывали на куски: по деревням из мужиков немощные старики да малые ребята. И ни ружья ни у кого, ни хорошей палки дров, кизяком да соломой печи топили, а что это за топливо, по радио минус пятьдесят градусов передают. К утру ополоски в шайках под рукомойниками замерзали. И шли на слом вековые амбары, ломались тыны и плетни, трещали щелеватые жерди огородных прясел. Война.

Из дневника техника по вооружению 283-го истребительного авиационного полка Николая Степановича Чечеля:

«31 марта 1942 года.

Командиру нашей 2-й эскадрильи лейтенанту Михаилу Петровичу Галкину присвоено звание Героя Советского Союза.

Нашу эскадрилью он принял недавно, здесь. Дрался он до ранения на Южном фронте. Имеет 6 или 7 сбитых самолетов противника. Кроме того, 5 самолетов зажег при штурмовках, налетах на вражеские аэродромы: Орден Красной Звезды он уже носит. В общем, заслуженный летчик. Посмотрим, как он покажет себя в нашей эскадрилье. Только это не скоро будет. Если мы уедем отсюда через месяц, то это уже будет хорошо. Все дело в том, когда получим машины и когда будет подготовлен летный состав. Летчики у нас в основном — зеленая молодежь…

«Внимание! Общая команда! Полк, поэскадрильно, 1-я на правом, 2-я на левом фланге — становись!» — это скомандовал начальник штаба, майор Тетерядченко.

Я схватил тетрадь, ручку, чернильницу и скорей в строй. Построение было по случаю присвоения нашему командиру звания Героя Советского Союза.

Произносились торжественные, речи, раздавались бурные аплодисменты. И все это для лейтенанта Галкина. А он, высокий, стройный и красивый, но скромный, с красным от смущения лицом, стоял перед строем и, вероятно, хотел, чтобы поскорей закончился весь этот церемониал.

Когда закончились громкие поздравительные речи, тихо и скромно, без рисовки, сказал небольшую ответную речь сам Галкин.

В заключение начальник штаба провозгласил горячую здравицу в честь нового Героя. Все ответили громким «ура!» и бурной овацией. На этом построение закончилось».

Позднее в своих воспоминаниях бывший заместитель командира 2-й эскадрильи 283-го ИАП Иван Грищенко расскажет:

«С Мишей Галкиным я познакомился на авиабазе у станции Обь, вблизи Новосибирска, где-то в конце марта — начале апреля 1942 года. Мы приехали на формирование с Волховского фронта. Миша после ранения и выздоровления находился в резерве в одном из тренировочных запасных полков. Здесь он был назначен в наш полк командиром 2-й эскадрильи, в которой я был заместителем командира. Его приход был тепло встречен летным и техническим составом. Я тогда выстроил эскадрилью, представил ее новому комэску, и с того момента началась наша совместная работа по подготовке эскадрильи к отправке на фронт. Так как Михаил после госпиталя был физически ослабленным, то всю летную работу по подготовке эскадрильи по большой мерке я старался взять на себя, хоть мне это редко удавалось, поскольку было заметно, что Михаил, несмотря на свое неокрепшее здоровье, старается сам хорошо все изучить и владеть новыми самолетами, научить этому молодых летчиков. В это время и был получен Указ Президиума Верховного Совета о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Поздравляя его с высокой наградой, один из друзей спросил у Михаила:

— Почему ты никогда не уклонялся от боя, даже тогда, когда их во много раз было больше?

— Потому, — ответил Михаил Петрович, — что я круглый сирота. Я сын самой земли, если разобраться. Она мне и за отца, и за мать, и за Родину».

Сержант Иванов из 2-й эскадрильи, осваивая искусство летного дела в период подготовки эскадрильи на фронт, писал в местной газете:

«Умело помогает нам постичь искусство истребителя

Герой Советского Союза старший лейтенант Галкин. Мы жадно слушаем и воспринимаем каждое его слово, каждое указание, стараемся быть его достойными учениками — подлинными мастерами воздушного боя».

8-го мая 1942 года 283-й ИАП был окончательно укомплектован. Провожая полк на фронт, командующий ВВС Сибирского военного округа генерал-майор авиации пожелал полку боевых успехов. Забегая вперед, следует отметить, что полк выполнил напутственные пожелания генерала и ему был присвоен орден Кутузова.

Михаил был одним из первых уральцев Героем Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Особенно ликовали комсомольцы мехцеха комбината «Кочкарьзолото» города Пласта, где Михаил начал работать и вступил в комсомол. Нашлись художники и мастера, которые подготовили первое клише портрета Михаила для местной газеты, и 1 мая 1942 года в праздничном номере ее был напечатан очерк с этим портретом «Наш земляк — Герой». Автор очерка — Иван Тимофеевич Молодых, тот самый, который в 1930 году подвел тринадцатилетнего Мишку Галкина к слесарному верстаку.

В самом начале войны был горячо поддержан призыв нашей партии, правительства, обращенный к народу: «Все для фронта, все для победы над ненавистным врагом!».

Любая инициатива в то время, кем бы она ни начиналась, сейчас же поддерживалась всеми коллективами трудящихся.

Потом началось строительство нового механизированного хлебозавода по проекту братьев Котляровых, которые в начале войны были эвакуированы на Урал.

В июле в руках братьев Котляровых исходили русским духом половинки первой испеченной булки, и хлебозаводу по просьбе трудящихся было присвоено имя Героя Советского Союза Михаила Галкина.

От Советского Информбюро…

Его утренних сообщений ждали с первого дня. И с первого дня слушали, стыдливо потупив глаза и горестно кивая головой: оставили… оставили… оставили… сдали. Оставили Прибалтику, Белоруссию, Украину, Молдавию, пол-Кавказа… С июня по декабрь только оставили и сдали. Но не потеряли веру и не сдались. С июня по декабрь…

После разгрома под Москвой война переломилась. В магазинах Когиза раскупались настенные географические и особенно административные карты Европы для начальных и средних школ. Кому не доставалась одна Европа, брали Евразию и Азию отрезали для марли — молоко потом через нее цедить. Пуще глазу и спичек берегли и прятали от малышни огрызки двухцветных карандашей: красным — флажки над кругляшками освобожденных городов, синим — ломаные линии фронтов, уходящих все дальше и дальше на Запад. И добровольно сложив с себя полномочия «начальников» этих штабов, «генералы» из седьмых и восьмых классов тайком от матерей уходили ночами на железнодорожные станции, чтобы рядовыми уехать на фронт в тамбурах теплушек воинских эшелонов, но поезда шли без остановок: все для фронта, все для победы.

23 мая 1942 года 283-й ИАП прибыл на станцию Чкаловскую. Знаменитую Чкаловскую близ города Щёлково в Подмосковье. К этому времени враг был настолько далек от обещанного парада немецких войск на Красной площади, что сборка самолетов, облет их и доучивание молодых пилотов проводилось в открытую: в московском небе господствовал 8-й истребительный корпус генерала А. С. Осипенко.

Из письма Михаила Галкина жене и дочурке:

> «Здравствуйте, Шура и Томочка!
>
> Шура, из Новосибирска выехал в тот же день, т. е. 12-го вечером. Сейчас находимся поблизости от Москвы, здесь будем временно. Не писал потому, что адреса постоянного нет. По этому адресу письма от тебя не успеют дойти… Жди второе, в котором я окончательно сообщу, где буду находиться.
>
> 29 мая в Кремле получил свою награду, после чего сфотографировался. В следующем письме фотографию вышлю. Писать сейчас особенно некогда, времени мало. Сообщи, как живешь, как Томочка, какая она стала, наверное, большая шалунья.

Коле передай привет и скажи, что адрес этот временный. Потом, Шура, я в телеграмме забыл поставить литер «Г» 283ИАП.

Ну, пока все, привет тебе от нач. штаба и других.

Передавай привет всем знакомым.

Крепко целую вас с Томой.

30.5.42 года»

Женился Михаил ошеломляюще рано — на девятнадцатом году. Нет, не из богатенькой семьи привел он свою Шуру в полуземлянку мамы Дуни, оба брата выбрали в невесты таких же сирот. Николай еще студентом, чтобы не оставлять бабушку одну, Михаил перед отъездом на комиссию, которую он не прошел, а на следующий год Евдокия Корытиха тюлюлюкалась уже с внучкой, души в ней не чая.

Три красноармейские книжки испортил отрядный писарь в Ворошиловградской школе пилотов, заполняя их на курсанта Галкина! Сперва в графе «Семейное положение», не посмотрев в святцы, бухнул в колокол, написал «холост».

— Почему холост? Женат. Галкина Александра Евдокимовна.

Во второй графе «Дети» поставил «нет».

— Э! Есть, есть. Дочь Тамара.

Порвал, берет третью. Переписал заново до «отец».

— Вот отца нет, только мать.

— Мать — Галкина…

— Не Галкина, я ее взял на иждивение, когда работать пошел, и в отделе кадров записал как мать.

Верно заполненное наконец-то красноармейское удостоверение писарь вручал уважительно:

— Человечный, ты парень, Галкин. Очень человечный.

Из письма брату Николаю:

«…Да! По радио слышал поздравление родителей по случаю присвоения мне звания Героя Советского Союза. Но… родителей у нас нет, мы их даже не помним, т. к. остались после их смерти слишком малыми.

И как теперь им ответить, что я не их сын, ума не приложу.

18.6.1942 г.»

Не помнил Михаил Галкин родителей, и мама Дуня умерла еще в 1938 году. Но правильно он сделал, не решившись разуверять стариков: в архиве Московского института истории при Академии наук СССР до сих пор хранятся документы, свидетельствующие о том, что звание Героя Советского Союза в

Великой Отечественной войне было присвоено трем Галкиным: двум Михаилам и одному Николаю, и все трое — Петровичи.

Из дневника Н. Чечеля:

> «24 июня 1942 года. Сегодня улетаем на фронт. «Дуглас» уже увез первую партию людей и часть имущества. Я должен лететь со вторым рейсом. Говорят, что летим туда, где раньше были, на станцию Хвойная. Летели 1 час 50 минут. Часть людей и самолетов перебазировались отсюда на новый аэродром, в деревню Гремячево. Знакомые прошлогодние места!
>
> Долетели мы благополучно. Едва успели выскочить из самолета, как нас сразу отправили с поля на опушку леса. Тотчас мы приступили к работе. Оказалось, что наши машины уже ходили на задания и имели встречи с противником. В одном вылете командир полка и командиры обеих эскадрилий — Галкин и Елисеев — встретили 17 бомбардировщиков в сопровождении истребителей и вступили с ними в бой, сбили по одному «юнкерсу». Кроме того, Галкин, применив хитрый маневр, вогнал в землю одного «Ме-109». Сбил одного «юнкерса» и Грищенко, заместитель командира 2-й эскадрильи (Галкина)».
>
> «От Советского Информбюро. Утреннее сообщение двадцать восьмого июня тысяча девятьсот сорок второго года. За истекшие сутки… — перечислил Левитан места, где никаких изменений не произошло, и далее: — Немецкая авиация пыталась произвести налет на один из наших объектов на Волховском фронте. В налете участвовало до пятидесяти восьми самолетов противника. В завязавшемся воздушном бою наши летчики сбили пятнадцать немецких самолетов, из них десять самолетов
>
> «Юнкерс-88», один «Юнкерс-87» и четыре истребителя «Ме-109». Кроме того, подбито два самолета противника. Наши потери — один самолет.
>
> В этом бою Герой Советского Союза старший лейтенант товарищ Галкин сбил… три немецких самолета».

Один из наших объектов на Волховском фронте, в налете на который участвовало до 58 самолетов противника, был, надо понимать, Ленинград, любой другой город назвали бы.

И еще вот о чем не было сказано ни по радио, ни в газетах…

Из письма Михаила Галкина брату Николаю:

«…А про тот воздушный бой, что было сообщено в Совинформбюро, это действительно, где мы втроем дрались против 16 самолетов противника…»

И в мирные времена русский человек умел превращать недостатки в достоинства, в войну эта способность была вообще поразительной. Не выдерживал И-16 боя с «мессершмиттом» на вертикалях: скоростенка далеко не та, — придумали маневр «пара в круге» на диаметрально противоположных точках, и какому бы из них ни зашел в хвост вражеский истребитель, непременно сам оказывался под огнем. Ну и пусть себе немец носится по околоземной орбите, пока не подловится в перекрестии прицела. На У-2 вовсе умудрялись вообще ничем не выявлять себя до тех пор, пока не отбомбятся, Набирали высоту, сколько силенок хватало — и с выключенными моторами через линию фронта. У этого феномена коэффициент планирования при попутном ветре равнялся 20, то есть с высоты в тысячу метров касание с землей состоялось через 20 километров, с двух тысяч — через сорок и так далее, при постоянном встречном вообще мог вокруг шара облететь.

Над Белой Церковью привязался к одному такому У-2 «мессер». Куда деться? Со ста верстами в час крейсерской скорости от пятисот «мессеровских» недалеко убежишь. Сесть… Куда, внизу город — своих подавишь. Приладился и завертелся потихоньку вокруг колокольни на малом газку: видно, как «палка»[19] крутится. Ну, немца, естественно, заело самолюбие, с самопряхой русской справиться не может, решил на диаметрах эту тарахтелку ловить, пикируя издалека. Садит изо всех видов вооружения через окна звонницы — только колокола гудят. Целый набат. Народ сбежался, что за притча, звонарь внизу, а колокола стоном заходятся.

— Айда лезь, — посылают, — кто там пакостит, не зря ероплан вьется.

Потом уж только сообразили, что фашист за ним охотится.

Доохотился — горючее уж кончилось, когда спохватился. Сел за городом — и вот они красноармейцы тут как тут, хэндэ хох!

Нехватка самолетов заставила сначала отказаться от звеньев из троек и воевать в паре. Но и пары не находилось, летали по одному. Летчикам-истребителям предоставлялось право самим находить цель и уничтожать ее. Только уничтожать, ибо тут уж или — или… Называлось это вольной охотой. И во всех родах войск ширилось снайперское движение, изобретались новые тактические приемы в неравных боях. И Военный совет поддержал предложение политуправления Волховского фронта о

развитии снайперского движения и проведения первого слета снайперов. Прибыли на слет в июле 1942 года не только стрелки-пехотинцы, но и артиллеристы, минометчики, танкисты, летчики — всего 130 человек. Летчик-истребитель Герой Советского Союза старший лейтенант Михаил Галкин был среди них.

«…В последний бой… летит стальная эскадрилья»

Эскадрильей только раз и слетали на второй, день после прибытия. Через неделю от полка четыре боеспособных машины осталось, технари пармовские латать пробоины не успевали, в решете возвращались с заданий.

«Летит стальная эскадрилья»… Отлетали эскадрильями. Галкину в этой песне нравился лишь мотив, потому что стальными в тогдашних самолетах были только стрелки авиакомпасов.

Курский соловей Кеша Игошин, он все ее насвистывал «неся распластанные крылья», ехал под Смоленск в часть назначения из Ворошиловградской школы военных пилотов. На станции Золотухино выпорхнул из вагона и явился в полк с молодой женой и в новых яловых сапогах кустарной работы: фабричных по его ноге так и не могли подобрать за два года учебы. Поначалу после команды «Отряд… отбой!» к его кровати как на экскурсию ходили. Сравнивали подошвы своих сапог с кешиными ступнями, измеряли длину и ширину их логарифмическими линейками и определяли площадь — где-то около шестисот квадратных сантиметров получалось. Анекдот сочинили: приехал якобы Кеша Игошин в райцентр на базар — по радио над площадью о новых налогах на колхозников передают. Дослушал до конца…

— Ну и жмуть…

— Кто: «жмуть»? — милиционер в гражданском тут как тут.

— Та хто… Сапоги.

— Какие сапоги, ты же босиком.

— А вот, только что продал…

Казенные тогда на родной станции Золотухино Кеша, видимо, действительно продал и за ту же цену стачали ему по заказу до того изящно, что чуть ли не спать ложился в тех чеботах счастливый, за кои-то веки ноги в них как дома.

И с ходу — на аэродром, ибо из вновь прибывших он один остался не аттестованным по самолетовождению. Вручили планшет с картой, отвели пять минут на изучение маршрута-треуголки — и лету. Час лишнего прождали, прождали два, а излишков горючего — на полчаса.

Молодуха в рев:

— Разбился…

— На У-2? — успокаивают ее. — На этом захочешь — не разобьешься, он как бумажный самолетик сам сядет. Не плачь,

явится твой Иннокентий.

Явился, конечно. За ним на поводу пара волов, за М-2 — У-2 на буксире. Народу, — и военного, и гражданского, — сбежалось как на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Кому ристалище, а Кеше позорище. Позор — ладно, в особый отдел вызвали.

— Почему произвел посадку где не положено?

— Бензин кончился.

— Почему кончился?

— Долго летал. Потерял ориентировку и не смог…

— Почему потерял?

— Компас испортился. Куда ни поверну — там и север.

— Хорошо, проверим. Пока свободен.

Проверили — исправный компас. И уже не вызвали — доставили на допрос. В третьем часу ночи.

— Сядь вон туда к стене и вспомни, работал или не работал компас. И кому и какие сведения передал? Рассказывай и поживее.

Сел. Закинул нога на ногу, сверкнув подковой во весь каблук. Смотрел, смотрел на нее военный дознаватель — и, гляди-ка ты, вдруг смешно ему стало.

— В этих сапогах летал?

— В этих, — кивнул Игошин.

— И подковки из курского железа? Все ясно, иди домой. Иди, иди. Северный полюс где, а у тебя на каждой ноге по курской магнитной аномалии.

Теперешние ЯКи в общем-то неплохие машины, единственный недостаток которых — водяное охлаждение. Это не трактор, не остановишься, не заглушишь мотор, чтобы заклепать трубку радиатора в том месте, где она потекла.

— А прижмет — додумаемся и до такого, — усмехнулся Михаил.

Он возвращался с фронтового слета снайперов, и теперь только начинал понимать, что зря отказывался поехать на него: разговор шел дельный. А главное — Суворова вспомнили: воюй не числом, а уменьем. Шапками хотели забросать. Европу шапками не забросаешь.

Хороший слет. И умная чья-то голова додумалась до этой вольной охоты: вольному — воля, ходячему — путь. Елисеич с Филатовым тоже обрадуются. Ваня Грищенко — вовсе.

Нет, а Героев-то что-то мало слетелось, двое всего.

И немного не по себе Галкину было от того, что его узнавали.

— Смотри, смотри, — услышал он в первый же день, — это, случаем, не тот ли уж самый он и есть Галкин? Ну, который в

«Правде» сфотографирован.

— Вообще-то, похож, слушай. Только тот пополней. И мордашка круглее.

Фотокор прикатил сразу же после утреннего сообщения Совинформбюро от 28 июня 1942 года. Потом его фотография была перепечатана во фронтовой газете, потом в армейской…

Мечтал, ли о второй Звезде Героя Галкин — никто не знает. Но все знали, что он и одной не хотел выделяться, нося на груди лишь ордена Ленина и Красной Звезды. Сбивал ли еще кто за каждые два фронтовых дня по самолету — тоже пока не установлено, а до поездки на фронтовой сбор снайперов на его счету значилось уже двадцать четыре сбитых и уничтоженных на аэродроме немецких самолета.

И особенно возненавидел он бомбардировщики после того, как однажды, израсходовав весь боезапас и с нолем на бензодатчике, стал свидетелем полного уничтожения бомбами крохотной деревушки возле Одессы.

Изучив расположение огневых точек и сферы поражения, он заходил к «юнкерсам» между этих сфер, пролезая в цель не шире двух метров и распарывал фюзеляжи как наволочки с затхлым пером… И после трех сбитых им в том бою бомбардировщиков немцы вынуждены были соображать самодельную подвеску под хвостовое оперение и садить в нее стрелка с пулеметом. Встретил однажды Михаил такую «модификацию» в небе, и отрубил пушечной очередью этот хвост вместе с килем, хвостовым оперением и стрелком в плексигласовой корзине.

— Враг, конечно, но все равно как-то не по себе стало, когда он закувыркался с выпученными глазами, — признался Галкин технику самолета Макееву. — Ты только никому не говори, Петя, а вот схлынул пыл — и жалко даже пацана, лет восемнадцать ему, не больше. Ну ведь не сам же залез он в ту кошелку — затолкали.

— Не знаю, Миша… Ясное дело, что и среди них не все фашисты, но на то она и война, кто кого вперед…

Человеку свойственно предчувствовать. Беду. Радость. Смерть. Особенно свою. И особенно воюющему.

— Как в воду смотрел, — обязательно припомнит потом сосед по окопу или по койке неопровержимое доказательство этого предчувствия.

— Сроду не брякал он теми медалями, тут нацеплял, как на парад. Вот он и есть последний солдатский парад.

Нет, Галкина тревожило что-то другое. Первые свои самолеты вспомнил, и Кешу Игошина с его подковками. И песню эту. И вспомнилось, оказывается, тоже неспроста.

На стоянке не было машины.

— Где?

— Где, — спрятался под козырек замасленной фуражки Макеев. — Иванов на ней лиственницу таранил. Эту, которая ориентир.

— И что с ней?

— Ничего. Шишечек с десяток осыпалось, а…

— Да не с лиственницей, с машиной…

— Что… Гармошка.

— А тебя кто просил давать ее этому салажонку? Иванов… Иванов… Не тот, который про меня в газете распинался, какой я хороший отец-командир?

— Тот. Но ему Грищенко приказал лететь…

— Грищенко! Ну-ка шагай сюда, — ходил Галкин кругами возле беспомощной «тридцатки» своей с отломанным крылом и без винта. — Чья работа?

— Иванова.

— Это я знаю, тебя кто просил доверить писарю боевую машину? Сидели бы в штабе вон оба да и строчили…

— Прикажут — сяду. А насчет Иванова иди разговаривай с комполка.

— Комполка… Трясетесь тут, аж коленные чашечки все в трещинах…

По дорожке к штабу перекатывались вихревые воронки.

— Разрешите, товарищ майор… Вы на каком основании отдали мою машину другому? Пу…

— На основании Устава как старший по званию и по должности. Так что Золотая Звезда твоя тусклей моих шпал… Хотя обо мне и не сообщает ничего Совинформбюро…

«О-о, все ясно, почему не он поздравлял меня с Героем, а Тетерядченко, — вот когда только понял Галкин. — Придется на перекладных приближать победу… Ничего. Получу новый»…

— Правильно бабушка моя говорила, что загад не бывает богат. Размечтался, глянь-ка… Вот тебе и свободная охота.

Мечты, мечты… Светлые, розовые, голубые, радужные. Но у зависти только один цвет — черный. И те, кто говорит: «О, я ему завидую белой завистью», — врут. Не может быть целиком белой зависти, как не бывает целиком белых зайцев: хоть кончики ушей, но черные.

И дорываясь до чьего-нибудь мало-мальски подлатанного самолета, отводил Галкин начинающую черстветь душу.

— Товарищ майор… Сколько можно мне загорать как на курорте? Грищенко высох уж, форма болтается на нем, как осердие на батоге, и сегодня седьмой вылет собирается делать…

— Ну, куда ты хватаешь, Галкин? До славы дожил, ну и

доживай теперь до почета. Или за Кравченко гонишься? Так Кравченко генерал-лейтенант. Командир дивизии. И на груди уже две звездочки, а где две, туда третья сама свалится… Береженого бог бережет. Я вот почему редко летаю…

— Потому что еще и трус, поэтому, наверно.

— Еще и трус… А первый какой недостаток у командира полка?

— Командир полка… В начпроды вам надо идти, там вовсе будет этого спирту море. Но самое мерзкое в вас — зависть.

— Пьяница, трус, завистник я, значит… Так. Иди садись вместо Грищенко, посмотрим, кто ты против их истребителей…

Они вывалились из-за облаков. С форсом. Заложив вертикальный левый крен. Все враз. Тринадцать штук.

— Гляди-ка ты, неверующие какие, — чертовой дюжины не признают.

У четырех на фюзеляжах красуются карточные тузы разной масти, у пятого — коричневый скорпион.

— Асы, — отметил про себя Галкин. — «Ас» по-французски, кажется, и есть «туз». — Включил рацию. — Владислав… Видишь, сколько их?

— Вижу, — чересчур уж, вроде, спокойно, отозвался ведомый.

— Ну и как?

— Как прикажете, товарищ командир. Вообще-то можно попробовать вон того клешнятого…

«Клешнятый по нашим меркам у них не менее чем дважды ас. Да, будь этот Владик Поваров чуть постарше, да поопытнее, можно бы и со скорпиона начать… Не помню, есть ли, нет ли еще ему двадцать…»

— Владислав! А давай членистоногого с клешнями в клещи же и возьмем.

— Давайте…

— Тогда пошел…

Похоже, немцы этого только и ждали. Галкин не успевал «отмахиваться» как от ос, когда их гнездо под болотной кочкой расшевелишь. И ни Поварова, ни «скорпиона» нет… Нет, «скорпион» здесь. Неужели Славку сбили одного.

Один против двенадцати… Что ж, двенадцать — не двадцать пять. Да, но и «мессер» — не «юнкерс».

— Ладно, посмотрим. Главное — тузов поколупать… Ну-ка, где там «удавка Галкина»?

Михаил помнил эту обратную петлю, но ловил противника на нее в исключительных случаях, а какой может быть исключительный случай на войне, когда или — или.

В полку ходили слухи о каком-то его «хитром маневре», но

это был скорее отчаянный маневр, ни понять, ни повторить который никто не мог.

Не мог или не решался?

Имитируя падение, Галкин бросал самолет в отрицательное пике, и обрадованный противник, «клевал» на эту приманку, чтобы окончательно добить падающий советский истребитель, и гнался за ним до самой земли, насколько хватало выдержки, но «поверженный» русский вдруг делал полупереворот через крыло и, едва не коснувшись верхушек деревьев, давал свечу, а преследователь врезался в грунт.

«Туз треф» воткнулся в болото по самый крестик. «Пиковый» подставил бок и разломился надвое от пушечной очереди почти в упор. Как были сбиты тузы красной масти — не видел никто, но жители села Будогощь подтвердят потом, что какой-то один наш сражался с восьмеркой немцев.

О сбитых Галкиным четырех вражеских истребителях не было подано сведений никуда: одна из посланных поисковых групп «установила», что во время воздушного боя самолет его пошел со снижением и упал в расположение противника.

Мог попасть в плен… Мог сдаться…

Не вернулся из последнего боя Михаил Галкин 21 июля, в конце августа на всякий случай уведомили жену и дочь, что «Ваш муж и отец пропал без вести…»

Не мог Галкин ни сдаться, ни попасть в плен: пропал без вести 21 июля, а тело его случайно обнаружил солдат-связист 1 октября. На нашей территории, в трех километрах от штаба армии и в восемнадцати от аэродрома базирования 283-го ИАП. И прибывшая на место гибели Героя комиссия во главе с полковым врачом установила, что на одежде его и открытых частях тела нет следов поражения пулями или осколками. И еще было установлено, что в радиаторе его самолета три пробоины. Значит, Галкин совершил вынужденную посадку.

Отползти от истребителя у Галкина хватило сил лишь на каких-нибудь триста метров: самолет с тремя пробоинами в радиаторе садил он на «живот», и корневище поваленной сосны, содрав обшивку, раздробило ему голени обеих ног.

Неужели не искали? А если искали, то как? Возле погибшего — ракетница, с десяток ракетных гильз, браунинг, пистолетные гильзы и окурки папирос «Беломорканал». Ночью не зависающая ракета, а спичечная искра видна за десятки километров.

Но что сделаешь теперь, если тогда ничего не смогли сделать: война есть война.

Машину вернули в строй…

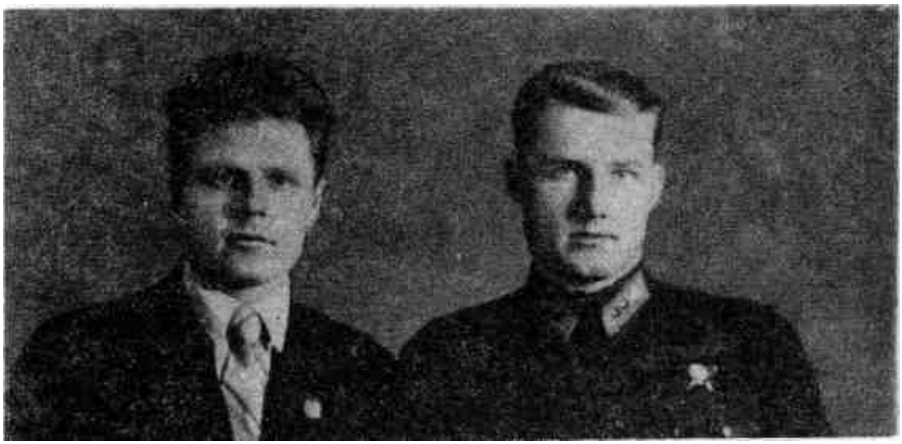
21 июля в день гибели, Михаилу Галкину было двадцать четыре с половиной года.

Первый бой он принял 22-го июня 1941 года, последний — 21-го июля сорок второго. С 12 августа 1941 года по 24 июня 1942-го — госпиталь, резерв, отпуск, запасной полк, полмесяца из сроков пребывания на Южном и Волховских фронтах — командировка за новой техникой и на слет снайперов.

Всего 64 дня провел Михаил Галкин в действующих частях… Всего шестьдесят четыре дня!.. И за это время им было сбито и уничтожено на вражеских аэродромах — 28 самолетов противника.

Литературная обработка члена СП СССР Н. М. Егорова

Михаил Петрович Галкин

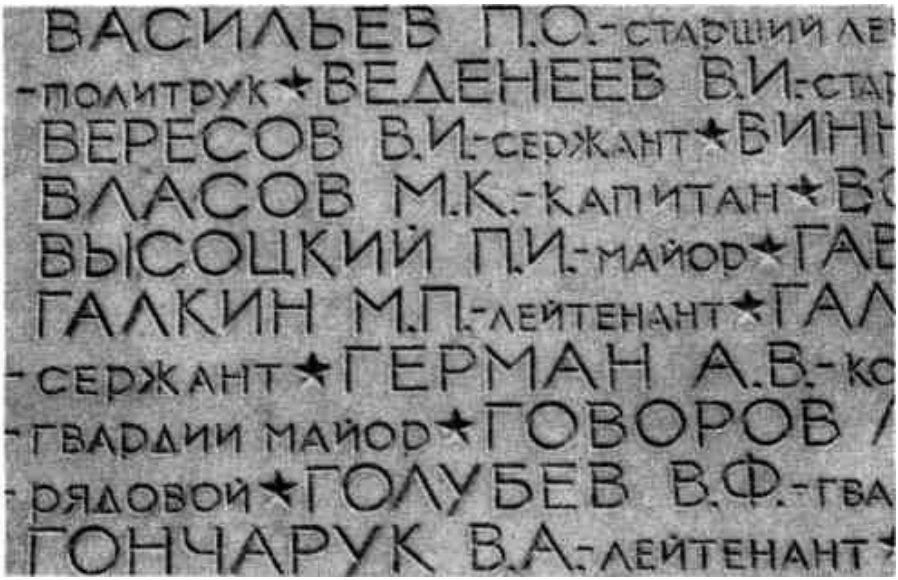


Братья Михаил и Николай

Михаил Галкин. Волховский фронт. 23 июня 1942 г.

Командир полка Морозов разбирает план боевых действий с командирами эскадрилий Галкиным и Елисеевым

В перерыве между боями



Ленинград. Памятник павшим в Великой Отечественной войне. На мемориальной плите выбито и имя нашего земляка — Героя Советского Союза М. П. Галкина

Алексей Головин
СЕРГЕЙ ГРИЦЕВЕЦ (ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ)

Цветы герою

Однажды, в начале пятидесятых годов, я с группой был в командировке в городе Барановичи. Проходя через парк, мы заметили у памятника дважды Герою Советского Союза — Сергею Ивановичу Грицевцу — иностранцев. Пожилой человек, волнуясь, что-то громко рассказывал своим спутникам. Мы могли разобрать: «Руссо… Авионес… Эспано… Республикано… Камарадо Сергио!..»

Потом он быстро подошел к цветочному киоску, купил все, сколько было, цветы и положил их к подножию памятника.

Его спутница, немного говорившая по-русски, объяснила, что сеньор Альфредо просит кого-нибудь из жителей города принять от него деньги, чтобы каждый день, — она повторила, — каждый день, зимой и летом, приносили к этому памятнику свежие цветы. Альфредо обещал присылать деньги, пока будет жить. Из ее слов мы поняли, что «камарадо Сергио» сражался вместе с сеньором Альфредо в небе Испании и «Сергио» спас ему жизнь в одном из воздушных боев. Его рассказ прервала барабанная дробь. К парку подходил отряд школьников. У памятника они остановились. Протрубил горнист. Мальчишки и девчонки замерли по команде «смирно!». Потом они возложили цветы к памятнику Героя. В этот день их принимали в пионеры.

О чем думал Альфредо в эти минуты? Возможно, он вспоминал, как группа летчиков-республиканцев, выполняя боевое задание, встретилась в испанском небе с «фиатами» мятежников. Он, тогда еще совсем юноша, увлекшись боем, не заметил, как в хвост его самолета зашел самолет противника. Огненная трасса пуль прошла рядом с кабиной, оставив пробоины на крыльях. Никакой маневр не мог изменить положения, смерть была рядом. Но в этот момент откуда-то сверху по «фиату» ударила пулеметная очередь, и фашист, потеряв управление, рухнул. Еще не успев разобраться в случившемся, Альфредо увидел республиканский самолет, покачивающий крыльями, а в нем летчика, который показывал жестами, что надо смотреть кругом. Подняв над головой правую руку, сжатую в кулак, они обменялись традиционным приветствием. Испанец запомнил номер самолета и на аэродроме узнал, что это был «Сергио».

Теперь Альфредо с грустью в глазах стоял у памятника другу. Возможно, вспомнил бои под Теруэлем или в небе над Эбро, но скорее всего тот памятный бой, который мог стать для него последним.

Так кто же он, камарадо Сергио? И какое отношение имеет он

к нашему уральскому краю?

Летное Оренбургское

На окраине Оренбурга в массивном кирпичном здании размещалась в тридцатые годы 3-я военная школа летчиков и летчиков-наблюдателей имени Климента Ефремовича Ворошилова. В годы Великой Отечественной войны 134 воспитанника ее были удостоены звания Героя Советского Союза. Учился в ней и Сергей Грицевец, приехавший сюда по направлению комсомола из Златоуста.

Взлет. Остается позади аэродром. Самолет, набирая высоту, плывет к облакам. Именно плывет. Поля и леса — огромные квадраты. Сердце охватывает радость, хочется петь. Сергей опомнился мгновенно: инструктор видит в зеркале все, что делается позади, но не слышит, слов. Что он подумает? Надо запомнить ориентиры и доложить о них на земле… Натужно ревет мотор… Снижение. Теперь самое главное уловить момент, когда самолет начнет приземляться. Мысленно Сергей делает все сам, но ведь это только мысленно. Посадка. Доложил все, что видел, как бы сам делал. Получилось так, как учили. Инструктор неожиданно спросил:

— Какое сегодня число?

— Одиннадцатое августа 1931 года.

— Запомни, ты сегодня впервые поднялся в воздух.

Шло время. Сергей, как и другие курсанты, изучал самолеты различных марок, поднимался в воздух вместе с инструктором и с нетерпением ждал самостоятельных полетов. И вот пришел этот час.

…Сергей вырулил на взлетную полосу. Стартер взмахнул желтым флажком, и машина побежала, набирая скорость. Неслышно оторвались колеса, поползла стрелка высотомера. Впереди ориентиры для разворотов. Только бы не ошибиться. Делать все «по науке», как говорит инструктор. Не правы те, кто в шутку или всерьез утверждают: «Если взлетел и жить хочешь, то сядешь». Нужен расчет, очень точный расчет, иначе нельзя. Вначале не все ладилось. Сколько потребовалось усилий и труда, чтобы одолеть этот «точный расчет». И Сергей выполнил первое тренировочное задание на «отлично».

А потом. Потом были будни, были полеты, когда остаешься один на один с небом.

…Однажды при выполнении самостоятельного полета над городом нарушился обычный ритм работы двигателей. Сергей схватился за сектор газа, вперед, назад-безрезультатно. Мотор заглох. Что делать? Если действовать по инструкции, надо

бросать самолет и прыгать с парашютом. Но разве легко оставить машину? Да и сколько будет жертв?! Нет! И Сергей решил планировать. Высота минимальная. Приземлился на безлюдную улицу. Окутанный облаками пыли, самолет катится вдоль нее. Сергей приподнялся с сиденья, вытер вспотевшее лицо и увидел на руке кровь. Только тогда понял, что во время посадки ударился о приборную доску, выбил зуб, разбил нос. Но все это мелочи по сравнению с тем, что могло произойти… Вылез из кабины, осмотрел шасси. Ничего страшного, самолет невредим. Женщины заставили летчика прилечь на землю навзничь, принесли воды обтереть кровь с лица. Сергей просил одно: сообщить в училище, что машина цела. Об этом случае написали в газете и долго потом обсуждали на занятиях.

От полета к полету росло мастерство. Пятый океан покорял, захватывал.

Близились выпускные экзамены. Однажды на аэродроме появился среднего роста, широкоплечий человек в гражданском костюме. От его крепкой, коренастой фигуры веяло большой и спокойной силой.

— Кто этот штатский? — спрашивали курсанты.

— Валерий Павлович Чкалов.

Он стоял в группе командиров и внимательно следил за полетами. Когда взлетел Сергей и стал изящно, в хорошем темпе выполнять упражнения, Чкалов оживился, спросил у командира отряда Девятова фамилию курсанта.

— Грицевец.

— Тот самый, о котором в газете писали?

— Да, тот самый. Перспективный парень.

— По-моему, он будет очень искусным летчиком, — убежденно сказал Чкалов.

В характеристике Грицевца отмечалось:

> «…Дисциплинирован хорошо. Политико-морально устойчив. В общественной работе активен. Вежлив и предупредителен к командирам. У товарищей пользуется большим авторитетом и любовью. Скромен. Физически хорошо развит. Выносли в и работоспособен в отличной степени. Обладает большим постоянством техники полетов. В вопросах матчасти разбирается хорошо и толково помогает технику в работе. Летным делом интересуется. Летать очень любит. К полетам относится продуманно и серьезно. В воздухе внимателен. Решения принимает уверенно, правильно и быстро. Техника

полета хорошая. Летает смело, но без лишнего удальства. Задания выполняет четко. Боязни и растерянности в сложной обстановке нет. Полеты на боевое применение выполнял хорошо. Годен к летной службе и находится в отличной летной форме. Достоин звания командира РККА и младшего военного летчика отряда. Разведчик. По специальности — истребитель. Может быть использован в тяжелой и штурмовой авиации».

Курс учебы окончен. На плацу последнее построение. Вручены дипломы. Начальник штаба эскадрильи Степан Акимович Красовский — будущий маршал авиации — поздравил выпускников с присвоением звания младшего летчика.

— Впереди, — сказал он, — у каждого из вас большая летная жизнь. Вы не просто летчики, а военные летчики, воздушные бойцы! Будьте готовы в любую минуту выступить на защиту нашей Родины.

Простившись со знаменем и школой, бывшие курсанты направились к своим наставникам. Каждому хотелось сказать и услышать в ответ что-то особенное, теплое.

— Запомните, друзья, — говорил инструктор Титов, — летчик летает ровно столько, сколько учится. Небо хранит только смелых да умелых. К растерявшимся и безвольным оно беспощадно.

Рядом с проходной — техник Семеныч, любимец выпускников, на прощанье пожимает руки.

— Не забывайте училище. Случится пролететь над нашими местами, качните крылом. Ведь я ни один самолет в небе не пропускаю, не взглянув на него. Всегда узнаю своих.

Грицевец получил назначение в Киевский военный округ. А первый отпуск решил провести в Златоусте, Шумихе, где прошла юность, где остались друзья.

Самолет над Шумихой

Семья Грицевцов была большая. На Урал они приехали из белорусской деревни Боровцы во время первой мировой войны.

Поселились на Кирпичной улице. Отец, Иван Антонович, устроился на железную дорогу. Дети подрастали. Старшие — Василий и Иван — уже сами работали. Сергей подружился с соседскими мальчишками, особенно с Санькой Вилковым. Их детской мечтой было стать, когда подрастут, железнодорожниками.

Однажды зимой с Санькой приключилась беда. Ребята любили прыгать с крутого берега озера Чистого вниз, в сугробы. Санька прыгнул неудачно, вывихнул ногу. Сергей бросился на помощь. Разгреб лежалый снег, вытащил друга, но сам попал под обрушившийся навет, и его завалило. Ребята вытащить не смогли. Побежали за лопатами. Пока откопали, Сергей сильно промерз и простудился. Болел тяжело и долго. Санька, поправившись, каждый день ходил на озеро ловить рыбу и просил мать сварить для Сережи «целебную юшку».

В тот год необычно рано наступила февральская оттепель. Солнце — великий исцелитель. С первыми теплыми днями Сергей уже играл с мальчишками. На улицах Шумихи было шумно…

Свершилась февральская революция. Иван Антонович вступил в партию большевиков. Домой приходил поздно, да и то не всегда, было много работы и партийных дел.

Осенью семнадцатого года Уральский областной Совет известил все города Урала, что в Питере победила социалистическая революция. А в мае восемнадцатого в Зауралье вспыхнул мятеж чехословаков, из числа бывших военнопленных и белогвардейцев. Колчак вел на Урал белое войско. Враждебные вихри кружились над Россией. Гражданская война не обошла и Шумиху.

Однажды недалеко от вокзала загремели пушки. Несколько шрапнельных снарядов разорвалось над базарной площадью. Это стрелял бронепоезд белых, стоящий на запасном пути. Громыхая защитными стальными плитами, он стал пятиться назад. В небе послышалось незнакомое стрекотанье. Это прилетел аэроплан с красными звездами на крыльях. Сергей как завороженный смотрел на небесного гостя. Самолет медленно описывал круги над станицей, постепенно снижаясь. Вот уже видно, как вытянулась за борт рука летчика. Еще мгновение — и бомба с легким свистом устремилась к земле. Взрыв, второй, третий…

Аэроплан взмывает ввысь и уходит на запад.

В августе Красная Армия освободила Шумиху.

В тот год случилась засуха. Урожай собрали чуть больше, чем посеяли. Надвигался голод, а за ним его вечный спутник — тиф. В семье Грицевца все его перенесли. Кое-как стали поправляться, но Анна Фоминична вскоре вновь заболела и умерла.

Никогда она не роптала на свою трудную судьбу. Растила восьмерых детей, трех похоронила. Немало слез выплакала, много боли прошло сквозь ее сердце. И вот… не стало в семье доброго и ласкового друга.

Стояли у гроба родные и соседи, глядели на ее высокий морщинистый лоб, на горестные складки вокруг рта. Нужда и труд преждевременно состарили, а ведь было ей всего сорок один год.

В судьбе каждого человека бывают переломные моменты. Бессонная ночь у гроба матери была для Сергея именно такой. Вспомнилось все: и радости и огорчения, как отводила она беду и от старших и от младших. А кто теперь заступится за них?

Хоронили Анну Фоминичну в тоскливый осенний день. Серые тучи ползли над кладбищенскими деревьями. Рядом с могилами братьев Владимира и Георгия опустили на холщовых полотенцах третий гроб, материнский…

Но жизнь продолжалась. Сергей пошел в школу. В свободные минуты учился играть на мандолине, что была у соседского паренька. Тяжело одним мужчинам справляться с домашним хозяйством. Надо и постирать, и обед приготовить.

Отец привел Агриппину Федоровну. Она неплохо относилась к детям, но старшие сравнивали ее с родной матерью, и это сравнение было не в ее пользу. Да по-другому и быть не могло. Дети-то уже взрослые. Старший, Василий, был призван на действительную службу, а после армии перебрался в город Кролевец Сумской области. Иван с отличием закончил железнодорожное училище и по ходатайству Сибирской окружной железнодорожной комиссии был направлен учиться на рабочий факультет при Московском механическом институте имени Ломоносова.

О Сергее Агриппина Федоровна рассказывала, что рос он крепким, спокойным и решительным мальчиком. Запомнилась ей история с коньками.

Ядреными зимними днями шумихинские ребятишки, расчистив снег на озере, устраивали там каток. Катались на деревянных коньках. Только у одного Кольки, сына священника, были всамделишные стальные «норвеги». Ему все мальчишки

завидовали. И вот Санька Вилков разведал, что какой-то приезжий продает настоящие «снегурки». Цену просил высокую. Сергей загорелся и купил. От отца, конечно, попало, но зато все ребята поселка гоняли на его «снегурках».

Теперь можно было и посостязаться с поповским сыном Колькой Дерябкиным. Вообще с Колькой у Сергея складывались неплохие отношения. Дерябкин — ловкий, сильный, начитанный, хорошо учился. Однажды они разговорились.

— Я ни в бога, ни в черта не верую, — признался Колька.

— Но ведь твой отец поп?

— Что так, то так. Но мне кажется, что и он неверующий, хотя в этом и не признается.

— Чего же тогда он рясу не скинет?

— А что ему делать? Ремеслу он никакому не обучен. И отец его, и дед были священниками, и его готовили к этому с самого детства… Жить-то надо. Он мне так объяснял.

— А ты все-таки сагитируй отца. Вот здорово-то будет!

Привлекал Колька еще и тем, что он отлично играл на клавесине. В поповском доме стоял старенький дребезжащий инструмент. По вечерам Сергей забегал к Дерябкину и, если была возможность, садился за клавесин, подбирая на слух знакомые мелодии. Первая мечта быть железнодорожником сменилась новой — стать музыкантом. Но ведь еще нужно окончить школу. Потом будет виднее.

27 марта двадцать четвертого года в Шумихинскую ячейку РКСМ поступило заявление:

> «Прошу принять меня в ряды РКСМ, так как я желаю получить политическое образование и обязуюсь подчиняться всем правилам и Уставу. Проситель — Грицевец Сергей».

Над Шумихой и окрестными деревнями долго кружил самолет, разбрасывая разноцветные листовки. В «письмах с неба» напечатан призыв вступить в общество друзей воздушного флота. Росла отечественная авиация, вот и проводилась большая работа по пропаганде и распространению авиационных знаний среди населения, особенно среди молодежи. С этой целью и было создано ОДВФ.

…Самолет сел на поле за железной дорогой. Взрослые и дети бежали к легкокрылой машине. Опустела и школа. Ребята, обогнав своих учителей, первыми примчались к месту посадки. Сергею посчастливилось забраться в кабину. На радостях он

только и вымолвил: «Вот это да!»

Сергей узнал — учиться на летчика можно только с восемнадцати лет. Ему только шестнадцатый. Ждать еще долго. Он решил схитрить и внести в паспорт отца, где перечислялась вся семья, «поправку» — прибавить себе два года. Нужна была и справка о состоянии здоровья. Пришел к фельдшеру Макаровскому.

— Чего тебе? — спросил Макаровский.

— Надо справку.

— Ты же здоров.

— Вот мне и надо такую. Хочу поступить в школу летчиков.

— Отец знает?

— Пока нет.

— Ну, так я скажу. Он тебе покажет летчика!..

Разговор с отцом был не из легких.

— Ну, как там в небе, есть дела? Земные ты уже все переделал: и выучился, и наработался, и хозяйством обзавелся? В небе, наверное, легче?

— А я не ищу легкого!

— Раз так, то незачем и ходить к фельдшеру. Выкинь из головы!

Сергей хлопнул дверью, молча ушел из дома. Но «выкинуть» авиацию из головы было уже невозможно. Все книжки, имевшиеся в Шумихе по авиации, он прочел.

В летние каникулы, выхлопотав как член семьи железнодорожника бесплатный билет в Москву, Сергей поехал навестить брата.

Жил у Ивана в общежитии. Когда тот уходил на занятия, Сергей уезжал смотреть Москву, бывал, на Ходынском поле у центрального аэродрома. Подолгу смотрел, как величаво выруливают на взлетную полосу серебристые птицы, как они стремительно взмывают ввысь. Росла в душе мечта летать.

В газетах красочно писали о новых самолетах, о летчиках. Сергей вырезал из одной газеты снимок Михаила Громова. Он знал о его полете из Москвы в Пекин сквозь туманы и грозы над горными хребтами, окутанными облаками, над безлюдной пустыней Гоби и о том, как на самолете «Крылья Советов» он за три дня облетел все столицы Европы.

Когда Сергей вернулся домой и рассказал своим сверстникам о том, что видел и узнал в Москве, не все верили. Это особенно огорчало Сергея. Раньше-то никто его не считал вруном, а вот теперь…

Вскоре приехал домой Иван Грицевец. Учебу в институте он

совмещал с общественными нагрузками: участвовал в борьбе с беспризорностью, в ликвидации безграмотности, в организации пионерских отрядов. Комитет комсомола института на своем заседании обсудил решение общемосковского собрания юных пионеров по вовлечению молодежи в пионерские организации и решил: обязать студентов-комсомольцев в каникулы организовать по одному пионерскому отряду.

Иван встретился с секретарем Шумихинского райкома комсомола Егором Евсейчиком.

19 июля на бюро райкома комсомола приняли решение:

> «организовать пробный отряд юных пионеров при Шумихинской железнодорожной ячейке, как при ударной… Назначить начальником отряда Ивана Грицевца, а в помощники выделить того, кого он потребует… В пионеры должны вступить все комсомольцы ячейки от 14 до 16 лет и быть в отряде примерными…»

Согласно решению райкома, вступил в пионеры и Сергей Грицевец. На организационном собрании его избрали вожатым звена. С этого поручения и началась его общественная работа.

В партийном архиве Курганского обкома КПСС сохранился протокол пионерского собрания в Шумихе и обращение «к сознательным товарищам-гражданам», в котором говорится о том, что «юные пионеры — это члены великого будущего социалистического общества, и поэтому каждый сознательный гражданин, верящий в победу социализма, должен помочь этому зарождающемуся движению». Там же есть ведомость: для закупки красного материала на пионерские галстуки собрано 7 рублей 83 копейки. В ней стоит и подпись Ивана Грицевца, выделившего из своей шестирублевой стипендии на нужды пионерского отряда имени Розы Люксембург пятьдесят копеек.

В Москву, в институт, Шумихинский райком комсомола сообщал, что Иван Грицевец выполнил комсомольское поручение, организовал пионерский отряд, выступал с докладами на объединенных собраниях комсомольцев железнодорожной и поселковых ячеек по международному положению и об электрификации России.

20 июня 1926 года Сергея принимают в комсомол. Его избирают в бюро ячейки, вводят в состав школьного совета. Надежный парень, способен выполнить любую работу — так думали о нем его товарищи.

Сергей постоянно чем-нибудь увлечен. То он организует комсомольско-пионерские субботники по устройству катка (его

личные коньки давно уже стали общественной собственностью), то создает пионерскую комнату, то с ребятами собирает материал по истории края и пионерского движения, то что-то изобретает по самолетостроению.

После окончания школы Сергей собрался в Златоуст. Отец был грустен: третий сын покидает родной дом. Внешне суровый и вспыльчивый, он очень любил детей.

И вот отцовская рука лежит на плече Сергея.

— Раз уж решил ехать — поезжай. Рабочие руки сейчас везде нужны. А если что не так — возвращайся, будем вместе робить.

— Ладно, батя, там видно будет.

— Вот я и говорю, чтобы видно было, а не в потемках плутать. Понятно?

— Понятно.

Иван Антонович долго скручивал «козью ножку», затянулся крепчайшей махоркой.

— Только вот беда… Деньги, что остались после матери, мы потратили… на дорогу тебе дать нечего. Вот разве полпуда муки?

…С котомкой муки, на тормозной площадке товарного вагона приехал Сережа Грицевец в Златоуст.

Первая высота — Косотур

Чуть вздрагивает небо над Златоустом. Это отсветы металлургических печей. Клубы дыма, уходящие в небо из высоких заводских труб, кажутся то алыми, то розовыми, то оранжевыми. В Златоусте есть старики, которые по цвету и густоте дыма точно определяют, как идут дела на заводе.

В отделе кадров сказали: надо подождать. Что делать? Город хоть и небольшой, но совсем незнакомый. Куда податься? Товарищи Сергея махнули рукой и собрались на вокзал ехать домой.

— Я не поеду, — сказал Сергей.

— Ну и жди, а с нас хватит. Есть нечего, жить негде.

На работу Сергея приняли через несколько дней учеником слесаря в эфесный цех.

Сергей поселился на одной из Нагорных улиц. Зимой можно прямо от дома съехать на санках к заводским воротам. Платой за квартиру была котомка с мукой. Мастер, учеником которого стал Сергей, в первый же день сказал:

— Завтра пойдешь не в цех, а в музей. Смотри там, в какое место попал. Познакомься с делами дедов и прадедов наших, может, и сам станешь уральским умельцем.

В музее у Сергея разбежались глаза. Сколько же здесь было образцов великолепного старинного оружия: шпаги, сабли, шашки, палаши! С эфесами из золота, серебра, слоновой кости! С богатыми ножнами, отделанными бархатом, цветной кожей, уральскими самоцветами! И все сделано руками златоустовцев в цехе, где он будет работать.

На заводе творились чудеса. До сих пор в кузнечном цехе лучшие мастера ковали по 250—300 топоров в смену. Это считалось пределом. Молодые кузнецы-комсомольцы Василий Симонов и Павел Дударев решили создать ударную бригаду и перекрыть норму. Первая на Урале комсомольско-молодежная бригада не только выполнила, но и перевыполнила сменное задание. Их имена занесли на Доску почета, премировали. Вскоре другие цеха подхватили почин и тоже создали ударные бригады. В одну из них и попал Сергей Грицевец, который уже работал сборщиком. Бригада приняла решение: во время смены не останавливать станки, передавать их на ходу, из рук в руки. Производительность увеличилась. Одна бригада вызывала на соревнование другую. Сергей успешно выполнял задания, и его фотографию как ударника труда поместили на заводской Доске почета. Заметка о достижениях Сергея была напечатана в газете

«Заводской гудок». А вскоре он стал участником 1-го Всесоюзного слета ударников.

В 1929 году в Златоуст приехала сестра — Женя. Вслед за ней — Коля Дерябкин. Женя стала работать на заводе, училась на вечернем отделении техникума. Николай стал неплохим молотобойцем, но скоро его уволили как сына священника. Сергей ходил в завком, в партком, к директору. Объяснял, доказывал: нельзя ломать жизнь парню, — предъявлял затребованную из Шумихи справку о том, что бывший священник, отец Николая, ныне работает счетоводом. Добился своего: Дерябкина восстановили на работе.

Комсомольцы цеха прониклись к Сергею большим уважением за твердость характера и справедливость. На собрании избрали Грицевца комсоргом.

Зимой на заводе не хватало топлива. Грозила остановка завода. Сергей Грицевец возглавил молодежную бригаду. Выехали в лес. Обосновались вблизи полустанка в бараке, оставленном здесь строителями Самаро-Златоустовской железной дороги. Бараку полвека, но построен он фундаментально и неплохо сохранился. Пришлось лишь починить печки, забить досками окна.

Зима выдалась злющая. Морозы — 30—40 градусов. По пояс в снегу, гуськом пробирались ребята к лесосеке. Стучали топоры, визжали пилы, росли поленницы дров. От мороза спирало дыхание. Холод забирался за воротник, студил спину, леденил колени. Оттирали снегом обмороженные щеки, но работу не бросали.

Сергея направили на окружные курсы профработы, он стал председателем цехового комитета школы ФЗУ. К брату Ивану писал:

> «Работы много, ребята стараются, но, к сожалению, есть у нас еще и прогулы, и невыполнение плана, и грубость, и пьянки. Быт ребят не налажен. На каждом шагу узнаешь: нет того, нет другого, и все приходится доставать с большим трудом. А самому на учебу совсем не остается времени…»

В январе 1930 года рабочие назвали свой завод Ленинским. В эти дни о приеме в партию подали заявления 683 человека. Среди них был и Сергей Грицевец.

> «Хочу быть в первых рядах рабочего класса. Все свои силы, а если потребуется, то и жизнь, отдам во имя моей

Родины. Устав и Программу партии большевиков признаю и буду выполнять их с честью и достоинством», — писал Сергей.

Через год ему вручили партийный билет. Принимая его, Сергей заверил членов бюро райкома, что через всю свою жизнь, где бы он ни был, достойно пронесет звание коммуниста.

На конференции Грицевца избрали в горком комсомола заведующим кооперативным сектором.

В мае 1931 года секретарь горкома комсомола, зашел к Сергею Грицевцу с радостной вестью: в горком пришло пять путевок в летные военные школы. Объявлен призыв молодежи в авиацию!

— Где объявлен? У нас в Златоусте?

— Да нет, по всей стране.

Сергей поехал в Оренбург, в школу летчиков.

Пятый океан

В Киеве Грицевца встретили хорошо. Командир отряда Владимир Александрович Судец познакомил с личным составом, объяснил задачи, которые предстоит выполнять. Сергей получил спецодежду, начал готовиться к контрольному полету с комэском.

Вспомнился Оренбург. Там было все благополучно. Если и ошибка, инструктор подскажет. А тут? Нужно отчитаться и за себя, и за школу, которая дала путевку в небо.

Но все обошлось нормально. Командир сидел молча, изредка поглядывая на карту, скорее по привычке сличая ориентиры. После полета сказал:

— Неплохо. Теперь осталось выполнить несколько самостоятельных полетов в зону, а там решим, как быть… Вопросы есть?

Их было немало, но как-то само собой вырвалось:

— Нет.

— Когда будут, заходите, не стесняйтесь.

Владимир Александрович отличался строгостью и высокой требовательностью к себе и подчиненным. Служить начал в 1925 году, сам окончил военную школу летчиков и требовал не только совершенной техники пилотирования, но и знания матчасти. Чтобы не допускать ошибок в небе, надо задания с большой тщательностью продумать и изучить на земле.

Грицевец летал много. С каждым днем полеты усложнялись.

Вместе с Сергеем в отряд прибыл Павел Рычагов. Сергей в сравнении с Павлом выглядел чрезмерно застенчивым и скромным. Большую часть свободного времени проводил среди техников, до всего хотел сам докопаться, во всем самому убедиться.

Рычагов и Грицевец были дружны, и когда у Грицевца на новых марках самолета не заладилось с посадкой, Рычагов помог ему разобраться в причинах неудач.

В это время должны были проводиться совместные учения авиации с Черноморским флотом. Комэск задумался: брать или не брать Грицевца?

Каждому командиру хочется на ответственных учениях выглядеть лучшим образом. Самолет, который только что начал осваивать Грицевец, в достаточной степени им не изучен. Возможны непредвиденные случайности. Состоялся откровенный разговор с летчиком. Сергей заверил, что все будет нормально. Командир решил взять Грицевца, но предупредил, что как летчик он еще молод, самолет для него новой конструкции, а поэтому

просил в учебный воздушный бой, если такой случится, не ввязываться. Сергей пообещал.

Учения начались для авиаотряда успешно. Выполнили основную задачу по обнаружению и «нанесению удара» по морским целям, но в это время в небе появились истребители «противника». Завязался «воздушный бой», где численное превосходство было на стороне «противника». Грицевец, помня обещание, ушел в сторону и вверх, но через несколько секунд начал пикировать. Атаковал грамотно. Через мгновение ушел в сторону, скрывшись из поля зрения.

Владимир Александрович не мог поверить тому, что Грицевец его ослушался, и тому, что молодой летчик так отчаянно и дерзко провел «бой».

На разборе учений Судец спросил Грицевца, почему он нарушил приказ. Сергей, опустив голову, ответил, что когда его товарищам трудно, поступать по-другому и оставаться в стороне наблюдателем он не может…

Его успехи не остались без внимания командования. Вскоре Грицевца назначили командиром звена.

В личной жизни Сергея тоже произошли изменения. На одном из вечеров в Доме Красной Армии он познакомился с выпускницей железнодорожной школы Галиной Орловой. Весной 1933 года Галина Евгеньевна стала его женой.

Не успел Сергей привыкнуть к семейной жизни, как получил новое назначение. На этот раз путь лежал на Дальний Восток. В край суровый и прекрасный, но совсем еще не обжитой. Части Особой Краснознаменной Дальневосточной армии учились военному делу и одновременно строили. Прибыв к месту назначения, Грицевец стал служить в истребительной авиационной эскадрилье. Летчики жили в бараке. Сергей волновался за жену, оставленную в Киеве. Галя ждала ребенка. Сможет ли добраться одна к нему на Дальний Восток?

Вспомнилось недавнее обращение жены командира полка Валентины Хетагуровой к женщинам и девушкам центральных областей России:

> «Дорогие подруги! Вместе со всеми дальневосточниками я зову вас приезжать к нам. Нам нужны слесари и токари, учительницы и чертежницы, машинистки и счетоводы, конторщицы и артистки. Все в равной степени. Нам нужны просто люди смелые, решительные, самоотверженные. И вот мне хочется, чтобы вслед за нами, подругами дальневосточных командиров, в наш край поехали тысячи отважных и

смелых девушек. Я призываю вас, дорогие подруги, сестры, комсомолки, девушки нашей страны, помочь нам в большом и трудном деле. Бросим клич — на Восток! Вас ждут тут замечательная работа, замечательные люди, замечательное будущее!»

Галина сможет. Она из тех, которые все могут преодолеть. Еще в первые дни замужества в гостях у подруги как-то зашел разговор о частых переездах по службе: «нынче — здесь, завтра — там».

— Тебя это пугает? — спросил Сергей.

— Нет, Сережа. За тобой я поеду хоть на край света.

И вот он предстоял, дальний путь на край света.

1 марта 1934 года на имя Сергея Грицевца пришла телеграмма. Дежурный принял ее и сразу, же позвонил на командный пункт, попросил сообщить Грицевцу, что у него родилась дочь. А Сергей был в это время в небе: в эскадрилью поступили новейшие скоростные истребители, отличавшиеся маневренностью и высокой вертикальной скоростью. Надо было выполнить показной полет, поразив воздушные цели. На аэродроме собрались командиры и начальники. Один за другим поражал Сергей шары-пилоты. После посадки шел на КП, а друзья бегут навстречу. Один за другим жмут ему руку и поздравляют.

— Иначе и быть не могло, — отвечает Грицевец, — Все-таки темп огня 800 выстрелов в минуту.

— При чем тут огонь? С дочкой тебя поздравляем!

Летом приехала Галина с трехмесячной Ларочкой. Отгородили угол в бараке. Кто-то принес кастрюлю, кто-то примус. За всеми этими мелочами нужно было ехать далеко, а времени не было.

Крепко подружился Сергей со штурманом эскадрильи Александром Павловичем Николаевым. Оба в совершенстве владеют техникой пилотирования, в воздушных боях не уступают друг другу.

И вот новые учения. На них присутствует начальник ВВС Особой Краснознаменной Дальневосточной армии комкор Альберт. Янович Лапин (Лапиньш). Это строгий, справедливый командир. Особое внимание обращал на то, чтобы летчики совершенствовали технику боя, учились тому, что будет необходимо на войне.

Предстояло провести несколько показательных воздушных боев на разных типах самолетов. Сергей должен был на самолете И-16 помериться силами с Сашей Николаевым, который летал на И-15. Нужно было выявить положительные качества нового

самолета и его недостатки.

Руководитель полетов дает команду на взлет. Набрали высоту, начали учебный бой. Выжимали из машин все, что можно. Но как ни старался Саша Николаев зайти в хвост И-16, ничего не получалось. Машина в высшей степени маневренна.

Во время разбора «боя» командир высоко оценил летное мастерство Сергея, особенно применение тактики боя на вертикальном маневре.

А скоро Грицевец возглавил скоростной перелет шести военных самолетов по маршруту: Бочкарево — Хабаровск — Спасск-Дальний, завершив его в рекордно короткий срок — 3 часа 10 минут.

25 марта 1936 года Сергею присваивают очередное звание «старший лейтенант» и направляют в Одессу, где при летной школе были организованы курсы воздушной стрельбы и высшего пилотажа. Это был первый набор летчиков-истребителей по усовершенствованию своего мастерства. Ехал в школу и друг Сергея — Александр Николаев.

Первая встреча с испанцами

— Хотя бы кто водицы морской принес в кружке показать, — шутили летчики.

— Живем у самого синего моря, да никак не выберемся к берегу.

— Пока любуйтесь с высоты, — советовал инструктор, светловолосый, небольшого роста старший лейтенант Иосиф Хотелов. — Всему свое время. Вот закончите курсы, и тогда…

— Тогда и вовсе будет некогда…

Каждый день был уплотнен до предела. В авиагородок Одесской военной школы воздушного боя прибывали опытные летчики со всего Союза. На первых прыжках с парашютом Сергей познакомился с Николаем Евдокимовым, прославленным в то время летчиком, мировым рекордсменом по парашютному спорту. В эти же дни демонстрировал сложнейший высший пилотаж Степан Павлович Супрун. Состоялась встреча слушателей школы с начальником Военно-Воздушных Сил РККА Я. И. Алкснисом, одним из организаторов этой школы. Было и еще много интересных встреч. А кроме того, инструкторы… Большим авторитетом у слушателей пользовался Петр Иванович Неделин. С двадцати лет служил он а армии. До Одессы командовал звеном в Ленинградском военном округе. Здесь он занимался с кадровыми летчиками, любое его предложение встречало одобрение и выполнялось безукоризненно.

Шли дни. Незадолго до конца учебы с Грицевцом произошел такой случай. Сергей на самолете И-16 буксировал «конус»-мишень для воздушной стрельбы. После учения его нужно было сбросить и произвести посадку, но трос заело, и мишень не отцеплялась. Решил садиться с ней, но, как говорят, одна беда не приходит — другую за собой ведет. Вышел на посадку и обнаружил, что не выпускается левое колесо. Сделал несколько кругов, но вторая «нога» не выходила.

С командного пункта поступил сигнал набирать высоту и прыгать с парашютом. Сергей еще и еще раз делал попытки выпустить шасси, и лишь тогда, когда горючего осталось в обрез, повел самолет на посадку с правым креном. Машину удалось посадить, правда, не обошлось без поломок.

Мастерством Сергея восхищались. Говорили, что он «схватил бога за бороду» и с небом на «ты». В этом была какая-то особая почтительность. Летчик-истребитель, взлетев, знает, что их всегда трое: он, самолет и небо. Они помогают друг другу.

И вот курсы закончены. Грицевец показал себя в числе

лучших слушателей и был оставлен в школе инструктором. Оставили и Александра Николаева в экспериментальном звене по обучению высшему пилотажу. Казалось, теперь появится свободное время и можно будет отдохнуть у моря, ласкового и доброго.

Но в мире было неспокойно.

16 февраля 1936 года в Испании состоялись внеочередные выборы в кортесы (парламент). Народный фронт одержал победу. Фашистская реакция не хотела мириться со своим поражением. Начальник главного штаба — генерал Франко предлагал президенту объявить в стране военное положение. Его не поддержали. Франко бежал на Канарские острова. Подготовка к заговору продолжалась. Заговорщики, в числе которых был генералитет, установили тесные контакты с Германией и Италией, где им была обещана помощь.

18 июля по сигналу, переданному радиостанцией Сеуты: «Над всей Испанией безоблачное небо», внутренняя контрреволюция подняла военный мятеж против республики. Незадолго до этого вылетевший из Лиссабона в Марокко генерал Санхурхо, который был вдохновителем мятежа, погиб в авиационной катастрофе, и вместо него на английском самолете с Канарских островов прилетел генерал Франко, который взял в свои руки командование восставшими частями.

Мятеж застал правительство Испании врасплох. Лидеры буржуазных республиканских партий были охвачены паникой, но не перед мятежниками, а перед собственным народом, который требовал оружия для защиты республики.

Выступая по радио, член Политбюро Компартии Испании Долорес Ибаррури говорила:

> «Трудящиеся всех политических убеждений! Правительство вкладывает нам в руки оружие, чтобы мы спасли Испанию и народ от ужасов и позора, который принесла бы победа кровавых палачей Октября! У нас не должно быть колебаний! Будьте готовы к действию! Каждый рабочий, каждый антифашист должен считать себя мобилизованным солдатом.
>
> Народы Каталонии, Бискайи и Галисии! Все испанцы! На защиту демократической республики! Коммунистическая партия зовет вас на борьбу!»

Ее призыв: «Но пасаран!» (Они не пройдут!), был подхвачен всем испанским народом.

5 августа 1936 года ЦК Компартии Испании обратился к антифашистам всего мира с призывом оказать помощь

борющемуся народу.

Из портов России ушли пароходы, груженные продовольствием, одеждой, обувью и другими товарами первой необходимости.

Вернулись наши пароходы с первыми сотнями сирот. Смуглые мальчишки и девчонки несмело сходили по трапу. Играл оркестр, заглушая людской говор. Несли на носилках больных и раненых. Женщины брали маленьких испанцев в свои дома, как родных детей. Многие испанские ребята отдыхали в пионерских лагерях. Вместе с советскими школьниками смотрели немые кинофильмы под аккомпанемент баяна, а вот обменяться впечатлениями не всегда могли. Учили слова и несложные выражения, чтобы хоть как-то объясниться. И первое, что запоминали и те, и другие, было: «амиго» — друг; «Вива, Эспанья либра!» — Да здравствует свободная Испания! «Грасиас, амиго! Мучас, грасиас!» — Спасибо, друг! Большое спасибо!

Испанские дети изредка получали почту с родины. Нужно было видеть выражение их глаз, поднятый над головой сжатый кулак и возглас: «Но пасаран!» И лица детей становились взрослее.

26 апреля тридцать седьмого года германские самолеты подвергли бомбардировке Гернику. Цветущий город, древняя столица страны басков, превращен в развалины. В один только день из 10 тысяч населения погибло 800 человек, среди которых женщины, дети, старики. Число раненых не поддавалось учету.

> «Это поистине репетиция тотальной войны, произведенная Германией и Италией в Испании, — той войны, которая никого не щадит, сеет повсюду смерть и разрушение», — констатировала парижская радикальная газета «Эвр».
>
> «Налет на Гернику был задуман и проведен с изумительной точностью, — писала лондонская «Дейли геральд». — Все самолеты и бомбы были германского происхождения. Летчики — немцы. Не захотела ли фашистская Германия испытать на беззащитном городе эффективность своих воздушных сил?»

Это сообщение больно отозвалось в сердцах всех советских людей.

В газете «Правда» было напечатано постановление ВЦИК СССР, в котором говорилось:

> «За образцовое выполнение специальных и

труднейших заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и проявленный в этом деле героизм присвоить звание Героя Советского Союза…»

и дальше шел перечень фамилий, среди которых была и фамилия бывшего однополчанина Грицевца Павла Рычагова.

«Так вот оно что, — думал Сергей. — Значит, Павел «там», а адрес дал московский».

Среди летчиков шел тихий, но упорный разговор:

— А не пора ли и нам туда в длительную командировку?

На имя начальника авиашколы поступил первый рапорт Сергея с просьбой командировать его в республиканскую Испанию сражаться против фашистов. В течение недели таких рапортов поступило много, и на все был дан отказ.

«Нет. Так дальше не могу, — думал Грицевец. — Пойду к Кутасину и скажу ему, что нельзя по-настоящему учить воевать до тех пор, пока сам летаешь в спокойном небе».

И вот он на приеме у начальника…

Автору посчастливилось встретиться с генерал-лейтенантом авиации Александром Ивановичем Кутасиным в домашней обстановке. Да, Александр Иванович хорошо помнит, как нелегко было разговаривать с летчиками, стремившимися попасть добровольцами в Испанию. Он вспоминает Грицевца:

— Спрашиваю его: «Вы сколько раз подаете рапорт и сколько раз нужно мне повторять одно и то же: от-ка-за-но! Вы что, решили доконать меня?»

Грицевец выслушал и говорит:

— Приказ есть приказ, но я буду вновь просить и вас и командование при первой возможности командировать меня в Испанию.

Тогда я достал из сейфа несколько исписанных листов.

— Посмотрите, что делается. Это все рапорты ваших приятелей: Неделина, Коробкова, Романова, Старкова. И все с одной просьбой: «Направьте в Испанию». На все эти рапорты есть отказы. Кроме вашего желания и зова сердца, есть еще и дисциплина, и другие задания… А что касается лично вас, товарищ Грицевец, то получено распоряжение направить вас и Романова инструкторами по обучению воздушному бою испанских летчиков.

— Так я же того и добивался, — с радостью в голосе произнес Грицевец.

— Не спешите радоваться. Вы будете обучать испанцев, прибывших к нам на учебу в Кировабад. Многие из них не только

не знают самолет, но и никогда его близко не видели. Работа вам предстоит не из легких.

Грицевец сразу не смог осмыслить такой резкий поворот дела. Уже выходя из кабинета, он решился спросить:

— Ну, а после того, как я их научу летать, мне разрешат отправиться вместе с ними?

Я только пожал плечами, ничего не ответив.

В группе испанцев, кроме летчиков, были шофер, автотехник, слесарь и даже один… барберо — парикмахер. Они должны были начинать все с азов. Занятия — напряженные. С трех-четырех часов утра и до позднего вечера теория и практика сменяли друг друга.

Но испанцы народ энергичный, сообразительный. Усваивали все быстро. И через два месяца Грицевец испытал удовольствие, видя, как подготовленный им пилот, на этот раз сам, без помощи инструктора, уходит в небо.

Почти полгода Грицевец с другими товарищами учили испанцев. Не один десяток «камрадов», выходцев из Андалузии и Кастилии, Галисии и Валенсии, освоили технику ведения воздушного боя.

В последней группе испанцев уже не было таких, кто не умел летать. Приехали переучиваться военные летчики и пилоты гражданской авиации, оставшиеся верными республике. Большинство сражались с фашистами, но на старых самолетах. Предстояло изучить истребители И-15 и И-16.

Нужно было пересмотреть учебный процесс. Эти парни не новички в авиации, заметят не только малейший промах, но и по должному оценят мастерство инструктора. Они и сами могут кое-что показать, только эти машины для них новинка.

Работать стало легче: освоили испанский. Раньше не знали даже необходимых слов: взлетная полоса — «камподевуело», взлет — «вуело», посадка — «атеризаже». Теперь могли объясняться без «интерпрете» — переводчика. Недостатка в разговорной практике не было. Инструктор показывал на какую-либо часть самолета и называл ее по-русски. Испанцы называли по-своему. Несколько повторений — и запомнили.

Особенно радовали Грицевца успехи пилота-республиканца Маргалефа. Он быстрее других понял машину и смело вел учебный бой. Сергей был уверен, что и настоящий он поведет так же успешно.

Незадолго до окончания курсов Грицевец получил письмо от жены. Галина писала:

«Дорогой Сереженька! Наша дочурка обзавелась целой эскадрильей игрушечных самолетиков. Все ее подружки играют в куклы, а она в самолетики. Выстроит их на коврике и рулит. Говорит: «Полечу к папе, привезу его домой». А тебя все нет и нет. Очень скучаем без тебя…»

Маленькая дочурка, Галина, счастливые одесские друзья и горящая в небе Испания!

Вскоре после приезда из командировки Сергей предлагает своему другу Павлу Коробкову еще раз написать рапорт.

В конце мая пришло разрешение на выезд. Радости не было границ. Осуществлялось главное желание — непосредственно своими руками отстаивать свободу Испанской республики.

Специальное задание правительства

Об истинной цели командировки знали не многие. В Москве, в штабе ВВС, состоялся прием. Летчики из Одессы влились в отряд из Киевского военного округа. Все ехали добровольно, по зову сердца, на помощь борющемуся народу Испании.

Старшим группы назначили Петра Ивановича Неделина. Последние советы и указания. Получены заграничные паспорта. Имена, фамилии другие. Профессии у всех разные. Грицевец — «музыкант», Коробков — «заготовщик оливкового масла», Сапронов — «техник слабых токов», Неделин — «слесарь»…

За день до отъезда из Москвы всю группу летчиков привезли на аэродром, где стоял немецкий истребитель «мессершмитт». Его в неимоверно трудных условиях наши разведчики совместно с испанскими товарищами, перегнали на республиканский аэродром, а потом с неменьшими трудностями доставили в Москву.

Показательный полет провел майор Супрун. Он же рассказал об особенностях этой немецкой машины. Летчики основательно знакомились с сильными и слабыми ее местами.

Вечером Сергей написал домой письмо:

> «Добрый день, дорогая Галочка и дочь Лариса. Вот я и в Москве, а завтра, 6 июня, выеду по назначению.
>
> Проездом я дал телеграмму отцу, и он встретил наш поезд. Мы виделись две минуты. Он что-то многое хотел сказать мне и, по сути дела, за это время ничего не сказал. Уж очень расстроился…»

К лету 1938 года соотношение сил в небе Испании сложилось не в пользу республиканцев. Фашистская авиация насчитывала около 400 истребителей и примерно 300 бомбардировщиков. В республиканской же армии было около 100 истребителей и два десятка бомбардировщиков.

Единственным способом избежать потери Каталонии или хотя бы отсрочить ее было бы получение из Советского Союза большой партии оружия. Для этого и приехал в Москву Игнасио Идальго де Сиснерос, командующий авиацией республиканской Испании.

Его приняли руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

Список нужного вооружения самому Сиснеросу казался фантастическим: Испания просила 250 самолетов, 250 танков,

четыре тысячи пулеметов, 650 орудий и все остальное примерно в таких же размерах.

Советское правительство удовлетворило просьбу полностью и предоставило Испанской республике заем на сто с лишним миллионов долларов.

Воевать на новых самолетах, которые уже грузили на пароходы, должны были советские летчики-добровольцы, в том числе и те, среди которых был Сергей Грицевец.

Прибыли во Францию. На пограничной станции проверка документов и багажа.

— Вотр ном де фамиль? — спрашивает полицейский.

— Моя фамилия Романов! — отвечает Николай, протянув заграничный паспорт. Грицевец, стоявший позади, толкнул его в бок.

— Пардон, мусье! Рамов, Рамов, — и для убедительности ткнул себя пальцем в грудь. — Николя Рамов!

Полицейский понимающе подмигнул. Видно, не впервые ему приходилось встречаться с добровольцами. Несомненно, он догадывался, куда направляются эти молодые люди.

— Сергио Горев, — представился Грицевец.

Все обошлось благополучно.

Летчиков разместили в отеле на Набережной. Здесь ничто не напоминало, что совсем рядом идет жестокая война. Музыка. Огни реклам. Влюбленные парочки. В доме напротив пели, плясали, а у входа плакала женщина.

— Весело здесь, но наша Одесса лучше! — говорит Романов.

Сергей прислушался к обрывкам музыки, к тихим репликам товарищей.

Что-то ждет их впереди?

Очень долго проверяли документы. Наконец, со всеми формальностями покончено. Получено разрешение на посадку в поезд. Но его нет, и неизвестно когда будет. Нужно проехать только тоннель, а он на территории Франции. Фашисты несколько раз намеревались сбросить на него бомбы, но все же отказывались от этого разбоя — придется нести материальную ответственность за причиненный французам ущерб.

Когда прибыл поезд, в вагон вошел станционный служащий. Он еще раз проверил документы и дал расписаться в том, что пассажиры переезжают границу на собственный страх и риск. Это даже рассмешило наших ребят. Да разве ж это страх и риск?

Вокзал в Порт-Бу оказался крытой платформой. Где только

возможно наклеены различные плакаты.

Прибыли в Фигерас. Опять все заклеено плакатами и лозунгами. Тут и «Но пасаран!», и «Да здравствует анархия!», и «Долой Франко-пекеньо (коротышку)!», и «Да здравствует независимая Испания!»

На одном из плакатов — республиканец в альпаргатас (тряпичные туфли на войлочной подошве) топчет свастику, рядом самолет с фашистским крестом сбрасывает бомбы и мать прижимает к груди ребенка.

Первые признаки войны. Когда-то беломраморный, город выглядел, мрачно: вокзал с разбитыми окнами и длинный станционный перрон были безлюдны. На привокзальной площади незасыпанные воронки от бомб. Редкие прохожие тревожно смотрят в небо. Недалеко аэродром.

Город с закопченными домами и старинными особняками на холмах спускался к самому Средиземному морю. С другой стороны на фоне ярко-лазоревого неба четко вырисовывались зубчатые вершины гор. Воздух горячий и влажный. Дышать тяжело. Опаленная испанская земля…

Летчиков отвезли на аэродром. Первыми, кого они увидели, были, конечно, мальчишки.

— Руссо? Советикос?

— Си! Носотрос амигос! (Да! Мы ваши друзья!)

Летчики угощали малышей шоколадом.

— Салюд! Салюд! Виктория!

Потом появились и взрослые. Испанцы — открытый и дружелюбный народ. Они встречают не первого русского, но им все равно интересно. Спрашивают, как живет наша страна, которая делится с испанцами всем, что у нее есть.

Яркие лучи солнца и бездонная небесная голубизна. Цветы. Много цветов.

В тени деревьев замаскированы истребители. Вскоре на аэродроме появился полковой комиссар Филипп Александрович Агальцов. В Испанию он прибыл в апреле 1937 года под именем Мартин. Старший группы Неделин доложил но уставу. Комиссар по-дружески поздоровался, расспросил, как добрались, каково самочувствие. У него были усталые глаза и озабоченное лицо. Обстановка сложилась нерадостная. Силы неравны. Республика задыхалась в тисках блокады.

— Вы смените группы майоров Родина и Глушенкова, — говорил Мартин новоприбывшим. — Товарищи хорошо здесь поработали, смело дрались. Они заслужили отдых. Надеюсь, что вы будете воевать не хуже!

— У нас настроение боевое, — ответил за всех Грицевец.

— Мы на это и рассчитываем. Иначе вы не были бы здесь.

Мартин, как никто другой, знал слабые и сильные стороны врага.

— Поверьте моему опыту, — продолжал комиссар, — всегда первыми ищите боя и будете в выигрыше. Настоящий летчик-истребитель ищет противника уже на взлете. Я в этом убежден.

В ожидании боевых вылетов начали изучать карту района предстоящих действий.

Через два дня на аэродроме приземлился истребитель И-16. Прилетел комэск Глушенков. Ему было поручено отобрать группу для вылета на фронт Леванта, как называли восточные провинции Испании. Какова же была его радость, когда среди прибывших он увидел своих товарищей-одесситов.

Уже на аэродроме в Лирии встретились с командиром группы Федором Васильевичем Родиным. Во время завтрака состоялось знакомство со «стариками». Все они имели на своем боевом счету не один сбитый самолет и теперь пристально вглядывались в лица тех, кому предстояло принять их боевые машины. Самолеты уже не раз бывали в ремонте и внешне выглядели совсем изношенными. На них и предстояло драться с новыми «мессершмиттами» и «хейнкелями», «фиатами» и «юнкерсами».

Весть о прибытии новой советской группы облетела близлежащие аэродромы. Вскоре старенький грузовик лихо подкатил к столовой. Из кузова спрыгивали испанцы с оплетенными бутылями вина. Шумной толпой они вошли в столовую, с радостными приветствиями обнимали друзей. Появились порроны — стеклянные сосуды, напоминающие одновременно и чайник, и колбу. Подняв их высоко над головой, струйку вина направляют прямо в рот. Тотчас же стали предлагать нашим ребятам попробовать самим, но из этого ничего не получилось. Больше было пролито, чем попало в рот.

С присущим южанам темпераментом делились испанские друзья новостями. Сражение за Валенсию было в самом разгаре. Республиканцы под напором превосходящих сил мятежников вынуждены были отступить, но всякий мало-мальски выигранный бой вселял в них чувство восторга, и они, позабыв о потерях, на все лады, порой с заметным преувеличением, рассказывали о победах. Верили в успех Сопротивления и надеялись, что вместе с русскими одержат верх над фашизмом.

Для вновь прибывших наступил ответственный этап: надо было войти в курс боевых действий. Климат явно не из легких. Нестерпимо палит солнце. От знойного, горячего воздуха пересыхает во рту. Нельзя дотронуться до самолета рукой.

— Ничего, — успокаивают «старики», — привыкнете, это не

самое страшное. Там труднее, — и они поднимают головы вверх, туда, откуда в любую минуту мог появиться враг.

Совершили несколько тренировочных вылетов. Однообразная местность. Замаскированные аэродромы, а кое-где и ложные. Связи нет. Все управление ракетами да выложенными на летном поле полотнищами, да и то не всегда.

В одном из полетов километрах в сорока от линии фронта встретили звено «фиатов». Их легко опознали по неубирающимся шасси. Командир покачиванием крыльев дал сигнал «Внимание, к бою»! Силы равные. «Фиаты», шли встречным курсом, не меняя высоты. Сближались быстро, но когда до фашистов осталось две-три сотни метров, те, нарушив боевой порядок, резко отвернули в сторону. С обеих сторон прочертили небо трассирующие пули. Один из «фиатов» перевалился через крыло и, оставляя за собой шлейф черного дыма, рухнул вниз. Кто сбил врага, не установили, да и не в этом суть. Все пойдет в «общий котел», в общий счет. Важно другое — выигран первый поединок.

Нервы наших оказались крепче, глаз — зорче, выучка — лучше. Во время разбора боя командир отметил, что «новички» воюют не хуже «старичков». По неписаному закону в честь боевого крещения причитался приличный обед.

Но красная ракета прервала поздравления. Летчики бегом бросились к самолетам. Федор Родин, вскочив в легковую машину, помчался к штабному домику. Пока самолеты выруливали на старт, он уже несся обратно, и, подъезжая то к одному истребителю, то к другому, ставил боевую задачу. Фашисты перебрасывают по шоссе на автомашинах свои войска. Необходимо уничтожить автоколонну, не дать вражеским частям соединиться.

Поднялись в воздух. Вскоре увидели вражескую колонну и группу немецких «мессершмиттов» на встречном курсе. Родин покачиванием крыльев подал команду: «Внимание, до «мессеров» не более пятисот метров!» Командир, используя некоторое преимущество в высоте, направил самолет на машину противника и атаковал. Сергей поймал один из самолетов врага в прицел и, продолжая сближение, нажал на гашетку. Длинная очередь пришлась по фюзеляжу «мессера», но он продолжал лететь. Сергей ушел вправо с набором высоты и вновь начал пикировать на подбитый «мессершмитт». Враг пытался увернуться, но после двух коротких очередей «клюнул носом» и камнем пошел вниз.

Мелькали огненные трассы, ревели моторы, строчили пулеметы…

Задымил второй «мессер», но бой не стих. Видно, что те и другие летчики на «ты» с высшим пилотажем.

Самолет Грицевца зажали две вражеские машины и не давали возможности пристроиться к своим, занять место в боевом порядке. Вести бой сразу с двумя новейшими немецкими истребителями, превосходящими по скорости, маневренности и вооружению все существовавшие ранее зарубежные однотипные самолеты, было трудно.

Сергею удалось уйти вниз и, сделав глубокий вираж, вновь набрать высоту и ринуться на противника. В это время Коробков и Неделин пришли ему на помощь, атаковали «мессера» справа, а Сергей вступил в поединок с оставшимся самолетом. Противник был ловок и смел. Но одна из очередей стала для него последней. Уцелевшие машины фашистов кинулись в обратный путь.

Родин подал сигнал к сбору. Надо было нанести штурмовой удар по автоколонне.

Снизились до минимальной высоты, обстреляли врага. Вспыхнуло несколько автомашин. Разбегались по сторонам солдаты.

В этот день Сергею исполнилось двадцать девять лет. Товарищи на аэродроме поздравили Грицевца и с днем рождения, и с открытием личного боевого счета.

В поздравления внес некоторую заминку механик самолета Рафаэль. Подбежав к Сергею, он взволнованно показал ему пятерню:

— Камарадо Сергио, синко брачас!

В кабине самолета зияло пять пробоин.

Вечером был праздничный ужин. Сергей играл на гитаре. Николай Герасимов на баяне.

Большинство испанцев за эти два года выучили много русских слов, могли даже подтягивать песни. Да и наши ребята уже без переводчиков понимали испанцев.

Конечно, бывали случаи, когда и те или другие не могли точно объяснить или понять отдельные слова, и тогда даже переводчик, листая словарь, все повторял:

— Эсперем ун моменто, подождите минуточку…

Но темпераментные испанцы ждать не могли, жестами и мимикой пытались объяснить сказанное, и в конце концов понимали, о чем идет речь.

Испанцы рассказывали о своей стране. 25 миллионов испанцев проживают на Пиренейском полуострове, Балеарских и Канарских островах. В административном отношении страна делится на 47 континентальных и три островных провинции. Кроме того, сохранилось деление на исторические области. Уроженец Барселоны Грегорио Мойя расхваливал свой город, считая его лучшим в мире. Особенно бульвар Рамблес, что в

переводе с арабского — высохшее русло. Он начинается у входа в Барселонский порт, где стоит памятник Христофору Колумбу. А посредине бульвара, окаймленного цветами и платанами, движется или торгует, покупает или просто отдыхает самая пестрая публика, начиная от нищего, чистильщика обуви и кончая знатными сеньорами.

А красавица Пласа-де-Каталунья — центральная площадь!..

Но его на полуслове обрывает Ангито:

— Чего ты расхвастался? Почему ничего не говоришь о портовом квартале Баррио-Чина, где и две машины разъедутся с трудом, или о трущобах Вернеды, где за ведром воды полдня простоишь у колонки. То ли дело наш Толедо! Чтобы узнать Испанию, нужно побывать в Толедо. Он один, больше всех других городов, вобрал в себя историю страны. Ведь недаром он раньше был столицей. В Толедо сохранился дом выдающегося нашего художника Эль Греко…

Но и Ангито не дают договорить. В спор вступает Мануэль — в прошлом преподаватель университета:

— Ombre! Приятель! А знаешь ли ты, что настоящее имя Эль Греко — Доменико Теотокопулос и родом он из Греции? Если русским друзьям интересна наша страна, где они сегодня стоят в одном ряду с нами, а некоторые остались в нашей земле навсегда, то давайте расскажем им о нашей столице. Вся Испания хороша! У нас много, очень много интереснейших мест, связанных с замечательными именами мировой культуры. Лопе де Вега и Сервантес, Гойя и Веласкес, Бласко Ибаньес и Перес Гальдос, Гарсиа Лорка Федерико и Антонио Мачадо-и-Руис жили и работали под небом Испании…

— Зачем вспоминать об этом? — вмешивается в разговор Антонио. — Что было, то было. Теперь мы вместе с русскими друзьями и всеми, кто пришел нам на помощь, должны отстоять и сохранить все то, что должно по праву принадлежать нашему народу. Мятежники с каждым днем захватывают все больше и больше земель, где жили наши отцы, деды и прадеды. Всего стало мало у испанцев, только горя и страданий, нужды и лишений — через край.

В этот поздний вечер, перешедший давно уже в ночь, наши ребята узнали очень много о жизни испанского народа. А когда все улеглись спать, Грицевец начал письмо:

«Добрый час, дорогие Галочка и Лорочка! Сегодня у меня большой праздник. К работе я уже приступил. Работа очень интересная и довольно-таки нескучная, да и вообще скучать не приходится. Не удивляйтесь тому,

что я вам пишу такие короткие письма. Та обстановка, в которой я нахожусь, оправдывает данное положение.

Галочка! Когда ты будешь писать мне письмо, то опиши здоровье Лорочки и свое обязательно. Будьте здоровы. Берегите себя. Целую вас крепко. Ваш Сережа.

7 июля 1938 года»

Вскоре было приказано перебазироваться из провинции Каталония в Валенсию. Испанцы, которые подружились с нашими летчиками, с грустью провожали их на новое место. На прощанье они клялись никогда не забывать русских друзей. Мы надеемся, что они сдержат свои слова, ибо честность — одна из прекраснейших отличительных черт многострадального и свободолюбивого народа Испании.

Приземлились на аэродроме Утьель. Туда же прибыла вторая группа добровольцев. Встреча была шумной и радостной. Не успели обменяться впечатлениями, как услышали крики испанцев:

— Авионес! Авионес! Аларма! Аларма! Тревога!

Действительно, несколько в стороне от аэродрома летели фашистские бомбардировщики под прикрытием истребителей.

— Кабронес! — ругался кто-то из испанцев.

Начальник аэродрома, капитан испанской армии, принимал по телефону распоряжения старших начальников.

— Немедленно поднять всех в воздух! — отдал капитан распоряжение своему помощнику.

Взвилась красная ракета. Летчики запускали моторы. Начальник аэродрома носился по летному полю на машине, отдавая приказания. Он называл только место куда лететь, остальное было и так ясно. Требовалось, как выражался Коля Герасимов, перефразировав Юлия Цезаря: «Прилететь, увидеть, победить!»

Республиканцы на И-15 («чатос») вели неравный бой с противником, и советская эскадрилья на И-16 (их любовно называли «мошки» или «москас») пришла им на помощь.

Эскадрилья Родина сковала действия истребителей противника, а испанцы атаковали бомбардировщики. Несколько фашистских машин задымилось, но и среди испанцев были потери. Два «чатос» вышли из боя и пытались уйти в сторону своего аэродрома. «Фиаты» стали их преследовать.

Тогда Сергей Грицевец рванулся на помощь друзьям. Одного фашиста ему удалось сбить, другой, не став испытывать судьбу, удалился восвояси. Остальные не думали отступать. Сергей, непрерывно отбиваясь от наседавших «фиатов», благополучно

обеспечил посадку «чатос» на аэродром.

Испанцы из эскадрильи Антонио Ариаса благодарили «камарада Сергио», так своевременно пришедшего на помощь. Летчика, которого защитил в бою Грицевец, звали Педро. Он был родом из Мадрида, жил на площади «Ворота Солнца» (Пуэрта-дель-Соль). Педро говорил так:

— Кастилия — сердце Испании. Мадрид — сердце Кастилии. Пуэрто-дель-Соль — сердце Мадрида. Если хотите узнать, как бьется сердце Испании, то побывайте на Пуэрто-дель-Соль. Десять улиц выходят на площадь «Ворота Солнца». Там, в самом центре, на тротуаре выбит на камнях контур Испании с надписью: «0 км. Начало дорог во всех направлениях». Внутри Пиренейского полуострова расстояния отсчитываются от этого камня.

Педро любил эти места. Отсюда он сделал свой первый в жизни шаг. А второй его шаг был далеко от мадридской площади, в небе Валенсии, и не будь рядом «русо камарадо», не ходить бы Педро по родной земле.

В нашей печати сообщалось, что в течение июня 1938 года республиканская авиация сбила 42 фашистских самолета, а потеряла 18. Эти цифры потерь и побед складывались из героизма и крови и наших советских людей.

13 июля командир эскадрильи Илья Григорьевич Шугуров поднял свою группу, чтобы прикрыть расположение республиканских подразделений у стыка важных дорог. Фашистские бомбардировщики под прикрытием «фиатов» несколько раз безнаказанно бомбили испанские позиции. А на этот раз «чатос» и «мошки» пришли на выручку наземным частям.

Погода была, как говорят, «видимостью в миллион километров». Над Сагунто республиканцы сразу опознали мятежников. Завязался тяжелый бой.

Самолеты Грицевца и Неделина атаковали «фиатов», а Шугуров с остальными «мошками» бросились навстречу «савойям». Звено Сергея вышло несколько левее группы «фиатов» и норовило зайти им в хвост. Противник, развернувшись, пошел в лобовую атаку, но, как обычно, в последнюю минуту фашисты отвернули. 12 огненных трасс с наших И-16 скрестились с огненным свинцом «фиатов». Один из них вышел из боя, но его место сразу же заняло целое звено. Силы были неравные. Группа Грицевца сумела на время сковать вражеские звенья и дать возможность командиру эскадрильи отогнать фашистские бомбардировщики от цели, а два из них подбить. Успешно дралось и звено Петра Неделина. Николай Герасимов сдержал слово: сбил «фиата», обещанного Рикардо. Когда тот штопорил к земле, Герасимов помахал ему рукой: передай привет Муссолини!

Второй сбитый фашистский самолет был на счету Грицевца.

С молниеносной быстротой мелькали в воздухе крылья «мошек». Вражеская группа рассыпалась. Внизу догорали «фиаты» и «савойи». Видны были купола нескольких парашютов противника, спускавшихся на позиции испанцев.

Фашистские пираты пытались вырваться из огненного кольца. Наши пилоты не давали им такой возможности.

В этом бою был подбит и самолет Шугурова. Он упал в горах. Погиб отважный командир. Плакали все, не скрывая слез.

Возможно, к нему и к таким, как он, относятся слова Ильи Эренбурга:

Под оливами могилу вырыв,
Положили на могилу камень.
На какой земле товарищ вырос?
Под какими жил он облаками?
И бойцы ссутулились тоскливо,
Отвернувшись, сглатывали слезы.
Может быть, ему милей оливы
Простодушная печаль березы…

Тут же от имени оставшихся в живых Василий Старков дал клятву отомстить за смерть командира.

Следующим вечером, когда машины были в руках техников, Сергей писал домой:

«Здравствуйте дорогие Галочка и Лорочка! Сегодня у нас был тяжелый день. Когда-нибудь я расскажу о нем…»

В этот день мятежники при поддержке фашистов перешли в решительное наступление. Имея многократное превосходство в живой силе и технике, они планировали в ближайшее время захватить Сагунто и открыть дорогу на Валенсию.

Франко в сговоре с Гитлером направил всю имеющуюся авиацию на войска республиканцев, а Муссолини бросил корпус «добровольческих» войск, в составе которого были дивизии «Литторио», «23 марта», «Черные перья», «Черное пламя», «Так хочет господь», «Стрелы». Всего свыше 50 тысяч человек.

Фашистские мятежники получили большую помощь также от Португалии. По приказу Салазара был создан легион в 20 тысяч человек. Чрезвычайно большую роль сыграли марокканские таборы — роты, навербованные франкистами в самых отсталых районах испанского Марокко и насчитывающие около 100 тысяч солдат.

Кроме того, здесь были разные авантюристы из других стран: французские кагуляры, венгерские фашисты, бельгийские рексисты. Мятежников активно поддерживал папа римский, призывая католиков «восстать против большевизма в Испании». Англия и США также оказывали помощь франкистам. Например, американские компании поставили им 12 тысяч грузовиков, 18 тысяч тонн бензина.

Против этой силы встали грудью защитники республики. На всю Испанию рядом с призывом: «Но пасаран!» звучали пламенные слова Пасионарии: «Лучше быть вдовой героя, чем женой труса!»

На помощь республиканцам прибыли добровольцы из многих стран, которые, не взирая на различные запреты и угрозы своих правительств, материальные трудности, часто без документов, пробирались в Испанию, чтобы с оружием в руках сражаться с фашизмом. Их называли «волонтеры свободы». Более 35 тысяч интернационалистов боролись за свободу Испании. В том числе более двух тысяч советских добровольцев.

Испанцы не могли самостоятельно противостоять фашизму.

Находились люди, опьяненные самыми незначительными успехами и не сознававшие реальной опасности. Воспринимали войну, как эффектное представление со стрельбой, со случайными жертвами и потерями, как победоносные атаки. Малейший успех вызывал бурю восторга. Возникали стихийные митинги с пением «Интернационала» или гимна «Риего».

Стремясь ослабить напор мятежников в Леванте, наши советники предложили республиканскому командованию подготовить наступление на позиции, занятые фашистами в Эстремадуре.

Удалось прорвать фронт, за несколько дней глубоко продвинуться между мадридской и южной группами противника. Фашисты вынуждены были снять часть своих войск с Левантского фронта, чтобы восстановить положение.

18 июля еще до рассвета наши ребята начали готовиться к вылету. Предполагалось, что в день второй годовщины войны неприятель постарается действовать активно.

Накануне побывали в гостях у советских летчиков испанцы. Один из них, Фернандо, долго расспрашивал об особенностях «чатос». Он только научился летать, и предстоял первый бой. Вся его семья погибла в Гернике, и теперь он рвался отомстить фашистам за своих близких.

Предположения республиканцев подтвердились. Едва лучи солнца проглянули из-за гор, как одна за другой стали поступать команды начальнику аэродрома, но ракеты, извещавшей команду

на взлет, не было. Утренняя свежесть располагала к раздумьям, возвращала мысли в далекое прошлое. Глядя на зубчатые вершины гор, Грицевец сравнивал их с родным Уралом. Сейчас там лучшая пора года, все в цвету, а здесь только выжженные бурые вершины да серо-зеленые рощицы. Нет того величия, суровости, как в родных местах.

Несколько дней назад Сергей Иванович с товарищами был в Валенсии. Цветы здесь покупали нарасхват. Некоторые из наших ребят, пожимая плечами, спрашивали:

— Неужели сейчас им до роз? Может быть, ночью фашистские бомбы смешают лепестки с кровью и пеплом…

Но испанец не может без цветов даже в такое время. В этом — своеобразное восхищение жизнью, презрение к смерти, дерзкий вызов врагу.

На центральной площади Сергея привлекли большие разбитые часы фирмы «Павел Буре». Такие же были на заводе в Златоусте. Вспомнилось недавнее письмо от Яковлева — друга юности. Он писал о родном заводе и тоже о цветах. Там, в Златоусте, у плотины, где раньше стояла старая домна, сейчас цветник, да еще какой, с фонтанами, с беседкой.

> «На правом берегу Ая, где был конный двор, — новопрокатный цех. На месте Барочной улицы построили калибровый цех, а там, где когда-то были заводские домики, — цех производства кос, сверловый и деревообрабатывающий. Снесли тигельный, и на его месте стоит цех режущего инструмента. Из «нержавейки» делают лопатки для турбин и валы для судоверфей, лекала и кислотоупорную сталь. Скоро будут делать такое сверло, о каком не могут даже думать за границей…»

Воспоминания прервал сигнал тревоги. Фашисты летели в сторону Валенсии.

Наши добровольцы, ведомые Грицевцом, развернулись наперерез вражеским истребителям. Перешли в атаку на встречных курсах. Почти одновременно с обеих сторон открыли огонь. Яркие трассы как бы соединили те и другие машины. Два фашистских самолета, оставляя за собой шлейфы черного дыма, пошли вниз… Еще несколько атак. И вновь дымят вражеские машины.

В начале боя Сергей, подав сигнал покачиванием крыльев, круто развернулся и перешел почти в отвесное пикирование на «хейнкеля», находившегося несколько в стороне и значительно ниже. Он несся навстречу с неимоверной быстротой, казалось,

вот-вот врежется в фашистскую машину. Оставались считанные метры, и к «хейнкелю» потянулись огненные струйки. Самолет покачнулся, «клюнул» носом и, входя в крутую спираль, стал падать. Сергей пронесся рядом, резко взял ручку на себя, и самолет по крутой вертикали снова пошел вверх, чтобы занять свое место в боевом строю. Снизу почти вплотную приблизился к «фиату». Сверкнули четыре огненных трассы — второй фашист, перевернувшись колесами вверх, камнем полетел вниз.

Пора было возвращаться на аэродром. Но на встречном курсе показалось еще 12 «фиатов». Они строем шли к Валенсии и, казалось, не видели «мошек». Крайне невыгодно принимать бой, когда боеприпасы и горючее на исходе.

Комэск подал сигнал набирать высоту. Обеспечив превосходство в высоте, Сергей энергично покачал крыльями, что означало: «Внимание, приготовиться к атаке!» — и повел эскадрилью навстречу противнику. Лобовая атака. Огненные трассы почти одновременно слились в единую цепь. Едва не задев вражеский самолет, Грицевец резким боевым разворотом ушел вверх. Осмотревшись, увидел, что эскадрилья атакует. Ведущий «фиат», наверное, получил повреждение и, неуклюже развернувшись, уходил к своим. И тут Сергей увидел на фюзеляже врага изображение черно-белого аиста. Аист всегда олицетворял верность родному дому. Сергей почувствовал бешеную ненависть к врагу, посмевшему на брюхе хищной машины нарисовать миролюбивую птицу.

— Нет, — решил Грицевец, — на аэродром ты не вернешься. Если патроны кончатся, на таран пойду, как Петр Нестеров, а уйти не дам!

Атака. Командир фашистов, кувыркаясь, падает. Строй нарушился. У врага сдали нервы. «Фиаты» кинулись врассыпную. Тактика у них своя, действуют по принципу «спасайся кто как может». Удирают, но преследовать нельзя: горючее на исходе.

Не успели на аэродроме осмотреть и заправить машины, как красная ракета вновь возвестила о вылете.

И опять неравный бой.

Звено Григория Венгерского атаковало несколько вражеских истребителей. Наши самолеты дрались против вдвое-втрое большего количества машин врага.

И самолет Венгерского был сбит. Погиб задушевный товарищ и друг, преданный боец за правое дело.

Через несколько лет, когда участие наших «волонтеров свободы» уже ни для кого не станет тайной, мы узнаем, что 157 советских добровольцев навсегда остались лежать в земле

Испании. 60 добровольцев стали Героями Советского Союза, 19 из них — посмертно.

Известный испанский поэт Рафаэль Альберти посвятил героям интербригад свое стихотворение:

О пусть далек ваш край — не существует «дали»
Для сердца, что поет, не зная рубежей.
Бойцу почетна смерть — вы эту смерть встречали
В горящих городах, среди немых полей.
О пусть далек ваш край, великий или малый,
На карте, может быть, не больше он пятна,
Вас общая мечта в одну семью собрала,
И вы пришли сюда, забыв про имена.
Как просто вы пришли, вам часто цвет неведом
Тех стен, что защищать геройски вы взялись,
Но гордо через смерть идете вы к победам,
Вы в битву, как в наряд весенний, облеклись.

Но внутри самой Испании единства не было. Не только «кинта Колумна» — «пятая колонна», но и анархисты и анархо-синдикалисты не хотели понять цели борьбы, ее важность и вели себя как заблагорассудится. Они требовали для себя установления восьмичасового рабочего дня в то время, когда наши летчики, танкисты, артиллеристы и другие специалисты не знали ни минуты покоя.

Советский доброволец генерал Вольтер (Н. Н. Воронов), ставший Главным маршалом артиллерии, вспоминал, как однажды батарея республиканцев прекратила обстрел позиций мятежников в самый напряженный момент боя. Когда Воронов обратился к командиру батареи с вопросом, почему прекратили огонь? Тот ему ответил: «Комида» (обед).

После очередного вылета не вернулся комэск, капитан Василий Федорович Якушин. Его тело удалось найти. На траурный митинг пришли боевые друзья и республиканские летчики, выступил Сергей Грицевец. Самые теплые, душевные слова были посвящены боевому другу и командиру.

Похоронили капитана Якушина по испанскому обычаю: пронесли гроб с телом через всю деревню, удерживая его с небольшим наклоном. Цветами был усыпан весь путь: от места гибели до места погребения. На кладбище гроб закрыли на ключ и замуровали в нише. Кладбищенский сторож отдал ключ Сергею Грицевцу…

Наше и республиканское командование было обеспокоено

гибелью командира эскадрильи. Советник Андреев, хорошо знавший летчиков, предложил комиссару Мартину назначить командиром Сергея Грицевца. Характеризуя его, Андреев отметил серьезность, деловитость, храбрость, инициативу и авторитет Сергея среди летчиков, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, вести за собой товарищей на выполнение боевой задачи.

Скоро перебазировались из Валенсии на аэродром поближе к Мадриду. Не успели приземлиться, как их окружили братья по оружию — испанские летчики.

— Сергио! Камарадо Сергио! — закричал один из них и, растолкав товарищей, бросился вперед.

— Маргалеф? — Грицевец обнимал своего ученика. — Встретились, значит?

— Я был убежден, что встретимся! Такой человек, как вы, Сергио, не мог остаться в стороне от нашей справедливой борьбы!

— Ну, рассказывай, как воюешь. Правильно ли учили тебя?

— Муй бьен. Очень хорошо! — от волнения путая испанские слова с русскими, говорил Маргалеф. — Тут есть еще ваши ученики, сейчас всех соберу.

Встреча носила деловой характер. Испанские летчики подробно ввели наших в курс событий. Заранее договорились о некоторых вариантах взаимодействия на случай боя. Если придется отражать налет бомбардировщиков и истребителей одновременно, то советские пилоты на И-16 свяжут боем истребителей врага, а республиканцы на И-15 будут уничтожать «юнкерсов».

Так и случилось на следующий день. Вражеские бомбардировщики под прикрытием истребителей направлялись в сторону столицы. Советская и испанская группы, взлетев по тревоге, набирали высоту. Дрожащие стрелки высотомеров приблизились к отметке пять тысяч метров. Стало трудно дышать. Но Сергей, а за ним и остальные машины поднимались все выше и выше. Когда была пересечена пятикилометровая граница, покачиванием крыльев подал сигнал к атаке.

Каждый пикировал на заранее выбранную цель. Один из фашистских истребителей охвачен пламенем. Дымится другой. Но их значительно больше. Чуть ли не тройное превосходство. Республиканцы не сумели вовремя прорваться к бомбардировщикам и вынуждены яростно отбиваться от их огня и огня истребителей. Советские летчики устремились на помощь испанцам. Один за другим покидали строй фашисты. Задымились и «юнкерсы». Один из них притворился подбитым и, имитируя падение, на малой высоте выровнял машину и удрал на бреющем

полете. Ему удалось перехитрить наших ребят, но прорваться к Мадриду он не смог.

После боя Сергей провел разбор. Охарактеризовав действия каждого, обратил особое внимание на то, как важна в бою взаимовыручка. Нельзя действовать поспешно, нецелесообразно стрелять с большой дистанции, нельзя отрываться от группы и не замечать, что делается вокруг.

Примеров на этот счет было предостаточно. Каждый день приходилось выполнять разнообразные задания: летать на разведку, штурмовать вражеские позиции, прикрывать наземные войска и, пожалуй, самое ответственное — сопровождать бомбардировщики. Обычно «СБ» взлетали со своего аэродрома и шли курсом на цель. С другого — поднималась эскадрилья истребителей с задачей выйти в назначенное время для сопровождения. Увидев своих, эскадрилья пристраивалась в боевой порядок и, набрав высоту, обеспечивающую достаточный обзор, сопровождала своих до цели.

Однажды точно вышли на вражеский аэродром и, несмотря на заградительный огонь зениток, сбросили груз на стоянку самолетов. Истребители врага не сумели подняться. На обратном пути «СБ», обходя зенитные батареи, значительно разомкнули свой строй, а в это время с другого аэродрома налетело более тридцати «фиатов».

«Фиаты» стремились атаковать наши бомбардировщики, но эскадрилья Грицевца надежно прикрыла их. Завязался неравный бой, в котором не численное превосходство, а умение и выдержка, мужество и решительность одержали победу. К тому же на помощь прибыла эскадрилья испанцев. Фашисты всячески избегали боя, когда в небе появлялись «чатос» и «мошки» одновременно. И на этот раз они поспешили скрыться, потеряв несколько машин.

Грицевец подал сигнал «собраться вместе», а потом, нарушив боевой порядок, подлетел к звену Павла Коробкова и, энергично жестикулируя, показал: мол, продолжай сопровождение. А сам лег на обратный курс. Трудно было сразу понять, чего хотел Сергей. Оказалось, что один из наших бомбардировщиков был подбит и снижался на малой скорости. Успеет ли дотянуть до своих?

«Фиаты» ушли, но они могли в любой момент вновь нагрянуть, тем более, что это их любимая тактика нападать на одного. Звено Сергея обеспечило благополучную посадку «СБ» и только после этого улетело догонять своих.

В народе говорят: «Горе, поделенное пополам, — полгоря. Радость пополам — две радости». Радость победы была радостью

всей эскадрильи.

Чтобы в какой-то степени уравнять соотношение сил в воздухе (республиканских самолетов было значительно меньше), приходилось вылетать в день по нескольку раз. Особенно часто ставилась задача патрулирования.

Сергей никогда не ограничивался пассивным барражированием и всегда стремился вести поиск врага.

24 июля звено охраняло с воздуха участок сосредоточения республиканских частей. На случай, если появятся самолеты фашистов, один из ведомых должен был лететь на аэродром и сообщить условленным сигналом о появлении противника, два других самолета — продолжать патрулирование или вступить в бой.

Вышли в отведенный квадрат, заметили на значительном удалении группу самолетов. Чтобы узнать, чьи они, надо было сблизиться.

Оказалось, что летели два «Юнкерса-87» в сопровождении трех «мессершмиттов». Сергей подал сигнал: «Набрать высоту, приготовиться к атаке». Неприятель заметил этот маневр и встал в «вираж», так что получился замкнутый круг вокруг «Ю-87». Каждый из «мессершмиттов» защищал хвост впереди летевшей машины, ожидая нападения. И тем не менее Сергей решил атаковать. Но с первого раза ничего не получилось. Длинные, огненные трассы вражеских машин не позволили подойти близко. Резким боевым разворотом звено ушло на подготовку новой атаки.

И-16 по-соколиному, сверху, на максимальной скорости пикировали на «мессершмиттов». Один из фашистов, потеряв управление, рухнул. Звено вновь рванулось ввысь, и летчики увидели, что на помощь фашистам летят «фиаты». Принимать бой в таком положении было явно невыгодно. Посылать ведомого подать сигнал своим — тоже не лучший выход. Уйти от боя возможно, это разумный вариант, но не в почете он был у Сергея Грицевца.

А черные кресты приближались. И тройка отважных И-16 пошла на сближение. Двенадцать сплошных огненных нитей дотянулись до фюзеляжа «юнкерса». Длинный черно-бурый след долго стоял в небе. А сверху «фиаты» пристреливались к нашей тройке. Пришлось бы, наверное, трудно. Но справа, со стороны солнца, замелькали желто-красные огоньки. Это «чатос» пришли на помощь своим друзьям.

Испанская эскадрилья была поднята в воздух по сообщению наземных частей. Они видели с земли смелый поединок звена «мошек» и дали знать по телефону на КП, а с командного пункта

сообщили на аэродром. Друзья явились вовремя. Сбили еще два «фиата»… Не вернулся из боя один из испанских сержантов.

Вскоре получили тяжелые ранения Иосиф Хотелов и Николай Романов. Их отправили в госпиталь.

Фашистские бомбардировщики под прикрытием истребителей бомбили позиции республиканцев. Зенитные батареи, пытавшиеся отогнать врага, сами стали объектами бомбардировок. Все надежды были лишь на авиацию. Уточнив на карте нужный маршрут, Сергей повел своих соколов в бой. К ним присоединилась эскадрилья «чатос» Ариаса. Ведомый Виктор Семенко (его в шутку называли «Рысьи Глаза») первым увидел фашистов и подал сигнал.

Более двух десятков истребителей охраняли «юнкерсов» и «хейнкелей». Пользуясь преимуществом в высоте, Сергей покачал крыльями: «Внимание, атака!» Вся эскадрилья спикировала на «мессершмиттов». Боевой порядок фашистов нарушился. Несколько самолетов получили повреждения, но продолжали бой. Одна атака сменялась другой. Яркими черно-красными факелами догорали на земле сбитые фашистские машины.

Неожиданно заглох двигатель на машине Федора Филиппченко. Федору удалось выровнять самолет и даже всадить трассу пуль в брюхо «мессеру», но и его самолет был подбит, а сам летчик ранен разрывными пулями в левую руку. Из простреленного бензобака горючее хлестало по кабине. Мгновение… и машина могла вспыхнуть. Видя неладное, Антонио Ариас подлетел к Федору и подал сигнал следовать за ним. Он указал путь на аэродром и сопровождал его до посадки, прикрывая от возможной атаки вражеских истребителей. Потом вернулся к месту боя.

Положение на фронте Леванта было почти безнадежным. По сообщению испанского командования мятежники захватили город Кастельон-де-ла-Плана и пытались контролировать дорогу из Сагунто на Теруэль.

В конце месяца прилетел комиссар Мартин и рассказал о том, что во второй половине июля республиканцы в строгой секретности начали готовить наступление на реке Эбро. Цель его — оттянуть силы мятежников от Валенсии.

В то же время в Лондоне, в комитете по невмешательству, велись дебаты о выводе иностранных войск из Испании. Почти полностью была закрыта граница с Францией, где были разгружены наши танки и самолеты для Испанской республики. Блокированы порты в Средиземном море, но только для наших

кораблей. Что касается Германии и Италии, то их помощь мятежникам продолжалась без ограничений.

Бои над Эбро

25 июля части народной армии и интернациональные бригады, находившиеся в Каталонии, объединенные в «армию Эбро» под командованием коммунистов Хуана Модесто и Энрике Листера, неожиданно для врага форсировали реку Эбро и прорвали в шести местах фронт мятежников на участке протяженностью в 150 километров. Фашистский генерал Баррон так оценил создавшееся положение:

> «Противник свалился на нас, как лавина, сметающая все на своем пути. Только за один день он продвинулся на 20 километров… нами овладело уныние…»

Итало-германская авиация усиленными бомбардировками пыталась парализовать наступление республиканских войск.

Началось самое тяжелое и самое длительное сражение за свободу Испании. Советским летчикам предстояло принять в нем участие.

Перед этим объединенную группу из числа истребителей разделили на две эскадрильи. Командиром второй эскадрильи назначили Петра Неделина. Секретарем землячества остался Василий Старков. Основная задача эскадрильи — патрулировать над линией фронта. Командиром пятой эскадрильи стал Сергей Грицевец, секретарем избрали Михаила Федосеева. Основная задача — сопровождение республиканских самолетов-бомбардировщиков на боевые задания.

Четвертой эскадрильей командовал испанец Антонио Ариас. День за днем войска Франко атаковали «армию Эбро». С потерями фашисты не считались, но продвинуться вперед не могли.

Нашим советникам и республиканскому командованию удалось добиться переброски «коммерческого груза» из Марселя в Порт-Бу.

В ящиках оказалось около сотни разобранных новеньких И-16. Их предстояло принять. Передавая старые «мошки», наши ребята рассказали испанцам о «капризах» и «характерах» машин.

Командование приняло решение: в первых числах августа перебазировать летчиков на аэродром Вальс.

60-тысячная армия Модесто за это время выбила мятежников на отдельных участках правого берега реки Эбро. Взято несколько тысяч пленных и много трофеев. Мятежники потеряли 11 тысяч солдат и офицеров. Была достигнута главная цель — спасена Валенсия.

Враг, получивший столь неожиданный удар, вначале замер, а придя в себя, стал лихорадочно перебрасывать войска из-под Валенсии, чтобы закрыть брешь на берегах Эбро.

4 августа полсотни республиканских самолетов, среди которых, кроме «чатос» и «москас», были испанские «Бреге-19», вылетели навстречу фашистской армаде численностью более 250 «фиатов» и «савойя».

Русские и испанские летчики сбили 12 фашистских самолетов, не потеряв ни одного своего.

После боя Грицевец, услышав от летчиков, как тяжело вести бой малыми силами, заметил в шутку:

— Чем больше вражеских машин, тем легче их сбивать. Мишеней больше, и промазать трудно, даже невозможно. В такой ситуации смелее сами нападайте. Другого — не дано.

Фашистские генералы решили: во что бы то ни стало найти и уничтожить «красные» аэродромы. Еще в начальный период войны в Испании советник Дуглас (Яков Владимирович Смушкевич) предложил создать несколько ложных аэродромов.

И противник не раз попадал впросак, сбрасывая сотни бомб, превращая в щепки макеты, а в это время нередко появлялись в небе настоящие республиканские истребители, нанося ощутимые удары.

Несколько таких аэродромов-приманок было создано и на фронте Эбро. После каждой бомбежки на поле как ни в чем не бывало выстраивались «новые» самолеты из фанеры. Их вновь бомбили… И все-таки фашистам удалось нащупать настоящий аэродром Вальс, хотя он прятался в котловине среди гор.

День был на редкость для испанского лета пасмурный. Густые облака на высоте не более 500 метров нависали над землей. Обычно в такую погоду фашистские летчики не поднимались в небо. Но тут внезапно послышался гул авиационных моторов. Так гудят только «юнкерсы». Хоть их и не видно, но ясно: они подходят к аэродрому. Почему нет сигнала на взлет? На аэродром прибыли командиры республиканской авиации, но они замешкались в штабе. Техники-испанцы находились в рефугио — убежищах. Некому завести моторы. А медлить нельзя. Сергей выстрелил из пистолета вверх и, натягивая на ходу шлем, помчался к самолетам. Из укрытий выскочили встревоженные технари. Побежали к машинам и другие летчики. Взревели моторы, и эскадрилья пошла на взлет. Пробив слой облаков, истребители кинулись на непрошеных гостей.

Через минуту-другую на краю взлетной полосы врезался в землю «юнкерс». Его бомбы взорвались на самом аэродроме, не причинив особого вреда. И тотчас слева и справа за пределами

летного поля раздались оглушительные взрывы, и кострами запылали на горных склонах вражеские бомбовозы. В этом поистине молниеносном сражении было сбито 11 фашистских самолетов.

За смелые и инициативные действия Сергею Грицевцу объявили благодарность. Республиканское командование особое внимание при разборе боя обратило на действия наших добровольцев и призвало испанских летчиков к разумной инициативе. Они порой шли на неоправданный риск и несли при этом большие потери. Не было достаточной выдержки, осторожности.

— Испанцы вообще не знают, что такое осторожность, — посмеивался Сергей, — возможно, в любви это хорошо, но воевать так не годится… И потом, чересчур много стреляют…

И снова Грицевец становился учителем… По нескольку раз в день поднимал он самолеты в небо. Вели разведку, ходили на штурмовки, были «телохранителями» улетавших на задание бомбардировщиков и огнем встречали чужих, охраняли с неба переправы через судоходную порожистую, стремительную Эбро.

…Изо дня в день фашисты штурмовали наспех укрепленные позиции республиканцев. И после каждой атаки с потерями возвращались на исходные позиции. 13 отборных дивизий, все танки, почти вся авиация и большая часть артиллерии, которыми располагал Франко, были брошены сюда, на восстановление прежнего положения.

Они встречали небывалое сопротивление «армии Эбро», уступавшей им во много раз и по численности, и по вооружению.

Аэродром Вальс жил боевой готовностью номер один. Сидели в кабинах, ждали команд, читали газеты, помогали вечно хлопочущим техникам, проверяли пулеметы. Тут же и спали рядом с самолетами.

Однажды Грицевец и Коробков, вылетев на очередную разведку, обнаружили на шоссе, ведущем к линии фронта, моторизованную колонну. Шли грузовики с пехотой. По обстановке об этом требовалось немедленно донести на аэродром. А для этого необходима была посадка: радиосвязи нет. Но тут истребители заметили четыре «фиата», которые развернулись навстречу. Надо было принимать бой. С дальней дистанции, поймав «фиата» в прицел, Сергей поджег его. Второй фашистский стервятник, уклоняясь от схватки, бросился в сторону. Коробкову пришлось туго. На него напали и спереди и сзади. Он бешено крутился, уклоняясь от пуль, но судя по трассам часть их попала в самолет. Сергей, не раздумывая, устремился на выручку. Зайдя в хвост «фиату», который мчался в

лоб на Коробкова, поймал его в прицел и нажал гашетки. Черный дым и пламя… Попадание! Сергей готов был погнаться за четвертым «фиатом», но следовало спешить использовать результаты разведки. Коробкову это не сделать: его самолет поврежден. Сергей пролетел рядом с Коробковым и знаками показал ему немедленно садиться…

Вернувшись на аэродром, Грицевец поднял эскадрилью на помощь. Истребители на бреющем полете пронеслись над шоссе. Почти одновременно раздались два взрыва: в голове и в хвосте колонны. А самолеты, развернувшись в обратном направлении, «бреют» все, что есть на дороге. Строчат пулеметы. Солдаты выпрыгивают из машин и бегут к лесной опушке. Многие падают на асфальт. Автомобили, брошенные водителями, сваливаются в кюветы. Паника! Еще и еще один заход!

После полудня, когда эскадрилья была на отдыхе, с соседнего аэродрома сообщили, что камарадо Пабло (Павел Коробков) благополучно посадил подбитую машину. В плоскостях 23 пробоины, поврежден мотор.

Командующий республиканской авиацией генерал Игнасио де Сиснерос, очень высокий ростом, худощавый, с черными глазами, всегда улыбчивый и приветливый, на этот раз был сильно возбужден. Комиссар Мартин предлагал один из вариантов воздушного нападения на аэродромы мятежников. Сиснерос уточнял ряд вопросов, последнее слово всегда оставалось за ним. Рядом стоял полковник Лопес (Андрей Родионович Шарапов).

— Я хотел бы встретиться с вашей последней группой летчиков-истребителей, — говорил Игнасио де Сиснерос. — Мне о них рассказал Мендиола. А это имя! Это, если хотите, воздушный лев! У вас в последней группе есть среди истребителей Грандовец, или что-то в этом роде?

— Возможно, Грицевец? — переспросил Мартин.

— Да, да, Грицевец. Это же виртуоз какой-то! Настоящий истребитель истребителей. На днях он со своей эскадрильей сопровождал «СБ» Мендиолы. Над Эбро на него напала группа «фиатов» и «мессершмиттов». Какой выход? Оставить бомбардировщиков одних нельзя, и не принимать бой тоже невозможно. Грицевец оставил два звена прикрывать «СБ», а с одним звеном вступил в бой с двумя десятками фашистских машин.

В разгар боя еще одна группа «мессеров» свалилась на самолеты Мендиолы сверху. Чего-чего, а авиации сейчас у фашистов хватает, вот они и стали давить количеством. Началось что-то невероятное. Бомбардировщики Мендиолы и

маневрировали, и отстреливались. Но их судьба казалась предрешенной. «СБ» стали в круг, прикрывая огнем друг друга. И вдруг в центр этого вихря огненных трасс врывается Грицевец. Он понял сложную ситуацию, в какую попали испанцы, сумел оторваться от истребителей врага и бросился на помощь Мендиоле. Грицевец один принял бой почти с двумя эскадрильями «фиатов» и «мессершмиттов».

Он то пикировал, то уходил ввысь, то, скрывшись за бомбардировщик, намечал себе цель и нападал, разя очень меткими очередями. Сбив самолет, вновь совершал маневр и вновь атаковал.

Оказавшись один против двух десятков врагов, Грицевец не только не растерялся, а наоборот, проявил невиданный героизм и мастерство высшего пилотажа, высшей школы стрельбу, выдержку, смелость, решительность, инициативу и находчивость.

Почти полчаса он провел в центре боя, сбил пять или шесть вражеских истребителей, и ни один из наших бомбардировщиков не был сбит. Правда, два «СБ», получив повреждения, сели на аэродроме в Реусе… Мендиола многое повидал в боях, но такого аса, как Грицевец, не встречал. По его словам, это не просто истребитель, это — воздушный гений.

За боем многие наблюдали с земли и не могли поверить своим глазам. Когда Грицевец сел тоже в Реусе, испанцы подбежали к нему, подняли на руки и на руках понесли к начальнику аэродрома. Майор-республиканец подарил Сергею Грицевцу свой браунинг, а через некоторое время испанские умельцы прикрепили к нему никелированную пластинку с надписью: «За храбрость в бою».

Игнасио де Сиснерос получил донесение от разведки, что командир фашистской бомбардировочной группы из легиона «Кондор» в скором времени передает свою должность другому командиру, а сам улетает в Германию. Столько бед и горя принес народу Испании этот фашист, что дать возможность улететь ему безнаказанно было нельзя. Игнасио де Сиснерос вместе с Агальцовым и Шараповым в строгой тайне решали вопрос, кому доверить операцию по уничтожению фашистского разбойника.

Предполагалось, что фашист должен ввести своего преемника в курс дела и на земле, и в воздухе. Возможен их совместный полет на одном бомбардировщике.

И если это случится, тогда… Это «тогда» и не выходило из головы Сиснероса. Решили поручить уничтожение фашистского аса Грицевцу. С этой целью и хотел Сиснерос лично познакомиться с Грицевцом.

Во время беседы между Сиснеросом, нашими советниками и

Грицевцом по предложению Грицевца был рассмотрен новый вариант: заставить сесть фашистский бомбардировщик на республиканский аэродром.

Несколько дней Грицевец летал на «свободную охоту», выработал тактику ведения боя на случай встречи один на один, эскадрилья на эскадрилью, группа на группу.

И вот наступил день, когда разведка сообщила, что «нужный бомбардировщик» в полете. С аэродрома Вальс и Реус поднялись все республиканские самолеты. Через 15—20 минут увидели «гостей». Грицевец поставил задачу своей и 4-й эскадрилье отрезать истребители от бомбардировщиков. Истинную цель операции знали немногие.

Вражеские истребители схлестнулись с истребителями республиканцев. Завязался бой на равных, и только «хейнкели» почувствовали себя не совсем удобно. И тут два звена И-16 и И-15 налетели на «хейнкелей». Фашисты заметались в поисках спасения. Еще несколько атак — и Грицевец с испанским летчиком Маргалефом зажали с двух сторон ведущего.

Покачиванием крыльев Сергей подавал сигналы своим летчикам преследовать других, а сам «повел» вперед фашистского аса. На «хейнкеле» забеспокоились. Воздушный стрелок успел дать всего две пулеметные очереди и замолчал навеки.

Ас начал маневрировать, но перехитрить наших летчиков не смог. С земли республиканцы тоже очень зорко следили за исходом боя.

«Хейнкель» открыл бомбовый люк, и бомбы посыпались на горы, не причинив никому вреда. Значит, враг рассчитывал совершить посадку. Истребители, зажав «хейнкель» в клещи, короткими очередями, рядом с кабиной пилота, указывали ему путь полета. Последние попытки врага перехитрить не увенчались успехом. До Барселоны оставалось не более 20 километров, когда он, резко снизившись, пошел вдоль берега реки Ноя. Но и этот вариант нашими летчиками был предусмотрен. Несколько очередей по плоскостям, и фашисты пошли на вынужденную посадку. Испанский летчик развернулся и полетел в сторону Барселоны, чтобы сообщить о посадке. Грицевец увидел, как фашисты покинули самолет и бегут в сторону гор. И опять огненные трассы истребителя прижимают немцев к земле.

Со стороны селения в направлении приземлившихся летчиков продвигались люди. Это республиканцы, больше быть здесь некому. Прошло еще несколько минут, и в небе появился самолет испанского друга. Теперь они оба кружились над немцами, пока не увидели, как подъехала легковая машина и фашисты были взяты под стражу.

На допросе пленные немецкие асы просили показать им летчиков, которые заставили их сесть. Им показали Маргалефа.

— Нет! Это могли быть только русские, — заявили они.

В тот день испанский летчик подарил русскому летчику свою фотографию с надписью:

> «Товарищу Грицевцу в знак дружбы. Маргалеф. 17.08.1938 года».

Командующий республиканской авиацией Игнасио де Сиснерос в специальном приказе объявил благодарность «камарадо Сергио».

Были и другие сражения, в которых наши И-16 вступали в неравный бой с врагами и одерживали победу. Однажды эскадрилья Петра Неделина вылетела на разведку и в пути встретила эскорт из «мессершмиттов», сопровождающий какую-то важную фашистскую персону. Неделин никогда еще не встречал сразу столько вражеских самолетов. На помощь Неделину была поднята эскадрилья Грицевца. Зайдя со стороны солнца, Сергей внезапной атакой обрушился на «мессеров». Четыре вражеских машины горящими факелами пошли вниз. Еще несколько атак — и немцы, не приняв боя, ушли восвояси.

Не верилось, что исход будет таким скоротечным. После посадки, когда улеглись страсти, кто-то из летчиков заявил, что у Грицевца не пять, а шесть органов чувств, что он видит врага еще на взлете.

А соотношение республиканских самолетов к фашистским было один к пяти. Нужно было принимать какие-то меры. Единственный выход Грицевец видел в групповой внезапной атаке с большой высоты. Высота обеспечит скорость, маневр и психологическое преимущество. В свободные минуты летчики продумывали варианты группового удара, потом вместе с испанцами готовились к бою.

Наступил день, когда наши и испанские летчики вылетели вместе на прикрытие боевых действий наземных частей. Было предусмотрено: если в небе появятся фашисты, уйти в высоту и оттуда атаковать всем одновременно. Такой случай представился. Звено истребителей, выполнявшее роль разведчиков, ушло далеко вперед за линию фронта и, заметив группу вражеских самолетов, вернулось к своим.

Грицевец, возглавлявший советско-испанскую группу из четырех эскадрилий, оставил одну прикрывать действия пехоты, а с тремя ушел на высоту и в сторону.

…Давал знать недостаток кислорода. Не помогали апельсины, которые, по уверениям врача, были очень полезны при

кислородном голодании. Выждав удобный момент, вся группа истребителей устремилась на фашистов. Удар был столь ошеломляющим и столь эффективным, что неприятель, насчитывающий более сотни самолетов, потерял управление и был деморализован. Очевидно, и ведущий группы был сбит, потому что мятежники в панике отступили, не приняв боя.

В газете «Правда» 15 августа 1938 года сообщались имена летчиков-испанцев, сбивших семь самолетов врага. Все они были из группы добровольцев, в которой сражался и Сергей Грицевец. В этот день у них не было потерь.

Испанскому правительству удалось провести через французскую границу полсотни новых истребителей И-16. На некоторых самолетах устанавливали радиостанции и кислородные маски. Наверное, это были последние наши самолеты, которые удалось переправить в Испанию. Командование решает сформировать в ближайшее время семь эскадрилий. Первая — под командованием Редондо. Командиром второй назначен П. И. Неделин, третьей — Франсиско Тарасона, четвертой — Антонио Ариас, пятой и он же командир всей группы — С. И. Грицевец, шестой — Франсиско Мераньо, седьмой — Хосе Пуига.

У республиканцев осталось около 150 «чатос» и «москас». С каждым днем полеты становились все более напряженными, воздушные бои — более жестокими, потери более значительными.

18 августа наша страна отмечала День авиации. К празднику пришли из Москвы газеты, письма и посылки. Получили подарки от наркома обороны К. Е. Ворошилова. Все присланное соединили вместе. Пришли испанские друзья. Девушки принесли букеты цветов, вино и много фруктов.

Вечером к аэродрому подъехала кавалькада автомобилей. Это Мартин привез к летчикам прославленных народных полководцев Модесто и Листера в сопровождении большой группы офицеров.

Русские и испанские летчики встретили гостей громкими аплодисментами. Было много хороших речей. Говорили и Модесто, и Мартин, и русские, и испанские летчики. Сергей, осмелев, произнес тост в честь командования «армии Эбро» на испанском языке. Ему долго аплодировали.

…А на следующий день опять неизменная готовность номер один, ожидание ракеты или приказа на взлет. Бои с каждым днем становились все более трудными. Сказывались недостаток и изношенность самолетов.

Только-только проглянет на востоке сероватая полоска

рассвета, а летчики и техники уже у машин. «Колдуют» возле «птичек». Каждому хочется участвовать в предстоящем бою с фашистами.

Ранним воскресным утром 21 августа эскадрилья Грицевца поднялась в воздух. Не успели долететь до линии фронта, как встретили эскадрилью «хейнкелей» в сопровождении «мессершмиттов». И-16 разделились на две группы. Одна, набрав высоту, связала боем «мессершмитты», вторая атаковала «хейнкелей». Только дерзкая атака могла принести победу. Второй группе не было времени совершить маневр, и потому, пользуясь небольшим преимуществом в высоте, И-16 неслись прямо на «хейнкелей». Расстояние быстро сокращалось. Один из «хейнкелей», беспорядочно кувыркаясь, полетел вниз. Сбиты еще два «мессера», но фашисты продолжают яростно драться. И вновь на помощь нашим летчикам пришли испанцы из эскадрильи Антонио Ариаса на своих «чатос». Совместные действия принесли победу.

После одного из боев не вернулись два испанских пилота — Франциско и Альфредо. Один из них был сбит и приземлился на территории мятежников. Что ждет его? Нашим летчикам был известен случай, когда после воздушного боя не вернулись два самолета. Один из летчиков был Антонио (Сергей Тархов), второй — Хосе Галарс. На следующий день мятежники сбросили на парашюте над Мадридом деревянный ящик, внутри его был завернут в простыню изуродованный труп пилота и записка:

> «Этот подарок посылается для того, чтобы командующий вооруженными силами красных знал, какая судьба ожидает его и всех его большевиков…»

О Сергее Тархове в своем «Испанском дневнике» рассказал Михаил Кольцов, а о Хосе Галарсе мы узнали несколько позже.

Командующий авиацией Испанской республики Игнасио де Сиснерос в своей книге «Меняю курс» писал впоследствии:

> «Как испанцу, мне бесконечно стыдно рассказывать об этом… Страшно подумать, что в Испании могли родиться чудовища, способные на подобные зверства».

23 августа в районе Сиерра Пандос и Карио эскадрилья Антонио Ариаса вступила в бой с группой фашистских бомбардировщиков, которые шли в сопровождении «фиатов». На помощь Антонио вылетела эскадрилья Семенко. Три «фиата» загорелись с первой атаки. Но тут появилась новая большая

группа «фиатов».

В район сражения держала курс эскадрилья Грицевца. Как всегда, он повел ее несколько в сторону и в высоту, чтобы затем соколами броситься вниз. Задымили еще четыре «фиата». Грицевец пристально следил за своим однокашником по Оренбургской школе Виктором Семенко и помогал ему. Сбила два «фиата» эскадрилья Ариаса. Фашисты в панике удирали. В бою был ранен Саша Коновалов, но и он благополучно посадил машину. В этот день республиканские летчики сбили 16 самолетов фашистов.

— Эх, на наши «ишачки» (И-16) да установить бы магниты, — фантазировал Николай Герасимов.

— Зачем?

— Как — зачем? Вот веду я бой, а фашист зачуял, что я с ним не в бирюльки играю и вот-вот капут ему будет, и дает деру, то есть удирает. А я что?.. На своем потрепанном «ишачке» его не догоню, вот и включаю магнит, и притягиваю его назад. Дерись, дескать, на равных, а не удирай. Подтянул поближе и отключил магнит, чтобы вести честный бой. — Николай не просто фантазер. Когда он в небе, то отчаянными атаками и дерзкими маневрами наводит ужас на врагов.

Задание выполнено

За месяц боев на Эбро республиканская авиация сбила семь двухмоторных «хейнкелей», 18 «мессершмиттов» и 47 «фиатов», потеряв 20 своих самолетов.

Впервые на Эбро участвовала группа гитлеровского головореза Мельдерса. Он командовал двумя эскадрильями новейших самолетов «Мессершмитт-109Е».

Днем и ночью не прекращались бои. Республиканцы перемалывали лучшие дивизии мятежников. Мятежники неоднократно заявляли протест, что республиканские летчики не по правилам воюют, т. е. нарушают обеденный перерыв. По-видимому, они считали всерьез, что убивать мирное население, четвертовать пленных, насиловать женщин — дело совершенно законное, а вот комиду (обеденный перерыв) нарушать нельзя.

Продолжалось наступление фашистов и на Мадрид, четырьмя колоннами. По Эстремадурской дороге двигалась вражеская конница, по Толедской — танки и пехота, третья колонна наступала через Авилу, четвертая — через Сигуэнсу. Но была еще и «пятая колонна», она засела в столице — это предатели.

Командование заговорило о бесперспективности войны, о необходимости капитуляции.

Усталость народа, тяжелое экономическое положение, нехватка продовольствия создавали благоприятную обстановку для капитулянтов и пораженцев. По данным газеты «Юманите», нормы выдачи продовольствия в Барселоне составляли в день: 150 граммов хлеба, 100 — риса, 100 — гороха, 0,5 — оливкового масла. Фашисты стремились использовать все, чтобы подорвать дух защитников республики. Воздушный террор авиации не прекращался. В первых числах сентября, пользуясь поддержкой капитулянтов, фашисты начали наступление на Эбро и в Каталонии.

Группа Грицевца совместно с испанскими друзьями Антонио Ариасом, Мануэлем Сараусом, Хосе Мариа Браво и другими летчиками по шесть-восемь раз в день вылетала навстречу врагу и в тяжелых боях не раз одерживала убедительные победы. Но были и потери… 2 сентября погиб секретарь партийного землячества Василий Васильевич Старков, а на следующий день — Леонид Дмитриевич Богуславчик. Через несколько дней получил тяжелое ранение еще один выпускник Оренбургской военной школы, самый молодой летчик — Николай Павлович Журавлев.

В жестоком бою 6 сентября, выполнив свой долг и до конца проявив безграничную храбрость и мужество, погиб Иван

Галактионович Шауло.

Через день-два группа Грицевца сопровождала бомбардировщики Мендиолы, усиленные советскими экипажами. На подходе к цели встретили большую группу «фиатов» и тут-то «отвели душу». В ярости налетали на врага и били, били. Разметали все машины. Но, успешно выполнив боевую задачу, на земле узнали, что не вернулся Виктор Васильевич Зюзин.

23 сентября стало известно, что погиб отважный сын испанского народа, мужественный летчик Маргалеф.

Радость победы была омрачена. А сколько их еще будет впереди, и побед, и потерь!

…Погода испортилась. Пошли дожди, а с ними пришла вынужденная передышка от боев.

Летчики разбирали варианты сражений. Техники ремонтировали, в который уже раз, боевые машины. Летать с каждым днем становилось все труднее и труднее.

В группе Грицевца из 34 добровольцев в строю осталась третья часть.

Сергей Грицевец еще больше возмужал в боях, посуровел лицом.

Пленные фашистские летчики на допросе рассказывали, что «мошку» Сергио они узнают по «почерку» и поэтому, не принимая боя, стараются улететь назад, ибо исход боя заранее предрешен — «капут».

В первой половине октября Грицевец получил письмо с фотокарточкой жены и четырехлетней дочери. Сколько это доставило радости…

С очередной почтой отправил свое:

> «Добрый час, милая Галочка! Я тут все смотрю и смотрю на твою с Лорочкой фотокарточку. Получение ее для меня — праздник. Находясь вдалеке друг от друга, тоскуя, скучая, ожидая теперь уже скорой радостной встречи, я хочу сказать тебе: любимая! Наша любовь проверена временем и расстоянием. Самое ценное, что вынесли мы с тобой за годы совместной жизни, это верность друг другу. Мне очень хочется сегодня быть с тобой, с Лорочкой, обнять вас, сказать теплые, ласковые слова. Я сделаю это, когда приеду домой, а сейчас мне надо возвращаться к делам, которые не оставляют места для разнеженного настроения. Работы еще много… Любящий вас и скучающий без вас Сережа.

20 октября 1938 года»

Работы в действительности было много. За 100 дней боев в Испании Сергей Иванович Грицевец лично сбил более 30 фашистских самолетов. Но обстановка сложилась неожиданная. На аэродром прилетел комиссар Мартин. Всегда веселый и отзывчивый, на этот раз он был молчалив. Пока собирались летчики, он с командирами эскадрилий и секретарями партийных землячеств пошел в штабной домик. Предстоял трудный разговор.

Еще в конце сентября в Барселоне проходило совещание членов ЦК Компартии Испании, комиссаров и командиров армии, которое призвало коммунистов вести энергичную борьбу с пораженчеством, за единство испанцев, заинтересованных в сохранении национальной независимости. Но изменить обстановку в республике компартия уже не могла. По признанию самих коммунистов, они допустили серьезную ошибку: недостаточно энергично разоблачали капитулянтские позиции многих людей, не разъясняли массам открыто, куда ведут республику пораженцы.

Главный удар капитулянты направили против коммунистов. Обвиняли компартию в том, что они своим «упрямством» способствуют увеличению жертв и препятствуют заключению «почетного» мира.

Правительство решило отозвать из республиканской армии всех иностранных волонтеров, в надежде, что в этом случае Англия и Франция пересмотрят свою политику «невмешательства» и разрешат республике закупать и ввозить оружие за границей.

Испанское правительство располагало достаточным золотым запасом. С того времени прошло почти полвека, а враги еще и сейчас пытаются бросить тень на оказанную тогда СССР помощь Испании.

Время от времени на страницах реакционной печати появляется вопрос об «испанском золоте», которое было «депонировано» в Москве.

Борзописцы от истории пытаются убедить общественность в том, что якобы из Испании в СССР был увезен весь золотой запас и республиканское правительство осталось без средств. В действительности было по-другому. Когда Мадрид оказался в угрожающем положении, во избежание захвата золота фашистами, оно было вывезено в погреба близ Картахены. Часть этого золота пошла на оплату вооружения и другой техники, поставляемой из СССР.

Ночью драгоценный груз был погружен на теплоходы и в сопровождении уполномоченного министерства финансов Испанской республики доставлен через несколько дней в Одессу. Все остальное золото осталось в Картахене.

…Сообщение Мартина очень больно резануло по сердцам добровольцев. Они от всей души любили Испанию, ее веселый, темпераментный и свободолюбивый народ. В Испании покоились тела их храбрых боевых друзей, замурованных в нише без надписей.

Испанское правительство считало: если из Испании эвакуируются одновременно и волонтеры, и войска интервентов, то республика победит.

Предстояло передать оставшиеся истребители испанским эскадрильям и, выполняя приказ, готовиться к отъезду. А перед этим все наши добровольцы поехали в госпиталь навестить раненых боевых друзей.

Осенью 1938 года Испания прощалась в интернациональными бригадами. Выступая на проводах, Долорес Ибаррури говорила:

> «Вы можете гордиться собой: вы — история, вы — легенда, вы — героический пример солидарности и всеобъемлющего духа демократии. Мы не забудем вас! И когда зазеленеет оливковая ветвь мира, сплетенная с победными лаврами Испанской республики, возвращайтесь! И всех вас встретят тут любовь и благодарность испанского народа, который всегда будет с восторгом повторять: «Да здравствуют герои интернациональных бригад!»

Расставание было тяжелым. В групповых боях русские и испанские летчики сдружились той дружбой, какая не проходит ни со временем, ни на расстоянии.

— Аста ла виста, камарадос!

— До свидания, товарищи!

Вот как об этом вспоминает Мераньо:

> «За несколько дней до официального отъезда добровольцев мы навестили аэродром Вальс, где базировались эскадрильи советских летчиков. Мы просили их больше не рисковать своими жизнями. Однако они решительно не соглашались с этим, даже вмешательство генерала Сиснероса не помогло — они настояли на «прощальном» бое. За всех советских летчиков ответил Грицевец: «Будем летать до последнего момента!»

Острое чувство горечи расставания с самыми лучшими друзьями охватывает нас… они завоевали наше признание и любовь, отдавая нам все, что у них есть, вплоть до своих жизней, а взамен не требуя ничего».

Теплые, идущие от самого сердца слова выдают волнение.

Когда будет написана правдивая история войны в Испании — имена этих героев будут вписаны в нее золотыми буквами…

Путь предстоял в Порт-Бу. Перед глазами «волонтеров свободы» предстало ужасное зрелище. Вдоль железнодорожной линии на протяжении 60 километров стояли десятки эшелонов, груженных вооружением, военными материалами и боевой техникой. Тут были советские танки, разобранные артиллерийские системы, не бывшие в бою самолеты И-15 и И-16.

…На шоссе Барселона — Фигерас всю дорогу заняли войска и беженцы, двигавшиеся на северо-восток. Вражеская авиация на бреющем полете поливала свинцом людей. Агенты «пятой колонны» поджигали машины с боеприпасами и горючим. Нельзя было ни пройти, ни проехать. На исходе дня группа Грицевца прибыла в Порт-Бу. При проверке и оформлении документов кто-то из чиновников начал с пристрастием уточнять данные, потребовалось на несколько часов задержаться. Решили зайти в ресторан перекусить. Настроение было неважное, да тут еще и сказалась необычная испанская кухня. В обязательный ассортимент подобных заведений входит гамбос (креветки), осьминоги, моллюски и тому подобные дары моря. К такой пище никто из наших ребят не привык. Отодвинули тарелки. Официант, видя, что посетители чем-то недовольны, предложил рыбный суп. Но летчики отказались, вспомнив, что когда они еще в июле по неопытности заказали такой суп, то им принесли в тарелке груду ракушек и несколько ложек жидкости. Настроение совсем испортилось, и, конечно же, виной тому была не кухня, а прощание с Испанией.

Кто-то сказал, что Европа кончается у Пиренеев, но Африка начинается лишь за Гибралтаром, и таким образом, Испания находится между двумя континентами. Кому как, а для наших ребят она навсегда останется в сердце.

Наконец, с документами все уладилось, сели в поезд и поехали в Париж.

Ничего в нем не изменилось. Так же веселилась публика, в ресторане «рыдала» скрипка… Из Парижа выехали в Бельгию. Сутки провели в Брюсселе, а затем в Антверпене поднялись на борт теплохода «Андрей Жданов».

Возвращались тем же путем, но в другом составе: 9 человек

отдали жизнь за свободу Испании, 12 получили ранения.

Море штормило.

— Когда-нибудь оно успокоится? — спрашивал Николай Герасимов у старпома.

— Конечно! Это черти женятся, вот и мутят воду, — шутя ответил бывалый моряк.

Прошло несколько дней в пути, а сердце все щемило болью. Не выходили из головы товарищи, дружба с которыми скреплена кровью, да и не только кровью. Воспоминания громоздились одно на другое, но как-то не цельно, не ясно, не завершенно. Попытались шутить, ведь ехали-то домой, предстояла встреча с родными, близкими, любимыми, а грусть не проходила. Летчики тяжело вздыхали и совсем не по той причине, что много раз летали над побережьем, но ни разу не искупались, ни разу не видели корриду, — это торжество, праздник незабываемой красоты, зрелище, хранящее одновременно трагедию и смесь охоты с танцем, на которую, бросая все, спешили в воскресный день к 16 часам большинство испанцев.

Они даже по дороге в госпиталь к товарищам слышали восхищенные оглушающие возгласы: «Оле! Оле! — что-то напоминающее возгласы на стадионе, когда там играют футболисты столичных команд. Все осталось в воспоминаниях. Мучил вопрос, что сказать семьям друзей, которые не вернулись.

В первой половине ноября прибыли в Москву. В Наркомате обороны их встретили радушно, поздравили с возвращением и победами. Сказали, что окончательные итоги командировки будут подведены несколько позже, что добровольцы заслужили высших правительственных наград.

Предстояло обобщить опыт боев. Когда сдали отчеты, летчикам вернули их документы. Камарадо Сергио вновь стал Сергеем Грицевцом. Пройдет время, и только в апреле 1939 года мы узнаем, что 14 марта предатель и изменник испанского народа, командующий мадридским фронтом генерал Касадо, вступив в тайный сговор с Франко, объявил Компартию Испании вне закона; как 27 марта вечером Касадо все части с Мадридского фронта отвел в тыл, а 28 марта утром полковник С. Мера на окраине Мадрида подписал акт о капитуляции. Как фашистские войска вступили в столицу, которую они не могли взять в боях в течение 28 месяцев. Как 1 апреля в Мадриде был проведен торжественный парад фашистских войск итальянских и германских частей. Как в тот же день правительство США официально уведомило Франко о признании его правительства. Как на трибуне, на фоне четырех знамен: имперского красно-золотистого цвета, фаланги — красно-черного цвета с

изображением ярма и стрел, церкви — белого цвета и карлистских «рекете» с эмблемой бургундцев, — стоял в ослепительно белой военной тужурке, в голубой рубашке с голубым галстуком, в кроваво-красном берете и желтых ботинках душитель Испании — Франко.

Теперь он стал именоваться — его превосходительство Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде, хенералиссимо сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, Каудильо (глава так называемого «славного движения»), национальный вождь фаланги, глава государства и хозяин над судьбами оставшихся в живых 23,5 миллиона испанцев. Его лицо не выражало ни гнева, ни доброжелательства. Холодный взгляд и самодовольная улыбка.

У трибуны стояла фалангийская молодежь — юноши в красно-голубой форме, девушки в юбках до колен и матросских блузах, жандармерия. За «особые заслуги» по борьбе с антифашистами Франко присвоил ей звание «заслуженная».

Тесными рядами толпились марокканцы в длинных белых, синих и красных бурнусах, в стальных обмотанных тюрбанами шлемах. Многие испанцы вынуждены были покинуть Родину и уехать в другие страны. Было время, когда не менее 4,5 миллиона всех жителей Испании находились в тюрьмах.

— Видимо, это конец, — говорили в толпе беженцев уходившие во Францию испанцы.

— Ну нет! — отвечали им шагавшие рядом. — Это — начало. Начало борьбы с фашизмом.

Да, Испанская республика пала, пала под ударами значительно превосходящих сил. Народ отступил, но не сдался. И эта сила народного гнева впервые показала всему миру, что фашизм рано или поздно будет уничтожен.

Испания потеряла более миллиона своих сыновей и дочерей. Каудильо Франко, как утверждает пресса, поправился на 22 фунта.

Возглавляемое им временное правительство, названное хунтой, стало самым ужасным правительством, которое когда-либо знала история Испании.

На вопрос, что такое франкизм, тогда отвечали: это один генерал во главе государства, шесть генералов в правительстве и 1200 генералов в стране. Точнее, их было 1187. Полтора столетия тому назад английский путешественник и летописец Ричард Форд в своем «Испанском сборнике» записал народный анекдот, высмеивающий правителей и управление:

«Когда Фердинанд III занял Севилью и умер, то,

будучи святым, он избежал чистилища, и Святой Иаков повел его к богородице, которая тут же предложила ему испросить любые милости для дорогой его сердцу Испании.

Монарх попросил масла, вина и хлеба — это было разрешено; солнечного неба, храбрых мужчин и красивых женщин — это было позволено; сигар, мощей, чесноку и быков — пожалуйста; хорошего правительства — вот тут последовал отказ.

— Нет, нет, нельзя, — сказала богородица. — Если бы это было даровано благословенной земле Испании, то ни один ангел не пожелал бы оставаться дольше на небесах».

При Франко роковая доля Испании — страдать от плохого правительства — оказалась особенно мучительной. Свободолюбивый испанский народ был обречен на кошмарную жизнь под двойным гнетом со стороны фаланги и правительства.

Продолжавшаяся 386 дней гражданская война закончилась поражением республики и установлением в Испании фашистской диктатуры.

Прошло некоторое время, и Сергей получил несколько писем от испанских друзей: Ариаса, Перейро, Сарауса, Браво. Они писали, что не покорятся фашизму, что будут продолжать борьбу.

Все письма заканчивались словами: «Но пасаран!», «Салюд, камарадо».

Трудная задача выпала на долю Сергея в Одессе. В Испании погиб Василий Васильевич Старков. Что сказать жене? Эта мысль не выходила из головы. Когда приехали в авиагородок, жена Старкова, Таисия Ивановна, все поняла без слов. Тяжелый ком застрял в горле, слезы хлынули из глаз. Она прижала к себе дочку Инну и ничего не смогла ни спросить, ни сказать.

31 декабря 1938 года приказом народного комиссара обороны старшему лейтенанту Грицевцу было присвоено внеочередное воинское звание «майор». В первых числах января 1939 года ему предложили должность начальника военной школы летчиков, а Коробкову — должность заместителя.

— Если можно, я останусь летчиком, — попросил Сергей Иванович. — Кабинетная работа не по мне.

Коробков тоже отказался.

В день двадцать первой годовщины Красной Армии на праздничном построении личного состава Одесской авиашколы был торжественно оглашен Указ Президиума Верховного Совета СССР. За образцовое выполнение заданий правительства по

укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленное геройство звания Героев Советского Союза присваивались С. И. Грицевцу и П. Т. Коробкову.

В ответ на традиционное «Служу Советскому Союзу» грянуло громкое «ура!» Пожалуй, громче всех в строю был слышен голос брата Героя — Георгия Грицевца. С 14 февраля 1938 года по 5 февраля 1939 года он был курсантом Качинской авиашколы и после ее окончания служил в Одессе. (6 июля 1942 года летчик Георгий Грицевец не вернулся с боевого задания.)

Сергей несколько раз прочитал в газете список награжденных. Большинство фамилий были знакомы. Он или знал их лично, или слышал о них от товарищей, сражавшихся в разное время в Испании. Но встретились и совсем незнакомые имена. Кто этот майор Григорий Пантелеевич Кравченко?

Награжденных вызывали в Кремль. 17 апреля 1939 года в парадном золотисто-белом Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца собралось много командиров.

Когда Сергей взял сафьяновую папку с Грамотой Героя и орден Ленина, Калинин сказал ему что-то ласковое, это чувствовалось по тону и улыбке, но из-за волнения Сергей не разобрал слов.

После Коробкова вызвали Кравченко. Так вот он какой! Невысокий, крепкий, с широко раскрытыми смеющимися глазами.

Кравченко сел рядом с Грицевцом, и Сергей помог ему прикрепить орден с профилем Владимира Ильича чуть повыше уже красовавшихся на гимнастерке орденов Красного Знамени, и «Знака Почета».

Разговорились. Выяснилось, что обоим старшим лейтенантам присвоили «майора», минуя капитанское звание. Кравченко участвовал в боях в Китае, за что и был представлен к награде.

В мире стремительно развивались тревожные события. Мюнхенский сговор развязал руки Гитлеру. Быстро сгущались черные тучи войны. Багровыми отсветами горело на Западе ее пламя, разгоралось оно и на Востоке…

От Эбро к Халхин-Голу

Сергей Иванович получил отпуск. Вместе с семьей планировали часть его провести у моря, а вторую — на Южном Урале, в местах детства и юности. Но намерениям не суждено было сбыться.

В начале июня он был вызван в штаб ВВС и назначен на должность командира вновь формируемого авиаполка на Дальний Восток.

Докладывая в штаб о состоянии дел, он узнает, что несколькими днями раньше, обогнав его в пути, на Халхин-Гол прилетели на трех самолетах 48 боевых летчиков. Грицевец ищет встречи с ними и просит направить его в боевые части на любую должность. Но ведь в Москве состоялось его назначение на должность командира авиационного полка. Как тут быть?!

Грицевец просит сообщить в Москву, что он согласен на любую должность, даже рядовым летчиком. Приводит убедительные примеры: в Испании летали рядовыми летчиками те, кто смело мог быть сам командиром отряда. Кажется, это подействовало на Якова Владимировича Смушкевича, тем более, что боевой опыт Грицевца был очень нужен здесь, где велись настоящие воздушные бои, когда в небе было по двести и более самолетов одновременно. Очевидно, была запрошена Москва, и Грицевцу разрешено было изменить место службы.

В Тамцаг-Булаке Грицевец получил назначение в 70-й истребительный авиационный полк советником. Штатной должности в войсках такой не было. Поэтому советники находились при командире как заместители, помогали готовить летчиков к правильному ведению боя.

Все прибывшие также разъехались по эскадрильям. Была поставлена задача: научить молодых летчиков вести бой.

Аэродром в Монголии — это степь. Несколько палаток, бочка с водой, телефон да подвешенная на шестах линия — вот и все. «Тысяча на тысячу», — в шутку говорили летчики. Время от времени выкладывали на земле два белых полотнища в виде буквы «Т», обозначавшие место посадки.

Обстановка была непривычной, казалось, не требовалось строгого расчета маневра при посадке, а посадка не получалась. Не было пространственной ориентировки между небом и степью, случалось, что даже опытным летчикам, способным посадить машину «на пятачке», приходилось уходить на второй круг.

Здесь, на Халхин-Голе, встретил Сергей своих друзей и

знакомых: Александра Николаева, Героев Советского Союза Павла Коробкова и Григория Кравченко.

— Здесь будет пожарче, чем в Испании, — сказал Коробков Грицевцу.

— Поживем — увидим. Наше дело такое, — ответил Сергей, — а воевать здесь, видно, будет нелегко.

В планах японской политики Монголия рассматривалась как ключ к северной части Азии, как выгодный плацдарм для нападения на Советский Союз, главным образом, на наш Дальний Восток.

Получив первый поучительный урок на берегах Халхин-Гола, японцы занялись тщательной подготовкой к новой решающей операции. Подтягивали резервы из глубины. Совершали одиночные разведывательные полеты. По всей вероятности, им стало известно и о прибытии наших летчиков, имевших большой опыт.

До середины июня воздушных боев почти не было. Несколько раз на наши аэродромы приезжал маршал Чойбалсан, делился с летчиками своими мыслями и предположениями, не скрывал трудностей, просто и откровенно говорил о них и давал толковые советы.

Чойбалсан хорошо говорил по-русски. По рассказам монгольских цириков (солдат), летчики узнали, что Чойбалсан родился в бедной крестьянской семье, учился в ламаистском монастыре, но сбежал оттуда в город Ургу (теперешний Улан-Батор). Во время первой мировой войны попал в Иркутск и три года проучился в высшем начальном училище при учительском институте. В начале двадцатых годов Чойбалсан был заместителем Сухэ-Батора, а потом был направлен в военную академию в Москву.

Часто на аэродром прилетал комкор Яков Владимирович Смушкевич. Он всегда и со всеми был ровен в обращении, мог внимательно выслушать и тактично поправить. Он требовал тщательно тренировать молодых летчиков. С утра до позднего вечера не умолкал гул моторов над аэродромом.

К этому времени активность японской авиации возросла. Это объяснялось тем, что японцы готовили крупную наступательную операцию с целью окружить и уничтожить советские и монгольские войска. Во второй половине июня японцы сосредоточили на аэродромах около трехсот самолетов. Это было грозным предзнаменованием. Чтобы оказать достойную встречу самураям, необходимо было совершить несколько тренировочных полетов, чтобы ознакомиться с районом предстоящих действий и государственной границей. Полетные карты ничего не давали,

пришлось делать на них собственные пометки.

В небе Монголии

24 июня Грицевец с одним из молодых летчиков вылетел на разведку. Они были уже близко от маньчжурской границы, когда из-под облаков вынырнула тройка И-97, вышедшая «на свободную охоту» или совершавшая разведывательный полет. Грицевец, дав сигнал ведомому «делай, как я», ринулся наперерез головному самолету. Со средней дистанции точной прицельной очередью поджег японский истребитель. Обгоняя раскрывшийся белый купол парашюта, рухнула наземь пылающая машина. Сергей не стал преследовать летчика: все равно опускается на нашу территорию и плена ему не избежать…

Он промчался между двумя японцами и стал заходить в хвост самолету, который был левее его. «С правым справится ведомый», — решил он. Сделал свечку, потом спикировал и дал одну за другой несколько коротких очередей. Но японец ловким маневром сумел уйти из-под удара.

Сергей стал снова нажимать на него, но словно десятки отбойных молотков разом заработали позади. Машина завибрировала от пуль, хлеставших по хвосту.

Второй японский летчик находился в выгодной позиции — позади советского. Сергей никак не ожидал такой опасности. Это не была беспечность, недопустимая в бою, просто естественно было надеяться, что ведомый защитит сзади своего ведущего. Где же он? Провалившись вниз, чтобы уйти от обстрела, Сергей осмотрелся и заметил, что тот кружит на почтительном расстоянии. Как видно, летчик никак не может решиться кинуться в схватку. «Струсил, должно! Уж я пропесочу его», — подумал Сергей и, сделав боевой разворот, бросился в лобовую атаку на ближайшую к нему машину. У японца тоже оказались крепкими нервы. Он взмыл вверх, лишь когда расстояние между ним и атакующим уменьшилось до десятка метров. На мгновение открыл свое брюхо и… это решило его судьбу. Третий вражеский самолет счел заблаговременно уйти за облака. Там его не найдешь. Самолеты майора Грицевца и его ведомого произвели посадку почти одновременно. Грицевец подошел к лейтенанту, понуро стоявшему, и отозвал его в сторону.

— Что с вами случилось?

— Сам не знаю… И руки и ноги вдруг перестали слушаться… Вот и вышло, что я… Готов нести любое наказание…

— М-да… Дочку свою я за вас замуж не выдал бы, лейтенант. Наказать вас всегда успеем. Хорошо, что вы хоть осознали свою вину.

— Никак не пойму, как случилось такое?

— Что тут понимать? Просто струсили! Подумали: Грицевец не в таких переделках бывал, обойдется без моей помощи…

— Клянусь, ничего подобного не подумал!

— А на деле так и вышло… Как же предполагаете дальше воевать?

— Поверьте мне, никогда больше это не повторится. Честное слово!

— Предположим… Наказание отложим до следующего боя. Посмотрим, как вы будете сражаться! Оставляю вас пока своим ведомым. Давайте теперь поговорим о том, как надо было действовать.

Подошел Забалуев:

— Как леталось?

— Прогулка была интересной… Вместе с лейтенантом сбили два японских истребителя.

Улетевший И-97, наверное, успел передать по рации о завязавшемся бое. Вскоре в районе Дунгур-Обо появились двухмоторные бомбардировщики в сопровождении большой группы истребителей. Всего около 70 самолетов. Навстречу им поднялись эскадрильи 22-го, а затем 70-го полков. Японцы стремились начинать свои атаки со стороны солнца, чтобы самим оставаться невидимыми. Но их маневр быстро разгадали.

В этом воздушном бою японцы потеряли 16 самолетов. Пленный летчик рассказал, что только недавно закончил обучение в имперской школе высшего пилотажа и вместе с группой выпускников участвовал в бою. По его словам, в небе творилось что-то невообразимое. Советские истребители сразу так закрутили, что даже лучшие инструкторы, признанные летчики высшего класса, не находили себе спасения.

Наши потери — два истребителя. Один из них врезался в землю, преследуя И-97.

После первых воздушных боев Сергей Иванович Грицевец, используя испанский опыт, предложил переводить бой из горизонтального маневра в вертикальный. Это принесло успех. Потом пробовал проводить бои при плохой видимости, на закате и при восходе солнца. Это помогло летчикам успешнее громить врага, вырывать у него боевую инициативу. Способствовало этому и появление новых, наиболее современных по тому времени боевых машин.

Однажды, поднявшись в воздух перед рассветом, эскадрилья Грицевца появилась над ближайшим аэродромом и застала японцев в момент подготовки самолетов к очередному вылету.

Самураи заправляли машины бензином, подвешивали бомбы.

Снизившись до бреющего полета, эскадрилья расстреляла и подожгла более двух десятков самолетов, несколько цистерн с бензином, склад с боеприпасами и, не потеряв ни одной машины, возвратились на свою базу. После этой удачи было решено на следующий день всем полком произвести штурмовку аэродрома в районе Ганчжур, в семидесяти километрах за линией фронта. И-16 уже подходили к цели. С высоты 3000 метров был виден японский аэродром. В это время большая группа вражеских истребителей атаковала полк с верхней полусферы. Пришлось принять невыгодный бой.

Командир полка Вячеслав Михайлович Забалуев вел ударную группу, а Грицевец находился в группе прикрытия. Звено японских истребителей атаковало самолет Забалуева. Приняв бой, несколько минут он успешно отражал атаку. Совершив удачный маневр, зашел в хвост японскому самолету и поджег его. И тут новое звено врагов набросилось на отважного командира. На помощь ему пришел Грицевец. Он поджег одного из атакующих. Забалуев хотел резко отвернуть от сбитого вражеского самолета, но в это момент услышал пулеметную очередь. Стрелял другой японский летчик, зашедший в хвост. Загорелся мотор. Пламя хлестнуло вдоль борта. Машина стала неуправляемой. Прыгать. Другого выхода не было. Забалуев отстегнул ремни и выпрыгнул из кабины горящего самолета. Парашют раскрылся. Высота была менее тысячи метров. Со стороны вражеского аэродрома в район, куда упало несколько сбитых самолетов, двигались машины, бежали враги. Очевидно, японские летчики предупредили своих по радио. «Что ж, живым не дамся. Буду сражаться на земле!» — твердо решил Забалуев. Едва коснувшись ногами земли, выхватил пистолет и дослал патрон в патронник. Главное — не потерять счет, в обойме восемь патронов. Семь — захватчикам, восьмой — для себя…

С высоты степь кажется ровной, а на земле она совсем другая. Ноги то утопают в пыли, то цепляются за густую траву. Маленькие холмики сменяются лощинами. Они, в свою очередь, опять переходят в холмы… Враги уже близко. Слышен рокот грузовиков…

Грицевец обладал исключительной способностью видеть в бою все вокруг. Сбив японца, он вернулся на помощь Забалуеву. Но его самолета в небе уже не нашел. Далеко внизу был виден купол парашюта. По нему стреляли враги. Сергей Иванович и Петр Полоз немедленно атаковали стервятников. Один был сбит, второй начал удирать. И тут впервые Грицевец не погнался за врагом. В парашютисте он узнал Забалуева и стал кружить над ним, пока тот не приземлился.

Японцы совсем рядом. Они уже стреляют из винтовок по самолету Грицевца… Петр Полоз бьет из пулеметов по японским автомашинам, а истребитель Сергея, продолжая кружиться, начал выпускать шасси. Забалуев не мог понять, что хочет сделать Грицевец. «Неужели рискнет сесть? Нет, невозможно! Да и зачем? Чем он поможет?..» Но невозможное свершилось. Сергей Иванович посадил свой самолет в нескольких десятках метров от командира. Забалуев стремительно подбежал к машине. Его боевой друг стоял на крыле с пистолетом в руке. Он помог Забалуеву втиснуться в небольшую щель между бронеспинкой и сиденьем. И тотчас самолет запрыгал по степи. Казалось, что он не сможет оторваться от земли. Но машина, управляемая рукой аса, взлетела. Враги никак не могли понять, что случилось. Они считали, что летчик и машина уже в их руках.

Вячеслав Михайлович не мог повернуться или изменить свое положение: самолет-то одноместный. Ему, летчику, хорошо знавшему теорию полета и тактико-технические данные истребителя, раньше никогда не приходила мысль в голову о возможности полета вдвоем в одной кабине. Но, оказывается, все возможно, когда есть такие люди, как Сергей Грицевец.

Едва самолет набрал высоту, командир, с трудом высвободив руку, дотянулся до плеча пилота и благодарно сжал его. Через несколько минут они пересекли линию фронта и благополучно приземлились на своем аэродроме.

Грицевец отлично понимал, что если при посадке на вражеской территории откажет мотор или хотя бы будет повреждено колесо самолета, он погибнет вместе с командиром полка. Ведь место для посадки никто не готовил и не осматривал. Но чувство дружбы, стремление выручить друга и командира были превыше всего.

Весть о том, что майор Грицевец вывез Забалуева из-под самого носа японцев, быстро облетела войска. На КП не было отбоя от телефонных звонков и корреспондентов. Один из них спросил у Сергея Ивановича:

— О чем вы думали, когда садились в тылу японцев?

— Об одном: спасти командира.

— А если бы что-нибудь случилось с самолетом?

— Помирать вдвоем легче, чем одному.

— Разве вам смерть не страшна?

— Только ненормальные люди не боятся смерти. Но есть еще совесть. Есть чувство долга. Они сильнее страха. Еще в Испании десятки раз настигал я врага в воздухе, вступал с ними в бой. Иногда и самому бывало очень трудно, и шансы остаться в живых были ничтожны. Но приходили на помощь товарищи и выручали.

Так поступил я. По-моему, мы, летчики, все одинаковы. И думаем, и чувствуем одно: до последнего дыхания не выпускать из рук управление самолетом, а если уж гибель неминуема, то и горящую машину направить на врага — в воздухе или на земле. Иначе я не мыслю, В этом и вижу победу над смертью…

Грицевца вызвали в штаб, в Тамцаг-Булак. Там, несмотря на поздний час, было многолюдно. Командующий авиацией Смушкевич обнял и расцеловал Сергея:

— Не найдется такой награды, к какой следовало бы тебя представить!

О подвиге Грицевца доложили комкору Г. К. Жукову. Сергей, смущенный повышенным к нему интересом, был таким же, как всегда. Высокий, худой, в своей любимой кожаной куртке, жизнерадостный, спокойный. Он старался ни жестом, ни словом не выделить себя из среды летчиков. На его загорелом, обвеянном ветром больших высот лице сияла улыбка.

Через несколько дней о подвиге Грицевца сообщили все центральные газеты. Миллионы людей восхищались его поступком. Известный поэт Виктор Гусев напечатал большое стихотворение «Боевая дружба», кончавшееся такими строками:

Ты не вой, пулеметная вьюга,
Не достанет нас вражий свинец.
И целует спасенного друга
В синем небе майор Грицевец!

Японцы, неся большие потери, не отказывались от избранной тактики — уничтожать наши самолеты на аэродромах. Находясь на КП в Тамцаг-Булаке, Сергей Грицевец узнал печальную новость: 27 июня две группы японских самолетов по 20—25 бомбардировщиков и около 70 истребителей в каждой налетели на аэродромы 22-го и 70-го истребительных полков. В 22-м полку служба оповещения сработала с большим опозданием, истребители, взлетев одиночками, неорганизованно вступили в бой.

Значительно хуже сложились обстоятельства в 70-м. Японским диверсантам удалось перерезать телефонные провода от постов наблюдения к штабу полка. Атака оказалась внезапной. Советские летчики взлетали под огнем и тут же вступали в бой, не набрав достаточной высоты. Потери были велики: 14 истребителей сбито при взлете и два сожжено на земле. Японцам удалось улететь без потерь.

Командование вызвало авиационных командиров для разбора последних боев. На совещании присутствовали полковники

Лакеев и Гусев, майоры Кравченко, Забалуев, Грицевец, Смирнов, Куцевалов; командиры 150-го и 38-го скоростных бомбардировочных полков.

Я. В. Смушкевич озабоченно спрашивал: «Почему наши самолеты, преследуя противника в пикировании, часто врезаются в землю?»

Исчерпывающий ответ дал Борис Смирнов. В одном из боев японский самолет шел на него прямо в лоб, разошлись в считанных метрах без стрельбы. В подобном случае для повторной атаки применим только один маневр — быстрый разворот кругом с максимальным набором высоты.

Не успел Смирнов закончить разворот, как рядом с ним пролетели трассы пуль. Оказалось, что японский летчик выполнил только полупетлю и, находясь сам в положении вниз головой, открыл огонь.

Теряя скорость и высоту, он находил возможность открыть первым прицельный огонь. Только случайность спасла Смирнова. Пули пролетели в нескольких сантиметрах от него. Промах поставил японца в крайне затруднительное положение. Он решил перевести свой самолет в отвесное пикирование с полными оборотами мотора. Смирнов тоже начал преследование на максимально допустимой скорости. О прицельной стрельбе уже нельзя было и думать, так как все мысли поглотила несущаяся навстречу земля.

Это было похоже на игру со смертью. Смирнов уменьшил угол пикирования и отвернул несколько в сторону, а японец все еще пикировал и у самой земли чудом вырвал машину в горизонтальный полет. Исход боя решили огненные трассы Смирнова.

Стало ясно, почему разбились несколько молодых наших летчиков. В стремительной атаке за врагом они забывали, что у всякой машины есть свой предел высоты пикирования, стоило его перешагнуть — наступала неминуемая гибель.

На совещании потребовали довести до всех летчиков рассказ Бориса Александровича Смирнова и рассредоточить самолеты по степи, чтобы избежать повторной бомбежки по крупным скоплениям машин.

6 июля Сергей Грицевец и Борис Смирнов были вызваны в штаб. В этот день Сергею исполнилось тридцать лет. Товарищи горячо поздравили его с днем рождения. В штабе ему объявили приказ о формировании отдельной эскадрильи из двадцати «чаек», командиром которой назначен Грицевец.

Борис Александрович должен был с группой летчиков вылететь в Забайкалье за получением новейших самолетов И-153,

облетать их и перегнать в район Халхин-Гола.

Грицевец оставался в Монголии. Он сконструировал в те дни турельную установку: летчик мог стрелять по начерченному на земле кругу из положения «вниз головой», как тот японец, который вел поединок с Борисом Смирновым.

…В просторной палатке летчики отдыхали, ожидая ужина. Некоторые лежали на топчанах, несмотря на духоту, закрывшись с головой кожаными регланами. Так спасались от комаров. Мириады летающих кровососов кружились в недвижимом воздухе, выискивая жертву. Грицевец вбежал в палатку:

— Дайте, ребята, закурить!

Со всех сторон протянулись руки с раскрытыми коробками: «Борец», «Казбек»…

— Спасибо! Мне бы махорки… Эх, махорочка, махорка, породнились мы с тобой…

Сергей задымил гигантской «козьей ножкой».

— По моим наблюдениям, махорочный дым отгоняет комаров лучше, чем папиросный. Собираюсь писать научную работу на эту тему… Вы что приумолкли, ребята?

— Тут до вашего прихода мы спорили.

— О чем?

— Что такое настоящий героизм?

— По-моему, это умение терпеть этих пикирующих гадов!

— Вы все шутите, а по-серьезному?

Сергей задумался, прошелся несколько раз взад и вперед, затем тихо сказал:

— Не знаю, чьи это слова, но я с автором их согласен: «Героизм — это значит умение делать нужное дело в нужную минуту, невзирая на подстерегающую тебя опасность, даже смертельную…» Все очень просто.

«Чайки» над степью

На аэродром прибыли засветло. Новенькие самолеты вызывали восхищение. Они и в самом деле похожи на белых чаек.

Скорость нового истребителя достигала до 450 километров в час, высота полета до 10 километров, а дальность до 700 километров. За 6 минут «чайка» набирала высоту до пяти километров. Четыре пулемета ШКАС (Шпитальный, Комарницкий авиационный скорострельный) стреляли через воздушный винт; 200 килограммов бомб. Кроме того, впервые в мире самолет был снабжен реактивными снарядами.

Машины были готовы к отправке. Два дня ушло на знакомство и оформление документации, на третий вылетели в обратный путь. Остался под крылом вал Чингис-Хана, извилистая речушка Керулен, и потянулись бескрайние монгольские степи.

Когда новые самолеты пригнали на полевой аэродром южнее озера Хайсапдай-Нур, где размещался 70-й полк, познакомиться с ними приехал И. А. Лакеев. Грицевец предложил ему провести показательный воздушный бой. Он вылетел на И-153, а его «противник» поднялся на испытанном И-16. У И. А. Лакеева была заслуженная слава летчика-виртуоза, по всеобщему мнению, он летал превосходно, и все-таки «чайка» все время заходила ему в хвост.

— Да, на «чайке» можно здорово драться! — оценил И. А. Лакеев после «боя» новую машину.

Правда, в системе управления пулеметами выявились некоторые неполадки. Хорошо, что заводская техническая команда вместе с летчиком-испытателем Алексеем Давыдовым прилетела в Монголию для оказания помощи при освоении самолетов в бою.

Неожиданно для всех поступила команда: на «чайках» в бой не вылетать, ждать особого распоряжения командования. Государственную границу не пересекать.

Никого из летчиков это распоряжение не обрадовало, но приказы не обсуждаются. Значит, так надо. И сам Смушкевич, наверное, в душе тоже думал так, как и летчики. Скорее всего, причина этому — установка на новых самолетах реактивных снарядов.

Состоялся последний инструктаж. Направление в сторону противника будет обозначено белым стреловидным полотнищем. Еще два-три полотнища поменьше укажут, на какой высоте надо искать врага.

Грицевец, Смирнов, Смушкевич обсуждали воздушный

вариант завязки боя.

— Давай попробуем начать первый бой на «чайках» не убирая шасси. Понимаешь? — предложил Я. В. Смушкевич.

— Интересно, — ответил Сергей, сразу смекнув, к чему клонит командующий. «Чайка» похожа на И-15, а с ними японцы охотно вступают в бой. Когда они приблизятся, можно убрать шасси. Тут же были проведены консультации с инженерами. С неубранными шасси на большой скорости можно сразу спалить мотор. Нужно было все обсудить в деталях. Если в ходе полета убирать и выпускать шасси, на это не хватит запаса сжатого воздуха. А на малых скоростях сочли полет с неубранными шасси возможным.

— Вот именно! Задумано вроде неплохо. Посмотрим, как получится! — Чтобы согласовать этот хитро придуманный бой, Смушкевич приехал на командный пункт, расположенный на вершине Хамар-Даба. Отсюда просматривался чуть ли не весь театр военных действий.

15 июля 1939 года приказом народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова из войск, сосредоточенных в районе Халхин-Гола, была образована 1-я армейская группа под командованием комкора Г. К. Жукова, члена военного совета дивизионного комиссара М. С. Никишева и начальника штаба комбрига М. А. Богданова.

Группе была поставлена задача окружить и уничтожить японские войска на территории МНР и восстановить ее государственную границу.

Военный совет 1-й армейской группы разработал план операции. Войска тщательно готовились к наступлению. Командиры и политработники обучали красноармейцев приемам ближнего боя. Особое внимание обращалось на взаимодействие в бою пехоты с танками, артиллерией и авиацией. Чтобы ввести японцев в заблуждение и сорвать их замыслы, наше командование отдало приказ отпечатать и разослать в войска «Памятку бойцу в обороне». Было сделано так, что несколько «Памяток» «случайно» попали в руки японцев. Принимались все меры, чтобы противник поверил в «оборонительные» настроения советских войск. Мощные звуковещательные станции имитировали строительство блиндажей. Танки со снятыми глушителями беспрерывно двигались вдоль фронта, приучая японцев к шуму. По радио и телефонам передавались ложные заявки и распоряжения на подвоз строительного леса, материалов, теплого обмундирования и т. д.

Японцы частенько летали на разведку, а иногда и бомбили наши и монгольские части. В один из июльских дней в

направлении Хамар-Даба, где располагался штаб 1-й армейской группы, вылетело несколько японских бомбардировщиков в сопровождении эскадрильи И-97.

Комкор Я. В. Смушкевич разрешил отдельной эскадрилье И-153 Грицевца вылететь навстречу японцам. Ведущим шел Грицевец, справа — Смирнов, слева — Коробков; второе звено: Викторов, Орлов и Писанко, третье: Николаев, Смоляков, Акулов.

Смушкевич был уверен, что эскадрилья Грицевца справится с японцами. Кроме того, в районе Хамар-Даба дислоцировался 56-й истребительный авиаполк, который, в случае необходимости, готов был прийти на помощь. С командного пункта хорошо видели, как в ослепительном июльском небе, празднично сияя белизной, в безупречном строю поплыла к переднему краю эскадрилья «чаек». Навстречу им шло около двадцати серых И-97.

Грицевец развернул эскадрилью назад и начал уходить вверх. На земле недоумевали. В чем дело? Неужели Грицевец не примет бой? Лишь Я. В. Смушкевич, наклонившись к Г. К. Жукову, спокойно говорил: «Все идет по плану».

Японские истребители, бросив бомбардировщики, устремились в погоню за нашими истребителями. Когда расстояние сократилось, Грицевец подал команду к бою.

Японцы приняли советские «чайки» за сравнительно тихоходные И-15 и, видимо, ожидая легкой победы, ринулись в атаку. Между противниками было уже меньше километра, как вдруг все «чайки» по команде Грицевца одновременно убрали шасси и приобрели большую скорость. Японцы растерялись. «Чайки» быстро расчленили боевой порядок японцев и в течение считанных минут сбили четыре И-97. Остальные японские машины начали удирать в направлении озера Узур-Нур. Вдогонку им полетели реактивные снаряды. Запылал еще один вражеский самолет. Но преследовать было нельзя: рядом государственная граница. Наперерез японцам спешила эскадрилья И-16, она и продолжила бой.

Через несколько дней японская газета «Оомиури» опубликовала сообщение, что у «красных» появился новый истребитель И-17 и что в первом же бою они, японцы, сбили 11 новых самолетов. Сообщение было настолько неправдоподобным, что поразило самих японцев. Начальник бюро печати Квантунской армии Кавахара за опубликование ложных и хвастливых сообщений о мнимых успехах японской авиации был смещен со своего поста и заменен полковником Вато.

В последние дни июля на фронте наступило затишье. Японцы заняли оборону южнее Больших песков, по скатам высоты

«Зеленой» и сопки Песчаной и далее на север через речку Хайластын-Гол. Они закопались в землю, исчертили сопки ходами сообщений, блиндажами, окопами. Сопки превратились в крепости.

На железнодорожных станциях Халун-Аршан и Хайлар, расположенных недалеко от передовой, выгружались все новые и новые пехотные батальоны, противотанковые батареи, конные полки. Японцы выбрали очень выгодное место военных действий: все у них было под рукой. Недалеко стояла наготове, ожидая приказа Итагаки, миллионная Квантунская армия, предназначенная для захвата советского Дальнего Востока.

Советское командование прекрасно знало, что делается в стане врагов. Каждый новый окопчик, каждая новая пушка, как бы тщательно ни были они замаскированы, засекались летчиками специально созданной особой разведывательной эскадрильи. Каждое звено ее отвечало за определенный участок фронта и осматривало его утром, в середине дня и вечером.

Почти всегда воздушные разведчики вылетали под охраной истребителей из полков Кравченко, Куцевалова, Забалуева и «чаек» Грицевца.

На земле было затишье, а в небе становилось все беспокойнее. Завязывались ожесточенные воздушные сражения. Действиями в небе японцы пытались отвлечь внимание от своих огромных наземных приготовлений к наступлению.

Командование высоко оценило боевую слаженность отдельной эскадрильи «чаек». За все время июльских боев они не имели потерь. Возможно, по этой причине, а может быть, благодаря настойчивости Грицевца, эскадрилье разрешили вести бой без ограничения границы. Комэск пользовался большим авторитетом и огромной любовью у летчиков. Только возраст мешал называть его «батей», как зовут любимых командиров.

Асы умели не только воевать. И о проказах их много говорили. Однажды, возвращаясь с боевого задания, самолеты садились на аэродром в густом тумане. Летчик Николаев «промазал» и приземлился в степи, в полутора километрах от летного поля. Подняться и долететь «до дома» ему мешал туман. Пришлось включить фары и медленно рулить до аэродрома по степи.

— Встретим Николаева с музыкой, — предложил Сергей. — Айда на кухню за инструментами.

Несмотря на сопротивление повара «позаимствовали» кастрюли, миски, поварешки. Оркестром «дирижировал» майор Грицевец.

16 августа Сергей докладывал в штабе данные разведки. Там он узнал от маршала Чойбалсана приятную новость. Вернувшись к себе в эскадрилью, радостно сообщил товарищам:

— Друзья! Народный хурал Монгольской Народной Республики наградил большую группу летчиков монгольскими орденами… С монгольским орденом Боевого Красного Знамени можно поздравить тебя, Коробков, и тебя, Смирнов, и тебя, Орлов, и тебя, Николаев, и тебя…

— Кто еще награжден?

— Конечно, майоры Кравченко и Забалуев, старшие лейтенанты Рахов и Скобарихин. Все не запомнил…

— Что ж ты о себе умалчиваешь?

— Что обо мне? Куда вы, туда и я…

Через два дня Чойбалсан вручал монгольские ордена летчикам. В большой палатке был накрыт праздничный стол. Вместо уже приевшейся баранины на походных столах селедка с луком, икра, осетрина, ветчина, колбасы, огурчики, помидоры. По просьбе Чойбалсана продукты были доставлены из СССР.

Грицевец и раньше несколько раз встречался с маршалом Монгольской Народной Республики на командном пункте Смушкевича. После событий у Баин-Цаган Чойбалсан спросил у командира «чаек», сколько он лично сбил вражеских самолетов?

— Затрудняюсь ответить. У нас все идет в общий котел, — сказал Грицевец.

Чойбалсан улыбнулся и пожал ему руку.

Торжественное собрание намечалось провести в расположении 22-го истребительного авиаполка. Маршал тепло поздравил летчиков с наградами и просил не опаздывать на торжество. Он спешил объехать все полки, поздравить братьев по оружию, а вечером вручить ордена. В выступлении Чойбалсан сказал:

— Спасибо советскому народу за то, что он вовремя подал руку братской помощи. Особое спасибо вам, товарищи летчики, за героизм, мужество и воинское мастерство, которое вы каждодневно проявляете при защите границ нашей Родины! Благодарю вас, дорогие крылатые богатыри!

Был зачитан Указ народного хурала МНР. С гордостью за своих товарищей летчики подходили к столу. Маршал Чойбалсан прикалывал к груди каждого награжденного орден Боевого Красного Знамени.

Начался праздничный ужин. Коробков предложил тост за тех, кто в небе, за товарищей, не попавших в эту празднично освещенную электричеством палатку и дежуривших у самолетов в готовности № 1. Когда Николай Герасимов заиграл «Русскую»,

даже Чойбалсан пустился в пляс. С удивительной для его грузного тела легкостью он выделывал лихие коленца, а вокруг его «павой» выступал Сергей Грицевец, кокетливо помахивая носовым платком.

К концу ужина выступил полковник Иван Алексеевич Лакеев:

— До нас дошли сведения, что японцы готовятся к войне зимой: завозят теплое обмундирование, строят утепленные блиндажи, заготавливают дрова. Видно, собираются воевать долго… Мы, русские люди, привычны к зиме, и морозы нам не страшны. Если понадобится, перезимуем в юртах. Но, может, и не понадобится… — Он хитро взглянул на Смушкевича. Тот, улыбнувшись, слегка кивнул головой. Он-то, наверное, знал, но не мог еще сказать, что через два дня на рассвете начнется сокрушительное наступление советско-монгольских войск.

20 августа 1939 года было воскресенье. Японское командование разрешило своим генералам и старшим офицерам воскресный отпуск домой. Многие из них уехали за сотни километров.

Советское командование учло это немаловажное обстоятельство и именно в этот день начало генеральную наступательную операцию по окружению и уничтожению японских войск.

В пять часов утра Смушкевич поднял в небо полторы сотни бомбардировщиков и такое же количество истребителей. Над вражескими позициями встала огненная стена. Ровно в девять началось наступление. Лавина танков и бронемашин пошла по всему фронту в атаку. Вслед наступала пехота. Артиллерийские части перенесли свой сокрушительный огонь по японским тылам. Авиация бомбила и обстреливала вражеские позиции. Только полтора часа спустя появились японские истребители. Завязался воздушный бой, самый ожесточенный за все время военного конфликта у монгольской границы. Наблюдавший за ним с вершины Хамар-Даба Г. К. Жуков, повернувшись к Я. В. Смушкевичу, сказал:

— Пока падают японцы!

— Надеюсь, и дальше так будет, — уверенно ответил Яков Владимирович.

Много лет спустя один из корреспондентов в беседе с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым о боях в Монголии заметил, что за всю Великую Отечественную войну он никогда не видел одновременно в небе столько самолетов, как на Халхин-Голе.

Маршал ответил: «А ты думаешь, я видел?»

В конце первого дня великой битвы был найден дневник убитого фельдфебеля 64-го пехотного полка Канэмару. Вот последняя, наспех сделанная запись в нем:

> «Императорские войска стали пушечным мясом. Мы не могли устоять перед огромной техникой и силой советско-монгольских войск… Сегодня бой был ужасный. Не вижу выхода…»

На следующий день темп наступления не ослабел.

Ежедневно по нескольку раз в день совершала боевые вылеты мобильная эскадрилья Сергея Ивановича Грицевца.

23 августа между Советским Союзом и Германий был заключен договор о ненападении. Этот договор нанес серьезный удар антисоветским планам международной реакции, разрушил военные планы Японии и ослабил ее позиции на Дальнем Востоке. Внешняя политика японского правительства потерпела полный провал. Советско-монгольские войска 24 августа завершили окружение японских войск в районе Халхин-Гола. За рекой, вокруг обреченной на гибель армии, сомкнулось кольцо советских войск. Громковещательные установки предлагали окруженным сдаться в плен. Но японцы, глубоко зарывшись в землю, упорно дрались, надеясь на чудо. То и дело в степи загорались кострами японские самолеты. Советские летчики постоянно находились в небе, совершая ежедневно по восемь-десять боевых вылетов. Сотни их подвигов сливались в единый триумф советской авиации. Только в один день, 26 августа, «чайки» Сергея Грицевца сделали одиннадцать боевых вылетов, провели семь воздушных боев и сбили 41 истребитель и семь бомбардировщиков.

29 августа по радио передали Указ Президиума Верховного Совета СССР:

> «За образцовое выполнение боевых заданий и выдающийся героизм, проявленный при выполнении боевых заданий, дающий право на получение звания Героя Советского Союза, наградить второй Золотой Звездой Героя Советского Союза, соорудить бронзовые бюсты и установить их на постаменте на родине награжденных:
>
> 1) Героя Советского Союза — майора Грицевца Сергея Ивановича;
>
> 2) Героя Советского Союза — майора Кравченко Григория Пантелеевича».

Когда Сергею сообщили об Указе, он так растерялся, что смог лишь сказать такие слова:

— А зачем бронзовый бюст?

Павел Коробков бросился его целовать. И только тогда Сергей осознал всю важность того, что с ним произошло. Смущенный и радостный, он стал молча обнимать друзей.

В передовой статье газеты «Красная звезда» в те дни писали о Сергее:

> «Сергей Грицевец проявил себя прекрасным организатором воздушных боев, самоотверженным товарищем своих боевых друзей. Он совершил беспримерный в истории мировой авиации героический подвиг».

К 31 августа было завершено уничтожение японских войск и полностью освобождена территория Монгольской Народной Республики. На всех сопках вдоль границы развевались красные флаги. Получив сокрушительный отпор, император Японии по дипломатическим каналам обратился к Советскому правительству с просьбой о перемирии.

15 сентября 1939 года в Москве было подписано соглашение между СССР, МНР и Японией о ликвидации конфликта в районе реки Халхин-Гол. Японские войска с мая по сентябрь 1939 года потеряли 60 тысяч солдат и офицеров, 700 самолетов и 200 орудий. Милитаристы поняли, что воевать с Советским Союзом крайне опасно. Потом, даже в самый критический момент, когда в 1941 году полчища фашистской Германии рвались к Москве, Япония, несмотря на требования Гитлера, отказалась выступить на Дальнем Востоке.

Последнее задание

Первого сентября 1939 года Германия напала на Польшу, и всем стало ясно, что передышка между боями будет очень короткой. 11 сентября «морзянка» принесла в штаб сообщение о том, что часть летчиков, откомандированных Москвой для передачи боевого опыта, вновь вызывается в Москву. Среди перечисленных была и фамилия Сергея Грицевца.

Утром два транспортных самолета Ли-2 взлетели с полевого аэродрома. Прощальный круг и… курс на Родину. Радостно их встретила Москва. Вереница автомобилей с летчиками подъехала к Центральному Дому Красной Армии. Предстоял обед и отдых. У входа в зал было много знакомых старших командиров. Сияли улыбки, всюду слышались поздравления и пожелания.

После обеда Я. В. Смушкевич разрешил Грицевцу и Коробкову на сутки слетать в Одессу к семьям.

Появились дома без телеграмм. Радости не было границ. Пришли друзья, товарищи, соседи. Не успевали отвечать на вопросы.

На следующий день состоялся прием в Кремле. Члены правительства и видные военачальники тепло и сердечно приветствовали героев Халхин-Гола.

— Извините за то, что так спешно собрали вас, — говорил Сталин, обращаясь к приглашенным летчикам. — Сложилась такая обстановка, что только выполнили одно задание, а мы уже даем вам другое… Надо помочь белорусским и украинским братьям. Мы готовимся к освобождению Западной Белоруссии и Западной Украины. Там пригодится ваш боевой опыт. Думаю, эта война будет недолгой и нетяжелой. После нее отдохнете!

Было названо несколько городов, куда предстояло убыть на следующий день. Грицевец назначался советником в авиабригаду, базирующуюся близ Орши.

Уходя из кабинета, Грицевец задержался, пристально вглядываясь в карту. К нему подошел Михаил Иванович Калинин, положил руку на плечо Сергею, спросил:

— Что призадумался, герой? Через недельку-другую вновь встретимся. Первому тебе вручу золотые звезды. Сразу две получишь. А по карте сейчас трудно представить, как там будет.

— Я не об этом, Михаил Иванович.

— А о чем?

— Да как раз на пути освобождения лежит родное село Боровцы. Оно пока польское, но теперь уже непременно будет опять нашим.

16 сентября, накануне перехода советских войск через польскую границу, в Минске состоялся военный совет. Его проводил представитель Ставки Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный. Командирам частей и соединений были поставлены конкретные задачи. После заседания корреспондент армейской газеты беседовал с майором Грицевцом:

— Каково ваше самочувствие?

— Мне грустно расставаться с боевыми друзьями. Столько вместе пережито было. Мы так слетались, что понимали друг друга с полуслова, с первого жеста.

В конце дня присутствующие на военном совете старшие офицеры Оршанской бригады на своих истребителях вылетели в часть.

В Балбасово под Оршей стояли уже сумерки, но еще была возможна посадка самолетов на аэродром без ночного освещения. Грицевец посадил свой самолет И-15 с ходу, не делая круга над аэродромом, и стал рулить на нейтральную полосу. На аэродроме летчики и техники готовили самолеты к бою. Утром ожидался взлет на выполнение боевой задачи. Некоторые из машин стояли не на своих местах. Невдалеке от посадочной полосы было много народу. Грицевцу это как-то сразу бросилось в глаза. Отстегивая ремни, он, еще не заглушая мотора, подозвал к себе финишера, спросил: «Что случилось?»

Финишер, молодой красноармеец, стараясь, чтобы его расслышали, сложив рупором ладони у рта, отвечал, что на одном из этих трех самолетов должен прилететь первый дважды Герой Советского Союза. Так передали по рации. Вот жены командиров и сверхсрочников вышли встретить его с цветами, а дежурный не имеет права пустить. Образовалась толпа. Грицевец улыбнулся и приготовился вылезать из кабины. В это время он скорее почувствовал, чем увидел беду. Самолет, пилотируемый полковником Хара, сел с противоположной стороны посадочного знака «Т» и мчался прямо на машину Сергея. Грицевец схватился за сектор газа, взревел мотор, он еще надеялся спасти свой истребитель, но не хватило доли секунды. Полковник Хара тоже не успел отвернуть в сторону. В сумерках он перепутал направление знака «Т». Самолеты столкнулись.

…С тревожным воем промчалась по полю санитарная машина. У обломков самолетов лежали летчики. Полковник Хара ранен, майор Грицевец — погиб. Его признало и ему покорилось небо, а погиб он от нелепой случайности на земле. Цветы, предназначенные герою, пришлось возложить на могилу.

Трудно поверить в случившееся…

Освободительный поход на территории Польши был почти бескровным. Военная авиация совершила всего несколько боевых вылетов.

Павел Коробков возвращался домой через Москву. Он не представлял, как сможет вернуться домой без Сергея! Как посмотрит в глаза Галине? Она ждала ребенка… С кем посоветоваться, когда такое горе? Конечно, с Мартином. Тот, как бывало в Испании, подскажет, что делать…

Комиссар Военно-Воздушных Сил Филипп Александрович Агальцов сказал Павлу Терентьевичу:

— Поезжай в Одессу и пока ничего не говори. Задержался, мол, Сергей в командировке. Только после того, как жена родит, расскажешь ей.

Но Галина так и не поправилась после известия о гибели мужа. Долго болела и преждевременно умерла. Дочерей воспитала бабушка.

Идут годы. С. И. Грицевец по-прежнему в боевом строю. Он — ровесник всех молодых, отважных и смелых бойцов, чьи сердца полны жажды героического подвига во имя Родины, во имя торжества коммунизма.

Его подвиг неоднократно повторяли наши летчики. Еще зимой 1939 года в одном из боев с белофиннами командир бомбардировщиков капитан Трусов увидел, что загорелся самолет его ведомого старшего лейтенанта Мазаева. Пылающую машину удалось посадить на лед озера, совсем близко от вражеских позиций. Белофинны уже бежали к советскому самолету, но Трусов отогнал их пулеметным огнем, а потом посадил на лед свою машину. «Двое — в кабину стрелка-радиста, один — в бомбовый люк!» — скомандовал Трусов. Через несколько минут машина ушла в воздух.

Когда комдиву Г. П. Кравченко доложили о подвиге Трусова, он приказал:

> «Провести беседы в эскадрильях о взаимной выручке. Срочно выпустить листовку о подвиге капитана Трусова. Кто будет ее писать, пусть обязательно вспомнит нашего дважды Героя Советского Союза Сергея Ивановича Грицевца».

Сейчас, много лет спустя, стоит остановиться в повседневной нашей жизненной суете и задуматься…

В наше время — время, когда большинство молодых людей и не знает, что такое война в суровой ее действительности, — трудно даже представить себе жизнь Сергея Грицевца прожитой

жизнью. Нет, она понимается и принимается как вспышка, как яркий и короткий полет кометы на небосводе.

Еще М. Горький говорил, что если человек хочет делать подвиги, он всегда найдет, где их совершить. Большинство воинских подвигов как-то принято мысленно отождествлять с Великой Отечественной войной. Но ведь Сергею Грицевцу не пришлось взлетать в грозное небо начала сороковых годов. Однако то, что он совершил, осталось в памяти людей, в памяти его товарищей по оружию. Лейтенант Павлов, подобно Грицевцу, спас своего сбитого врагом товарища, капитана Степанищева, капитан Лебедев спас так же капитана Журавлева, лейтенант Берсенев — майора Беду, ставшего впоследствии дважды Героем Советского Союза, генерал-майором авиации. Можно было бы продолжить список и дальше, но…

…Но не только тогда, и сейчас, выполняя в Афганистане интернациональный долг, не однажды советские воины под огнем противника сажали свои боевые машины в ущельях и отрогах Гиндукуша, спасая товарищей.

Что это значит? А значит это, что жизнь Сергея Грицевца пусть и была короткой и яркой, как полет кометы, но она, словно комета, не пропала бесследно…

Сергей Иванович Грицевец

Испания. 1938 г. Командир республиканской авиации Антонио Ариас прилетел в эскадрилью «камарадо Сергио»

Удостоверение к памятной медали

Халхин-Гол. С. И. Грицевец и В. М. Забалуев

Халхин-Гол. На капоте трофейной японской машины, набросив шинель, сидит С. Грицевец

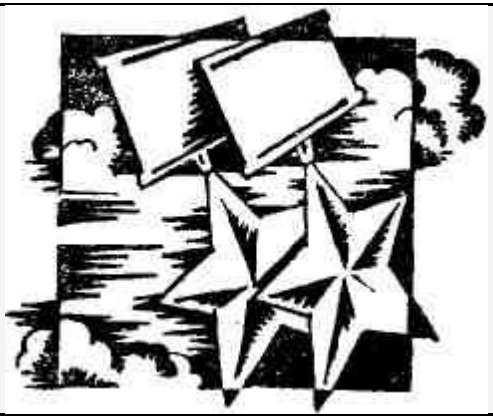
Халхин-Гол. Слева — С. И. Грицевец. Впереди — Г. П. Кравченко. Рядом — Я. В. Смушкевич и В. М. Забалуев

Космонавты А. В. Филиппенко и В. Г. Лазарев в музее ХВВАУЛ у стенда С. Грицевца

Открытие памятника С. И. Грицевцу в ХВВАУЛ

Геннадий Устюжанин, Василий Яковлев

ИЗ ОРЛИНОГО ПЛЕМЕНИ (ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ)



Переселенцы

Солнце догорало в лугах за Тоболом. Его багровые отсветы охватили пожарищем бор, сделали малиновой воду в речке. По вечеру загомонила снова, словно вымершая погожим сенокосным днем, станица Звериноголовская. Звенели подойниками бабы. Казаки, перед тем как отужинать и улечься на покой, неторопко, верхами ехали к Тоболу напоить коней. Тут они, скинув просоленные за день рубахи, барахтались в воде, смывая с себя пот и колкую сенную пыль, купали и чистили лошадей, курили, говорили о погоде, сенокосных делах и видах на урожай, рассказывали нехитрые станичные новости.

Напротив крепости, на левом берегу Тобола, за мостом на крутояре, задрав оглобли вверх, маячили две телеги, бродила пара лошадей, горел костер, бегали шумливые ребятишки.

— Цыганы, че ли, остановились тамока табором? — озабоченно спросил казак, подъезжая к Шеметову. Тот стоял на одной ноге, метя вторую, только что сполоснутую в воде, продеть в штанину.

— Нонче рот-от не разевай — оглоблей заедут. Не досмотри — и коней мигом сопрут, — сетовал подъехавший.

— Не бойсь, Евсей, не сопрут, — засмеялся Шеметов, затягивая на брюках ремень. — А и сопрут, так у тебя не убудет, не на последнем сидишь. Вчерась ехал лугами, так на твоих стригунов засмотрелся. Не жеребята — птицы. А трехлетки, те просто мечта, хоть под седло, хоть в упряжку, да только вожжи крепче держи, чтоб усидеть.

— Вам, голодранцам-коммунарам, только бы зубы скалить да зенки на чужое добро пялить, и боле нет забот. Ваших-то доходяг красть не станут, никто не обзарится. До холодов поездите, а с морозами они сами ноги протянут. Видел я, сколько сенца вы настоговали, по навильнику на лошадь.

— Не дрожи, Евсей. Ребята давеча бегали за реку, сказывают, переселенцы это, из Киркрая едут. Хохлы, не цыганы. Оденусь вот и тоже до них дойду. Может, людям помощь нужна.

— Помощники, тоже мне… — казак сплюнул, выругался и засмеялся. — Самим-то жрать нече в коммунии вашей, а тоже мне — помогать… — Он дернул поводья и зарысил в станицу. Потом придержал коня, оглянулся и попросил:

— Если переселенцы заработать хотят, пусть ко мне приходят. Найму сено метать. Заплачу мукой.

Шеметов обул сапоги и пошел через мост за реку.

* * *

На поляне готовились ужинать. На самотканой холстине стояли три глиняных блюда: два с ухой, одно с рыбой. В глиняной плошке горкой краснела клубника. А вокруг, поджав ноги, по-киргизски калачиком сидели седобородый дед, трое мужчин и ребятишки. Женщина разгребла золу костра, вынула из напрокинутых друг на друга сковородок лепешку, ласково посмотрела на гостя и певуче заговорила:

— Кочувамши вот який хлибиц пичь научилысь. Джалпак зовется. Сидайте, мил чоловик, з нами повичеряты, чим бог послав.

— Спасибо. Я ужинал уже, — смущаясь от неожиданного приглашения, проговорил Шеметов.

— Тоди испейтэ чайку з ягодкамы, що диты понасобиралы.

А ребятишки сдвинулись уже к одной стороне холстины, освободили место напротив деда. И Шеметов сел. На него смотрели с любопытством. Разговор начал дед.

— Кравченки мы, украинцы. Счастьи свои шукаемо по зимли, да побачить не можемо. Зовут мэнэ Микитой, а то диты мои — Пантелей, Павло да Анисий. А цэ сношка моя, Мария, кормилица наша, а цэ внучатки. Скилько идимо и откэдова разом и ни скажэ. Як в четырнадцатом годи сдвинулысь с Днипровщины, с ридных мист, так всэ и блукаем. А счастья як не було, так и нэма.

Ели неторопливо. Друг за другом черпали уху из одного блюда мужчины, мать с детворой — из другого.

Действительно, не повезло Кравченкам в далеких привольных краях. В 1914 году поездом приехали они в Семипалатинскую губернию. Поселились в деревне Пахомовке Павлодарского уезда. Как и многие другие переселенцы, напахали в степи из дернины пластов, сложили из них хату, вымазали ее глиной, побелили. Вскопали и засадили картошкой да тыквами огород. Жить бы и можно. Землицей тоже их наделили. Степь широкая, паши да паши. Да вот беда — лошаденка в хозяйстве одна. Плуг на три семьи один. Распахивать наделы пришлось в складчину с соседями.

Работали поначалу азартно: впервые в жизни своя земля! Правда, пашется трудно — целина. За месяц работы рубахи поистлели от соленого пота и солнца, да и лошади выдохлись вконец. Час на них пашешь, на два пускаешь в степь пастись. Овса бы им, да нет его, и денег, чтобы купить, тоже нету. А так, какая это работа, маета.

Наделы еще не вспахали, а тут из волости прискакал вестовой.

— Беда, люди! Война! Германец на Россиюшку нашу напал! Велено немедля всем чередным в волость явиться!

Пантелей уходил на войну. Всей семьей вышли проводить его за околицу. Дед Никита, перекрестил сына.

— Ну, с богом, Пантелей. Постой в бою за царя и отечество!

Мария, будто неживая, стояла с маленьким Федоткой на руках, в ее юбку вцепился ручонками двухлетний Гришатка, жались к бабке Агриппине старшие дети Пантелея — Федор и Иван.

Ушел Пантелей Никитич и как в воду канул. Никаких вестей. Зима в тот год забуранила рано. Снега до крыш замели притихшую Пахомовку. Призвали на войну и Павла. Дед Никита сменял последнюю лошаденку на корову. Пришлось жить молоком да огородом, за хлебушек работали в людях.

Весной 1916 года, как-то к вечеру, в землянке Кравченко скрипнула дверь. Через порог шагнул на костылях бородатый солдат.

— Пантелей! — заголосила от радости Мария. А дети с испугом смотрели на солдата, не признавали отца.

И с возвращением хозяина семейство Кравченко не разбогатело, не выбилось из нужды. Чтобы работать на земле, у Пантелея не было ни коня, ни здоровья. Тяжелое ранение и контузия забрали у бывшего пахаря все силы.

Тяжкие испытания свалились на семью Кравченко и в 1918 году. Адмирал Колчак провел тотальную мобилизацию по Сибири и Казахстану. Деда Никиту забрали в ездовые, а Павла в пехоту. Оба они бежали к партизанам. В Пахомовку нагрянули каратели, искали дезертиров. Они запороли до смерти бабку Агриппину, арестовали и увезли в Павлодар Пантелея Никитича, там он отсидел в тюрьме больше трех месяцев.

Вернувшись домой после разгрома Колчака, дед Никита и Павел не захотели больше оставаться в Пахомовке. Дед Никита все чаще стал поговаривать о возвращении домой, на Днепровщину. Весной 1923 года две повозки отца и братьев Кравченко, груженные немудреным скарбом и ребятней, выехали из села и вслед за солнцем покатились на запад. В семье Пантелея Никитича к этому времени добавились две дочери, Анна и Ольга. И вот теперь, в середине лета, семья Кравченко остановилась на берегу Тобола подкормить лошадей, а посчастливится — и хлебушка заработать.

Дед Никита, закончив рассказ про горькую судьбу свою, молча сосал трубку, смотрел на костер, и думы его были уже где-то далеко-далеко.

Разговор повел Пантелей:

— Дуже прыморылись мы за дорогу. Ихать дале силов нэма. Хлиб кончився, гроши тоже…

— Оставайтесь в Зверинке, — советовал Шеметов. — Край наш привольный! Общество землю выделит. Люди у нас добрые! Школа есть, ребятишек учить надо. Захотите, можно и в коммуну к нам записаться.

— Школу мы днем бачилы, храм святой тоже. А що цэ такэ, коммуна?

— Да как вам сказать? Два десятка семей объединились, работаем сообща. Земля у нас общая, кормимся с одного стола.

— Дуже дивно. Ну, а який достаток?

Шеметов протяжно вздохнул, опустил голову, будто разглядывал носки своих сапог.

— Похвастаться пока нечем. Объединились в коммуну-то станишные батраки да беднота. А приданого у всех — надежда на счастье да руки. А одного желания для строительства новой жизни, оказывается, маловато. Надо бы лошадей поболе да инвентарь кой-какой иметь. Ну, и жить сообща еще не научились. Не все получается так, как в задумках представляли. Оно ведь не нами еще сказано: не одним днем Москва строилась! Помучимся — научимся. Да только любой нашей неудаче богатеи радуются, любой промах за истину выдают, из мухи быка раздувают. Вот, мол, у коммунаров ничего не получается и не получится, коль не по-божьему делают. А мы ведь, действительно, всю нашу жизнь вовсе по-новому организовать мечтаем, какой еще не бывало: привольную, дружную и с достатком.

А из-под крутояра, с моста, где на вечерки собралась молодежь и играла гармонь, бойкие голоса, будто дразня Шеметова, озорно выводили:

Коммунары спят на нарах,
Кобылятину едят.
У них хлеб не народился,
Они бога матерят.

Раздался хохот и свист. И снова всхлипывала гармонь и девичий голос озоровал:

Год коммуна существует,
И такой у ней итог:
На бумаге — дебит, кредит,
А зерна в амбаре — ёк!

И снова хохот и свист…

— Вот так и потешаются… С дальним прицелом, конечно… Но рот им не заткнешь. Пока, действительно, почти все так и есть.

Догорал костер. Ребятишки спали на кошме под телегой.

— Ночь для раздумок дана. А гарное дило з утра починають. Утром и бачить будэм, чего робыть, — говорил Пантелей, провожая до моста гостя.

* * *

В воскресенье Шеметов встретил Пантелея Никитича на базаре, как знакомому улыбнулся.

— Ну, остаетесь жить здесь?

— Вжэ обоснувалысь, — с какой-то радостной легкостью выдохнул Пантелей. — Хатку на бэригу зробляем. В Совиты договорылысь, зэмлицу отцу и братьям дають. Я ж на общество буду робыть — скотинку пасты. Так шо вси у мэнэ скоро в должниках будэтэ. На подати и жить будэмо, як баре. — И он весело засмеялся.

— Ну, счастья вам на новоселье. Нужда будет — заходите в коммуну, поможем, чем сможем.

* * *

Хату Кравченки соорудили быстро. Старый опыт помог. Снова напахали пластов из дернины, сложили из них стены. На потолок, внакат, пошел чернотал, нарубленный тут же, на берегу Тобола. Крышу залили смесью глины с соломой, таким же глинобитным сделали пол. В углу, близ дверей, дед Никита сбил из глины печь, напротив сколотил двухъярусные нары. В переднем углу, вдоль стен, положил лавки, сколотил стол. Семья справила новоселье.

Больше всех радовалась Мария. Впервые за многие месяцы она замесила квашню, настряпала булки. В печку, к загнетке, поставила варить горшок борща. Она почувствовала себя снова хозяйкой и матерью. А к осени в избушке появился новосел: Мария родила мальчика. Назвали его Иванком. Так в семье стало два Ивана — младший и старший. И вечерами, когда собирались дома все и надо было ужинать, Мария Михайловна с любовью говорила:

— Ну, детки, помогайты мени, вас видь у мэнэ семеро.

Школа

Давно уж не было на полянах ягод. Утрами от инея седела степь. В выцветшем за лето небе журавлиные клинья, курлыча, медленно уплывали на юг. Подпаски Гриша и Федотка с грустью провожали их взглядом. Они уже теперь с азартом не щелкали пастушьими арапниками, как бывало летом, вплетая на кончик хлыста волосья из конского хвоста. С затаенной завистью посматривали на мальчишек, прибегавших прямо с книжками из школы встречать коров и спрашивавших их:

— А вы пошто в школу не ходите?

— Отцу без нас не справиться с табуном. А Федор с Иваном еще не вернулись из Сибирки. Они там батрачат у Дегтяревых.

Как-то за ужином Мария, поглядывая на ребят, заговорила с отцом несмело:

— А я вчера, Пантелей Никитич, у училки у школы була. Она казала, що можно Гришу з Федотком у класс привисти. Я разумляю, хай воны вчатся, можэ, у добры люды выйдуть, Дид Никита казав, що тоби подмогнэ пасты, если трэба будэ, тай и я помогу.

Все с выжиданием смотрели на отца. А он как-то радостно улыбнулся в усы, ласково посмотрел на ребятишек.

— Хай завтра и идуть, мать! Я об этом усе думаю, як туточки обоснувалысь. Що им нашей нуждой в гарну жизнь дорогу заступать?

В школу их привел дед Никита. Он долго топтался в коридоре, боясь постучать в класс, но дверь вдруг открылась. На пороге стояла учительница. Ее большие голубые глаза искрились добрым и радостным светом.

— Вот и Кравченки к нам пришли, — сказала она. — А ну-ка, смелее проходите в класс, знакомиться будем. Меня зовут Прасковья Николаевна. А тебя как? — обратилась она к Грише.

— Меня — Григорием, а брата — Федотком.

— Ну, вот и хорошо. А сколько тебе лет, Гриша?

— Одиннадцать на днях исполнилось.

— У-у-у, так ты у нас совсем взрослый. Это хорошо, будешь мне помогать. Садитесь-ка с братом вот за эту парту. Здесь и будет ваше постоянное место.

Дед Никита долго ходил вокруг школы. Осторожно пробирался в коридор, замирал у двери, прислушивался. Домой не хотелось. Радость обуревала его. В роду Кравченко еще никто и никогда не учился в школе, не было умеющих читать и писать. А внуки вот в школу пошли! Так он кружил часа два. Ребятишки

уже побыли на перемене, снова сели за парты. В окно дед Никита видел, как учительница писала мелом на доске, что-то читала, спрашивала.

Снова зазвенел звонок. Дед Никита заспешил домой. Заметив его, Мария вышла из избы навстречу.

— Ну, як воны там?

— Дуже гарно! И училка гарна. Як она з ними балакуеть… Ты им, Мария, на обид картошечку з сметаною здилай. Они ж приморывшись придуть.

Дед Никита присел на чурбак во дворе, раскурил трубку.

— Нет, Мария, не зазря мы за народну власть воювалы. Бачь, и Кравченки у школу пишлы!

К учебе Гриши и Федота в семье относились, как ко всякому делу, с уважением и интересом. Вся семья знала, что им задано на дом, какую оценку поставила учительница на уроке. Зимой уже вместе с ними читали букварь и дедушка Никита, и отец. Когда братья брали пешню и лопату, чтобы пойти на Тобол чистить проруби, отец спрашивал:

— А уроки вы вже выучилы? Если ни, так я сам пиду проруби долбыть.

Пользу от школы в семье Кравченко ощутили сразу. В те годы учеба неразрывно переплеталась с жизнью. За четыре зимы ребята выучились читать и писать. Знали простые и десятичные дроби, умели замерить огород и поленницу дров, стог сена, работать на весах и счетах.

Вечерами Гриша и Федотка попеременке читали вслух книжки. Дед Никита к этому времени приносил от соседей взятую на часок газету «Красный Курган». Его больше всего интересовала мировая политика и заботы, какими живут люди уезда.

В «Красном Кургане» ребята и прочитали впервые про детские пионерские организации, о том, что их отряды действуют в Кургане, Макушине, Лебяжьем и Куртамыше: ставят концерты, выпускают стенные газеты, занимаются физкультурой.

На следующий день по совету своей учительницы Гриша, как старший в классе, собрал ребят и пошел с ними в райком партии.

Секретарь усадил ребят у стола. Спросил про учебу. Похвалил за инициативу, но посоветовал создать поначалу октябрятский отряд.

Вожатой утвердили комсомолку Дусю Баландину. Записалось 25 школьников. Среди них Гриша и Федот Кравченко, Нина Ефимова, Антонина Шеметова, Виталий Ермолаев, Агния Заикина.

Вожатая в тот же день поручила каждому нарисовать звезду.

— Выберем, чья лучше, и возьмем за образец, — говорила

она. — Сделаем по ней звездочки для всех.

Дуся поставила и новую задачу: собирать золу и свозить ее в коммунарский склад.

— Она наипервейшая пища для растений. Поможем коммунарам вырастить урожай лучше, чем у казаков. Это будет нашей агитацией за коммунизм.

Первомай в 1925 году выдался прохладным и ветреным. Но на праздничную площадь собрались сотни звериноголовцев. Когда закончились здравицы в честь великого братства мирового пролетариата, секретарь райкома партии объявил:

— Сегодня, в этот праздничный день, в нашей станице рождается первый отряд пионеров — юных борцов за великое дело Ленина и партии большевиков. Прошу вас, ребята, построиться в шеренгу перед народом для принятия Торжественного обещания.

Два десятка школьников следом за своей вожатой с замиранием сердца торжественно клялись во всем и до конца быть честными и справедливыми, смелыми и стойкими, достойно служить партии и народу.

Потом коммунисты повязали пионерам красные галстуки. Духовой оркестр грянул «Интернационал». Руки ребят взметнулись в пионерском приветствии.

Домой с праздника рядом с Гришей и Федоткой шел дед Никита. Ему не терпелось дотронуться до их галстуков.

— Цэ таки жэ червони ленты мы нашувалы з Павлом на папахах, як у партизанах булы.

На следующий день на площади, возле церкви, богомолки схватили двух пионерок за красные галстуки, пытаясь их сорвать. Ребятам пришлось броситься на защиту. Таню Бухманову дома избили родители. Но ребята наперекор всему под горн и барабан ходили по улицам станицы, являлись с букварями к неграмотным, играли с малышами из детсада коммуны «Труд и знание». Весной 1927 года Гриша и Федот с похвальными листами закончили начальную школу. Учеба далась им легко, может быть, потому, что они любили свою учительницу. И у Прасковьи Николаевны они остались в сердце на всю жизнь. Она всегда с восхищением вспоминала, что братья Кравченко были способными и любимыми ее учениками. Особенно Гриша, который выделялся жизнерадостностью и добротой. Казалось, солнышко навечно поселилось в его глазах. Гриша был старше всех в классе и физически крепким пареньком, но за годы учебы никого не обидел. С ним искренне дружили и ребята, и девочки.

* * *

Теперь уже братья одни легко справлялись со стадом. Им нравилось в степи. Но все же с завистью посматривали они на ребят из школы крестьянской молодежи, подсобное хозяйство которой находилось рядом с выпасами у озера Круглого. В ШКМ — так привыкли ее тогда называть в народе — ученики самостоятельно пахали, сеяли пшеницу, овес, гречиху, чечевицу, садили арбузы, помидоры, капусту. Михаил Константинович Маляревский, директор ШКМ, бывший агроном, испытывал вместе с учащимися новые сорта, проводил опыты.

Всего три года существовала школа, но слава о ней пошла уже по всей округе. В нее теперь мечтали поступить многие. Но в первую очередь зачислялись сироты, дети батраков и бедноты. К Маляревскому за советом нередко наведывались справные хозяева. Даже церковный батюшка обращался не раз, хотя Михаил Константинович частенько читал в его присутствии атеистические лекции и проводил показательные антирелигиозные опыты.

Гриша подружился со многими ребятами ШКМ. Они и принесли ему почитать книгу Жюля Верна «Пять недель на воздушном шаре». Грише не терпелось начать читать. Пока шли за табуном, он несколько раз открывал томик, разглядывал картинки. Как только стадо подошло к водопою, Гриша тут же облюбовал местечко в тени под кустом и открыл книгу. Рядом с ним лег Федот. Страница следовала за страницей. Все было, как во сне… Братья очнулись, когда со школьного массива послышались свист и крики. Это ребята выгоняли с поля люцерны их овец.

Первое, что пришло в голову, спрятаться. Федот так и сделал: увидев Маляревского, сиганул в кусты. Гриша поборол страх и стоял, как вкопанный. Михаил Константинович шел не спеша. Взгляд его был строгим.

— Что, проспали отару, пастыри? Нехорошо так вести себя на работе. А Прасковья Николаевна мне расхваливала вас как серьезных и старательных ребят.

Руки у Гриши стали мокрыми от пота, уши и лицо горели. Ему больше всего было стыдно, что он подвел учительницу, не оправдал ее добрых слов.

— Мы не спали. Это я виноват. Книжку читал и обо всем забыл.

Маляревский протянул руку, и Гриша как-то осторожно подал ему голубой томик Жюля Верна.

— Да, книжка интересная, — он вернул ее Грише. — А где же твой помощник?

— Я здесь… — сказал Федот, выбираясь из тальника.

— Придется теперь вам, молодые люди, за потраву отрабатывать в нашем хозяйстве.

— Все сделаем, что скажете.

— А что тут говорить. В следующий раз не зевайте, да всегда помните, для человека дело — прежде всего, а потом развлечения, — спокойно говорил Михаил Константинович. — Видимо, придется вас зачислить к нам на учебу, чтобы легче было отрабатывать то, что ваши овцы испакостили.

Гриша не понимал, серьезно говорит Маляревский или шутит. Но на всякий случай сказал:

— Мы согласны.

— Ну, вот и хорошо. Считайте, что уговор состоялся. Осенью ждем вас у себя в школе. Место в общежитии дадим.

* * *

Зачисленных в ШКМ пригласили на собрание. За столом перед ребятами сидели учителя. Михаил Константинович Маляревский провел перекличку. Каждый, кого называл директор поднимался и коротко рассказывал о себе. Ребята были из разных сел. Все внимательно слушали. Шло первое знакомство. Рядом с Гришей на скамейке оказались сын уборщицы маслозавода из села Прорыв Григорий Крылов, детдомовец Никодим Угрюмов, батрак из деревни Редуть Георгий Шмаков, сын солдатской вдовы из Мочаловой Антон Иноземцев, бедняк Федор Тюфтин. Всего было более трех десятков учеников.

Потом Михаил Константинович представлял учителей. Он делал это с какой-то обворожительной добротой и сердечностью:

— Первой, ребята, представляю вам Анну Михайловну Косареву.

Учительница встала, улыбнулась всем. А директор продолжал:

— Анна Михайловна любит и превосходно знает Пушкина, Лермонтова, Некрасова, песни нашего края. Учитесь у нее этому старательно. Я говорю — учитесь, потому что учиться — это значит учить себя! Когда эту формулу вы по-настоящему осознаете, учеба будет даваться легко.

Павел Григорьевич Боросан, — Маляревский повел рукой в сторону сидящего с краю стола, — ведет в школе математику. Замечательный он человек, и наука, которой он учит, замечательная. Познавая ее, человек развивает в себе сообразительность, учится делать самые сложные расчеты и выводы. Задача нашей школы — подготовить из вас настоящих

социалистических хозяев земли, завтрашних кооператоров, организаторов коллективных хозяйств. И тут без отличного знания математики вам не обойтись, ничего путного не получится. Так что спешите постигать эту науку, а Павел Григорьевич вам поможет.

Перед вами Василий Ефимович Олежко. В школе ведет уроки физики и химии. Человек он жизнелюбивый и беспокойный, мастер на все руки. Играет на скрипке, мандолине и гитаре, отлично поет и танцует, умеет в повседневности отыскать романтику. Желающих он с удовольствием запишет хоть сегодня же в хор, в танцевальный и драматический кружки. А записавшиеся никогда не пожалеют о своем решении.

В таком же духе были представлены и другие учителя. С собрания ребята расходились совсем другими, чем собирались в зал. Это были уже знакомые люди, нацеленные на общие дела, на светлые, далекие и близкие рубежи.

* * *

Перед школой крестьянской молодежи в станице Звериноголовской была поставлена конкретная цель: готовить из детей бедноты грамотных активистов Советской власти, умеющих вести перестройку жизни на принципах коллективизма и кооперации.

Здесь все было, как в школе-семилетке, да еще изучали основы агрономии, ветеринарии, кооперирования сельского хозяйства. Все, что ребята слушали на уроках, закреплялось работой на подсобном хозяйстве, экскурсиями на мельницу, кожевенную и пимокатную мастерские, маслобойню. «Знай и умей!» — было главным девизом.

Жизнь в ШКМ основывалась на инициативе. Самоуправление, самообеспечение, самообслуживание, самодеятельность — этому здесь учили. Каждый отвечал за конкретное дело. Гриша Кравченко, например, ухаживал за лошадью; Агния Заикина чинила одежду для ребят — ей швейную машинку купили. Был свой садовник и ответственный за огород, в детском саду — няни. Способные ребята быстро выдвигались в лидеры.

Учащиеся проходили практику по всему циклу сельскохозяйственных работ. Каждый умел запрячь лошадь, вспахать и заборонить поле, посеять зерно и многолетние травы, посадить картошку, морковь и огурцы, скосить траву и уложить сено в стог так, чтобы его не промочил дождь, засыпать по-научному на хранение зерно, картошку и овощи, составить

рацион для коровы и лошади.

В общежитии при школе не было платных работников. Только на кухне «властвовала» повариха тетя Паша. Под ее началом ребята по очереди носили воду и дрова, чистили картошку, резали свеклу на паренки, раскатывали тесто на лапшу, пекли хлеб, мыли посуду, делали уборку в комнатах.

Курс наук давался нелегко. Не хватало учебников, наглядных пособий, тетрадей, карандашей. Вместо чернил разводили сажу, отжимали свекольный сок. Домашнее задание готовили звеньями: пять-шесть человек занимались по одной книжке, и нередко сообща отвечали учителю. Важно было в каждом звене иметь способного и ответственного ученика, который бы вел за собой остальных. Гриша Кравченко как раз был одним из таких. Учителя просили его «взять на буксир» то одного, то другого отстающего. И он никогда не отказывался.

Как-то на уроке Павел Григорьевич Боросан вызвал Федора Тюфтина к доске:

— Давай-ка, Федя, порешаем задачку.

Федору трудно давалась математика и, идя к доске, он жалобно попросил:

— Во дворе ребята дров напилили, Павел Григорьевич, можно, я вместо решения задачи их сейчас пойду расколю и в поленницу сложу.

Класс грохнул от хохота.

Тюфтин долго потел у доски, но задачу так и не решил.

Вечером группа собиралась в кино. Попасть на него считалось целым событием. Поэтому в интернате царило приподнятое настроение. И только Тюфтин сидел печальный и никуда не спешил.

— Ты чего это скис, Федя? — спросил его Кравченко.

— А чему радоваться? Послезавтра математика, а я не представляю, с какой стороны к задачкам подступиться. Ну, как я отвечу Павлу Григорьевичу?

— Дело серьезное, но печаль делу не помощница. Тащи-ка свои задачки сюда, сейчас и порешаем вместе.

— Тебе-то зачем из-за меня тут сидеть, когда все в кино идут?

— Кино — это не главное в жизни дело. Сказал тебе, неси сюда задачи, значит, неси, мне тоже полезно их порешать. Вот и подумаем вместе.

Два вечера вместе корпели они, перерешали не один десяток задач.

На уроке математики Боросан внимательно посмотрел на Федора и спросил:

— Ну, а сегодня, Тюфтин, задачу будешь решать у доски или

сразу дрова пойдешь колоть?

Веселый гомон поддержал шутку учителя. Но всем на удивление Федор вышел к доске и бойко решил две задачи.

С тех пор Тюфтин уверенно держался на уроках математики и в хвостистах больше не числился. Правда, с Григорием Кравченко они еще не раз засиживались за задачками допоздна.

В школе работали различные кружки. При литературном регулярно выходила стенгазета, редактировал ее Гриша Кравченко. Ни одно заметное событие не проходило мимо ребят. Как-то для подсобного хозяйства на базаре купили Пегана, упитанного коня, и породистую корову-сименталку Маньку. При осмотре животных ребята заметили, что конь не только пегий сам, но и глаза у него разного цвета: один голубой, другой карий, а у коровы короткий хвост. По этому поводу было много шуток и острот. А на следующий день в стенгазете красовались куплеты ученика Миши Колова:

В ШКМ — все по науке.
Здесь купили неспроста
Лошадь с разными глазами
И корову без хвоста.

Возле газеты толпились ребята и учителя, слышался смех и возгласы одобрения: «Молодец Колов, славно сочинил!»

За редактором замечали «особую слабость» к книгам. И хотя урок с потравой он не забыл, но с книгами часто засиживался за полночь. Когда дежурный по интернату предлагал ему кончить чтение и пойти спать, он вежливо просил:

— Разреши, друг, еще несколько минут, как раз дошел до самого интересного. — А когда дежурный снова напоминал, что пора спать, Гриша извинительно говорил:

— Понимаешь, не смог оторваться, ты уж прости, каждая страничка затягивает, и все тут.

Большой популярностью в школе пользовался технический кружок. Старостой в нем был Анатолий Воронин, посвятивший впоследствии всю свою жизнь инженерному делу. Здесь, изучали устройство сенокосилки, жатки-самосброски, сноповязалки, молотилки, выполняли несложные кузнечные работы.

Когда в коммуну пришел первый трактор, кружковцы отправились туда на экскурсию познакомиться с невиданной раньше машиной. Дело осмотром и беседой не кончилось. Миша Колов, которого в школе считали больше поэтом, чем механиком, по возвращении пошел к Маляревскому с просьбой отпустить его в коммуну учиться на тракториста. Просьбу его Михаил

Константинович удовлетворил. И Колов до следующего учебного года был вначале стажером, а потом самостоятельно работал на тракторе в деревне Каминке.

Не было отбоя от желающих посещать занятия санитарного кружка. Верховодили в нем девушки, а занятия вел сельский фельдшер Василий Иванович Бутаков. Здесь учились делать перевязки, оказывать первую помощь при ожогах, при спасении утопающих, изучали санитарное дело и самогигиену. Кружковцы часто бывали в больнице, помогали фельдшеру перевязывать больных. Игры-занятия санкружковцев проходили обычно весело. Как-то на занятиях роль раненого бойца выпала на долю Гриши Кравченко. Девочки наложили ему шину на ногу, забинтовали голову, сделали перевязку кисти руки и на носилках отнесли «раненого» в спальню.

— Теперь я спасен, — веселился Гриша. — Спасибо зам за помощь, дорогие сестрички Оля и Дуся!

Знания, полученные в кружке, ребята несли в села, когда летом разъезжались на каникулы. Они проводили беседы, нередко сами оказывали помощь людям.

Летом 1927 года в Курганском уезде развернулась кампания по сбору средств на постройку авиаэскадрильи «Наш ответ Чемберлену!» Было решено собрать деньги на самолет «Уральский крестьянин» и передать его в дар Красной Армии. Звериноголовцев до крайности удивил поступок инвалида Александра Нохрина из деревни Мочаловой. Он внес на самолет последний рубль и призывал всех через газету «Красный Курган» последовать его примеру. Он писал:

> «С трудом я наскреб этот рубль, остался без муки, но жертвую его без жалости для дела укрепления обороны страны».

Гриша и Федот Кравченко пасли одно лето коров в Мочаловой и знали Нохрина — обыкновенный крестьянин, а вот в газете пишет!

Маляревский зачитал ребятам обращение земляка-патриота и призвал в ответ на происки империалистов собрать свой взнос, а также создать при школе ячейку Осоавиахима, готовить себя к службе в Красной Армии. За создание новой организации голосовали единогласно. Председателем ячейки избрали Федора Тюфтина.

Когда осоавиахимовцы школы пришли в Мочалово повидаться с Нохриным, он предстал перед ними у покосившейся избенки, в старенькой солдатской гимнастерке. Глаза его светились счастливой радостью. Грише показалось, что Нохрин от

радости даже помолодел.

Через неделю в ячейку Осоавиахима записались уже все. Ребята собрали первые членские взносы, установили возле интерната турник, принесли гири, каждое утро делали зарядку и бегали к роднику обливаться ледяной водой. Началась практическая работа по подготовке себя к защите Родины.

Был создан стрелковый кружок. Возглавил его школьный математик, бывший красный командир Павел Григорьевич Боросан. Из районного совета Осоавиахима принесли учебную винтовку. Павел Григорьевич показал, как ее разбирать, собирать и смазывать, заряжать и целиться, выполнять простейшие приемы: на плечо, к ноге. Каждый осоавиахимовец мастерил себе самодельную винтовку. Из полена и старой печной заслонки сделали пулемет, приспособив для имитации стрельбы трещотку, которой ребята осенью на бахче пугали ворон. Девочки создали санитарную группу. Дел хватало всем.

Районный совет Осоавиахима для подготовки и проведения игр назначил командиров. Ими стали бывшие военнослужащие Федор Сюричев, Павел Бабкин, Николай Гуреев. Начались строевые и тактические занятия. Ребята разделились на два отряда. Одни называли себя «синими», другие «зелеными». Первые игры прошли в осенние каникулы. Главным арбитром на них был председатель совета Осоавиахима Дубровин. Ему помогали члены жюри из общественности.

В казачьей станице Звериноголовской любили подобные затеи. В них с удовольствием играли и взрослые, порой бывалые казаки. Особенно ярко проходили маевки и ярмарки с различными состязаниями после посевной и уборки урожая. Большим интересом пользовались скачки на конях, джигитовка, рубка клинком лозы, преодоление препятствий. Здесь можно было показать смелость, удаль, выносливость и силу, показать, что ты есть за казак.

После празднования десятой годовщины Октября Маляревский представил школьникам нового учителя. Был он высокий и стройный с командирской выправкой. Звали его Василий Павлович Яковлев. На первом же уроке ребята попросили учителя рассказать о себе.

Он улыбнулся, чуть прищурив глаза.

— А что рассказывать? Вот в этих же самых стенах — он повел рукой вокруг, — десять лет назад закончил я Звериноголовское четырехклассное городское училище. Мечтал стать учителем, а угодил к Колчаку в солдаты. Бежал. Добрался до красных. В девятнадцатом году вступил в комсомол. Готовился с армией Михаила Васильевича Фрунзе штурмовать Перекоп, да

был переброшен на Западный фронт, на борьбу с белополяками. В 1923 году вступил в партию большевиков. После гражданской войны учился в Ленинграде в военно-политической школе имени Энгельса. Потом был политруком роты. Довелось видеть и слышать выступления Фрунзе и Калинина, Орджоникидзе и Бубнова, Димитрова и Коларова.

Я буду у вас вести обществоведение. Постепенно обо всем и расскажу. А сейчас давайте выясним, что вы знаете о классах и классовой борьбе вообще и как она проявляется в нашей станице Звериноголовской? Чтобы лучше все это представить и понять, пойдемте-ка сейчас на берег Тобола, к месту расстрела наших станичников.

Шли центром станицы мимо крестовиков с кирпичными полуподвалами, с крышами под крашеной жестью. Резные ворота и наличники окон, крепкие заборы. Не подступись!

— Присмотритесь-ка, ребята, к застройке станицы. — Уже по ней видно, что живут не все одинаково. В центре, у церкви — хоромы. Торговцы да зажиточные казаки. К окраине — пятистенки. Среднего достатка хозяева. На самой окраине — избы да саманные мазанки. Беднота.

— И у мусульманской мечети, глядите, тоже дома-хоромы да кирпичные лавки. Чьи они? Богатых иноверцев. Их соплеменникам из мазанок ходу сюда нет, разве что для найма в работники.

Вот так. А ведь на одной земле и под одним солнцем все живем.

— А с кем расправились белочехи, когда в станицу нагрянули? Из богатых кто-нибудь пострадал?

— Прочитайте фамилии на памятнике: братья Федор и Яков Бухаровы, Сабир и Нагмеджан Музафаровы, Николай Фомин, Султан Салимов, Самигулла Габайдулин, Алексей Гуреев… Все из бедноты, из активистов новой власти. Разных они национальностей, а полегли за одну идею.

Более двух часов продолжалась на берегу беседа. И мудреное название предмета «Обществоведение» стало близким и понятным каждому.

И потом, позднее, о каких бы глобальных проблемах ни говорил Василий Павлович, он умел их сфокусировать, как через увеличительное стекло, на местной жизни, на местных примерах так, что даже самые сложные вопросы становились ясными. Все понимали, что борьба за новую жизнь идет не где-то вообще, а в родной станице, в стенах школы, в клубе, на улице и даже в семьях.

Время было переломное, архисложное. В декабре 1927 года

прошел Пятнадцатый съезд партии, принявший решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства и подготовке наступления социализма в стране по всему фронту. По станице и в округе ползли слухи, суждений и кривотолков было много. Райком партии в проведении разъяснительной работы часто использовал преподавателей и комсомольцев ШКМ. Партийная ячейка школы совместно с комсомольской вела большую агитационную и разъяснительную работу в Зверинке и селах района.

С докладами по политическим вопросам чаще всего выступал Василий Павлович Яковлев; о преимуществах коллективного ведения хозяйства — директор школы Маляревский. Агитбригада давала концерт. Начинался он «живой» газетой «Посторонись соха — трактор идет!» Под балалайку и гармонь исполнялись сатирические частушки и куплеты школьных поэтов Григория Шмакова и Тимофея Немцова. В них остро высмеивались кулаки и их подпевалы, бичевались зажимщики хлеба, неплательщики налогов, носители бытовых пороков. Нередко попавшие под критику тут же покидали зал под смех и аплодисменты односельчан. Агитбригада призывала объединяться в товарищества по совместной обработке земли, создавать колхозы, продавать излишки хлеба государству, вела большую антирелигиозную пропаганду.

Учителя ШКМ готовили в клубе и школе вечера и диспуты, читательские конференции, вовлекали в них ребят, и те быстро втягивались в общественную работу: самостоятельно готовили рефераты, выступали, горячо отстаивали свое мнение. Словом, быстро взрослели.

В январе 1928 года группу активистов ШКМ принимали в комсомол. Список кандидатов в комсомольцы, среди которых были и братья Кравченко, за неделю вывесили в школьном коридоре. Предлагалось всем, кто знает что-либо порочащее этих ребят, написать письмо в комсомольскую ячейку или выступить на собрании. На собрание пришел председатель райкома ВКП(б) Федор Ефимович Скрипниченко. Все школьники волновались и переживали за товарищей. Но все обошлось как нельзя лучше. О Грише Кравченко говорили с похвалой, единогласно приняли в Союз и сразу же ввели в актив, избрали заместителем секретаря школьной ячейки.

У Гриши в удостоверении об окончании школы записано, что за годы учебы он был «председателем школьной кооперации, председателем хозкомиссии, членом педсовета, начальником районного штаба «легкой кавалерии», секретарем ячейки ВЛКСМ, зам. секретаря райкома комсомола, уполномоченным РК ВЛКСМ,

РК ВКП(б) и РИКа по кампаниям».

Наиболее активных и подготовленных комсомольцев нередко направляли с поручениями райкома комсомола или райкома партии вместе с коммунистами в деревни для политической работы.

Однажды Григорий Шмаков и Григорий Кравченко были командированы райкомом в село Редуть в помощь сельсовету для заготовки семян. Как вспоминает Шмаков, Гриша проявил себя там заправским агитатором. Он давал обстоятельные ответы на все вопросы, а когда вступал в спор, выдержка не покидала его.

Уже в начале собрания кулак Баранов внес предложение сделать самообложение равным с каждого двора.

— Понемногу все дадим, все поделимся с государством.

— Такое предложение не пройдет, — возразил Кравченко. — Размер самообложения будем исчислять с посевной земли, по два пуда с десятины.

— Это, что же, я должен сорок пудов отдать, — возмутился Баранов, — столько же, сколько десять лодырей, сеющих по две десятины?

— Нет, кто сеет меньше трех десятин, взносами вообще нельзя облагать. Им бы семьи свои прокормить да на посев семян наскрести. Что свыше трех, то и облагать. А у кого под двадцать десятин пашни, то наверняка он их с помощью всей деревни обрабатывал. И хлеб, значит, не только его, но и общественный. Вот для общества и пожертвовать надо.

Собрание проголосовало за предложение представителя района. Но Баранов не сдавался и задал Кравченко провокационный вопрос:

— Товарищ агитатор, правда ли, что в социализме, который вы собираетесь строить, все из одного котла станут есть и женки для всех будут общие?

Население Редути большей частью было из старообрядцев, и расчет Баранова был прост: сбить Григория с толку, воспользовавшись его неопытностью, опорочить новый строй, а того и гляди решение о самообложении смазать. Баранов ехидно улыбался. Людей много. Все напряженно ожидали.

— А мы, гражданин Баранов, не раз слышали такие вопросы, — наступательно начал Григорий. — Их задавали еще в гражданскую войну именно те, кому не по душе Советская власть. Сейчас их задает тот, кто против борьбы народа за перестройку всей жизни на основе коллективизации. Вот и придумывают кулаки всякую ересь про социализм и про новую жизнь. Да и вам, гражданин Баранов, видимо, нравятся такие басни!

Когда беседа закончилась и Григорий ушел с председателем в

сельсовет, Шмакова окружили односельчане, родом он был из Редути, и наперебой спрашивали:

— Кем работает этот товарищ?

— Пока он учится, но уже заместитель секретаря райкома комсомола на общественных началах.

— Толковый парень! Большой из него человек будет!

* * *

Разъяснять политику партии по кооперированию сельского хозяйства в район приехал представитель Уральского обкома партии товарищ Линьков. Ходил он по станице в длинной кавалерийской шинели, шапке-кубанке, отороченной серым барашком. Смело заходил в дома, подолгу беседовал, уяснял, как люди понимают идея коллективизации, что думают, что говорят. Два дня провел в сельхозартели «Коминтерн», созданной на базе коммун «Восточное сияние» и «Якорь». Его интересовало все: и упитанность лошадей, и запас сена и овса, и когда придут тракторы, и как платят колхозникам за труд.

Все это время станица жила в каком-то напряженном ожидании. И вот на базарной площади появилось объявление, что в клубе будет выступать представитель Уральского обкома партии товарищ Линьков.

Вечером в клубе было полно народу. Звериноголовцы, особенно молодежь, любили собираться здесь по субботним и воскресным вечерам. Привлекали духовой оркестр, театр с профессиональными артистами, самодеятельные кружки, диспуты, политучеба.

На лекции и доклады приходили люди постарше. Послушать новости, покрасоваться на миру в обновке. Говорили обо всем: кто купил коня, кто борчатку сшил, где лучше катают пимы и выделывают овчины, почем пшеница в Кургане и мясо в Киркрае. Станичные балагуры и острословы околачивались здесь постоянно. Им бы зубоскалить, побывальщины слушать да лясы точить.

А ныне порядок особый. Полы выскоблены до желтизны. На стенах и под потолком лампы-молнии, стол на сцене под зеленым сукном. В зале ни одного свободного места, мужчины уселись и на полу, привалившись спинами к стене.

В президиуме районное руководство и Линьков. Представитель обкомпарта, худой, с посиневшим от холода лицом. На гимнастерке — орден боевого Красного Знамени.

— Ну, этот начнет рубать, — шепчет кто-то в зале, — видать,

из наших, боец, не портфельщик.

А секретарь райкома уже предоставил Линькову слово.

— Переломный момент переживает сейчас Республика Советов, и мы с вами, товарищи, — спокойно начал он. — Интервентов мы вышвырнули, беляков победили, землю отдали трудовому народу. Десять лет после революции прожили, залечиваем помаленьку раны, заводы восстанавливаем, свои тракторы делать начали, а накормить народ досыта все еще не можем.

— И не накормите, пока у власти голодранцы стоят! — крикнули из зала. — Только делом займись, тебя в Совет тащат, ограничения под нос суют. Это нельзя, это не положено, это супротив закона! Вот потому вместо хлеба теперь лебедой да охвостьем и кормимся.

— Ну, Евсей, оно и видно, что ты на лебеде сидишь. Морда, то и гляди, как помидор, треснет.

В зале захохотали. Но говорун не унимался:

— При прежней-то власти, царе-батюшке, сибирской пшеничкой все базары были завалены. Сами ситный хлебушко кушали, и города кормили, и за границу везли. При деньгах были и при товаре. У нонешней власти лозунг один — все пролетариям! Мы разве против, чтоб рабочих кормить? Ни в жисть! Пожалуйста! А вот комитетчиков, которые на заседаниях штаны просиживают, да лодырей, которым комитет бедноты разных льготов навыдавал, кормить не обязаны. Видите ли, дрыхнуть им надо, пока солнышко в пузу не упрется, работать по восемь часов в сутки. Это в деревне-то, да в страдну пору?! При таких порядках себе на прокорм хлеба не вырастишь, не то чтоб городу его дать. Голодранцы лето в тенечке проспят, а потом тем, кто урожай вырастил в поте лица, самообложение преподносят: сдай мол, хлебушко в пользу общества, не то бойкот предъявим. Заберут пшеничку задарма и пикнуть не смей. Кому же охота бесплатно-то костоломить?

— У тебя, Евсей, видать, от надрывной работы брюхо-то, как у беременной бабы, расперло, ни один ремень не сходится, — перебил горластого Шеметов. По залу снова прокатился хохот. — Ты же больше на базарах толчешься, чем в поле. Подешевле купишь, подороже продашь. Денег не пожалеешь, если выгоду почуешь. Это ты же летось горлопанов подпоил, чтобы на сходе твою линию гнули. И настояли с дружками, чтобы покосы не на едоков, а на поголовье скота делили. А у тебя скотины — табун целый, вот половину поймы и отхватил. Сенокосами на конях ее выпластал да батраков нанял сметать. И опять с сенцом. Сам не косишь, сам не возишь, а лучше всех зимуешь.

— А ты на полноту мою не при, не от лени она — от болезни сердца. А коней хорошо кормлю, так как же иначе, я же договор подписал, для Красной Армии их рощу. Благодарность за это имею. Вот!

— Ну, не только благодарность. А и деньги хорошие.

— Так ведь и ты не задаром робишь.

— Доспорите опосля, — стучал по столу председательствующий, — а сейчас, товарищи, Линькова давайте будем слушать.

— Вот только что в реплике из зала, — сказал Линьков, — высказана очень глубокая мысль о роли машин в сельском хозяйстве. Действительно, без сенокосилки, литовкой, да еще один, много не накосишь, а косилка есть, конные грабли тоже — вот тут попробуй тебя рукой достать?

По Курганскому округу на сто хозяйств — всего сорок три плуга. А у бедноты, которая составляет половину населения, и того меньше: на сто дворов одиннадцать плугов и семьдесят лошадей. Зато зажиточные хозяева, засевающие по десятку десятин и больше, имеют на сто дворов сто двадцать плугов, практически все жнейки, сенокосилки, сеялки и четыреста десять лошадей. Вот при такой арифметике попробуй добейся равенства и братства, за которые мы дрались в революцию и на фронтах гражданской войны.

Теперь тракторы стали делать. А кто их купить сможет? У кого на лошадь и коровенку не хватает, к трактору и не подойдет. Опять же их купит тот, кто побогаче. Купит и с помощью техники, что рабочие люди на заводах для крестьянства делают, будет для себя прибыли из бедноты выжимать.

Так что, как тут ни крути, бедному мужику в одиночку из нужды не выкарабкаться. И это неопровержимый факт. Путь к хорошей жизни у нас один, и лежит он через кооперацию, объединение сил и средств трудящихся крестьян. На этот путь и нацеливает нас Пятнадцатый съезд партии большевиков. На него нам и надо равняться.

Сообща купив технику, распахав межи, крестьянство наших сел способно резко увеличить запашку земель, производительность труда, производство хлеба и других продуктов сельского хозяйства. Через товарищества по совместной обработке земли, сельхозартели и колхозы мы можем добиться улучшения жизни всего народа.

— Если кооперация и колхоз — путь к зажиточной жизни и счастью, пусть голодранцы и кооперируются, строят эту хорошую жизнь. А мы и без колхозов проживем, не умрем с голоду, — неслось из зала. — Кто день и ночь робил да наживал свое

хозяйство, тому не с руки объединяться с теми, у кого и объединять-то нечего, окромя рта и зубов.

— Коммуна-то у нас что-то не разбогатела, — поддержал говоруна новый голос. — Теперь вон колхоз организовали. Те же штаны, только назад пуговкой. Вывеску сменили, а остальное все по-старому…

На вопрос, будут ли объединять в колхоз силой или дело это добровольное, Линьков сказал, что всякое объединение, чтобы оно было прочным, должно идти на добровольной основе. Только на осознанном убеждении.

— Я в сельхозартели «Коминтерн» толковал с народом о многих вопросах жизни. Кое-что интересное есть, но надо еще многое разумно проанализировать, обсоветовать, додумать, особенно по оплате труда. В таких делах лучше семь раз отмерить, а потом отрезать. Что идти трудовому народу по пути кооперации — вопрос бесспорный и единственно верный, но как его осуществить на деле, надо советоваться и смотреть отдельно и всесторонне в каждом конкретном случае.

После доклада еще долго спорили станичники. Беднота ратовала за колхоз, богатые категорически были против. Многие из середняков чесали затылки, поддакивали то одним, то другим, но не знали еще, к какой стороне тянуться, к какому берегу пристать. Они понимали верные доводы докладчика, что жизнь требует объединять силы, но не могли себе представить, как же остаться без своей коровы и лошади. Вся жизнь станицы держалась веками на этом.

В тот вечер необычно долго в домах не гасли огни. Разговор, начатый в клубе, продолжался в семьях и среди разбредшихся по домам единомышленников. Равнодушных не было. Весь вечер дискутировали в своем интернате и шекаэмовцы. Линьков и его доклад произвели на ребят глубокое впечатление.

* * *

После выступления в Зверинке Линьков поехал по окрестным селам. Лошадь ему занарядили из ШКМ, а в сопровождающие назначили комсомольцев Григория Крылова и Григория Кравченко.

Ребята, польщенные доверием, лихо подкатили на розвальнях к райкому. Сани по-хозяйски были набиты сеном, тут же лежал мешок с овсом.

Линьков внимательно осмотрел возок, упряжь и лошадь и остался доволен.

— Молодцы, — похвалил он комсомольцев, — собрались по-хозяйски, надежно.

— Так нас в школе учат, — ободренно сказал Гриша Кравченко.

— Это хорошо. А еще чему?

— Разным делам. Пахать и сеять умеем. Военное дело любим, красными командирами мечтаем стать.

— А это совсем отлично. У Советской власти еще много врагов. А кого вы из красных командиров знаете?

— У нас учитель обществоведения, Василий Павлович, политруком был. Он нам про Буденного и Фрунзе рассказывал.

— А про Блюхера слыхали? Про Василия Ивановича Чапаева? На Урале воевали. Песни и былины о них люди сложили.

С Линьковым было ребятам интересно, радостно и легко. Казалось, он все знал и умел. Особенно их поражало его умение выслушивать людей, докапываться до мельчайших житейских вопросов, до самых глубин жизни. Он никому не навязывал своего мнения. Беседуя и разъясняя, он подводил слушавших его людей к мыслям, которыми жил сам, в которые верил и за которые боролся. В каждом селе он находил и воспитывал своих единомышленников, вдыхал в них страсть борьбы за переустройство жизни.

Ребята даже и не заметили, как по дороге домой, в Зверинку, запели любимую песню Линькова:

Ты не вейся, черный ворон,
Не маши бойцам крылом,
Не накличешь сердцу горе —
Все равно свое возьмем!

Поездка стала памятной для них на всю жизнь.

В райкоме комсомола попросили Линькова выступить перед активом, рассказать о молодых героях Советской Республики. Все ожидали, что орденоносец Линьков расскажет, где он служил, о беспримерном переходе по Уралу отряда Блюхера, а он заговорил о другом:

— Героизм сегодняшних дней чаще всего неброский, товарищи, не бьющий в глаза, как, скажем, стремительная атака на белых в развернутом конном строю.

Я уже несколько дней не могу успокоиться, растревоженный рассказом о коммунаре Дмитрии Кошкарове, таком же, как и вы казаке, только из Усть-Уйского района. Тракторист коммуны «Вольный труд», он, даже тяжело больной, не оставил свой трактор. Когда товарищи силой привезли его в больницу,

Дмитрий все просил врача поскорее сделать перевязку и отпустить его в коммуну, где дело ждет, трактор стоит, а замены трактористу нет.

Он умер от заражения крови. Кошкаровкой назвали свой поселок коммунары в память о своем первом трактористе.

Мы обязательно победим, проведем коллективизацию, к чему призывает партия, если будем преданы делу, как Дмитрий Кошкаров своей коммуне. Такие люди не умирают, они вечны в своих свершениях.

* * *

Коллективизация вызвала ярое сопротивление кулаков. Они прибегали к саботажу, расправлялись с активистами. Райком партии, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям, создал из комсомольцев группу для оперативного сбора членов партии и актива, раскрепил по десятидворкам для разъяснительной работы.

Весной 1929 года райком комсомола рекомендовал Григория Кравченко для проведения работы по коллективизации в помощь уполномоченному райкома партии Ахлюстину. Настрой и наставления Ахлюстина Григорию сразу не понравились. В разговорах уполномоченный рекомендовал:

— Ты, Кравченко, с комсомольцами тут не очень-то церемонься. Поднажми. Мол, будем исключать из организации тех, кто в колхоз не вступит. И вообще, держись построже.

— А вот товарищ Линьков из Уралобкома обходительность и убеждение рекомендовал нам в работе, — не соглашался Григорий.

— Линькову было легко. Его задача проще — разъяснить. А нам дано задание — организовать колхоз! Так что много рассусоливать тут нечего. Надо сразу брать быка за рога.

Вечером на собрании, которое проходило в школе, Ахлюстин сказал, что есть установка партии: в интересах быстрейшего построения социализма и счастливой жизни надо оперативно провести коллективизацию на селе. В колхоз должны вступить все сознательные граждане, в первую очередь беднейшие крестьяне и середняки.

— Прошу записываться, — Ахлюстин открыл блокнот.

— Так надо бы обсудить вопрос, хорошенько подумать, — раздался голос из зала.

— А ты что, полагаешь, на партийном съезде и в нашем народном правительстве об этом не думали? Ты что, против

решений Советской власти? Если против, так и говори. Нет — значит, записывайся в колхоз.

«Я с такой постановкой вопроса в корне не согласен», — написал Ахлюстину записку Григорий. Тот посмотрел на него строго и сказал:

— Вас направили мне в помощники, так выполняйте установку, а не разводите здесь антимонию.

Препирательство в зале еще шло, а Григорий позвонил из сельсовета секретарю райкома партии и доложил обстановку.

— Пусть Ахлюстин немедленно свяжется со мной, — сказал секретарь.

— Ты у меня поплатишься за это, — пригрозил Ахлюстин, уходя звонить.

Продолжение разговора о создании колхоза было перенесено на завтрашний вечер. И вел его вместе с Григорием новый уполномоченный — старый большевик Григорий Иванович Кротов.

* * *

У трех дружков — Гриши Крылова, Григория Кравченко и Антона Иноземцева — была мечта поступить в военную школу. Для Гриши Крылова тяга в кавалерию была традиционной. Он, сын лихого казака, полного Георгиевского кавалера и красного конника, мечтал быть похожим на отца. Кравченко и Иноземцев загорелись желанием стать красными командирами под впечатлением рассказов о героях гражданской войны Василия Павловича Яковлева и встречи с Линьковым, орденоносцем-буденновцем.

— Получатся ли из нас такие бойцы, о которых говорил Линьков, — рассуждал вслух Гриша Кравченко, когда они шли к себе в интернат после встречи с Линьковым. — Идти на смерть, это ведь очень страшно. Надо готовить себя, чтобы не струсить. Это уж точно.

Все свободное время ребята стали отдавать физическим тренировкам. Занимались акробатикой, борьбой, подымали гири, бегали, кто быстрей.

В начале мая 1929 года, как-то под вечер, возбужденный Гриша Кравченко влетел в интернат, размахивая газетой «Красный Курган».

— Ребята! Ура! Посмотрите, что тут написано! Объявлен набор в военно-теоретическую школу Военно-Воздушных Сил РККА. Это же прямо для нас. Это же то, о чем мы мечтали.

Через минуту в окружении друзей Гриша громко читал:

— «По распоряжению начальника Военно-Воздушных Сил РККА в мае месяце сего года объявлено очередное комплектование военно-теоретической школы ВВС в городе Ленинграде.

По разнарядке Уралосоавиахима нашему округу предоставлено четыре места. Кандидаты в авиашколу должны быть совершенно здоровыми. Возраст установлен от восемнадцати до двадцати пяти лет. Поступающие должны иметь образование в объеме школы второй ступени или соответствующие этому знания. Желательны практические навыки в токарном и слесарном деле, а так же знание двигателя внутреннего сгорания.

Заявление с приложенными документами об образовании, рекомендацией от партийной или комсомольской организации, профсоюзного комитета принимаются Окросоавиахимом до 14 мая по почте или вручаются желающими поступить прямо членам окружной оборонной комиссии, которая будет заседать 14 мая с 10 часов утра в Доме Советов.

Прошедшие комиссию будут зачислены в команду, обеспечены красноармейским пайком, командировочными из расчета по пятьдесят копеек на день и бесплатным проездом по литеру до Ленинграда для сдачи вступительных экзаменов».

Вот здорово! Четыре дня у нас есть в запасе. Ребята, мы успеем собрать документы и добраться до Кургана, только надо действовать безотлагательно.

В Осоавиахиме мне сказали, что и в другие военные школы там сразу же будет отбор. Ты, Гришуха, — Кравченко хлопнул по плечу Крылова, — да и Федор Тюфтин поступайте в кавалерийскую школу, а мы с Антоном в авиацию махнем. Защищать будем родную страну: вы — на земле, а мы — с воздуха. Верно, Антон? — обратился он к Иноземцеву.

Вечер пролетел в нескончаемых разговорах о походе в Курган, в мечтах об учебе в военных школах и службе в армии.

Утром чем свет ребята были у председателя сельсовета, просили выдать им справки о месте жительства. Потом в районном Осоавиахиме со всеми подробностями узнали, что еще понадобится для поступления в военную школу. Им, как активистам, дали рекомендации.

Сборы были недолгими. Положив две булки хлеба в холщовую сумку, пятеро парней вышли на дорогу и босиком потопали в Курган.

Вначале шли весело, с песней. Потом усталость стала одолевать. Заночевали под Глядянкой, на берегу Тобола. Ночь

провели у костра. Позавтракали хлебом с водой и двинулись в путь. В Курган пришли только к вечеру. На улице Береговой отыскали Дом крестьянина. Но мест в гостинице не оказалось. Ночевать пришлось под навесом, на телегах, что предложили им возчики, узнав из рассказов о планах ребят. Когда утром появились в военкомате, вид у них был не из лучших. Первым вызвали Петра Шеметова, потом пошел Григорий Кравченко, за ним Федор Тюфтин и остальные.

После комиссии пригласили всех в зал. Военный комиссар назвал фамилии тех, кто рекомендуется на учебу. Среди них не было ни одной из звериноголовских ребят. Видимо, в военкомате решили: пусть закончат школу.

Гриша Кравченко сидел побледневший, волновался, задавая вопрос:

— Скажите точно, по какой причине я не прошел комиссию? Над чем мне надо работать, чтобы в военную школу поступить?

— Учись в школе и не волнуйся. Из тебя, крепыш, со временем выйдет хороший офицер, — сказал председательствующий.

Григорий изменился в лице.

— Офицером я не хочу. Я буду красным командиром!

Все члены комиссии засмеялись.

— Ну вот и хорошо, — сказал военком, — раз решил, значит, будешь, но маленько повремени.

Из военкомата вышли расстроенными и возбужденными. Больше всех несправедливым решением комиссии возмущался Гриша. Он начал сговаривать ребят поехать в Свердловск, в обком комсомола, а может, и в обком партии к товарищу Линькову. Но оказалось, что денег на билеты нет, да и ребята как-то слабо верили в успех.

Зашли в столовую, пообедали, купили хлеба на оставшиеся деньги и зашагали домой в Зверинку. Всю дорогу Гриша бранил комиссию, твердил, что он своего добьется, пока его не осадил Федор Тюфтин.

— Кончай, Гриша, с этими разговорами, не трави душу. А то уперся, как бык, и тебя не свернешь: поступлю да поступлю. Конечно, поступишь, Гриша! Мы же верим, что из тебя будет отличный красный командир!

Ребята засмеялись. Какая-то тяжесть, давившая всех, спала. И уже дальше шагали весело.

* * *

Мечтой стать красным командиром, защитником революции болели многие ребята. Василий Павлович Яковлев как бывший политработник Красной Армии на уроках часто рассказывал о героях гражданской воины, о развитии авиации и Военно-Морского Флота, о первых достижениях Страны Советов. А они были, действительно, внушительными, особенно в авиации. Мировая пресса тогда была полна восторженных похвал в адрес советских летчиков и самолетов.

В мае 1918 года на станцию Екатеринбург (Свердловск) прибыли направляемые в Сибирь железнодорожные платформы с «Ньюпором» и «Вуазеном». Кому-то из военных пришла в голову мысль оставить их у себя и создать авиаотряд. Областной военный комиссар Ф. И. Голощекин добился такого разрешения у центра. Выбрали ровную площадку за Цыганской слободой, перевезли самолеты сюда. Нарисовали на их крыльях красные звезды. Уральский военный воздушный отряд был создан.

В Кургане первый самолет приземлился 11 сентября 1923 года и пробыл здесь три дня. На крылатое чудо приходили подивиться тысячи курганцев и жителей окрестных сел и деревень. Восхищений и восторженных, граничащих порой с фантастикой, рассказов родилось тогда много.

Летом 1925 года в Кургане сделали посадку шесть самолетов, совершавших сверхдальний перелет по маршруту Москва — Пекин. Командовал эскадрильей широко известный уже тогда летчик Михаил Громов. Перелет имел огромное политическое значение. Ничего подобного на Западе еще не было. И в случае успеха, это было хорошим предупреждением тем, у кого чесались руки напасть на Советскую Республику. Американские и немецкие специалисты в своих прогнозах запугивали летчиков, предсказывая перелету неудачу. А он завершился успешно.

Осенью 1927 года в Кургане делал остановку самолет, на котором летчик Шестаков и бортмеханик Фуфаев совершили перелет Москва — Токио — Москва. И опять о нем много писали и говорили.

В 1929 году этот же Шестаков и Фуфаев со штурманом Стерлиговым на АНТ-4 совершили перелет из Москвы в Нью-Йорк (21 500 км, из них 8 тысяч над океаном). Это был первый перелет через океан на советских самолетах с отечественными моторами, выдающееся событие того времени!

С 1925 года Красная Армия получала самолеты только отечественного производства. Многие из них были именными, построенными на пожертвования рабочих и крестьян. К десятой годовщине Красной Армии уральцы подготовили хороший подарок — пять боевых самолетов. Среди них был «Уральский

крестьянин», на который вносили заработанные деньги и учащиеся ШКМ.

Осенью 1929 года недобитые белогвардейцы при поддержке мировой буржуазии развязали вооруженный конфликт на КВЖД. В ответ на эту провокацию в округе начали сбор средств на боевой самолет «Красный Курган». В кампании активно участвовали осоавиахимовцы Зверинки.

В декабре 1929 года на одиннадцатой районной конференции ВЛКСМ в отчетном докладе много добрых слов было о делах комсомольцев ШКМ. Организацию тогда возглавлял уже Григорий Кравченко. Его избрали в состав райкома и утвердили внештатным секретарем райкома.

После конференции к нему подошел представитель Уральского обкома Дмитрий Сидоров, похвалил за боевитость, сказал:

— Знаешь, Гриша, пора тебе и твоим боевым помощникам по организации подумать о вступлении в партию. В райкоме партии поддержат. Рекомендацию я даю.

Самолет на собранные деньги был построен быстро и 1 мая 1930 года был передан Красной Армии. Газету с этим сообщением в Звериноголовской передавали из дома в дом.

В мае Григория Кравченко приняли кандидатом в члены партии. А уже в июне, с окончанием школы, ему пришло время выбирать жизненную дорогу. Возможности были широчайшие. Строились города, заводы, фабрики, железные дороги. Везде требовались знающие дело люди. Для их подготовки открывались рабфаки, техникумы, институты. Новый 1931 год Григорий Кравченко встретил студентом Московского землеустроительного техникума. Но мечта стать военным летчиком не покидала его. Во время зимних каникул Гриша отправился из Москвы в Ленинград, отыскал там военно-теоретическую школу Военно-Воздушных Сил РККА, встретился с ее начальником, договорился о приезде весной для сдачи вступительных экзаменов.

С отличным настроением он гулял по Ленинграду. Побывал в Эрмитаже и Русском музее, в Петергофе.

А в Москве в это время начал работу комсомольский съезд. Его делегаты призывали молодежь крепить оборону Страны Советов.

Буду летчиком

Съезд принял решение — комсомол берет шефство над Военно-Воздушным Флотом. В «Правде» был опубликован Приказ Революционного военного совета СССР за № 12, подписанный наркомом обороны Ворошиловым. В нем говорилось, что с 25 января 1931 года Краснознаменный Всесоюзный Коммунистический Союз Молодежи является шефом над Военно-Воздушными Силами Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Призыв «Комсомолец, на самолет!» стал практической задачей дня. Григорий Кравченко пришел в райком с заявлением. Просьбу его поддержали. В мае 1931 года в составе группы специального набора он был направлен в первую военную школу пилотов имени Мясникова.

Школа находилась в 20 километрах от Севастополя, на крутом берегу Черного моря. Название свое она получила от небольшой речонки Качи, в долине которой располагалась полетная зона, где учлеты «осваивали небо». Открыли ее в ноябре 1910 года, и она считалась старейшей в стране, хотя слово «старейшая» вряд ли можно было употреблять, говоря в то время об авиации, история которой только-только начиналась. Ведь первый полет русским летчиком был совершен 8 марта 1910 года.

Газета «Русское слово» так описала это сенсационное событие:

> «На Одесском ипподроме Бегового общества собралось несметное количество горожан. Пятьсот городовых наблюдает за порядком, наряды войск сдерживают толпы.
>
> В свитере, вязаной шапочке и русских сапогах Михаил Ефимов подходит к своему «фарману», запускает двигатель и на глазах удивленной публики взлетает в небо. Дважды обойдя по воздуху огромный круг со скоростью 60 верст в час, Ефимов легко и великолепно опускается. Воспитанники железнодорожного училища подхватывают летчика на руки и покрывают большим лавровым венком».

Школа существовала всего лишь двадцать лет, но ее инструкторы и выпускники вписали в историю русской и мировой авиации уже немало славных страниц. Константин Константинович Арцеулов в 1916 году открыл «тайну» штопора. Василий Андреевич Степанчонок в 1928 году выполнил мертвую

петлю Нестерова на планере, многие летчики совершали сверхдальние и высотные полеты.

Успехи молодой советской авиации удивляли весь мир. За короткий период был сделан крупный шаг в самолетостроении. Появились истребители и бомбардировщики советских конструкторов, не уступающие по летным и боевым качествам лучшим мировым образцам. Советской стране нужен был мощный Военно-Воздушный Флот, отвечающий задачам надежной обороны, нужны были многочисленные и хорошие кадры авиаторов.

В тот год Качинская школа пилотов переходила на уплотненную программу подготовки. Срок учебы в ней сокращался с трех лет до одного года, но программа расширялась. Ввели парашютное дело. Увеличили время строевой подготовки. Курсанты должны были в течение года усвоить полный курс авиационной военной школы. Для того-то и был сделан специальный набор из молодых коммунистов и посланцев Центрального Комитета комсомола.

Прибывших одного за другим вызывали в приемную комиссию. Подошла очередь Кравченко. Крепко сложенный, невысокого роста, с чуть прищуренным взглядом зеленоватых глаз, он сразу расположил к себе членов комиссии уверенностью и обаятельной улыбкой. Они почувствовали, что перед ними смелый, веселый по характеру и доброй души человек.

— Григорий Пантелеевич Кравченко, прибыл из Москвы для поступления в военную школу пилотов, — четко доложил он.

Председатель раскрыл личное дело, посмотрел документы военкомата, медицинское заключение, характеристику с места учебы и анкету. Все соответствовало требованиям к зачислению. Но председатель что-то медлил, потом со строгостью спросил:

— А не струсите, молодой человек? Быть военным — это прежде всего уметь подчинять всего себя приказу командиров. У нас нынче особые обстоятельства. За год вы должны стать хорошим летчиком. Это потребует двенадцати-пятнадцати часов ежедневной напряженной работы. Готовы ли вы к этому?

— Готов. Я сделаю все, чтобы стать хорошим летчиком. Это моя мечта и цель жизни.

— Тогда зачисляем вас курсантом военной школы пилотов. Поздравляю вас от лица членов комиссии.

Как на крыльях вылетел Гриша из дверей приемной комиссии. Радость была так велика, что он не мот и не хотел ее скрывать.

— Ура!! Меня приняли! Приняли! Я буду летать! — И он прыгал и плясал, как мальчишка.

А вечером, после бани, в новой синей курсантской форме, пристроившись у тумбочки, он писал первое письмо родным:

> «Дорогие мои! Я решил стать военным летчиком. Выбор мой осознанный и окончательный. Я хочу и буду летать. Сегодня меня зачислили в военную школу пилотов. Сделаю все, чтобы стать достойным защитником Родины».

* * *

Учеба в школе пилотов началась совсем не так, как многие ее представляли.

— Каждый курсант, прежде всего, должен обладать безукоризненной военной выправкой, владеть строевой подготовкой. Без этого нет военного человека, — любил повторять начальник школы Роберт Ратауш. — Летчик лишь тем отличается от строевого командира, что умеет еще летать.

Утро начиналось на плацу, где курсанты тянули носок и в гулком марше испытывали крепость сапог. После двухчасовой строевой подготовки они занимали аудитории и изучали совершенно новые и незнакомые для большинства дисциплины: аэродинамику, навигацию, устройство авиационных моторов и самолетов. Целыми днями старательно перечерчивали в свои тетради многочисленные схемы электропроводки бензо- и маслопитания, записывали массу цифр и формуя. От напряжения тяжелела голова.

— Нас будто готовят не на самолетах — на формулах летать, — шутили курсанты.

Наконец дошли до матчасти. Учлеты готовы были дневать и ночевать в ангарах у самолетов. Скорее в небо! Но преподаватели настоятельно твердили: прежде чем летать в воздухе надо этому вначале научиться на земле.

Когда начались занятия, курсанты поочередно забирались в кабину, осматривали приборы, отжимали и опускали педали, ручку управления, запоминали положение сектора газа, капота двигателя относительно горизонта и другие премудрости.

На инструктора смотрели, как на бога. У него учились поведению в кабине, управлению машиной при пробежках по земле, с ним поднимались первый раз в небо, от него получали добро на самостоятельный полет.

С инструктором Григорию Кравченко повезло. Они даже были чем-то похожи друг на друга. Максим Константинович Моисеев

тоже был невысокого роста, крепкого телосложения, с доброй, постоянной улыбкой на лице. Он с симпатией относился к Григорию, но почувствовать это не давал. Был честным в оценках, справедливым и ровным в отношениях.

— Ну, Кравченко, давай на рулежку! — дает он команду. — Упражнение номер один.

Григорий на малом газу ведет самолет по беговой дорожке, делает плавный разворот и по прямой рулит к исходной точке, безукоризненно выдерживая направление. Получается у него на зависть хорошо.

— Добро! — кричит инструктор. — Теперь добавь газку, давай номер два!

Кравченко дает газ, увеличивает скорость, и самолет поднимает хвост, несется по прямой, готовый вот-вот оторваться и полететь. Но этого не произойдет, у самолета на крыльях снята часть оперения.

Так повторяется много раз, пока курсант привыкает делать «наземный взлет» почти автоматически.

— Хорошо, Кравченко, молодец!

— А еще можно разок?

— Хватит. Останется время, еще разрешу. А пока отдыхай.

Моисеева радовала настырность и неутомимость Григория в овладении самолетом. Все зачеты учлет выполнял только на «отлично». Получив «хорошо», он выпытывал у инструктора свои недочеты, просил разрешения пересдать. И пересдавал, действительно, без задоринки.

И вот впервые инструктор Моисеев поднимает Кравченко в воздух. За штурвалом он спокоен, и Григорий старается не пропустить ни одного движения наставника. Они набирают высоту и делают плавный разворот по кругу. Григорий смотрит за борт и захлебывается от восторга. Внизу земля, и все на ней кажется сказочно-прекрасным.

А инструктор уже требует доклада:

— Что вы, курсант Кравченко, видите справа? Сообщите ориентиры, сопоставьте их с макетом на тренажере, который изучали перед полетом. Запомните, в воздухе все может меняться, но ориентиры на земле остаются постоянными.

Ориентировка по макетам в классе и видение земли с воздуха требуют иного осмысления, к которому надо привыкать. Но Григорий взглядом цепляется за крупные строения, цветные пятна крыш и в памяти прокручивает макет местности. Докладывает инструктору район нахождения.

Инструктор кивает головой и требует нового доклада:

— Все внимание на меня. Заходим на посадку, следи за

каждым движением и ориентиром.

Только после третьего ознакомительного полета Моисеев сказал, что память на ориентиры у Григория отменная.

Пока самолет в воздух подымал инструктор, все было просто и ясно. Но вот Григорий впервые должен был сделать это сам. Моисеев сидит за дублера на спарке и, кажется, его не волнует ничто.

Кравченко смело берется за ручку управления. Но что это? Руки отяжелели, дрожат. Стараясь не подать виду, дает газ, разгоняет машину и берет ручку на себя. Самолет отрывается от земли и круто уходит вверх.

Григорий в зеркало видит лицо инструктора: тот спокоен, посматривает, как пассажир, по сторонам.

— Забрались уже высоко, опусти ручку, — подсказывает он.

Кравченко отдает ручку от себя. Машина выравнивается, идет по прямой, но вот уже море стеной дыбится перед ним. Значит, самолет пошел вниз. Григорий тянет ручку на себя, самолет задирает нос, опускает ручку — клюет книзу.

— Нежнее ручку держи, пилот, — советует инструктор. — Самолет, как невеста, обходительность любит. И спокойней. Расслабься малость. У тебя уже неплохо получается.

«Какое там неплохо, — думает Григорий. — На прямой самолет удержать не могу. Не полет — скачка какая-то! А еще посадка впереди! Где же аэродром?»

И, будто подслушав его мысли, инструктор командует:

— Курсант Кравченко, делайте разворот и заходите на посадку.

Земля летит стремительно навстречу. Григорий сбрасывает газ. Напрягся весь, как пружина. Вот он, момент, когда надо ручку плавно взять на себя. Колеса коснулись земли. Самолет весело бежит по аэродрому к заданной точке. Григорий весь взмок от напряжения.

Вместе с Моисеевым они идут по летному полю. Тот не спешит давать оценку. Завтра снова вылет на спарке. Сегодня, после обеда, они обсудят все до малейших подробностей — от посадки в кабину, до того момента, как был выключен мотор.

В летной школе инструктор не только наипервейший начальник и командир, учитель и наставник, он самый строгий и справедливый судья. Его оценки и решения обжалованию не подлежат. Только он принимает решение, когда курсанта можно самостоятельно выпустить в небо. А для мечтающего летать — это все!

Вот, наконец, и самостоятельный полет. О нем Моисеев сказал только утром, чтобы Кравченко не беспокоился и хорошо

выспался. Инструктор с наставлениями не докучает. Посоветовал лишь все делать так, как отрабатывали на спарке.

— Ручку управления не зажимай, свободнее держи, а то биение твоего сердца отдается на элеронах. — Он улыбнулся. — Ни пуха, тебе, ни перьев! — И отошел от самолета.

Григорий в кабине. Ровно работает мотор, подпрыгивают стрелки приборов. Стартер флажком дает разрешение на взлет.

Кравченко увеличивает подачу на секторе газа, мотор набирает обороты, самолет берет быстрый разбег. Ручку управления плавно ведет на себя и, не почувствовав отрыва от земли, подымает самолет в воздух. И вот уже под облаками. Где-то далеко-далеко небо сливается с морем. Внизу знакомое летное поле, как на макете, кубики учебного корпуса, казарм, мастерских и ангаров.

Сердце колотится в груди: «Я лечу! Я лечу! Мама, мамочка, видела бы ты, что сын, словно герой твоих сказок, парит по небу на ковре-самолете!»

Время бежит. Григорий делает левый разворот, потом правый, большими кругами забирается ввысь. Крылья самолета, словно крылья самого пилота, послушны ему, чутки к каждому движению. Надо не опоздать, вовремя зайти на посадку. Он делает разворот, сбрасывает газ и планирует над аэродромом. Вот и посадочный знак. В стороне группа курсантов, задрав вверх головы, смотрит на него.

«Спокойней, спокойней, Кравченко, — стучит в мозгу, словно где-то там засел и дублирует инструктор. — Не подкачай! Вот она точка… Бери ручку плавно на себя».

Самолет чиркнул землю колесами, ровно побежал по полю, развернулся, подчиняясь рулю, и замер. Пропеллер на холостом ходу гонит воздух, вокруг машины зеленым шелком шевелится трава. А к самолету уже бегут товарищи, машут приветственно руками, радуясь за друга. Григорий сдвинул очки на лоб, провел по лицу рукавом комбинезона, смахнул с лица пот и с улыбкой стал вылезать из кабины. Он не умел и не хотел скрывать своей радости. Полетов потом было тысячи, но Григорий Пантелеевич любил вспоминать о первом.

* * *

Если раньше нагрузка на курсантов была огромной, то теперь, казалось, у них не стало вовсе свободных минут. Чуть свет они хлопотали уже у машин, чистили, смазывали, заправляли бензином. С учебного самолета У-2 перешли на освоение боевого

самолета Р-1. Инструктор Моисеев хвалил эту машину, говорил, кто освоит на отлично Р-1, тому надолго гарантирована служба в авиации.

В эти напряженные, но полные радости дни Григория Пантелеевича Кравченко принимали в партию. Рассказывая биографию, он больше говорил о людях, которые помогли ему выйти на большую дорогу жизни, понять ее смысл и суть.

— О себе могу сказать только то, — волнуясь, заявил он, — что хочу стать хорошим летчиком.

За его прием голосовали единогласно.

Началась подготовка к полетам в зону. На тренажерах и по картам надо было изучить местность в радиусе не менее трехсот километров, чтобы не блудить в небе, знать назубок пилотажную зону.

Снова предстояли полеты на спарке. Только теперь настало время отрабатывать фигуры пилотажа. Под управлением Моисеева самолет уходит в зону, резко набирает высоту. Вот уже два километра на указателе высоты. Летчик сбрасывает обороты и сваливает машину в падение и начинает вправо откручивать витки: два… три… четыре… Потом выравнивает самолет и взмывает в облака. Снова падение, теперь уже машина идет вниз левым штопором.

— Когда, Кравченко, полетишь лучше инструктора, тогда я буду доволен, — говорит Моисеев при возвращении из зоны. — Ты можешь и должен летать лучше меня и других. Поставь перед собой цель не просто стать летчиком, а лучшим летчиком!

— А я перед собой такую цель уже поставил. И обязательно ее добьюсь!

В июле 1932 года состоялся выпуск курсантов спецнабора. В своем докладе об итогах учебного года начальник школы Ратауш говорил, что нынешние выпускники, пришедшие в школу от станка и плуга, утерли бы нос по знаниям и мастерству выпускникам школы дореволюционных лет, дворянским сынкам, кичившимся тем, что летать, мол, могут лишь люди особой породы, особых кровей. А Григорий Кравченко, бывший пастушок из сибирской глубинки оставлен в школе инструктором; он доказал, что может парить орлом в небе.

Одетые в новенькую, с иголочки, темно-синюю командирскую форму, выпускники поздравляли друг друга с завершением учебы, командирскими званиями. Повсюду слышались добрые шутки и смех.

— Коля, ты где это «курицу» с левого крыла стряхнул? («курица» — эмблема крылышек, нашитая на рукаве). Молодой командир беспокойно разворачивает рукав гимнастерки, смотрит

на новенькую нашивку крылышек, а окружающие уже весело гогочут.

— Тут еще? Странно. Ну, ты смотри за ней, Коля, а то действительно улетит.

Самым «бойким» местом в учебном корпусе стал пятачок у зеркала. Каждый старался пройти мимо и заглянуть в него, увидеть себя в полной форме с голубыми петлицами, красными «кубарями» и золотыми крылышками на тулье новенькой фуражки.

Разлетались по всей стране соколы. Одни получили назначение на Дальний Восток, о котором в те годы было много романтических рассказов, другие в Среднюю Азию, на Кавказ, на Север. Все куда-то спешили, собирались группами, вместе оформляли документы.

Григорий поехал в Сталинград, где жили отец и мать. В последнем письме Федот, учившийся в Саратовском институте народного хозяйства, писал, что проведет каникулы у родителей, и просил Григория тоже приехать туда.

Кравченко жили на окраине города в просторной избе, которую смастерили сами. Отец работал на кирпичном заводе, отвозил на лошади кирпич от печей, а мать была там же кубовщицей.

Григорий открыл калитку и увидел мать, развешивающую белье. Натруженные руки, седеющие виски. Он поставил чемодан, приложил руку к козырьку:

— Гражданочка, разрешите обратиться! Семья Кравченко здесь проживает?

Мать обернулась, увидела его родную, широкую улыбку и опешила:

— Сынку, ридный, цэ ты ли? Дитки, поглядайте, Гришатка наш!

А он уже обнял ее за плечи и ласково целовал.

На голоса во двор выбежали Иванка и Федот. Они бросились к гостю. В дом входили всей гурьбой. Федот нес чемодан, а Иванка спешно примерял на себя фуражку с крылышками.

— Ну, как сидит?

— Гарно… гарно, — говорила мать, — та дай же нам у хату пройты, не крутысь пид ногамы.

Вечером за праздничным столом собралась вся семья. Светились счастьем глаза Марии Михайловны, что-то гордое было в осанке Пантелея Никитича.

— Ну, мать, не зря мы на зимли проживаем. Бачь, яких дитэй взростылы! Одын вжэ летчик, другий в институти вучится, Хфедор у Магнитогорску на важной стройке робить, Иван у

Красной Армии служить. И уси вжэ коммунисты. Мали подрастуть, по их же пути пидуть. Счастливи ми люды! И усе от власти советской!

— Гриша бачим — орел, — любовался отец сыном. — А як ты, Хфедот?

Федот встал и сказал:

— Родные мои, я больше не Федот. Я Федор.

— Який Хфедор? Хфедор у Магнитогорску! — поднял брови отец.

— То старший. А я — младший. Имя я себе новое взял. Вот мой паспорт, видите написано — Федор. А то все Федот да Федот. Стариной какой-то отдает.

— Хай будэ так, коли табэ к души… Два Ивана в нас е, будэ и два Хфедора, — согласилась мать.

Утром Мария Михайловна поднялась рано, вышла во двор. Гриша и Иванка уже делали там зарядку.

— Вы вже всталы?

— Да вот, Иванка летчиком хочет стать. А раз так, готовиться надо и не откладывать на завтра.

Несколько дней братья знакомились с городом, подремонтировали двор, побелили хату. Вечерами Гриша помогал Иванку мастерить самолеты.

— Вот видишь, мама, моя инструкторская работа уже началась.

А через две недели он засобирался в Качи. Беспокойный и ответственный по характеру, Григорий Пантелеевич уже думал, как начнет службу в должности наставника будущих пилотов. Ему предстояло снова делать нелегкие первые шаги. И он должен их пройти сначала один. Выверить мысли свои и поступки, чтобы не подвести тех, кто на него рассчитывает, как на учителя.

Когда он предстал перед начальником школы и доложил, что для дальнейшего прохождения службы прибыл, тот участливо спросил:

— Что разлюбила?

— Да нет, я сам до беспамятства влюблен.

— И она здесь?

— Да, здесь. Только не она, а они. Небо и самолеты. Думаю поготовиться за оставшееся время к предстоящей работе. Прошу разрешить мне полеты в зону для отработки учебных упражнений. Чтобы учить, надо самому все знать и уметь. Так нас еще в Зверинке учили, да и здесь тоже.

— Хвалю. Совершенно правильное решение. Знаю по себе, что ни одна работа не требует таких постоянных занятий и тренировок, как летная. Неделю не полетал — и самолет словно

потяжелел, стал будто ленивая лошадь.

А школа жила своей жизнью. Работала приемная комиссия. Волновались приехавшие поступать ребята. Кравченко смотрел на них и видел вчерашнего себя.

Григорий радовался, что времени у него много, и нажимал на личную подготовку. И не напрасно. В жизнь школы и курсантов он вошел легко.

Появился он в группе погожим осенним утром. Подошел к курсантам, заметно смущаясь, произнес:

— Фамилия моя Кравченко. Меня назначили к вам инструктором. Будем учиться вместе. Давайте знакомиться.

Достал из планшетки список и уже спокойно начал называть фамилии.

Кравченко принадлежал к числу тех наставников, которые излишне не опекали своих учеников. Поддерживал самостоятельность, доверял. Не торопился с выводами.

Учлетов покоряло его умение доходчиво объяснять, казалось бы, самые сложные вопросы. Делал он это наглядно, с применением своих ладоней. Они часто были красноречивей долгих пояснений. Инструктор не любил многословия. И мыслить учил четко, как бы командами. Умел сосредоточить внимание учлетов на самом главном: как правильно распределять внимание на взлете, наборе высоты, на развороте, планировании, не растеряться на посадке. Любил повторять, что летчик должен уметь наблюдать, чтобы видеть все. Увидеть противника в воздухе первым — это уже огромное преимущество и верный шанс для успеха.

Шла обычная напряженная учебно-тренировочная работа в школе. Кравченко занимался с курсантами в аудиториях, «вывозил» учлетов для первого знакомства с небом, летал с ними на спарке, делал разбор полетов — групповой и с каждым в отдельности. Времени для работы над собой почти не было, хотя Григорий вел почти спартанский образ жизни.

Он за полночь засиживался над анализом полетов. Читал все, что попадало об авиации. Но научных статей и книг было еще очень мало. Авиация в те годы развивалась стремительно, и пока не было времени изучить и обобщить ее опыт. Вот почему Кравченко использовал любую возможность, чтобы быть на аэродроме. Наблюдал за полетами других, наблюдал, как профессионал: с блокнотом в руках, делал заметки, записывал размышления. При первой возможности взлетал в небо, водил самолет размашисто и легко: то резко переходил на крутые виражи, крутил петли, ввинчивался штопором почти до земли и свечкой уходил в небо.

Когда Григорий был в воздухе, за ним всегда с замиранием следили десятки и десятки обитателей школьного городка.

И все-таки он не чувствовал удовлетворения. Инструкторская работа требовала определенного трафарета, «школы профессии», которой надо было владеть и передавать военлетам. Научить их взлету и посадке, умению быть осмотрительным в воздухе, набирать высоту по прямой и виражом, летать строем и «крутить» фигуры. А он мечтал стать классным истребителем.

Особенно это желание усилилось, когда прочитал книгу одного из первых замечательных русских авиаторов Евграфа Николаевича Крутеня «Воздушный бой». Многие мысли Кравченко, оказывается, уже были открыты задолго до него. Но он радовался, что мыслит, видимо, верно.

Как-то зимой на станцию Микензевые Горы подали специальную платформу с контейнерами. Группе Кравченко было поручено груз с нее доставить к ремонтным мастерским. В контейнерах были детали самолета. Через несколько дней специально приехавшая группа инженеров и рабочих собрала из них самолет. Такой модели летчики еще не видели. Испытывать новую машину приехал Чкалов.

И хотя испытания закончились тем, что у самолета не выдержали шасси, Кравченко впервые увидел, что может делать в воздухе настоящий летчик на боевой машине.

Это был урок, после которого инструкторская работа показалась Григорию совсем малозначимой. На следующий день он обратился к начальнику школы Ратаушу с рапортом о переводе с инструкторской работы в летную истребительную часть.

Желание Кравченко начальник школы воспринял с пониманием. Он знал, что мастерство настоящего аса оттачивается индивидуально и лично самим летчиком. Был много наслышан от других и сам наблюдал не раз, талантливые маневры Григория в небе. Казалось, летчик играл машиной в воздухе, будто она была продолжением его самого.

— Стремление ваше похвально, товарищ Кравченко, но удовлетворить просьбу я сейчас не имею права. Вы знаете, что у нас существует сквозная система подготовки курсантов. Вы их берете желторотыми птенцами и доводите до орлов. И бросить группу на полпути? Никто нам с вами этого не позволит, да и вы сами не согласитесь.

Мне уже докладывали, что курсанты подражают вам, и не только в воздухе. Как летчик вы, действительно, должны расти. А чтобы расти, необходимо много летать, искать новое, свое в полетах. Разрешаю выбрать любого из ваших учеников и работать с ним сверх установленной школьной программы. Дам команду,

чтобы для этого выделили горючее сверх нормы и по вашей заявке разрешали вылет в зону для тренировок.

«Кого взять в напарники?» — думал Григорий Пантелеевич. Ему, инструктору, подсказки в этом были не нужны. После двух-трех полетов он уже знал, кто чего стоит в небе. Ребята в группе подобрались хорошие. Но требовался такой, кто бы не уступал ни в характере, ни в выдержке. И выбор пал на Виктора Рахова. Парень был рослый, крепко сколочен, отличный спортсмен, нахрапистый в достижении цели. Казалось, ему все дается легко. Во всяком случае, мнение такое в школе сложилось. «Талантливый парень», — поговаривали преподаватели и курсанты. А талантам, как известно, любят потакать, кое-что прощать. А это нередка кружит голову.

Летал Рахов легко и смело, любил небо, отдавался летной практике весь. Программу школьного пилотирования он выполнял на «отлично». Но особенно любил блеснуть на зрителя: мастерски, с каким-то шиком делал взлет и на три точки землил самолет при посадке. Но на вопросы теории, знания материальной части смотрел облегченно и частенько при ответах «плавал».

Взять его в напарники для сверхпрограммной подготовки нужно было так, чтобы он и не почувствовал, что задумал инструктор. Это могло подстегнуть, парня к излишнему гонору. В то же время, надо подтянуть Рахова по теории пилотирования — иначе классного летчика не получится.

* * *

Аэродром с утра жил на полном дыхании. Предстоял день полетов. Курсанты заправили и подготовили машины, ждали инструктора. Кравченко, как всегда, был точен. Рахов должен был лететь первым и был уже наготове.

— Курсант Рахов, к полету готов? — спросил инструктор.

— Так точно! Готов!

— Даю вам вводную. В воздухе на вашем самолете заглох двигатель. Назовите возможные причины и ваши действия при каждой из них.

Четкого ответа не последовало, курсант «поплыл».

— Кто ответит на вопрос?

— Разрешите назвать возможные причины, — попросил Федор Шинкаренко. И, что называется, разложил все по полочкам.

— Первым учебный полет выполняет учлет Шинкаренко, —

скомандовал Кравченко. — Курсант Рахов к полету не допускается. Старшина группы, дайте задание курсанту Рахову по разборке и сборке мотора. Проверьте его конспект по названной теме.

Лишить полета было самым строгим наказанием. Курсант готов был отсидеть на гауптвахте, в ночную чистить картошку, вести уборку в санузле, но лишиться полета…

Но решение инструктора обжалованию не подлежит. Да, Кравченко был прав. Виктор это понимал. Ему хотелось рвать и метать. Он сказал:

— Есть, — и отошел в сторону.

Так начиналось воспитание строптивого. Вскоре в школе поговаривали, что инструктор Кравченко почем зря гоняет учлета Рахова и на земле, и в воздухе.

* * *

Качинская школа пилотов была настоящей кузницей летных кадров. Здесь, кроме учебы будущих летчиков, проходили переподготовку командные кадры Военно-Воздушных Сил Красной Армии. Круглогодично работали курсы усовершенствования начальствующего состава (КУНС), где учились командиры эскадрилий, полков и более крупных авиасоединений ВВС. Эти курсы заканчивали многие работники Главного штаба и сам начальник ВВС Яков Иванович Алкснис.

Многие командиры с курсов в процессе учебы присматривались к учлетам, проводили с ними беседы, агитировали, чтобы те после выпуска просились распределить их в свою часть.

Увидеть экзаменационные полеты стремились многие командиры авиачастей. Обязательно приезжали высокие представители Главного штаба ВВС. Так было и на этот раз.

Один за другим учлеты уводили в небо самолеты, выполняли заданную программу. Все шло хорошо. Качинская школа выгодно отличалась от других тем, что здесь умели «ставить на крыло» будущих летчиков.

Представитель Главного штаба ВВС наблюдал с интересом, но чувствовалось, что он чем-то не удовлетворен.

— Летают выпускники хорошо, — заметил он начальнику школы, — но ведь у вас не просто школа летчиков, а военных пилотов. И вы обязаны их научить воевать, а не просто делать взлеты и посадки.

— Стараемся, товарищ командарм, но по программе зачета

они должны…

— Я знаю, что они должны по программе… Сейчас каждый настоящий советский рабочий и колхозник стремится дать Родине больше, чем может, и ищет пути для этого. А у вас что, комиссар, люди газет не читают? — обратился он к начальнику политотдела.

— Читают, товарищ командарм.

— Тогда в чем дело?

А начальник школы уже подозвал командира отряда, где инструктором был Кравченко, и что-то говорил ему.

Вскоре два самолета друг за другом поднялись в воздух. Первый ушел красиво по прямой в сторону солнца, второй, набрав скорость, с разворотом рванулся круто в высоту. А через считанные минуты, будто вырвавшись из солнца, самолет ястребом сверху атаковал «противника». Но тот не растерялся, бросил самолет в штопор, потом взмыл свечкой в небо, сделал «мертвую петлю» и уже заходил в хвост «обидчику». Теперь тому, чтобы спастись от удара, нужно было делать «акробатику». Он свалился на крыло и головней пошел к земле…

— Что они делают? — заволновался высокий представитель.

— Ведут бой, товарищ командарм, — улыбался начальник школы. — Используют как раз те резервы, о которых вы говорили.

А самолеты уже неслись друг на друга в лобовую атаку. Ревели моторы, но никто не хотел уступать. Остались считанные метры.

На аэродроме все замерли, втягивая головы в плечи. Но самолеты враз свечками взмыли вверх и, сделав петлю, снова неслись друг на друга. При больших перегрузках шла маневренная схватка за секунды, чтобы захватить позицию, выгодную для атаки.

Когда самолеты приземлились, несмотря на присутствие высокого командования, все бросились к летчикам и начали их качать. А когда поставили, наконец, на землю, они, как два молодых петушка, ринулись друг к другу.

— Ты что, с ума спятил, Рахов! — негодовал Кравченко. — Почему не отвернул при лобовой? Ведь запросто могли шибануться.

— Могли… — спокойно сказал Рахов. — А вы почему не отвернули?

Они посмотрели в глаза друг другу, засмеялись и обнялись. А к ним уже подходили члены комиссии.

— Инструктор школы Кравченко! — представился Григорий командарму, приложив руку к летному шлему.

— Учлет Рахов.

— Молодцы! Настоящие соколы! Объявляю благодарность за службу! — Обнял и расцеловал летчиков.. И, повернувшись к начальнику школы, сказал:

— Забираю у вас обоих. И не возражайте. Нам позарез, нужны такие орлы в НИИ, где учат не только летчиков, а и самолеты летать.

Спустя неделю учитель и ученик отбыли в распоряжение Главного штаба ВВС. Автобус школы довез их до Голландской бухты. Они сели на катер, доставивший их на Графскую пристань. Здесь, у памятника Нахимову, сфотографировались. Уже вечером поезд Севастополь — Москва мчал их в столицу.

Крылья крепнут в полете

В Главном штабе ВВС Кравченко был назначен летчиком-истребителем в авиационную бригаду. Командовал ей замечательный авиатор и человек комбриг Петр Иванович Пумпур. Он захотел лично познакомиться с новичком. После обычного представления предложил Григорию Пантелеевичу сесть, поподробнее рассказать о себе.

Биография и служебная характеристика комбригу понравились.

— Я наслышан о вас, товарищ Кравченко, от руководства ВВС, — начал он. — Откровенно, рад знакомству. Но хочу предупредить об особенностях службы у нас в дивизии. Вам придется вое начинать сначала. Да, именно, сначала. У вас есть опыт. Нет, он не устарел и не устареет. Его предстоит просто совершенствовать. Вы летали на самолетах типа «Р». А в дивизии на вооружении — тип «И». Вы учились сами и учили курсантов летному мастерству. И это замечательно. Теперь придется постигать искусство летчика-истребителя. А это далеко не одно и то же. Получите боевую машину. Изучите по картам, макетам и с воздуха зону пилотирования и учебных занятий, начнете с простейшего — атак и стрельбы по конусу. Игра с «морковкой», как говорят истребители. «Морковка» не маневрирует, не отстреливается, пристраивайся к ней с хвоста — и бей! Атакуй сверху, атакуй снизу, нужным маневром, уходи, чтобы снова занять выгодное положение для атаки. И так изо дня в день. На первый взгляд, однообразие. Но это только на первый взгляд. На деле, истребитель должен обладать массой приемов наивыгоднейшего сближения с противником, умением первым нанести точный удар. Чтобы выработать устойчивый навык, почти автоматические действия, нужны постоянные и длительные тренировки. Постичь множество самых разнообразных вариантов нанесения ударов по врагу — в этом заключается смысл нашей учебно-боевой подготовки. Больше работаешь над собой, больше летаешь и учишься — смелее и живучее будешь в бою.

Кравченко ушел от комдива с добрым настроением. А у дежурного по части его ждал еще один сюрприз — ключ от отдельной комнаты. Целой комнаты! Такая роскошь была впервые в его жизни. Столько места для одного! Он посчитал, что так жить непозволительно, и тут же написал родителям, приглашая их погостить, а если им понравится, то и остаться с ним.

Родители не размышляли долго.

— Вот замечательно, — радовался Григорий их приезду, —

заживем опять все вместе. А главное — Оле и Иванку до школы рукой подать, получат теперь почти столичное образование.

Так он стал главой и кормильцем семьи.

Служба в авиабригаде, как и предупреждал комбриг Пумпур, требовала знания теории авиации, тактики ведения воздушного боя, высокого боевого мастерства. Когда отработали до автоматизма стрельбу по конусу, началась учеба по сопровождению бомбардировщиков в заданный район. Здесь тоже свои мудрости. Нужно уметь держать строй, выполнять маневры по команде ведущего, уметь связать «противника» боем, чтобы не допустить к бомбардировщикам. Отрабатывалось взаимодействие в воздухе. И все это без радиосвязи, особыми знаками, чутьем, слетанностью.

Кравченко, как и в Качах, постоянно вел дневник с полным разбором каждого вылета. Записывал свои соображения, мнения товарищей и командиров, размышления и заметки по их поводу.

Как-то при разборе полетов к Григорию Пантелеевичу подошел командир отряда. Заглянул в блокнот.

— Это что у тебя, лейтенант, за кондуит?

— Да вот делаю заметки на память.

— И давно?

— С первого полета.

— Интересно. Заходи ко мне вечерком, посмотрим вместе.

— Да вы возьмите, почитайте, а если заинтересуетесь — тогда и посидим.

На следующее утро, лишь Кравченко пришел на службу, его вызвали к командиру бригады.

— Прочитал ваш дневник, — начал он. — Интересные мысли, дельные выводы. Вы что, Григорий Пантелеевич, диссертацию собираетесь защищать? Дело стоящее, поможем.

— О защите диссертации я не помышлял. Думаю и записываю соображения, как лучше защититься от врага в воздушном бою и добиться над ним победы.

— Молодец! Сейчас готовится пособие по авиации Кузьменко и Висленевым, ряд ваших мыслей мы предложим им посмотреть. Надеюсь, вы не будете возражать? А сейчас у меня к вам есть еще одно предложение. В НИИ ВВС разработана новая модель истребителя. Изготовлен опытный образец. Но компетентная комиссия требует его доработки. Хотя Чкалов летал на нем, машину хвалит, говорит, что можно в дело пускать.

— Так какие у этой «компетентной» комиссии тогда основания не утвердить самолет?

— Аргументы? — Пумпур заулыбался. — Председатель ее заявил, что Чкалов, если захочет, может взлететь в небо и на

бабкиной самопряхе. Самолеты, мол, создаются не для индивидуальностей, как Чкалов, а для летчиков ВВС РККА. Идея верная. Самолет должен быть простым в управлении. Ведь в случае войны не будет времени годами учить летчиков. А пока решено испытания провести военному летчику ближайшей авиачасти. Если не возражаете, мы рекомендуем вас.

* * *

На испытательный аэродром приехало высокое авиационное начальство, члены комиссии, авиаконструкторы, инженеры и создатели опытной модели.

Кравченко спокойно сел в самолет, пристегнулся, не торопясь прогрел мотор, пошевелил рулями, элеронами, осмотрелся.

— Такому бы на телеге ездить привязанным, — пошутил кто-то, — а не в небе летать. Специально поди подобрали, чтоб модель завалил.

А летчик спокойно вырулил на взлетку и красиво увел машину в небо. Была она действительно необычной, короткой и курносой.

Потом толпа с полчаса, как завороженная, смотрела вверх. А там, после легкой «разминки» широкими плавными кругами, завертелась карусель. Летчик крутил мертвые петли, бочки и полубочки, сваливался на крыло и уходил в штопор, пролетал над головами и взмывал в высоту. Когда самолет шел на посадку, казалось, его крылья слились в нить, будто метеор несется к земле. А летчик расчетливо сбросил газ, притушил скорость и на три точки посадил самолет.

В июле 1934 года Кравченко был переведен служить в отдельную истребительную эскадрилью особого назначения на должность командира звена. В служебной аттестации командования авиабригады на Григория Пантелеевича Кравченко записано:

> «Моторы, самолеты и вооружение знает хорошо. К полетам тщательно готовится. На инспекторской проверке занял первое место по технике пилотирования. Огневая подготовка и стрельба — отличная. Программу слепых полетов проходит успешно. Достоин продвижения во внеочередном порядке на должность командира звена».

Учить самолеты летать

К месту нового назначения Кравченко ехал с добрым настроением. Его тепло проводили товарищи по части, было сказано много хороших слов и напутствий. Эскадрилья по характеру своей работы была связана с НИИ ВВС. Здесь проходили испытания самолеты, авиаприборы, оружие в самых сложных, приближенных к боевым, условиях и обстановке. Служить здесь — значило летать на новейших марках самолетов, жить вровень с авиацией. О такой удаче можно было только мечтать.

Командовал отдельной эскадрильей выдающийся летчик-испытатель полковник Томас Павлович Сузи. Это был беспокойный экспериментатор, до конца преданный авиации человек. Он взлетал в высоту до 8 тысяч метров в открытой кабине и без специальных кислородных приборов, совершал сверхдальние высотные перелеты. И он же учил истребителей в штопоре падать до земли, чтобы потом на бреющем полете лишать противника возможности для атаки. С таким командиром было интересно служить людям ищущим и творческим.

Отряд Кузьмы Александровича Катичева, куда командиром звена был назначен Кравченко, славился своей спаянностью и взаимопомощью. И Григорий Пантелеевич с его общительным характером и летной смелостью пришелся ко «двору». Особенно крепко они подружились с Николаем Ивановичем Звонаревым.

Учеба мастерству воздушного боя продолжалась и здесь. Но она была особой. Надо было уметь не просто мастерски вести бой, но и выявить максимальные боевые возможности машины, касающиеся скорости, маневра и огня. Тут нужны были хорошие знания теории, осознанный риск, исключительная находчивость, четкость в действиях, быстрота и самоорганизованность. К каждому полету требовалась серьезная подготовка.

Эскадрилья испытывала тогда новые безоткатные динамореактивные пушки Курчевского. Их крупный калибр (76 мм), малый вес, отсутствие отдачи при стрельбе сулили большие перспективы для усиления огневой мощи авиации. Самолет с такими пушками и был передан Кравченко. На удивление всем, он быстро отработал меткую стрельбу по наземным целям. После его атак от макетов оставались щепки. Обслуживание не на шутку жаловалось, что на него мишеней не напасешься. Результаты стрельбы по воздушным целям, мягко говоря, были неважными и буквально у всех летчиков. Пушку пришлось отдать на доработку конструктору.

Зимой 1935 года отряд Катичева, вылетев на юг, снова работал с пушкой Курчевского. Теперь она была модернизирована (АПК-4бис) и показала хорошие результаты. Весной в Подмосковье прошли заключительные испытания. На них присутствовало руководство РККА и ВВС, а также Сталин и Ворошилов. Сталин в заключение поблагодарил летчиков за отличную службу. Это была первая встреча Кравченко со Сталиным.

Летом начались испытания новых истребителей И-15, И-16 сначала в эскадрилье, потом в войсках. Кравченко буквально влюбился в И-16 и творил на нем чудеса. Он лихо крутил фигуры высшего пилотажа, летал вниз головой и на бреющем полете одновременно вел прицельный огонь. Попытки найти и раскрыть летные и боевые качества новой машины многие расценивали, как лихачество и озорство. Кравченко имел взыскания за это, но поиски не прекратил. Он каждодневно испытывал себя и машину. Здесь не было искусственного риска — была необходимость, поймут которую многие летчики потом в небе Испании, Китая и Монголии. И совсем в другом свете увидят и поймут «трюкачества» Кравченко.

* * *

С приходом в Германии к власти Гитлера над миром повеяло духом войны. Правительство, народ СССР понимали, что фашисты тренируют свои мускулы против нашей Родины, и все делали для укрепления обороны.

В одном из выступлений командующий воздушными силами фашистской Германии Геринг заявил, что для авиачастей фюрера будет подготовлено 70 тысяч летчиков. Это звучало угрозой миролюбивым народам. Московский рабочий Николай Никитич Крупчатников призвал в ответ на речь фашистского министра развернуть в стране движение за подготовку 150 тысяч летчиков. «А самолеты мы построим», — заверил он. Призыв был широко подхвачен. В стране создавалась сеть аэроклубов и авиашкол. Росло число членов Осоавиахима. Создавались новые машины.

Первого мая 1936 года над Красной площадью и колоннами демонстрантов в воздушном параде прошли сотни самолетов новых конструкций. Истребители И-15, И-16, бомбардировщики СБ и ДБ-3. Пилоты вели их поэскадрильно крыло в крыло. Зрелище было внушительным. И над площадью до самого неба гремело многотысячное «Ура!» Воздушную армаду возглавлял ас летного дела комбриг Петр Пумпур. В этом строю вел своего

«ястребка» и Кравченко.

Второго мая всех участников летного парада собрали на Центральном аэродроме. Для встречи с ними приехали Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Тухачевский и другие военачальники, авиаконструкторы. И снова слова благодарности в адрес создателей машин и воспитателей летных кадров говорил Сталин. Летчики были уверены, что он влюблен в авиацию.

В особой эскадрилье, которая непосредственно подчинялась Ворошилову, шли новые эксперименты. Была начата отработка ночных полетов. Дело это оказалось нелегким. Летчикам приходилось задолго до взлета садиться в самолет, чтобы осмотреться в кабине, привыкнуть к приборам, к темноте. Сложность вызывал и взлет. В темноте перед глазами летчика нет привычного, как днем, бега земли. Только в воздухе на короткое время включались бортовые огни, чтобы летчики могли собраться в строй. Требовалось время, чтобы научиться ориентироваться в ночном небе. Не все здесь получалось гладко. Случались и аварии, особенно при посадках. Но летчики эскадрильи преодолевали все трудности, накапливали опыт. Готовили наставления и инструкции по ночным полетам для авиационных частей.

25 мая 1936 года постановлением ЦИК СССР большая группа авиаторов была отмечена правительственными наградами. За выдающиеся личные успехи по овладению боевой авиационной техникой и умелое руководство боевой и политической подготовкой вверенного подразделения лейтенант Григорий Пантелеевич Кравченко был награжден орденом «Знак Почета». Друзья поздравляли Григория, пожелали: «Пусть будет не последним». Он, полный счастья и радости, заверил всерьез: «Конечно, это только начало».

В те дни он писал братьям:

> «Дорогие мои! Какое счастье служить Родине! Скажи она — и я долечу до звезд!»

Вскоре ему присвоили звание старшего лейтенанта и назначили командиром отряда.

А над миром уже собирались черные тучи войны. 18 июля 1936 года фашисты Испании подняли мятеж против Испанской республики. Фашисты Германии и Италии открыто поддержали мятежников. Началась гражданская война. Коммунисты Испании обратились к народам всего мира за помощью. Первой откликнулась на этот зов наша Родина. За 2 месяца рабочие и крестьяне Страны Советов собрали более 47 миллионов рублей в помощь борющейся Испании. На них были закуплены

продовольствие и медикаменты, отправлены патриотам Испании самолеты, танки и другая техника. На Пиренейском полуострове грохотала война. В НИИ ВВС продолжалось совершенствование и создание новых самолетов, испытание их на маневренность и прочность. Шла борьба за осуществление лозунга: «Летать выше всех, быстрее всех и дальше всех!»

В тот день планировались испытания нового самолета на маневренность и прочность при наивысших скоростях и перегрузках. Два пилота друг за другом по очереди должны были выполнить на одном самолете 400 фигур высшего пилотажа. Готовились к испытаниям тщательно. И вдруг ночью телеграмма! У одного из испытателей несчастье в семье, потребовался немедленный выезд домой.

— Я отлетаю за товарища и за себя, — заявил второй пилот.

— Это невозможно, — изумился полковник Сузи… — В истории авиации не было случая, чтобы летчик в один присест выполнил четыреста фигур!

Летчик уверял:

— В практике не было — значит, будет!

Он взял карандаш и бумагу, сел за расчеты. И убедил всех, что 400 фигур выполнит за 150 минут, сделав одну посадку для заправки машины горючим.

Командир дал согласие на эксперимент. Летчик сел в кабину самолета, дал газ, после пробежки взвился, сделал круг над аэродромом и приветственно помахал крыльями.

Стоящие на земле запрокинули головы. Они увидели, как машина четко вошла в крутой вираж, перешла на переворот, с переворота на иммельман, с иммельмана на бочку, с бочки на переворот, с переворота на петлю, с петли на горизонтальный полет, а с горизонтального полета на штопор, из штопора — свечой ввысь.

Такая же серия стремительно повторена снова и снова. Со свистом, рассекая воздух, самолет мчится вниз, вверх. Летчик идет на посадку, но не выходит из кабины, пока баки наполняют горючим. И снова в небо. И все повторяется. Стоящие на земле смотрят на часы, а летчик делает фигуры в еще более стремительном темпе.

Наконец самолет идет на посадку. Летчик видит бегущих к нему товарищей, они что-то показывают на пальцах. Когда приблизились, услышал: «Четыреста восемьдесят! Сто сорок минут!»

Испытатель вылез из кабины. Он радостно улыбался. Среди товарищей увидел незнакомого военного. Это был представитель НИИ ВВС. Летчик взял под козырек: «Старший лейтенант

Кравченко летную программу выполнил!»

В небе Китая

В июле 1937 года зарево войны вспыхнуло на Востоке. Японские милитаристы начали агрессию против Китая. Китайский народ, помня о помощи советских военных специалистов В. К. Блюхера, М. М. Бородина, В. М. Примакова, А. Я. Лапина и многих других в годы Первой гражданской революционной войны в Китае 1923—1927 годов, потребовал от своего правительства просить помощи у СССР. Чан Кай-ши вынужден был сделать этот шаг. 21 августа 1937 года между Советским Союзом и Китаем был подписан договор о ненападении. Этот документ укрепил положение Китая. Вскоре СССР начал поставку оружия, горючего, медикаментов и других военных материалов для китайской армии, направил военных советников, специалистов-инструкторов и летчиков-добровольцев.

Первый отряд летчиков-добровольцев возглавил Рычагов, комиссаром был назначен Рытов. Это были люди с большим опытом. Павел Васильевич Рычагов только что тогда вернулся из Испании, где сбил 20 фашистских самолетов, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

В декабре в Нанкин прилетели первые 25 советских летчиков-истребителей на самолетах И-16 под командованием Героя Советского Союза Г. М. Прокофьева. В первый же день они пять раз поднимались в воздух, отражая налеты самураев, сбили шесть бомбардировщиков и без потерь вернулись на аэродром. Но в последующие дни обстановка осложнилась. Японцы имели пяти-, шестикратное превосходство в численности самолетов, и наши летчики несли большие потери. Китайской авиации почти не существовало.

Тысячи заявлений поступали в военкоматы и партийные организации — люди просились в Китай. Отбирали тщательно. Прежде всего беседовали с опытными военными специалистами.

Григория Пантелеевича пригласили в Главный штаб ВВС. Когда он вошел в назначенный кабинет, его встретил загорелый, улыбающийся комкор, с густой шапкой вьющихся волос и светящимися огнем глазами. Он предложил сесть, по-товарищески спросил о службе и здоровье, сам проницательно смотрел в глаза, будто через них хотел заглянуть в душу…

— Товарищ Кравченко, — заговорил он, наконец, о деле, — вы подавали рапорт о направлении вас добровольцем в Испанию. Но сегодня ваши знания и опыт нужны на Востоке, а конкретно — в Китае. Если не возражаете, мы зачислим вас в отряд летчиков-

добровольцев, направляющихся в ближайшие дни туда.

Григорий Пантелеевич не ожидал такого оборота, но согласие дал без колебаний. Только спросил:

— Товарищ комкор, а еще кто-нибудь из нашей эскадрильи едет?

— Да, едет старший лейтенант Борис Бородай. Он заполняет документы в соседнем кабинете. И вы туда зайдите, а потом — к интендантам. Они экипируют вас по всей форме. Желаю вам удачи! — Командир крепко на прощание пожал Григорию руку.

Майор-интендант, к удивлению, привел их не на склад, а в помещение, где висели модные заграничные костюмы, плащи, рубашки, шляпы и галстуки.

— Выбирайте по вкусу и росту, а мы пока загрузим ваши чемоданы провизией на дорогу. Не забудьте подобрать спортивные костюмы. Для дороги они пригодятся. И вообще, спортивный костюм военному человеку и для постоянной жизни просто необходим.

Когда Григорий Пантелеевич и Борис Бородай вернулись домой в светло-серых костюмах, фетровых шляпах и демисезонных пальто, родные их просто не узнали. Удивлялись, что это за маскарад, ведь Новый год уже прошел.

— Да мы собрались в командировку, в гражданскую школу летчиков.

До Алма-Аты добирались поездом. Команда подобралась солидная. Когда устроились в вагоне и переоделись в спортивную форму, сама собой созрела идея: для любознательных это футболисты, едут в Алма-Ату на тренировочные сборы. Настроение у всех было приподнятое. Много пели, шутили, рассказывали веселые байки.

Из Алма-Аты добровольцы на транспортных самолетах вылетели до Ланьчжоу, а оттуда через Сиань и Ханькоу до базы в районе Наньчана. Почти все время летчики не отрывались от иллюминаторов. Их интересовала не просто чужая страна, не просто экзотическая Великая Китайская стена, о которой они знали еще со школьной парты, они вглядывались в землю, над которой предстоит летать. Пейзаж был в основном однообразный и скучный.

В Наньчане группу встретил командир истребительных эскадрилий Алексей Сергеевич Благовещенский. О нем ходили легенды. Благовещенский поражал удивительным хладнокровием, выдержкой, виртуозной техникой пилотирования и меткостью огня. К этому времени уже имел на счету несколько сбитых самураев.

К прилету пополнения наши авиаторы подготовили хороший

подарок. В начале февраля разбомбили в пух и прах базу японцев близ Ханчжоу, уничтожив там более тридцати самолетов и склады с военным снаряжением. А в День Красной Армии разгромили военную базу на острове Тайвань. При налете было уничтожено 40 самолетов на аэродроме, разрушены ангары и портовые сооружения, потоплено и повреждено несколько кораблей. Сгорел трехгодичный запас горючего. Наши не потеряли ни одного самолета.

После таких ударов японские самолеты долго не появлялись в небе Китая. Это дало возможность прибывшим добровольцам спокойно «облетаться» в новых условиях, перенять опыт тех, кто уже знал тактические приемы самураев. А он давался дорогой ценой. Уже при первой посадке в Китае погиб командир эскадрильи, замечательный летчик Курдюмов. Воздух на горных аэродромах Китая оказался более разряженным, и пробежка самолета при посадке была значительно длиннее. Не учтя этого, комэск перевернулся с самолетом за кромкой аэродрома и погиб.

Необходимо было время для адаптации летчиков: не хватало кислорода. Через неделю многих запокачивало.

Хотя прилетели сюда не новички в летном деле, но и им требовалось многому научиться. Надо было знать и повадки самураев, тактику ведения ими воздушных боев. Японские самолеты к тому времени были уже оснащены радиосвязью. Это давало большое преимущество в управлении боем. Самураи не любили затяжных сражений. Если с первого наскока им не удавалось добиться успеха, они удирали на свою территорию, чтобы спастись самим и заманить наших летчиков под огонь зенитных батарей.

Зато японцев можно было легко перехватить в воздухе. При полетах наземными ориентирами становились реки, крупные дороги, вдоль которых держали направление их авиационные группы. Чтобы истребители могли залетать далеко и сопровождать бомбовозы до цели, на И-96 японцы часто устанавливали подвесные баки с горючим. Со всем этим и другими тонкостями японцев новичков хорошо познакомили, но главное — предоставили возможность облетаться, ознакомиться с местностью.

Больше месяца не было серьезных воздушных боев. Кое-кто совсем загрустил. Когда у человека много свободного времени и он находится далеко от родных и друзей, тоска начинает разъедать душу.

В конце марта прибыло еще пополнение — свыше тридцати истребителей. Группу возглавлял Георгий Нефедович Захаров, повоевавший уже в Испании. Вместе с группой прилетела и

долгожданная почта. Письма от родных и близких были самым дорогим подарком для каждого. Настроение у летчиков приподнялось. Захаров привез отснятые фотопулеметом кадры воздушных боев летчиков-испанцев. Все смотрели их в кинозале с большим интересом и пользой.

И вот первый бой. Новички его ждали, но синий флаг затрепетал на мачте все-таки неожиданно. Летчики бегом занимали места в строю.

— Крупный отряд неприятельских бомбардировщиков в сопровождении истребителей перелетел линию фронта и идет в направлении нашего аэродрома. Будут здесь минут через 40! — объявил Благовещенский и, оперативно поставив перед каждым звеном задачу, скомандовал: — По самолетам!

Григорий Кравченко многие годы готовил себя к этому дню. Но почему по спине бегут мурашки? Почему нет обычной легкости в руках? Во рту сухость.

Он увидел японцев. Они шли клином. Нагло шли. Бомбардировщики и без прикрытия?! Истребителей не видно ни сверху, ни с флангов.

Но что это? Стройный клин начал вдруг разламываться.

Первое звено наших истребителей свалилось сверху и ударило по головному бомбардировщику. Он, завалившись на крыло, головней понесся к земле. Следом за ним уже чертил черную дымную линию еще один самолет врага. Бомбардировщики рассыпались и, сбрасывая куда попало свой смертоносный груз, удирали на полных скоростях.

Григорий помчался вдогонку вражеской машине. Дрожь прошла. Он действовал, как на учениях. Его курносый И-16 мчался стрелой. В тубусе прицела виден хвост, крылья удирающего бомбардировщика. Они увеличиваются, наплывают сплошным пятном. Кравченко нажимает гашетки и видит, как огненная струя трассирующих пуль шьет по хвосту, бежит к бензобаку. Окутанный огнем и дымом самолет рушится на глазах.

— Готов! — кричит, ликуя, Григорий. Но вдруг вспоминаются наставления Георгия Захарова: «Собьешь самурая — не засматривайся, как он валится к земле. Зевнешь, и сам окажешься в прицеле у японца».

Осмотрел горизонт. Далеко серебрится бомбовоз.

Дал полный газ. Нервы на пределе. Кажется, можно бить.

Кравченко жмет гашетку, а самолет продолжает лететь.

— Не спеши, Гриша, спокойнее. Не злись и не будь мазилой. Осмотрись.

Покрутил головой — никого. А японец — вот он. Теперь не уйдешь!

Бомбовоз, резко клюнув, падает вниз.

Но что это? Кравченко слышит, как сзади, за кабиной, по самолету стучат градины: тук-тук-тук. В тот же миг тускнеют стекла очков. Ничего не видно. Синева застилает и ест глаза. Лицо словно обожгло. Еще не поняв, что произошло, Кравченко увидел японский истребитель. Он резко взял ручку на себя, взмыл вверх и бросился на японца в атаку.

— Неужели не одолею? Неужели погибну в первом же бою? Нет, только вместе с тобой, самурай проклятый! Вместе с тобой!

А японец ринулся вниз и, прижимаясь к земле, бросился удирать восвояси.

Перед глазами вновь мелькнул самолет. Кравченко сбросил очки. На борту «ласточки» «девятка». Свой! Из груди вырвался вздох облегчения. Да это же Антон Губенко. Спасибо, дружище!

Из пробитых баков хлещет бензин и масло. Японец удрал, Антон тоже его не преследует. Показал на пулеметы: мол пустые. Руками дает совет идти на посадку и садиться на «пузо». Кравченко согласно кивает. Он уже и сам думал об этом. Его самолет несется над рисовым полем, плавно коснулся земли, разбрызгивая грязь, заскользил и остановился.

Антон еще сделал несколько кругов. Григорий помахал ему шлемом.

Губенко качнул крыльями, сделал круг и скрылся из виду. А Григорий Кравченко переживал состояние беспредельной радости, хотя у него кружилась голова — при посадке он ударился лбом о прицел, но в горячке не ощутил боли. Первый бой состоялся. И он победил!

А вокруг уже сбегались к месту посадки китайцы. Они вначале посчитали, что это японец сбит. Но, увидев широкую улыбку пилота и шелковый мандат добровольца, заулыбались и старались наперебой оказать услугу. Они проводили летчика к телефону.

Оставив у самолета охрану из крестьян, Кравченко отбыл в Наньчан. Пришлось ехать на поезде почти сутки. Только к вечеру 30 апреля он прибыл в Наньчан, явился в часть и… попал на вечер в честь Первого мая. Товарищи наперебой рассказывали подробности сражения. В этом бою было уничтожено 12 бомбардировщиков и 9 истребителей противника.

Воздушные бои стали частыми. Добровольцы успешно срывали попытки японцев нанести бомбовые удары по военным базам и промышленным объектам Китая.

Как-то разведка установила, что японское командование готовит массированный авиаудар по Уханьскому аэродрому, где было сосредоточено много наших самолетов «СБ». В разработке

плана защиты авиабазы и города приняли участие Жигарев, Рытов и командиры истребительных групп: Иванов, Благовещенский и Захаров. Спланировали все до мелочей. К Ухани были скрытно переброшены более ста истребителей. Все экипажи находились в готовности № 1. Время тянулось медленно. Людей мучило сомнение: «Вдруг разведка ошиблась и японцы не прилетят?»

В 10 часов утра посты наблюдения донесли, что на Ухань идет несколько групп японских бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей. Авиагруппа Благовещенского поднялась в воздух первой, за ней остальные.

Внезапно на одну из наших групп из-за облаков начали пикировать японские истребители. Они подошли над облаками на высоте около 5000 метров, рассчитывая связать боем наши истребители, чтобы бомбардировщики прорвались к аэродрому.

Маневр был разгадан. Часть наших истребителей завязала бой, а основная группа под командованием Зингаева пошла наперехват двухмоторных бомбовозов и атаковала их. Два японских самолета были сбиты сразу же, в том числе ведущий группы — японский полковник.

Бой разгорелся жаркий. Как было задумано, в небо втягивались все новые и новые истребители. Строй японцев распался. Они, отчаянно отбиваясь, стремились уйти на свой аэродром, добровольцы отсекали им путь. С той и другой стороны в сражении участвовало не менее чем по сотне самолетов. Бой шел на всех высотах. Завертелась такая карусель, что даже с земли было трудно разобраться, где свои, где чужие.

Японцы потеряли тридцать шесть самолетов. Таких сражений и таких результатов не знала еще история авиации. Китайский журналист, наблюдавший за боем, писал:

> «У англичан есть термин для определения жаркого воздушного боя — «дог файтинг», что означает собачья схватка. Нет, я бы этот бой советских летчиков назвал «игл файтинг» — орлиной схваткой!»

Результаты боя потрясли японское командование. И оно решило взять реванш за поражение. 31 мая 18 бомбардировщиков под прикрытием 36 истребителей попытались вновь совершить налет на Ухань. Но и на этот раз они получили сокрушительный удар. Японцы потеряли 15 машин.

Когда наши самолеты приземлились, то обнаружили, что нет Антона Губенко. Никто не верил, что такой ас мог погибнуть. И действительно, на горизонте показался самолет. Приземлился он неуклюже. Винт погнут, фюзеляж прострелен во многих местах.

Летчики окружили его и спрашивали наперебой:

— Это кто тебя так, Антон?

— Немножко японцы, немножко сам.

А получилось вот что. В конце сражения Антон заметил одинокий И-96. Зашел к нему в хвост, прицелился и нажал гашетку. Пулеметы молчат: кончились патроны. Губенко стрелял азартно. Не экономя. Его за это уже критиковали товарищи. Но, видно уж, характер такой.

И японец не стреляет, видно, тоже патронов нет. Губенко и решил посадить самурая на наш аэродром. Прибавил газу, пристроился рядом, погрозил ему кулаком и несколько раз ткнул рукой вниз. Японец согласно закивал головой и спиралями пошел на снижение. Антон стал нажимать на него сверху. У самой земли И-96 вдруг рванулся в сторону, чтобы уйти. Губенко настиг его и подвел пропеллер под элерон левого крыла и рубанул. Японец посыпался вниз, а Антон чудом дотянул до своих.

Это был первый таран в небе Китая и второй в истории советской авиации. На год раньше, в Испании, Евгений Николаевич Степанов таранил фашистского аса.

Многие добровольцы восхищались Кравченко, его хладнокровием, которое ошеломляло противника. Он всегда атаковал на больших скоростях, круто виражировал, изматывал противника вынужденными перегрузками на вертикалях, применял такие маневры, что и в голове не укладывалось, как он это смог сделать. На маневрах выигрывал секунды, позволяющие захватить выгоднейшее положение в воздухе для атаки. Он умел заставить себя замереть в момент стрельбы, не оглянуться, больше ни о чем не думать. Японцы терялись перед его неожиданными действиями. Кравченко завоевал уважение самых бывалых истребителей. Все забыли, что этот смельчак, виртуоз воздушного боя, еще недавно был новичком.

* * *

С утра шел дождь, медленно ползли тучи, но на сигнальной мачте вдруг взвился флаг. Неужели в такую погоду появятся японцы? Но все кинулись к самолетам.

Капитан Губенко со своим звеном первым поднялся в воздух. За ним звено Григория Кравченко. И в этот момент из-за туч выскользнуло шесть вражеских машин. Григорий заметил, как Губенко длинной очередью пробил самолет врага.

— Молодец, Антон!

Еще две группы вражеских самолетов, общей численностью

около тридцати машин, вывалились из облаков. Григорий сделал свечку и, совершив бешеный бросок, оказался позади самураев. Звено «ласточек» следовало за ним. Трассы огня пересеклись на головном японце. Самолет задымился и пошел к земле. Но Григорий вдруг увидел, что самолеты противника заходят в хвост. Его «ласточка» оказалась на прицелах пятерки самураев… А вот еще один… Нет, это Антон Губенко снова пришел на выручку. «Спасибо», родной!» — обрадовался Григорий.

Мгновение — и Губенко уже наседал на хвост самураям. «Пятерка», спасаясь, рассыпалась. Губенко выручил Григория, но сам попал под яростный огонь. Теперь уже Кравченко ринулся на помощь. Но было поздно. Выбросившись из самолета, Губенко долго не раскрывал парашюта, падал вниз. Три самурая открыли по нему огонь. Кравченко бросился на них. Кружа над другом, охраняя его, стрелял из пулеметов, не давая врагам приблизиться.

Когда Губенко оказался на земле, Кравченко ринулся к облакам и увидел, как совсем рядом мелькнули две «ласточки» из его звена. Он сделал им знак идти на аэродром: кончалось горючее. Но в следующий миг совсем близко Кравченко увидел три вражеских бомбардировщика под охраной четырех истребителей. Звено завязало бой. Григорий бросился на ближайший истребитель, с разгона зашел ему в хвост, нажал на гашетки. Но пулеметы молчали. Патронов не было. «Все равно я не выпущу», — думал Кравченко. По-губенковски навис над вражеским истребителем и стал прижимать его к земле. Несколько раз противник пытался вырваться вперед на предельной скорости, но Григорий настигал его.

Японец растерялся, настолько грозен был вид нависшего над ним истребителя. И тут Кравченко увидел, что мотор вражеского истребителя задымился от перегрева. «Не отставать. Еще немного. Еще!»

Самурай попробовал извернуться, но Кравченко едва не обрубил ему хвост. Самолет врага рванулся вниз и врезался в землю. В баках «ласточки» иссякли последние капли бензина, мотор заглох. Но Григорий удачно посадил самолет вблизи аэродрома. К этому времени санитарная машина привезла и Антона Губенко.

Они стояли рядом под дождем и смотрели на небо.

— Великолепная погода для авиации, — сказал Кравченко.

— Редко бывает такой чудесный денек, — ответил Губенко.

* * *

А жизнь шла своим чередом. Бои сменялись напряженной учебой. Всем летчикам были выданы записные книжки. Благовещенский требовал, чтобы после вылета каждый пилот подробно описывал свое участие в бою: что видел, результаты атак, расход боеприпасов, оценка действий товарищей и противника, замечания по тактике действий, претензии к организации и т. д. Обычно командир не начинал разбора боевого вылета, не убедившись, что все проанализировали бой, сделали соответствующие записи.

Это помогало каждому увидеть бой глазами товарищей, лучше изучить сильные и слабые стороны своих действий. Взыскательность за промахи была строгой. Говорили без утайки, потому что от действий каждого в бою зависела жизнь самого летчика и его друзей.

Выступления Григория Пантелеевича на таких разборах были глубоки и справедливы. И хотя его всегда увлекал своим напряжением и остротой воздушный бой, он его помнил в подробностях. Кравченко подмечал новое в тактике противника, умел просто объяснить свои действия, научить.

— Хочешь поразить противника — обхитри его на маневрах, вышел на ударную позицию — не торопись, имей самообладание, замри на прицеле. Стрельба — последний аккорд атаки, так выполни его с блеском!

Вскоре Григорий Пантелеевич уже командовал отрядом. И вновь на мачте синий флаг. Обнаружены японские самолеты. Встретили их в воздухе. Завязался бой. Японцы потеряли в нем почти половину своих машин. Три из них сбил Кравченко, но не уберегся и сам. Три японских летчика обрушились на него, подожгли самолет. Кравченко выбросился из кабины. Внизу озеро, левее горы. Регулируя стропами, спустился на воду. Озеро оказалось неглубоким, вода доходила до груди. Он почувствовал, что подвернул ногу в ступне. К Григорию подплыл пожилой китаец, стал угрожающе махать шестом, приняв летчика за японца, но, увидев, что это русский, посадил Кравченко в лодку. На берегу их встретила толпа рыбаков.

— Джапан, джапан! — кричали они и со злобой смотрели на летчика.

— Какой джапан, русский я, — и показал им шелковый кусок с красными печатями. Подействовало. Оказалось, что Кравченко не может идти — острая боль в голеностопном суставе. Старик китаец ощупал ногу и неожиданно сильно дернул ее. Стало легче.

Рыбаки помогли высушить одежду, напоили чаем. Поселок, где был телефон, находился в 20 километрах от озера. Хотя боль в ноге постепенно утихала, но Кравченко идти не мог. Рыбаки

нашли старый паланкин и на нем донесли летчика до поселка, откуда Григорий Пантелеевич позвонил в штаб.

Вскоре на машине приехал комиссар Рытов. Он разыскал Григория в рыбацкой хижине. Кравченко сидел на циновке и что-то жестами объяснял собравшимся китайцам. Разговор был дружеский, настроение у всех отличное.

Жители поселка вышли проводить летчиков, низко кланялись в знак уважения, жали руку. «Ка-чен-ко, рус. Хау! Хын хау!» — (Кравченко, русский. Хорошо! Очень хорошо!) — говорили они.

Уже в машине Рытов сказал:

— Ну и мастер ты, Григорий Пантелеевич, сходиться с людьми. Тебе бы политработником быть!

— Могу и политработником. Только мне и летчиком неплохо! — рассмеялся Григорий.

* * *

В Ухани началась подготовка к эвакуации. Бомбежки участились, бои шли почти каждый день.

Стояла ранняя осень. «Ласточки» кружились на высоте 6000 метров, охраняя аэродром. Командование получило сведения, что японцы задумали новый налет. На аэродроме все настороженно ждали.

Вдруг Кравченко заметил, как от пышного облака отделились блестящие точки. Бомбардировщики! На полной скорости, заходя им в тыл, Григорий Пантелеевич повел отряд в атаку.

Бомбардировщики шли к аэродрому. Заметив «ласточек», японцы открыли огонь из кормовых пулеметов. Отряд не отвечал, пока не приблизился. Затем истребители разом обрушили огневой шквал на крайний левый самолет. Он вспыхнул и рухнул на землю. Однако остальные бомбардировщики по-прежнему шли к цели. Они летели плотным строем. Впереди флагман, в его охране два самолета. Чуть поодаль, слева, еще два, справа — три. Неожиданно для всех Кравченко свечой взвился вверх и появился над флагманом. Потом ринулся вниз, вверх и «пристроился» к хвосту самурая. Все увидели: летит в строю японцев «ласточка». Стрельба японцев прекратилась. Иначе неминуемо поразишь своего флагмана.

Никогда еще не случалось в воздухе подобного! Кравченко, не теряя времени, точно рассчитал прицел и открыл огонь из пулеметов. Громадный корабль закачался. Пламя скользнуло по металлу, взорвались бензобаки. Полыхающий самолет полетел к земле. Кравченко топором пошел вниз, потом взвился ввысь,

пристроился к своим и вместе с остальными истребителями открыл огонь по японцам. Сбили еще два самолета, остальные рассеялись.

Это был последний бой Кравченко в небе Китая.

Эскадрильи Благовещенского и Полынина перебазировались в Ичан. Сюда на базу прибыли новые группы советских летчиков-добровольцев, чтобы сменить повоевавших уже товарищей.

* * *

Григорий Пантелеевич прилетел в Москву в конце сентября. В сером штатском костюме вошел в длинный полутемный коридор, остановился.

— Вы кого тут шукаете, чиловик? — заглянула в дверь со двора Мария Михайловна.

— Кравченко Григорий Пантелеевич здесь живет?

— Туточки. Тилко его дома нема.

И тут же всплеснула руками, бросилась сыну на шею.

— Гришатка! Ридный ты мий!

Сколько было радости в семье: Гриша вернулся!

Вечером пришли товарищи, потом пожаловал Борис Бородай, с которым Григорий вместе воевал в Китае. Родители рассказывали о домашних новостях, о родных и знакомых; Бородай — о боях в далеких краях, и, разумеется, героем его рассказов был Григорий Пантелеевич: он одержал в небе Китая более десяти побед, дважды выбрасывался на парашюте из горящей машины…

Вскоре, в ноябре 1938 года, родителям пришлось переживать еще две радостные вести: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 ноября 1938 года Гриша награжден орденом боевого Красного Знамени, а приказом наркома обороны ему было присвоено внеочередное воинское звание — майор.

Летчик-испытатель

После возвращения из Китая Григорий Кравченко, получил назначение в научно-исследовательский институт Военно-Воздушных Сил Красной Армии, в подразделение Петра Михайловича Стефановского. Здесь уже служили его бывший командир Алексей Благовещенский и широко известные летчики-испытатели Степан Супрун и Виктор Рахов.

О Супруне еще в Китае Кравченко много слышал от своего друга, Антона Губенко, когда-то испытывавшего самолеты вместе со Степаном. Еще в 1936 году друзья-испытатели боевых машин были удостоены орденов Ленина.

Виктор Рахов — ученик Кравченко по Качинской школе, но теперь о нем, как о выдающемся испытателе, говорили прославленные асы, как Чкалов, Стефановский, Серов. Виктор уже принимал участие в нескольких парадных пятерках над Красной площадью. А это доверие оказывалось лучшим из лучших.

Испытанные когда-то Чкаловым, Супруном и Губенко истребители И-16 хорошо зарекомендовали себя в боях в Испании и Китае. Сергей Иванович Грицевец на И-16 за три месяца боев в испанском небе сбил 31 фашистский самолет. А однажды за боевой вылет Грицевец уничтожил семь фашистских самолетов. Это было неслыханно! Одна из английских газет, комментируя этот факт, писала, что летчик Сергей Грицевец — человек исключительной храбрости и военного мастерства. Всячески расхваливали и самолет, на котором летал отважный ас.

Истребитель И-16, действительно, был по тем временам хорошей машиной… Но в конце 1938 года в испанском небе немцы опробовали в бою новые машины, модернизированные «мессершмитты» и «юнкерсы». Если в начале войны «мессершмитт» имел мотор мощностью в 610 лошадиных сил, а скорость не превышала 470 километров в час, то теперь на нем был установлен мотор 1100 лошадиных сил, а скорость возросла до 570 километров. Вместо пулемета была установлена скорострельная пушка калибра 20 миллиметров, что значительно увеличило его огневую мощь. Теперь наши истребители И-16 и И-15 по летным и боевым данным уже значительно отставали от модернизированного «мессершмитта». Фронтовые бомбардировщики «СБ» также не выдерживали сравнения с немецким пикирующим бомбардировщиком Ю-88.

И как бы ни был велик героизм летчиков, защищавших республиканскую Испанию, они не могли противостоять франкистам, вооруженным новой немецкой техникой.

После нашумевших рекордов это было неприятной, на первый взгляд, даже необъяснимой неожиданностью. А дело в том, что немцы с лихорадочной быстротой учли уроки поражений в небе Испании и сумели очень скоро усовершенствовать свои боевые машины.

К концу войны в Испании их самолеты стали значительно лучше наших.

Большой рывок в развитии авиации сделали и японцы. Истребители И-96 были уже оснащены приборами для ночных полетов, радиосвязью, использовали временные подвесные баки с горючим, что позволяло залетать в далекие китайские тылы. Один из таких истребителей нашими летчиками был принужден к посадке на китайский аэродром, а потом отогнан в Москву для изучения.

Нужны были безотлагательные меры для преодоления отставания, тем более, что международная обстановка с каждым днем накалялась. Фашистская Германия захватила Австрию, прибрала к рукам Чехословакию, показав миру свои волчьи аппетиты.

Перед советскими авиаконструкторами была поставлена задача: создать новые самолеты, превосходящие своей боевой мощью лучшие мировые образцы. Задача нелегкая. На ее решение были брошены лучшие силы конструкторов и испытателей.

Петр Михайлович Стефановский с радостью принял в свой отряд вчерашних фронтовиков, потому что ждал от них не только виртуозной летной работы на испытаниях новых машин, но и дельных советов авиаконструкторам, инженерному составу. Взять хотя бы броневую спинку к сиденью у И-16. Ее же поставили вначале сами летчики и сразу же подняли намного живучесть машины, а главное, безопасность пилота.

Григория радовало, что здесь собрались люди, влюбленные в авиацию, творившие ее историю своим талантом и руками. Люди работали увлеченно, самозабвенно. Им всегда не хватало времени. Закончив свои летные дела, они гурьбой шли к кому-то домой, где за чаем продолжалось обсуждение волновавших их всех проблем и вопросов. Чаще всего шли к командиру Стефановскому. Его жена, Зинаида Владиславовна, радушно встречала товарищей мужа, умела не только быстро накрыть стол, подключив к этому делу и летчиков, но и на равных с ними беседовала на воздушные темы. Частенько бывали и дома у Кравченко. Мария Михайловна любила угощать гостей пирогами.

К концу 1938 года известный конструктор самолетов Николай Николаевич Поликарпов создал новую модель истребителя. Самолет был изготовлен в трех экземплярах и

назван И-180.

Начались испытания. 15 декабря на самолете поднялся в воздух Валерий Чкалов. Он сделал круг над аэродромом, убрал газ и начал планировать на посадку. Мотор заглох. Летчик с неработающим мотором не мог дотянуть машину до аэродрома и был вынужден делать посадку на пересеченной местности. Валерия Чкалова не стало.

Была создана компетентная комиссия, которая провела тщательный анализ. Но настоящих причин катастрофы так и не выяснила. По всем расчетам самолет был хорош. Его тактико-технические данные были снова лучшими в мире. Он набирал высоту пять тысяч метров за пять минут, имел потолок одиннадцать тысяч метров. При мощности мотора в тысячу лошадиных сил развивал скорость 585 километров в час. Имел дальность полета 900 км.

На второй модели самолета И-180 неудача постигла Степана Супруна. Самолет скапотировал на пробеге. Летчик отделался ушибами.

Третий экземпляр машины поднял в воздух Афанасий Григорьевич Прошаков. При испытании на фигуры высшего пилотажа самолет попал в перевернутый штопор. Летчик не мог вывести его в нормальное положение и выпрыгнул с парашютом.

Завод сделал еще один, четвертый И-180. На нем полетел полковник Сузи. Очевидцы говорили, что самолет штопорил с большой высоты, а метрах в трехстах от земли из него выпрыгнул летчик, но парашют не раскрылся.

Над моделью прекратили работу. Но и сегодня многие авиаконструкторы считают, что это было ошибкой, не позволившей нам иметь прекраснейшую скоростную машину задолго до начала войны с фашистами.

После стольких неудач у летчиков-испытателей появилось недоверие к самолетам Поликарпова. Именно в это время Кравченко поручили испытать новый истребитель И-153, созданный тем же конструктором. Это был биплан с убирающимися, как у И-16, шасси. Скорость 440 километров в час, 4 пулемета, приспособление для использования реактивных снарядов. Григорий Пантелеевич верил в новый самолет.

Кравченко не спеша поднял машину в воздух, большими кругами набрал высоту. С земли за полетом наблюдали ведущие конструкторы, инженеры, авиационные начальники.

— Несмело действует наш испытатель, — заметил кто-то.

Кравченко действительно не спешил. Делал круг за кругом. Испытывал машину на прочность. На маневренность. А потом началось…

Самолет метался вниз, вверх, в стороны, делал крутые виражи, перевороты. Одна фигура сменялась другой. Когда летчик бросил машину в крутой штопор, на земле притихли, ждали с замиранием сердца. А Григорий за считанные секунды до встречи с землей умело вывел самолет в горизонтальное движение, а затем показал горку.

— Да, это действительно мастер! — восхищались в толпе.

— Виртуоз!

Кравченко посадил машину и попал в объятия друзей.

Позднее он так же успешно испытал И-153 на стрельбу ракетами.

Накануне Дня Красной Армии к Кравченко зашел Борис Бородай. Сидели за праздничным столом, разговаривали, вспоминали далекий Китай, последние испытания.

Диктор радио известил:

> «Передаем последние известия. Слушайте Указ Президиума Верховного Совета СССР…»

23 февраля 1939 года шестнадцати командирам вооруженных сил было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди награжденных были Григорий Кравченко, Антон Губенко, Сергей Грицевец. Все бросились обнимать и целовать Григория.

А диктор уже читал новый Указ, перечисляя имена награжденных орденами Ленина. В их числе был и Борис Бородай.

Утром в квартиру Кравченко постучал почтальон. Он принес телеграмму-«молнию» из Перми от учителя Василия Павловича Яковлева. Тот писал:

> «Итак, Гриша, ты Герой Советского Союза! Горячо поздравляю и крепко жму руку. Это, братец ты мой, великое дело, великая честь!.. Что ж, моральный долг требует от меня по мере сил соревноваться со своим бывшим учеником, на которого хочется быть похожим».

Григорий Пантелеевич, не отпуская почтальона, тут же телеграфировал ответ:

> «Дорогой учитель, сердечное спасибо за поздравление! Вызов принимаю. Буду рад подвести итоги при встрече. Крепко обнимаю! Ваш Гриша».

7 марта 1939 года М. И. Калинин вручил ордена Ленина и грамоты Героев Советского Союза Г. П. Кравченко,

С. В. Слюсареву, Т. Т. Хрюкину, А. С. Осипенко и А. А. Губенко. В Кремле они вместе сфотографировались. Здесь же, в Кремле, Героям-летчикам вручили гостевые приглашения для участия на XVIII съезде ВКП(б).

Уже во вступительном слове при открытии съезда Молотов коснулся сложной международной обстановки. С международного положения начал свой доклад и Сталин. Он говорил, что подкравшаяся к народам новая империалистическая война уже втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения. На глазах всех народов Япония захватила громадную территорию Китая, Италия — Абиссинию, Германия — Австрию и Судетскую область. Создаются блоки империалистических хищников типа треугольника Берлин — Рим — Токио.

8 докладе была разоблачена политика невмешательства ведущих капиталистических государств, как средство дать окрепнуть фашистским головорезам, направить их взоры на Советский Союз. Пресса Запада в открытую вела подстрекательскую пропаганду. Кричала о слабости русской армии, о разложении русской авиации, о беспорядках в Советском Союзе, толкая тем самым немцев на восток, обещая им легкую победу и приговаривая: вы только начнете войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо.

Сталин говорил о политических мерах, которые принимает правительство в борьбе за мир, о заключении ряда договоров о ненападении и взаимной помощи, об укреплении обороноспособности страны, еще раз напомнил дипломатам Запада, что политика невмешательства может для них окончиться серьезным провалом.

— Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость. Мы не боимся угроз со стороны любого агрессора и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны.

Так Сталин закончил международный раздел своего доклада.

На съезде свою роль защитника мирного неба Родины Кравченко почувствовал с особой остротой. Когда один из выступающих привел слова французского писателя Фора, что «тень фашистского бомбардировщика упала на Европу, и при слухе о войне взоры людей обращаются к небу не потому, что оттуда может прийти божественная помощь, а потому, что оттуда первыми появятся неприятельские бомбардировщики», у летчика сжалось сердце.

— Нет не допустим! Не должны допустить!

С трибуны съезда была провозглашена главная задача наших

авиаторов: летать выше, быстрее и дальше всех в мире. Это требовало усовершенствования конструкции самолетов, роста мощности моторов, их экономичности, максимальной автоматизации управления самолетом, при котором летчик имел бы под своей командой три пульта: ручку управления, сектор газа и гашетку для стрельбы.

На съезде приводились данные, что американские авиаконструкторы работают над истребителем, который будет развивать скорость до 800 километров в час, и над авиационными двигателями мощностью в четыре тысячи лошадиных сил.

Об этом Кравченко говорил на партийном собрании в НИИ, обсуждавшем задачи по выполнению решений съезда.

В марте пришло письмо из Зверинки от бывших учителей. Они спрашивали: в списке Героев, напечатанных в газете, есть имя Григория Пантелеевича Кравченко, не наш ли это Гриша Кравченко, который возглавлял когда-то комсомольскую организацию Звериноголовской ШКМ.

Григорий Пантелеевич ответил своим добрым наставникам и друзьям:

> «Дорогие мои учителя. Да, это я, ваш Гриша. Сыновнее вам спасибо за все! Вы открыли мне дорогу в небо и дали крылья!»

Одновременно пришло письмо и от Федора-младшего. Он жил в городе Энгельсе, работал завучем в техникуме советской торговли. Федор приглашал хоть на пару деньков заглянуть к нему в гости. И случай такой представился. Когда Григория Пантелеевича спросили, где бы он мог выступить как участник съезда партии, он назвал город Энгельс.

Герои Халхин-Гола

Весна 1939 года не принесла человечеству мира. Обстановка все накалялась. Пала республиканская Испания. 1 апреля в Мадриде был проведен парад фашистских войск. Правительство США в тот же день признало генерала Франко правителем Испании.

А несколько дней спустя Рихард Зорге радировал в Москву о том, что командование Квантунской армии сосредоточило крупные силы у восточной границы Монгольской Народной Республики.

В Японии была объявлена всеобщая мобилизация, руководство которой поручили генералу Араки. Тому самому генералу, который заявил, что

> «Япония не желает допустить существования такой двусмысленной территории, какой является Монголия».

Японский парламент утвердил небывалый военный бюджет: семь миллиардов сто тридцать два миллиона иен. У населения были изъяты в фонд войны все драгоценности и ювелирные изделия. Японские милитаристы вынашивали планы создания великой колониальной империи с включением в нее Советского Дальнего Востока.

Наш военно-морской атташе в Японии А. С. Ковалев сообщал в Москву, что японские военные один за другим публично выступают с угрозами в адрес СССР. Подполковник генерального штаба Японии Седзима говорил, что основной замысел японского командования на 1939 год заключается в том, чтобы захватить город Ворошилов, Владивосток и Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск, Куйбышевку Восточную.

Тучи новой войны сгущались.

В мае Япония предприняла вооруженную попытку отторгнуть часть территории Монгольской Народной Республики. Тогда М. М. Литвинов, вызвав японского посла в Москве Сигемицу, сделал ему серьезное предупреждение. Он напомнил о существовании между СССР и МНР пакта о взаимной помощи. В эти же дни, выступая на сессии Верховного Совета СССР, В. М. Молотов заявил, что

> «границу Монгольской Народной Республики, в силу заключения между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою

собственную границу».

В один из майских дней прямо с аэродрома Григория Кравченко и Виктора Рахова вызвали в Главный штаб ВВС. Здесь друзья увидели немало знакомых летчиков. Были среди них и воевавшие вместе с Григорием Пантелеевичем в небе Китая. Вскоре собравшихся пригласили пройти в зал на заседание, которое открыл нарком обороны СССР маршал Ворошилов. Начал Климент Ефремович с главного:

— Товарищи летчики! 11 мая японо-маньчжурские пограничные части нарушили государственную границу Монгольской Народной Республики. В воздушных схватках с японцами наша авиация понесла потери. Вот почему вас, получивших боевой опыт в Испании и Китае, мы вызвали на это совещание. Мы надеемся, что вы согласитесь помочь монгольскому народу и сумеете добиться коренного перелома в воздушной обстановке над Монголией.

Ворошилов охарактеризовал результаты первых боев. Говорил о всех сложностях и просчетах без прикрас, откровенно и озабоченно.

На следующий день, 29 мая, группа летчиков во главе с комкором Я. В. Смушкевичем вылетела на трех транспортных самолетах по маршруту Москва — Свердловск — Красноярск — Иркутск — Чита на аэродром назначения. Вести транспортники, как особо важное задание, было поручено известнейшим в стране летчикам Александру Голованову, Виктору Грачеву и Михаилу Нюхтикову: летели 48 бывалых летчиков и опытных инженеров, среди них — свыше десяти Героев Советского Союза.

На вторые сутки летчики были в конечной точке маршрута. На аэродроме увидели много самолетов.

Боевая техника, предназначенная для прибывших, требовала тщательного осмотра и облета. Три дня весь летно-технический состав готовил машины к перебазированию в район реки Халхин-Гол и озера Буир-Нур. Наконец, с рассветом 4 июня — полет в неведомые монгольские дали. Предстояло пролететь на юг 400 километров. Расстояние довольно большое для истребителей И-16. Но главная сложность полета заключалась в том, что на маршрутных картах обозначены только тригонометрические вышки да два незначительных ориентира.

Виктор Грачев, уже много раз ранее летавший этим маршрутом, повел всю группу. Под крылом однообразная картина: желто-зеленые травы, красноватые пески, необозримая широкая степь, не за что уцепиться взглядом.

Впереди по курсу показались с десяток приземистых

стандартных жилых бараков и юрт, загоны для скота. Самолеты пошли на посадку. Здесь, в Баин-Тумене[20], советских летчиков ждал маршал Чойбалсан. В беседе он говорил просто и откровенно, не скрывая трудностей. Глубоко озабоченный судьбой своего народа Чойбалсан делился с прибывшими своими мыслями и предположениями.

Что же произошло в районе Халхин-Гола?

С начала 1939 года участились наскоки японо-баргутских вооруженных отрядов на монгольские пограничные посты. Наиболее крупное столкновение произошло 11 мая. Отряд численностью до 300 конников, поддержанный авиацией, перешел монгольскую границу и напал на погранзаставы близ озера Буир-Нур и в районе высоты Номон-Хан-Бурд-Обо. Высота была захвачена. 14 мая японцы заняли и высоту Дунгур-Обо на западном берегу Халхин-Гола, а 15 мая японские бомбардировщики разбомбили погранзаставу на Хамар-Дабе. Агрессоры углубились на монгольскую территорию до реки Халхин-Гол, то есть на 20 километров.

Командир японской дивизии генерал Камацубара бросил 15 мая против погранчастей МНР большой отряд, куда входила рота тяжелых машин. Но к его изумлению, монголы устояли. И не только устояли, но и разбили этот отряд, выбросили его за пределы монгольской территории. На границе не было пока ни одного советского солдата!

Японское командование понимало, что советская помощь Монголии обязательно будет, и намерено было захватить участок между границей и рекой Халхин-Гол и укрепиться на нем до подхода наших войск.

Камацубара полагал, если этот участок глубиной в 20 километров и шириной по фронту 70 километров занять и укрепить, то никакая сила не в состоянии будет вытеснить отсюда японские войска. По правому берегу Халхин-Гола до границы тянулись песчаные барханы. Они могут хорошо маскировать расположение орудий и целых подразделений. Район разрезан надвое речкой Хайластын-Гол с заболоченными берегами. Восточный берег выше западного. Если укрепиться на нем, то расположение советско-монгольских войск будет просматриваться на многие десятки километров: за рекой тянется бесконечная равнина, плоская, как стол. Удобно для танкового броска до советской границы.

Целью японцев было ликвидировать МНР, как независимое государство, выйти к границам Советского Союза в Забайкалье, перерезать Транссибирскую магистраль и угрожать Советской земле от Байкала до Владивостока.

В своем приказе от 21 мая Камацубара самоуверенно писал:

> «Дивизия одна своими частями должна уничтожить войска Внешней Монголии».

Советское правительство выполнило договор о взаимопомощи. Части 57-го особого стрелкового корпуса были направлены в район военных действий.

27 мая японцы пустили пал на границе. Над степью поднялась стена огня. Укрывшись за ней, самураи концентрировали свои силы. На следующий день японцы перешли в наступление. Авиация противника обрушила бомбовый удар по сосредоточению советско-монгольских войск, и они с боями отошли к реке Халхин-Гол, понеся потери. Однако и у японцев был уничтожен отряд Адзума и разгромлено три штаба.

29 мая советско-монгольские части нанесли противнику контрудар и к концу дня отбросили японцев за границу. Противник потерял около 500 человек убитыми. Баргутские конные отряды были разгромлены и развеяны по степи.

К началу конфликта в МНР находился 70-й истребительный авиаполк под командованием майора Вячеслава Михайловича Забалуева. В нем было 38 истребителей. 22-й истребительный полк прибыл сюда по тревоге. Вначале он был в районе Баин-Тумена, а 26 мая перебазировался в Тамцак-Булак. Полк имел 63 истребителя И-15 и И-16. Командовал им майор Николай Георгиевич Глазыкин, заместителем был майор Павел Афанасьевич Мягков, комиссаром полка — Владимир Николаевич Калачев.

27 мая произошел первый воздушный бой. Эскадрилья 22-го ИАП на самолетах И-16 направилась на Халхин-Гол. Повел ее старший лейтенант Рученков, исполняющий обязанности командира первой эскадрильи. С ним полетели лейтенанты Анатолий Орлов, Георгий Приймук, Александр Пьянков и другие. Согласно заданию, летчики должны были сделать разведку вдоль линии фронта и устроить там засаду на одной из площадок, поджидая японцев в воздухе.

Летчики не встретили самолетов противника и сели на площадку, где их уже ожидал бензозаправщик. Едва пилоты дозаправили свои машины, как заметили три японских истребителя. Они летели на высоте более двух километров. Рученков приказал подняться в воздух, но на его машине забарахлил мотор. Другие самолеты друг за другом стали подниматься в небо. Японцы бросились восвояси. Но им на помощь из облаков вынырнули еще два звена. Имея преимущество в высоте и опыте, японцы быстро разогнали наши

самолеты и начали за ними групповую охоту. В этом бою погибли Черенков и Савченко. Александр Пьянков был ранен, но посадил свой самолет, который японцы подожгли все-таки огнем с воздуха, и он взорвался. Летчик три дня брел по степи без воды и пищи. Встретил наши бронемашины. Они и доставили его на аэродром.

К сожалению, командование полка не сделало выводов из неудачи, не провело разбора боя, и это не замедлило сказаться.

На следующий день, утром, поступил приказ вывести к фронту двадцать самолетов. Но после взлета первой «тройки» вылет остальным отменили. Летчики Вознесенский, Иванченко, Чекмарев, уйдя в сторону фронта, на аэродром больше не вернулись. Они погибли в неравном бою.

В этот же день вели бои еще две эскадрильи 22-го истребительного полка. Несмотря на храбрость летчиков, действовали они не организованно. На десятку И-15, которую вел Павел Мягков, набросилось восемнадцать вражеских истребителей. С первой же атаки они подожгли самолет командира. Мягков бросил истребитель к земле, ему удалось сбить пламя, но в этот момент японский ас догнал его и сбил. Следом за ним был ранен командир эскадрильи капитан Балашов, которому чудом удалось посадить свой самолет на аэродроме. Оставшись без руководства, летчики растерялись. Из десятки четверо погибли в бою, один пропал без вести, двое получили ранения, еще один, выпрыгнув на парашюте из горящей машины, только через двое суток вернулся на аэродром. Об этих потерях и говорил Ворошилов, выступая перед летчиками, едущими защищать небо Монголии.

Несмотря на успех, японская авиация, базировавшаяся в районе гор Хайлар и на аэродроме Ганчжур, после 28 мая резко свернула свою активность. До второй половины июня групповых налетов противника не было. Но одиночки-разведчики предпочитали пересекать границу на больших высотах и не особенно углублялись на монгольскую территорию.

Такова была обстановка, когда Григорий Кравченко и его товарищи прибыли в Баин-Тумен. Здесь они задержались ненадолго. Уже к вечеру перебазировались километров на двести восточнее, в местечко Тамцак-Булак. Аэродромы в Монголии часто не имеют границ — неизмеримая ровная степь, очерченная, словно циркулем, линией горизонта.

Вскоре сюда прибыли летчики, которые добирались из Москвы поездом. Группу возглавлял Герой Советского Союза майор Сергей Грицевец. С ним была группа Героев Советского Союза, а также большой отряд молодых хорошо подготовленных

пилотов, но еще не имеющих боевого опыта. Вместе с ними прибыла и новая техника, улучшенные истребители И-16. На них были установлены по четыре пулемета ШКАС.

Эскадрилью модернизированных И-16 от станции Борзя вел майор Куцевалов. Прикрывали ее Герой Советского Союза майор Николай Герасимов и старший лейтенант Александр Николаев. Это была внушительная сила. Эскадрилью включили в состав истребительного авиаполка майора Глазыкина, что значительно подняло его боевую мощь.

Командовать авиацией в Монголии был назначен герой испанских боев Я. В. Смушкевич, талантливый летчик и командир. По его замыслу опытные летчики должны были провести тренировочные бои с молодыми, передать им все, чем владели сами. Инструкторские группы были посланы во все эскадрильи 22-го и 70-го истребительных полков.

Используя затишье на границе и в воздухе, инструкторы приступили к работе. Летчикам повезло — японских самолетов в воздухе не было, и они спокойно облетывали технику, изучали приграничный район. Пилоты видели, что граница проходит за рекой Халхин-Гол и тянется вдоль нее. От левого берега реки в глубь МНР на сотни километров степи. Она начиналась сразу же за небольшой возвышенностью Хамар-Дабой. По правому берегу Халхин-Гола громоздились сопки и песчаные барханы с глубокими падями между ними. Халхин-Гол голубой змейкой бежит на север от Хамар-Даба, а затем поворачивает на запад и разветвленной дельтой впадает в озеро Буир-Нур.

— Подходящее местечко выбрали самураи для начала, — сказал кто-то из летчиков после облета.

— Куда уж лучше, — согласился Павел Коробков. — Удобный уголок чертям свадьбу справлять. Вся стратегия видна, как на ладони. Хотят с этих гор через речку прыгнуть, а дальше полным ходом на колесах через Монголию и до наших границ. Но мы им тут покажем кузькину мать!

Началась боевая учеба. С утра до вечера над степью стоял гул моторов. Инструкторы старались учесть неудачи первых воздушных боев в Монголии.

— Держитесь строя, — говорил Григорий Кравченко своим подопечным. — Только тот летчик, кто умеет держать строй. В строю ты воин, вне строя — мишень. Качнул ведущий крылом — значит, подтянись, начинаем! Выполняешь вираж — держись в одной плоскости с ведущим. Крыло в крыло, как плечо к плечу. Следи за небом, учись видеть в нем и противника и товарища, маневрируй, подстраховывай своих. И ты победишь. — И он как-то виртуозно своими ладонями демонстрировал маневры в

воздухе боевой группы.

— Летчик в воздухе не только боец сам по себе, но и товарищ. Идешь звеном на врага, иди звеном и до места посадки, прикрывая и контролируя друг друга. Будь предельно внимательным при разворотах на солнце, особенно здесь легко проморгать и потерять товарищей.

Умел Григорий Пантелеевич заметить и робких. К ним у него был особый подход. На перекуре или после ужина подходил незаметно, шутил, рассказывал о том, как сам еле унял дрожь в руках в первом бою.

— Главное — первый раз пересилить себя, не струсить, ввязаться в драку. А как первого шлепнешь, сразу силу почувствуешь в себе. Так что, ребята, как в народе говорят: «Дрожи, но не боись!» И все будет в порядке!

Много раз летчикам, не имеющим опыта, довелось слушать рассказы Григория Кравченко и Александра Николаева о воздушных боях против японских захватчиков в Китае, а Ивана Лакеева и Сергея Грицевца о схватках с фашистами в небе Испании.

Рассказы боевых командиров строились, в сущности, на весьма простых, обыденных понятиях: осмотрительность, высота, скорость, маневренность, выдержка, боевое товарищество.

— Кто не умеет видеть в воздухе, тот не истребитель, а летающая мишень, — говорил Герой Советского Союза Н. С. Герасимов.

Григорий Кравченко предложил Виктору Рахову, как когда-то в школе, провести показательный бой для молодых пилотов. Летчики лихо поднялись в небо, разлетелись в разные стороны, сделали развороты и понеслись друг на друга, словно рыцари на турнире. С каждой секундой расстояние между машинами сокращалось. Лишь в последнее мгновение истребители одновременно полезли ввысь. Затем они падали в штопор, крутили фигуры, стараясь зайти в хвост друг другу. Наконец, сделали посадку. Кравченко, вытирая пот, резко сказал:

— А ты все такой же, Виктор? Неужели за эти годы не поумнел?

— А ты почему не отвернул? — смеялся Рахов.

— Вот дьявол, ну и характер у тебя, не лучше моего!.. Надо соображать что к чему, учебный же бой-то.

Около двух недель утюжили небо летчики. Инструкторы старались приблизить учебные бои к тем настоящим, которые могут вспыхнуть над Халхин-Голом в любой момент. Каждый день приносил все лучшие результаты. Опытные истребители начали чувствовать на себе, как крепнут подопечные. Иногда молодые

так наседали, что учителям приходилось полностью выкладываться, чтобы уйти от их стремительных атак.

Видимо, японцы разведали о прибытии в Монголию опытных советских летчиков и не рисковали без хорошей подготовки появляться в небе. Первую половину июня они стягивали на близлежащие аэродромы самолеты и лучших авиаторов, чтобы затем одним мощным ударом добиться господства в воздухе.

Около 20 июня большое оживление царило на аэродроме Дархан-Ула. Прибывшее сюда японское высокое начальство, собрав летный состав, заявило, что им самой судьбой предназначено, наконец, разгромить в Монголии советскую авиацию и проложить для японской империи путь к благодатным сибирским землям.

22 июня командующий японской авиацией в районе Халхин-Гола приказал одним ударом покончить с главными воздушными силами Внешней Монголии, которые ведут себя вызывающе, внезапным ударом всеми силами уничтожить советские самолеты на аэродромах.

День выдался жаркий. Многие летчики, отлетав на боевых дежурствах, отдыхали в тени самолетов, толпились около бочки с водой, разговаривали, шутили. Запищал зуммер телефона. Трубку взял Николай Викторов. Прикрыв ладонью ухо, несколько раз проговорил с тревогой: «Есть!» Потом прокричал дежурному:

— Давай ракету на взлет, наших бьют!

Эскадрильи подымались в воздух одна за другой и брали курс на озеро Буир-Нур. А там уже творилось что-то невероятное. Около сотни самолетов сплелись в один клубок. Грохотало небо от пулеметной стрельбы и рева моторов. Было трудно сразу разобраться, где свои, где чужие, на чьей стороне перевес.

Наши летчики, взлетевшие с прифронтовых аэродромов подскока дрались уже минут пятнадцать. Их ядром была московская группа. Помощь эскадрилий была как нельзя ко времени. Но японцы все наращивали свои силы. В воздухе стало тесно.

Самураи охотно принимали ближний бой. Их самолеты обладали хорошей маневренностью, а большинство летчиков имели большой боевой опыт, отлично знали местность. Атаки проводились почти в упор. Сбитые самолеты горели и падали, разваливаясь на куски в воздухе. И тут же на стропах парашютов раскачивались пилоты, выбросившиеся из подбитых машин. На земле кострами догорали обломки. Казалось, этой вакханалии не будет конца. Но у дерущихся сторон стало кончаться горючее и боеприпасы. Командиры выводили свои подразделения из боя. В воздухе остались только мелкие группы и одиночки, успевшие

вновь заправиться и пополнить боезапас. Бой утихал…

На свои базы наши возвращались строем, даже многие молодые не потеряли ведущих. Подготовка сыграла свою роль.

Григорий Кравченко в этом бою участвовал с группой инструкторов. Он открыл свой боевой счет.

Вечером летчики встретились в штабе авиации. Комкор Смушкевич собрал их, чтобы обменяться мнениями о первом крупном воздушном сражении. В юрте на кошме все сидели, поджав ноги по-киргизски, тесно прижавшись друг к другу. Кравченко огляделся. У многих ордена. «Сколько боев за плечами у этих орлов?!» — думал он.

И действительно, собрались знаменитые истребители, Герои Советского Союза: Денисов, Грицевец, Лакеев, Герасимов, Гусев, Коробков — и бомбардировщики: Душкин, Шевченко, Зверев. Были тут многие ведущие летчики, участники сегодняшнего боя: Забалуев, Смирнов, Рахов, Викторов, Орлов.

Смушкевич сообщил печальную новость. В 22-й истребительный полк не вернулся из боя командир майор Глазыкин. Его подопечные доложили, что видели: командир, сбив двух самураев, загорелся и с парашютом выбросился из кабины. Идут его поиски.

Комкор хотел послушать каждого, но из-за позднего времени пришлось ограничиться пятью выступлениями. Однако и они позволили сделать многие выводы.

Общее мнение сводилось к тому, что в целом бой проведен успешно, но и в дальнейшем легкой победы над японцами ожидать нельзя. По данным разведки, сюда переброшены лучшие авиационные соединения Японии, укомплектованные новой техникой и летчиками, имеющими боевой опыт. Воздушный бой подтвердил это. Смушкевич говорил спокойно и ровно. Всем дал задания. Потом, взглянув на часы, забеспокоился и велел отдыхать.

Однако после совещания никто не торопился уезжать. Вышли на воздух. Кравченко раскрыл портсигар, угощая товарищей. Взгляд его задержался на Борисе Смирнове, сослуживце по особой авиабригаде.

— В сегодняшней заварухе был? — спросил Кравченко.

Борис утвердительно кивнул головой.

— Сбил?

— Не сумел.

— Ничего, Боря, не печалься. Твои от тебя не уйдут. Я-то уж знаю. А вот Рахов одного смахнул. Так что поздравь его с удачным началом.

Утром 23 июня стали известны результаты боя. В нем

участвовало 95 советских истребителей и 120 японских. А такого количества сбитых самолетов история воздушных сражений того времени не знала: 43 самолета рухнули на землю. Из них 12 — наших, 31 — японский.

Командира 22-го ИАП майора Глазыкина нашли наземные войска. Парашют не был раскрыт. Видимо, он тяжело раненный выбросился из горящей машины, но раскрыть парашют уже не смог.

Горькой была утрата.

Командиром 22-го истребительного полка был назначен майор Кравченко.

Весть о том, что в 22-м истребительном полку новый командир, быстро облетела летчиков.

— А где же новый комполка? — спрашивали они у штабистов.

— Говорят, прямо от Смушкевича по эскадрильям махнул.

— Да ну, и в штабе не представился?

— Нет.

— Ну, дает!

— А что ему представляться? Он почти всех уже знает. Две недели наших молодых натаскивал, как япошек бить. Опытный мужик! Герой!

— Ну, коли с опытом, тогда хорошо. А то у нас потери больше всех. Особисты уже копаются, причины ищут. А что их искать. Они как на ладони — боевого опыта нет. Смушкевич, он дока, повоевал, знает. Вот и нам он назначил такого же. Теперь дела пойдут веселей…

Нового комполка перемывали и просвечивали по косточкам, а он действительно вместе с комиссаром Калачевым ездил по аэродромам эскадрилий.

Аэродромы находились вокруг КП полка на расстоянии до 10 километров. Их было пять. В Монголии самолет посадить можно практически в любом месте: степь, как стол. Но летчики выбирали для постоянных аэродромов площадки близ манхан — углублений в степи, заросших кустарником. Здесь легко было укрыть палатки и юрты от глаз противника, спрятаться в тень от палящего солнца во время отдыха.

Калачев по дороге ознакомил нового командира с обстановкой в полку.

— Настроение у ребят неважное, — сокрушался он. — Пятнадцать летчиков потеряли. А теперь вот и самого командира. У самураев, Григорий Пантелеевич, подлые замашки. Вынырнут из облаков неожиданно, обстреляют и скроются. А после того неудачного боя, когда они нашу эскадрилью порастрепали, два

японских летчика отделились от своей группы и давай нагло в небе кувыркаться, выкручивать фигуры всякие. Аж сердцу больно стало. Покувыркались и ушли. Тошно было смотреть на эту виртуозную безнаказанность. Хотелось локти кусать и волком выть…

— Ах, Владимир Николаевич, дорогой ты наш комиссар, — перебил его Кравченко. — У тебя бы все по правилам, по чести, да по совести. Воздушный бой с врагом — это не схватка борцов на ковре, братец ты мой, где и судья со свистком, и штрафные очки начисляют за нарушение правил. Хитрость и смекалка в бою — второе оружие летчика; может, не менее сильное, чем пулеметы. Нам надо с вами учить пилотов тактике ведения боя, военной грамотности и изобретательности. Настоящий летчик обязан прежде всего отлично летать. Умение пилотировать придает смелость и уверенность. Чем больше у тебя для врага сюрпризов, тем непобедимее ты. А что касается этих «кувырканий», то я тебе клянусь — мы этих гадов заставим кувыркаться! — Григорий Пантелеевич сжал кулаки. — Кувыркаться и биться мордой в монгольскую степь.

В ту ночь новый командир полка так и не заснул. Проводив комиссара, он вышел из юрты. Крупные, как пушистые варежки, монгольские звезды догорали. Вот-вот должно было выкатиться на широкую степь солнце. Рассветает в монгольской степи мгновенно.

Наступало утро 24 июня.

Кравченко звонил в эскадрильи. Справлялся о готовности и настроении.

— Уверен, сегодня полезут опять, — говорил он. — Вчера зализывали раны, провели переформирование и пополнение, так что вот-вот ждите гостей. Прошу сейчас же, с утра, дать хороший инструктаж летчикам… Строй и еще раз строй! Крутить головой на все триста шестьдесят градусов, следить за хвостом соседа. В случае схватки — поменьше виражей. Их И-96 маневреннее. Изматывайте и атакуйте на вертикалях. Предупредите, особенно молодых, что монгольское незамутненное небо скрадывает расстояние. В нем кажется, что до всего можно дотянуться рукой. А это подводит при стрельбе. Пусть учтут. Бить только наверняка с двухсот, а то и сотни метров…

А служба наблюдения уже сообщала, что японские самолеты пересекли линию фронта в районе севернее Хамар-Дабы близ пункта Дунгур-Обо. Дежурная эскадрилья перехватила группу и завязала бой. Вслед за первой эскадрильей Кравченко поднял остальные, туда же вылетели и эскадрильи майора Забалуева. Японцы пытались с разных сторон прорваться к нашим

аэродромам, но везде встречали плотные заслоны.

Их было около 70 самолетов. Группы двухмоторных бомбардировщиков шли под сильным прикрытием истребителей.

В первых же атаках Герасимов, Коробов, Николаев, Викторов со своими ведомыми так насели на самураев, что их строй распался и дальше горы Хамар-Дабы даже отдельным группам не удалось прорваться. На помощь эскадрильям Кравченко прилетели летчики Забалуева и эскадрилья Жердева. Японцы вынуждены были удрать.

В этот день воздушные бои возникали дважды и длились по часу. Наши летчики преследовали японцев до самого Ганьчжура — 60 км от границы. Противник понес большие потери, только в районе между озером Буир-Нур и Тамцак-Булаком было сбито 19 японских самолетов.

Перед боем Кравченко дал задание звену Рахова отбить от группы и заставить сесть японского летчика. Комполка казалось, что японцы усилили свои истребители по сравнению с теми, что были в Китае. И надо было подтвердить предположение.

Рахов с двумя ведомыми навалились на японский самолет, зажали его с боков и сверху, как в клещи, и погнали к своим аэродромам. Японец метался, как щука в неводе, но вынужден был сесть. При посадке колесо его самолета попало в рытвину, он встал на попа. Машина уцелела, а летчика нашли мертвым.

Смотреть «японца» прилетели комкор Смушкевич, полковник Лакеев и майор Грицевец. Кравченко подбежал к гостям, зычно скомандовал:

— Полк, смирно!

Но комкор уже махал рукой.

— Отставить! Вольно! Такая жарища, а вы заставляете летчиков стоять навытяжку, — и протянул для приветствия руку командиру полка. — Показывайте, Григорий Пантелеевич, ваш подарок.

Вся группа направилась к трофейному самолету.

Авиаторы-добровольцы горячо любили Смушкевича. Герой испанских боев был действительно бесстрашным летчиком и всегда и для всех открытым человеком и товарищем. Недавно комкор попал в аварию. Он с трудом передвигался. Ему бы еще лежать да лежать в госпитале, а он поехал сюда по своему настоянию и просьбам добровольцев, к которым не могли не прислушаться даже в самом верху.

Григорий на ходу шутил, глядя на высокого Грицевца и небольшого ростом Лакеева.

— А вы, друзья, как Пат и Паташон.

Кравченко взял Грицевца за руку. Им обоим было приятно.

Многие уже знали, что оба выросли в Зауралье, в соседних районах. Грицевец — в Шумихе, Кравченко — в станице Звериноголовской. Украинец и белорус считали себя земляками и даже русскими.

Японский самолет был поставлен уже на колеса.

— Залезай, Григорий Пантелеевич, первым. Мне рассказывали, что тебе приходилось сидеть на такой птичке в Китае, — сказал Смушкевич.

— Было дело, — подтвердил Кравченко и легко влез в самолет, но недолго пробыл в кабине. Выбравшись из нее, спрыгнул на землю и заходил вокруг самолета, осматривая его.

— Это другая машина. Это не И-96, а модернизированный истребитель. У того на шасси подкосы были, а у этого их нет. Бронеспинка появилась, как у наших. И в бою, я заметил, резвее они стали, скорость добавилась. Должно быть, мотор сильнее поставлен.

— Значит, это И-97, — сказал Смушкевич. — Данные у нас есть о том, что самолет улучшен. Отбуксируйте его к Забалуеву. Там его подлатаем и посмотрим, чего эта птичка стоит.

— Мы его облетаем, товарищ комкор, — пообещал Грицевец. — Все достоинства и слабости узнаем.

В планшете японского летчика обнаружили карту района боевых действий с массой пометок.

— Вот это подарочек, — радовался Смушкевич. — Цена ей не меньше самолета. Сергей Иванович, — обратился он к Грицевцу, — отдайте нашим штабистам. Пусть сделают перевод и размножат для летчиков.

Целый день свободные от полетов пилоты приходили посмотреть японский истребитель. Выставленный для его охраны часовой сам уже бойко давал пояснения, услышанные от командиров. О 22-м истребительном полку заговорили, как об умеющем воевать. Об этом успехе летчиков-истребителей комкор Смушкевич доложил телеграфно наркому обороны маршалу Ворошилову.

* * *

На несколько дней жизнь на фронте будто остановилась. Та и другая стороны готовились к решительной схватке. Делалось это скрытно, в основном ночью.

Над позициями наших войск стал появляться вражеский разведчик. Ранним утром он парил в высоте, еле видимый среди бледнеющих звезд. Потом исчезал. Иногда разведчик неожиданно

прилетал днем. Но едва наши истребители отрывались от земли — мгновенно уходил в высоту и пропадал. На следующее утро все повторялось. Это грозило серьезными неприятностями.

Комкор Смушкевич вызвал в штаб майора Кравченко и старшего лейтенанта Орлова. Они прибыли вечером.

— Вам известно, зачем я вас вызвал? — спросил комкор.

— Не знаем, но… догадываемся, — ответил Кравченко.

— Как вы думаете, долго мы еще будем терпеть этого разведчика?

— Разрешите доложить план, — попросил Кравченко. — Завтра ранним утром мы будем действовать вдвоем. После сообщения наблюдательных постов о приближении к фронту разведчика, вылечу я, втяну японца в бой. Орлов поднимется со своим звеном и отрежет ему путь назад. Мы его посадим или уничтожим.

— У меня есть уточнения, — сказал Орлов. — Лучше я приму бой, а майор подождет в резерве. Он насчет выручки мастер.

— Можно так, — согласился Кравченко.

— Желаю успеха! — попрощался Яков Смушкевич.

Смушкевич пользовался большим уважением летчиков. Он не боялся предоставлять подчиненным широкую инициативу в решении даже самых сложных вопросов. А доброта, отзывчивость, тактичное обращение со всеми без исключения удивительно просто сочетались в нем с высокой требовательностью. И летал он отлично.

Еще до рассвета Кравченко, Орлов и четыре летчика были у самолета. При луне техники опробовали моторы.

Служба наблюдения сообщила, что разведчик на большой высоте перелетел границу и продвигается в направлении аэродрома. Орлов набрал высоту и начал патрулирование. Заметил японца высоко над аэродромом и резко взял ручку на себя. Японец пустился удирать. Пули чертили в небе огненные трассы. Кравченко с четверкой истребителей ринулся наперехват.

Всходило солнце. Орлов и разведчик исчезли. Пять самолетов, набирая высоту и скорость, мчались на восток. У самого горизонта мелькали две сверкающих точки. Шел бой. И вдруг — совсем близко появилась армада вражеских самолетов. Шли бомбардировщики под плотной охраной истребителей. Задуманная операция рушилась.

Кравченко никогда не смущало численное превосходство противника. Он исповедовал суворовский принцип: «Бить не числом, а уменьем!» По его сигналу пятерка ринулась с высоты на врага. Заварился неравный бой. С аэродромов поднимались наши эскадрильи и спешили на помощь. Но противник, используя

превосходство в численности и высоте, пытался лишить наши самолеты маневра. И ему это удавалось. Уже горели на земле три советских и пять вражеских машин…

В ходе боя Кравченко вдруг увидел самолет, отделившийся от всех. Он кружил высоко над расположением полка. Командир понял, что это новый разведчик, высматривающий расположение аэродромов, и повел свой истребитель к нему. Японец бросился наутек. Стараясь избежать преследования, он свалился в глубокий штопор и перешел на бреющий полет, почти слившись со степью. Кравченко вначале потерял его из виду, но потом заметил беглеца. Прижимаясь к земле, тот мчался к своей границе. Майор погнался за самураем, приблизившись, открыл огонь. Самолет был сбит с первой атаки. Кравченко бросил взгляд на бензочасы. Бензина не было. Приземлился. Тишина. Кругом степь. Он долго смотрел с надеждой на небо — не появятся ли свои. Солнце уже начинало палить, а в небе было пусто. Он нарвал травы, прикрыл связанными пучками винт, замаскировал самолет. Попытался снять компас, но без ключа отвернуть болты не смог. Ни фляги с водой, ни бортового пайка. Кругом тихо и пусто.

Ориентируясь по солнцу, Кравченко пошел на запад. Первый день перенес без заметной потери сил. Ночью прилег. Было холодно, сон не шел. Утром с надеждой снова смотрел в небо. Но напрасно…

Весь второй день снова шел. Налетела вдруг туча, пошел дождь. Григорий Пантелеевич снял с себя реглан и расстелил. На коже собралось немного воды — попил. И снова пешком по степи. Солнце палит, жара и жажда. Настала вторая ночь. Прилег отдохнуть, но заснуть не смог: заедали москиты. Перед зарей продрог. Кутаясь в реглан, старался заснуть и просыпался от озноба.

Утром ноги отказались идти. Огромным усилием воли заставил себя подняться и шагать, с большим трудом переставляя ноги.

Мгновениями терял сознание. Уже солнце клонилось к закату, когда Григорий увидел мчавшийся вдали грузовик. Разглядел — машина советская. Выстрелил из пистолета. Грузовик остановился. Водитель открыл дверцу, выскочил из кабины с винтовкой.

— Стой! Кто такой?

Перед ним стоял обросший, с искусанным москитами лицом человек. Он еле держался на ногах. Губы обметало, язык распух, не мог говорить, а только шептал:

— Свой я, братишка, свой! Я летчик Кравченко. Дай попить!..

Шофер протянул фляжку с водой. На счастье, подошла и

легковая машина. Из нее вышел капитан. Кравченко посадили в кабину и через полтора часа привезли к штабу в Хамар-Дабе. Один из командиров увидел Григория, узнал:

— Да это же Кравченко! А мы тебя, дорогой, ищем все три дня. Давайте его немедленно в госпиталь.

— Нет, мне необходимо в штаб, — еле прошептал распухшим языком майор.

Вскоре Григория Пантелеевича привезли в Тамцак-Булак, в штаб ВВС армейской группы.

Искали Григория и на машинах, и на самолетах. Но степь монгольская широка и велика. Так и не нашли. Но телеграмму о гибели пока не послали в Москву. Надеялись, что найдут или сам выйдет. Такие случаи здесь уже бывали. Полковой комиссар Чернышев всех убеждал, что такие люди, как Григорий Кравченко, в лапы самураям не попадут и от других бед не погибнут.

Шатаясь, Григорий стоял у входа в юрту Смушкевича. Кто-то позвал его, но он не отозвался: упал без сознания. Прибежал врач, долго колдовал над ним, привел в чувство. Летчики принесли ужин, накормили и напоили. А из полка уже звонили в штаб. С волнением спрашивали о здоровье командира. И Смушкевич согласился с Кравченко — ни в какой госпиталь его не отправят. Летчики все равно выкрадут. Ночью Кравченко отвезли на аэродром. Друзья радостно встретили своего командира.

После этого командир еще строже требовал, чтобы перед вылетом летчикам напоминали, как вести себя в случае вынужденной посадки или при прыжке с парашютом, куда выруливать, если подобьют. Стали класть в кабины самолетов бортпаек. А главное в наставлении было — оберегать в бою товарищей, если кто-то не дотянул до аэродрома, засечь координаты, где он сел, быстро доложить командованию или оказать помощь.

* * *

Активность в воздушной войне с японской стороны не была случайной. В это время японское руководство сосредоточило мощные силы у границы, готовясь к новому вторжению в Монголию в крупных масштабах.

Вечером 2 июля, скрытно сгруппировав вблизи от границы 38-тысячную армию, подтянув на свои аэродромы 250 самолетов, японцы перешли в наступление.

Под прикрытием темноты они навели понтонный мост через

реку Халхин-Гол, переправили на западный берег более ста танков и устремились к горе Баин-Цаган. Наступательная операция, по расчетам японцев, должна была закончиться полным разгромом советских и монгольских частей. Они настолько были уверены в этом, что пригласили в район боевых действий ряд иностранных корреспондентов и военных атташе для наблюдения за предстоящими действиями своих войск.

Перед рассветом 3 июля старший советник монгольской армии И. М. Афонин выехал к горе Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и совершенно неожиданно обнаружил там японские войска.

Оценив опасность ситуации, Афонин немедленно прибыл к командующему советскими войсками в Монголии Г. К. Жукову и доложил обстановку. Было решено сорвать наступление врага до подхода наших наземных войск мощными бомбовыми ударами, штурмовкой и губительным огнем истребителей. Другого выхода не было. Посыльные и вестовые срочно мчались в подразделения летчиков, звонили телефоны.

— Товарищ Головин! — обратился Кравченко к начштаба. — Отдайте приказ командирам и комиссарам эскадрилий прибыть через час на КП. К этому времени я составлю план действий.

Ровно в пять все собрались в юрте Кравченко. Командир огласил приказ, указав направление и цели штурмовки, порядок действия эскадрилий. Приказ заканчивался словами:

«Вылет в шесть ноль-ноль. Ведущим буду я».

Совещание длилось 13 минут.

Ровно в шесть Григорий Пантелеевич взмыл в воздух. Со всех площадок поднялись истребители, и полк строем, набирая высоту, направился к дальним сопкам. Летели десятками за головным звеном командира. Чтобы скрытно приблизиться к противнику и использовать внезапность, Кравченко решил пересечь границу над облаками.

Замысел был таков: четыре эскадрильи произведут штурмовку самолетов на земле, а одна остается дежурить наверху на тот случай, если противник вызовет помощь с других аэродромов.

Появление 22-го полка было для японцев неожиданным. Только после первой атаки они поняли, в чем дело. На аэродроме поднялась паника: одни бежали со стоянки сломя голову, другие падали на месте. Один И-97 попытался взлететь, но его тут же сбил Трубаченко. Пушечные самолеты И-16 из звена Красноюрченко ударили по зениткам и заставили их замолчать.

Из клубов черного дыма, закрывшего аэродром, то и дело

вскидывались ослепительно желтые языки. Это взрывались бензобаки японских истребителей.

Строем самолеты возвращались на аэродром. Калачев был до этого ранен и в бою не участвовал. Он ходил от самолета к самолету, проверяя, все ли вернулись. Вот и машина Кравченко. Пилот, не снимая шлема, перегибается через борт и хохочет:

— Эх, комиссар, и дали же мы им сегодня шороху. Захватили в подштанниках, с трех заходов сожгли в пух и прах!

Калачев тоже смеется:

— Так и должно быть, командир!

Между Владимиром Николаевичем и Григорием Пантелеевичем была настоящая дружба. Кравченко искренне радовался боевым удачам своих бойцов. Много раз выручал в бою то одного, то другого. И те были готовы пойти за командиром в огонь и в воду. Командир всегда с жаром и честно разбирал каждый бой, больно переживал потери. Комиссар был под стать командиру. Они были единодушны в методах воспитания. Учили, что сила бойцов в спаянности, в боевой дружбе, во взаимной выручке, в крепкой дисциплине. И в этом сами командир и комиссар подавали пример.

Начальник оперативного отдела полка майор Эраст Цибадзе доклад в штаб ВВС о результатах налета на японский аэродром закончил словами:

> «Все самолеты в полном порядке, готовы к новому вылету».

Пока шла заправка горючим и боезапасом, возбужденные летчики уточняли подробности разгрома японского аэродрома. Командир 2-й эскадрильи Виктор Чистяков упрашивал Кравченко разрешить ему слетать к аэродрому японцев, взглянуть, что там происходит. Кравченко разрешил с условием: если откуда-либо появятся истребители, боя не принимать, а немедленно возвращаться.

— Есть! — ответил Чистяков и быстро скрылся.

Время идет, а Чистякова нет. Звонят с командного пункта, требуют три эскадрильи к фронту. Кравченко командует, эскадрильи немедленно вылетели. Их повел командир первой эскадрильи Константин Кузьменко. Через 10 минут второй звонок:

— Бой начался, силы равные, но к противнику подходит подмога, высылай остальных.

— По самолетам!

Кравченко повел эскадрилью сам. Над фронтом, на сравнительно небольшом пространстве, уже сражались 180

самолетов. Издалека виднелись факелы падающих машин. Подлетев ближе, Кравченко заметил группу Кузьменко, наседавшую на противника. Самолеты японцев выходили из боя один за другим, тянулись к своим аэродромам.

«В нашей помощи Кузьменко не нуждается, — решил Кравченко. — Вот встретить японцев у аэродромов, когда бензин и боезапас у них на исходе — идея хорошая!» И он повернул машину к ближайшей вражеской базе. Налет был, как и утром, удачным: пять самолетов сожгли на земле, два сбили в воздухе.

Звонок. Кравченко берет трубку и слышит голос командующего:

— Славный денек, командир! Поздравляю с успехом!

Кравченко улыбается: приятна похвала комкора. Григорий передал летчикам поздравление Смушкевича. Настроение у всех поднялось: такое не часто случается. В столовую шли шумной гурьбой, подшучивая друг над другом.

Чистякову понесли обед в юрту: при возвращении из разведки он принял бой с восьмеркой самураев и получил ранение в ногу. Не подоспей на выручку Виктор Рахов со своим звеном, не хлебать бы Чистякову щей.

Только принялись за обед — тревога. Бегом к машинам и в небо. А от линии фронта плотной стаей — японцы. Около сотни машин врага с яростью бросились в атаку.

Первые дымы горящих самолетов прочертили небо. На глазах у командира полка японский ас, ловко сманеврировав, зашел нашему истребителю в хвост и поджег его.

Другой самурай коршуном бросился на истребитель Кравченко, но тот увернулся и сам погнался за ним. Поединок длился почти двадцать минут. Наконец, языки огня скользнули по мотору вражеской машины. Летчик выбросился с парашютом.

В этом бою отличился Виктор Рахов. Он получил задание атаковать ведущего японской армады, отколоть его от своих и уничтожить или попытаться посадить на наш аэродром.

Рахов выполнил задание. Около получаса шла смертельная схватка двух мастеров воздушного боя. Японец был сбит и выбросился с парашютом. Его взяли в плен и доставили в штаб ВВС в Тамцак-Булаке. Это был майор, увешанный наградами за победы.

Через несколько дней, выбрав свободное время, Кравченко и Рахов решили поговорить с пленным японцем. В юрту вошли с переводчиком. Майор, увидев Рахова, не поверил, что его сбил «старший лейтенант Виктор Рахов, двадцати пяти лет», как ему сообщил переводчик, и возмутился: с ним зло шутят. С лучшим

асом Японии. Его сбил мальчишка?

Виктор Рахов показал себя на Халхин-Голе отличным воздушным бойцом. Первую победу одержал 12 июня. Тогда Кравченко, как наставник и старший товарищ, похвалил его:

— Чисто сработал, Витя, словно орех разгрыз.

В небе Монголии Рахов лично сбил восемь японских истребителей.

После боя Кравченко прилетел в эскадрилью лейтенанта Трубаченко, приказал перебазироваться ближе к фронту. Истребители этой эскадрильи были оснащены пушками, поэтому ее часто использовали для штурмовки. Техники начали подготовку к перебазированию.

В этот день летчики сделали уже семь боевых вылетов. Два раза штурмовали аэродром и пять раз на Баин-Цагане, громили наземные войска. Нервы были напряжены: столько раз в день идти под пули.

Майор Кравченко, увидев изрешеченный японцами истребитель, приказал собрать возле машины всех летчиков.

Его усталые глаза строго поблескивали.

Лейтенант Трубаченко доложил о сборе. Кравченко улыбнулся:

— Что приуныли? Уж не сбили ли у вас кого?

— Нет, — отозвалось несколько голосов.

— Тогда выше голову! Я прилетел к вам с хорошей вестью. Прошу всех сесть поближе. — И продолжал: — Наступление японцев по всему фронту остановлено. Ваша эскадрилья смелыми штурмовками оказала большую помощь наземным войскам, и они вас от всего сердца благодарят.

Благодарить действительно было за что.

На рассвете к переправе на Халхин-Голе и к горе Баин-Цаган потянулись эскадрильи наших истребителей и скоростных бомбардировщиков. Японская авиация поднялась в небо, чтобы сорвать удар и прикрыть наступающие войска. Разгорелись ожесточенные воздушные бои.

Сравнительно небольшая гора Баин-Цаган с пологими скатами стала походить на огнедышащий вулкан. Советские бомбардировщики «СБ» сбросили шесть тысяч авиабомб на японские войска. Горели десятки танков, броневиков, бомбы вздымали фонтаны земли, тут же взрывались падающие самолеты. С высоты казалось, в этом аду не осталось ни одной живой души.

Экипажи по нескольку раз в день были в этом огненном котле.

Кравченко кивнул на самолет, возле которого собрались

летчики, и голос его стал жестким:

— Взгляните на пробоины! О чем они говорят? По машине прошли две очереди и обе сзади. Значит, летчик зазевался и японца не заметил. А те, кто его был обязан прикрыть, тоже спали. Просто счастливый случай, что самолет стоит сейчас здесь, а его хозяин меня слушает. И Поликарпову помолитесь, что он сделал такой самолет. Плоскости фюзеляжа, как решето, а он летает, на нем еще врага бить можно. Преимущество наших самолетов в скорости, и по живучести они превосходят японские. Если бы столько пуль шлепнули в И-97, от него бы обломков не найти.

— Это уж точно, — заговорили летчики.

Кравченко продолжал и его внимательно слушали, так как он говорил о наболевшем и важном.

— На ваших самолетах установлены пушки. При том мощном вооружении, которое имеют И-16, — говорил Кравченко, — эскадрилье придется, главным образом, летать на штурмовку, действовать на малых высотах, и тут многое надо учитывать. И-97 при лучшей маневренности уступает вашему истребителю в скорости на 10—20 километров. Но это преимущество все же не позволяет быстро оторваться от зашедшего в хвост противника, двигаясь по прямой — мало времени. Японец успевает выпустить свой боекомплект. Ошибка некоторых летчиков как раз в том, что они за счет скорости пытаются оторваться по прямой. А нужен маневр. Главное для успеха в бою — атака на большой скорости и с высоты. Вот и надо так извернуться, чтобы занять такую позицию. Забраться повыше, стремление атаковать — первое условие победы. Летчик должен уметь все видеть. Крути энергично головой, она не отвалится. Увидеть противника первым — это уже большое преимущество. Имеешь скорость, имеешь свободу маневра, тогда остается поймать в перекрестье самолет и замереть, слиться с пулеметом. Маневр и огонь — победа.

Ответил Кравченко и на целый ряд других вопросов: о тактике боя, о воздушной стрельбе, об управлении боем, о боевых порядках.

Затем он перешел к способам борьбы с зенитной артиллерией:

— Вам приходится часто ходить на штурмовку, подставлять себя под все виды огня. Из винтовки могут сбить, если идешь метров на триста, пулемет берет на километр и чуть повыше, еще выше зенитчики бьют. Идешь над целью — то и дело меняй курс: пойдешь по прямой — зенитчики свалят первым же залпом. Маневрируй, если ты даже и врага не видишь.

Говорил Кравченко неторопливо, уверенно, как о деле, хорошо ему известном и целиком его поглотившем.

— Истребитель И-16 лучше японских, и не бойтесь перегрузок, маневрируйте. Главное — нападение, стремитесь к сочетанию осмотрительности, маневра и огня. На то мы и истребители, чтобы истреблять противника!

Ночью 4 июля командующий ВВС фронта комкор Смушкевич отправил телеграмму наркому обороны К. Е. Ворошилову:

> «Истребительный полк, командир которого Герой Советского Союза Кравченко, провел сегодня два налета на передовые аэродромы противника и два воздушных боя: один над фронтом, второй при налете у себя над аэродромом. Уничтожено тридцать два неприятельских истребителя. Потерян один наш летчик, о чем считаю нужным вам доложить».

* * *

Контрудар советско-монгольских войск увенчался успехом. На третьи сутки, в ночь на 5 июля, противник отступил, оставив на поле боя тысячи убитых солдат и офицеров. При отступлении за реку много японцев утонуло. Баин-цаганское побоище завершилось победой советско-монгольских войск. Однако японцы сумели удержать всю ранее занятую территорию восточнее Халхин-Гола.

В юрту, освещенную фонарем, начальник штаба полка майор Головин принес на подпись, командиру боевое донесение о действиях 22-го полка за минувший день:

> «8 июля 1939 года в воздушном бою в 10—15 километрах юго-западнее Ху-Ху и Ундор-Обо участвовало наших 51 самолет, со стороны противника 30. В результате боя сбит 21 самолет противника. Наши потери — три самолета и три летчика».

— Много потеряли, много! — огорчался Кравченко. Он всегда больно переживал гибель товарищей.

12 июля японские истребители летели над фронтом, построившись в три яруса на высоте 800—1000 метров.

Кравченко, ведя свой полк на сближение, приказал одной эскадрилье имитировать намерение вести бой с нижним ярусом, другой — отойти в сторону и подняться на уровень второго яруса, третьей — подняться до верхнего.

Когда второй ярус японцев бросился в атаку на нижнюю эскадрилью, она сделала разворот и, не вступая в бой, круто пошла вверх. Вторая же эскадрилья полка ринулась на снизившихся японцев, а третья — завязала бои на высоте. Благодаря этой тактике, за 45 минут боя японцы потеряли 11 истребителей, наши — ни одного.

В середине июля авиагруппа пополнилась новыми истребителями И-153 — «чайками». Эту машину Кравченко испытывал в НИИ ВВС, и опыт теперь пригодился.

По указанию Смушкевича для испытания в бою И-153 была сформирована отдельная эскадрилья особого назначения. Командиром ее стал майор Сергей Грицевец, заместителем Борис Смирнов. Грицевец и его товарищи облетали самолеты и остались довольны новыми машинами.

23 июля летчики произвели 111 боевых вылетов, сбили 11 самолетов противника. 29 июля майор Кравченко вывел группу на вражеский аэродром и произвел штурмовку — на аэродроме было уничтожено 13 самолетов. При возвращении домой летчики заметили еще один аэродром, хорошо замаскированный. Через полчаса произвели налет и на него — сожгли 6 самолетов.

20 июля командир 2-й эскадрильи Витт Скобарихин с новичком Василием Вуссом вылетели на прикрытие наземных войск. Японцы насели на новичка. Спасая товарища, Скобарихин таранил вражеский самолет и сел в степи вблизи аэродрома. Это был первый таран в небе Монголии.

4 августа над горой Хамар-Даба лейтенант Мошин сбил один истребитель врага, погнался за вторым и, когда понял, что патронов нет, нагнал противника, винтом ударил по стабилизаторам самолета. Японский истребитель врезался в землю. Мошин благополучно сел на свой аэродром.

На одном из очередных совещаний Я. В. Смушкевич говорил:

— Японцы в своих сводках считают полк майора Кравченко опаснейшим и утверждают, что он весь сформирован из асов, получивших боевой опыт в Испании и Китае.

— Они правы только в одном, товарищ комкор, действительно, двадцать второй стал полком асов, — не без гордости ответил Кравченко. — Только в одном ошибаются — почти все летчики получили боевое крещение здесь, на Халхин-Голе.

И действительно, молодые летчики при хорошо организованной учебе, постоянных разборах проведенных боев и в частых сражениях мужали быстро. На фронте летчики взрослеют и мудреют не с возрастом, а с количеством проведенных боев. Вот почему за короткое время они стали

опытными асами.

Указом Народного хурала Монгольской Народной Республики от 10 августа 1939 года группа советских летчиков была награждена орденами Боевого Красного Знамени МНР. Всех пригласили в большую юрту. Сюда пришли маршал Чойбалсан, комкор Смушкевич. Беседа Чойбалсана была душевной и благодарной; он говорил, что японские империалисты три месяца ломятся, как разбойники, в мирный монгольский дом. Уже обломали себе зубы, но так и не смогли добиться своей цели. Не смогли потому, что братья великой Страны Советов пришли нам на помощь.

Получая боевой орден, Кравченко волновался. Он сказал тогда:

— Дорогой товарищ Чойбалсан, у русских есть неписаный закон: если горит дом соседа, его тушат всем миром. Монголы — наши соседи и братья, разве мы могли допустить, чтобы они сгорели в пожаре, подожженном японцами? Мы интернационалисты! Мы доброжелательно относимся ко всем народам земли, всегда готовы добиваться справедливости, если необходимо, то и ценой своей крови и жизни. Вот почему мои товарищи так самоотверженно дерутся в небе Монголии.

* * *

Комкор Я. В. Смушкевич и полковой комиссар И. Т. Чернышев решили 18 августа торжественно отметить День Военно-Воздушных Сил. Наша авиагруппа под командованием Сергея Грицевца безупречно строгим, парадным строем прошла над линией фронта. Звено майора Александра Николаева каскадом фигур высшего пилотажа показало класс летного искусства. Бойцы выскакивали из окопов, подкидывали вверх пилотки, кричали «Ура!» Летчики показали настоящий «воздушный балет» — такую оценку дало параду командование. Весь фронт рукоплескал славным соколам. Все это происходило на глазах японцев, но они не могли помешать параду.

Особенно восторженно смотрел на небо Кравченко.

— Ну как, комиссар, — хлопал он по плечу Калачева. — Что я тебе говорил. Будет и на нашей улице праздник. Смотри, вот он и наступил.

Советско-монгольское командование готовилось к генеральному наступлению по разгрому вражеских войск, вторгшихся в Монголию. По данным разведки, и японское командование планировало наступление. Подготовка с обеих

сторон шла скрытно, истинные намерения маскировали ложными действиями войск. Стало известно, что японцы спланировали наступление на 24 августа.

Наше командование решило упредить противника.

20 августа, в 5 часов 40 минут, наша артиллерия открыла мощный огонь. Отдельные орудия обстреливали дымовыми снарядами цели, по которым планировалось нанести бомбовые удары. В воздух поднялось 150 бомбардировщиков и около 100 истребителей. Такого еще не знала история войны. Удар был сокрушительным.

В 8 часов 30 минут комкор Смушкевич дал приказ повторить воздушный удар. После этого японская артиллерия в течение полутора часов не могла сделать ни одного выстрела по нашим войскам, стремительно ринувшимся на позиции врага.

В этот день летчики 22-го полка, сопровождая бомбардировщики, сбили 18 японских самолетов, потеряв только один.

25 августа в районе озера Узур-Нур 65 истребителей 22-го полка вступили в бой с 80 вражескими самолетами. Схватка длилась 35 минут, уничтожено 26 вражеских машин, остальные в беспорядке покинули сражение. Одним из героев дня был майор Кравченко.

В газете «Сталинский сокол» за 29 августа напечатано:

> «26 августа японцы не посмели поднять в воздух ни одного из своих побитых стервятников. А вечером подразделение тов. Кравченко демонстрировало над фронтом мощь советской авиации. Парадным строем, с исключительным мастерством прошли боевые эскадрильи кравченковцев над вражеской территорией и над нашими победоносными войсками.
>
> Во время всего пути туда и обратно летчики Герасимов и Кузьменко украшали парад победителей фигурами высшего пилотажа. Герасимов с правого фланга, Кузьменко с левого. Мастера воздушных боев показали друзьям и врагам, почему побеждают советские летчики.
>
> …В течение 28 августа наша авиация успешно штурмовала войска противника и его потрепанную авиацию на аэродромах. В результате штурма летчиками уничтожены много автотранспорта и живой силы противника. При налете на японский аэродром истребителями сожжено 8 самолетов И-97 и 3 самолета «Дуглас», расстреляно 7 самолетов Р-27 и сожжен

бензосклад».

Прочитав газету, Кравченко дружески похлопал комиссара Калачева по плечу:

— Ну, что я тебе говорил, Владимир Николаевич! Кто теперь парит и кувыркается в воздухе, как захочет, а кто клюет носом землю? То-то же. А ты тогда пожимал плечами. Сомневался? Признайся! Сомневался ведь?

— Нет, не сомневался. Знал, что мы им нос утрем. Но не думал, что так капитально.

Утром 29 августа радио принесло в Монголию радостную весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий и выдающийся личный героизм майор Сергей Иванович Грицевец и майор Григорий Пантелеевич Кравченко вторично были удостоены звания Героя Советского Союза.

В этот же день был опубликован и Указ о присвоении звания Героя Советского Союза еще 31 человеку. Десять из них — из полка Кравченко.

Но в тот же день от тяжелого ранения в живот скончался друг и достойный ученик Григория Пантелеевича — старший лейтенант Рахов.

Трудно передать, что пережил Кравченко тогда.

Комиссар Калачев собрал на митинг весь личный состав. Выступил теперь уже дважды Герой майор Григорий Пантелеевич Кравченко:

— Храбрецы заслужили награду. Но славой своей полк обязан не отдельным выдающимся летчикам. Одиночки никогда не решают судьбу войны. Слава завоевана всеми без исключения летчиками, техниками, оружейниками. И всему полку я лично обязан тем, кем стал, получая самую высокую награду партии и правительства.

31 августа вся монгольская земля был очищена от захватчиков.

Но и в сентябрьском небе воздушные бои продолжались. Особенно ожесточенной была схватка 15 сентября.

В этот день японцы произвели налет 120 самолетами. Они надеялись, что победы притупили бдительность наших воздушных бойцов, рассчитывали захватить врасплох и уничтожить советскую авиацию на аэродромах, взять реванш за огромные потери, которые понесли за три месяца боев. Около 200 истребителей поднялись тогда в воздух. Самураи потеряли 20 самолетов. Это был авантюристический акт японской военщины, так как с 12 сентября уже шли переговоры о перемирии, а

вечером 15 сентября мир был заключен.

В сентябре группа Героев Советского Союза вылетела из района Халхин-Гола в Москву. Кравченко сердечно, но не легко простился с личным составом полка: жаль расставаться с верными, проверенными в боях друзьями. А их было много у командира, потому что сам он всегда был полон желания поддержать товарища, ободрить теплой шуткой, научить добру. Пришло это к нему еще в комсомольские годы, в Звериноголовском, и стало одной из ярких сторон характера на всю жизнь.

В Москве Героев тепло встречали представители штаба ВВС и близкие, родные. В честь победителей был дан торжественный обед в Центральном Доме Красной Армии. У входа в зал Героев встречал сам маршал К. Е. Ворошилов. Он отечески обнял Сергея Грицевца, расцеловал Григория Кравченко и посадил их рядом с собой за стол.

С волнением нарком обороны поднял бокал за победу на Халхин-Голе, за первых дважды Героев — майоров Грицевца и Кравченко. Бурными, счастливыми аплодисментами был встречен этот тост.

Затем Климент Ефремович Ворошилов, поздравляя Героев и их родных, подошел к столику, где сидели Пантелей Никитич, Мария Михайловна и Иван-младший. Иван встал, вытянулся, как солдат. Ворошилов крепко пожал руки родителям Григория, поздравил их с высоким награждением сына. Потом посмотрел на Ивана, ученика 9-го класса.

— Вижу, что это младший брат Григория Пантелеевича. А ты кем мечтаешь стать?

— Буду летчиком, товарищ маршал! — выпалил Ваня.

Забегая вперед, скажем, что слово свое Ваня сдержал. Окончив Качинскую авиационную школу пилотов в 1941 году, он героически защищал от врагов небо Родины.

Наутро Григория Кравченко ожидал еще один приятный сюрприз. Позвонили из редакции «Известий» и зачитали телеграмму:

> «Горячо приветствуем тебя, Гриша, получением высокой награды, гордимся твоим героизмом. Крепко жмем руку, крылатый богатырь! Твои друзья по учебе в Зверинке Шмаков, Тюфтин».

Указом от 17 ноября 22-й истребительный полк за героические бои на Халхин-Голе был награжден орденом Красного Знамени.

Вторым Указом (тоже от 17 ноября) летчики полка

лейтенанты Николай Васильевич Гринев, Иван Иванович Красноюрченко, Александр Петрович Пьянков были удостоены звания Героя Советского Союза. 285 их однополчан были награждены орденами и медалями. Это были летчики, техники, оружейники.

Комкору Я. В. Смушкевичу вторично было присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал третьим дважды Героем нашей Родины.

В мире снова неспокойно

Группу Героев Советского Союза отозвали в Москву с места боев на Халхин-Голе до заключения мирного договора с Японией вовсе не случайно. Григорий Пантелеевич это почувствовал сразу, как только их пригласили в Кремль на встречу со Сталиным.

Иосиф Виссарионович выглядел уставшим, хотя старался держаться бодро и был в хорошем настроении. Его выступление о международных делах было на острие времени, касалось сентябрьских дней и жгучих проблем. Он говорил, что фашисты организовали вторжение в Польшу, правительство которой не способно противостоять агрессору. «Союзники» Польши — Англия и Франция, хотя и объявили войну Германии, но практически ничего не предпринимают. На требование в английском парламенте бомбардировать с воздуха кузницу третьего рейха — Рур министр авиации Англии Кингсли Вуд категорически возразил: как же можно, «это же частная собственность!»

Правительства Англии и Франции рассчитывали, что фашистская Германия после захвата Польши ринется дальше на восток.

Английский историк Б. Питт так писал о политике Англии и Франции осенью 1939 года:

> «По существу, похоже, что Франция и Англия… помогают Германии в расчистке восточных рубежей, чтобы создать возможность для приобретения «жизненного пространства» на востоке, которое фюрер требовал с начала своей политической карьеры…»

Быстрое продвижение немецко-фашистских войск по польской территории на Восток, угроза захвата ими Западной Украины и Западной Белоруссии выдвинули перед Советским Союзом задачу защиты братских западных украинцев и белорусов.

* * *

Многие летчики были командированы в Белорусский и Киевский особые военные округа советниками в авиационные части. Кравченко выехал в Киев.

Первого сентября Советское правительство через посла в Москве вручило ноту правительству Польши. В ней указывалось, что в силу сложившейся обстановки советским войскам отдан

приказ перейти границу и взять под защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины.

Части Красной Армии быстрым маршем шли на запад. Население восторженно встречало русских братьев. Еще до прихода советских воинов-освободителей трудящиеся многих городов и сел начинали создавать свои вооруженные отряды — рабочую гвардию и новые органы власти — революционные комитеты. При всенародной поддержке Красная Армия к 26 сентября успешно завершила свою освободительную миссию. На пути продвижения фашистских войск на восток был создан крепкий барьер. Попытки гитлеровцев захватить отдельные районы Западной Украины получили решительный отпор со стороны частей Красной Армии.

Советская авиация боевых операций в этом походе не вела, но обеспечила отличную воздушную разведку. Майор Кравченко был советником авиадивизии, действовавшей на Львовском направлении.

В конце сентября Григорий Пантелеевич был отозван из Киевского Особого военного округа в Москву. Его назначили начальником отдела боевой подготовки истребительной авиации в Главном штабе ВВС РККА. Это была ответственная должность, но Кравченко знал, чему и как надо учить летчиков-истребителей, чтобы побеждать врага в небе.

В это время, совсем неожиданно для Григория Пантелеевича, его пригласили на Днепровщину. На родине, в Голубовке, закладывался постамент для бронзового бюста Героя. Новость взбудоражила всю семью. Собрались ехать все. Сразу за Москвой Пантелей Никитич и Мария Михайловна приникли к окну вагона — не оторвешь. Сколько было в них тревожного и радостного беспокойства и ожидания: «Где ж она, ридна зимля?!» Григорий, глядя на них, вспомнил Китай и Монголию, друзей-добровольцев, как они в чужом далеком краю тосковали по Родине. Разговоры о родном крае, селе или городе, деревеньке, домике и хатке были всегда самыми волнительными, тревожащими и успокаивающими душу.

Встретить дважды Героя собралось много людей. Лишь поезд остановился, оркестр грянул «Марш пилотов». Григорий Пантелеевич, стоя на ступеньке вагона, приложил ладонь к козырьку своей летной фуражки, отдавая честь собравшимся. Потом его руки взлетели вверх, ладони сомкнулись в крепком пожатии и приветствии.

— Дважды Герою Кравченко слава! Дважды Герою наше ура! — скандировали встречающие.

На глазах Пантелея Никитича и Марии Михайловны

навернулись слезы радости. Разве могли они думать, что когда-нибудь их сына и их самих будут так встречать и приветствовать земляки.

С дорогим гостем желали встретиться все: односельчане и рабочие промышленных предприятий, учащиеся. Было много бесед и речей. Но больше всего удивлялись колхозники Голубовки, когда боевой летчик, дважды Герой Советского Союза стал рассказывать им, как в далеком Зауралье выращивают помидоры, арбузы и пшеницу. Потом он попросил и сам запряг лошадей в повозку, чтобы поехать в поле.

— Бачтэ, люды, он усё знае и може, и на зимли, и у нэби. О цэ герой! — восхищались они.

После возвращения с Украины Григорий Пантелеевич получил квартиру в Москве. Под ее кровом собралась большая семья. Вместе с родителями здесь жила Ольга, студентка авиационного института, девятиклассник Иван-младший. Из города Энгельса переехал Федор-младший, назначенный заместителем ректора института руководящих работников Наркомторга СССР. К Григорию часто приходили друзья. Семья Кравченко отличалась дружной и интересной жизнью, своим хлебосольством.

4 ноября 1939 года в Кремле состоялось знаменательное событие: впервые вручались медали «Золотая Звезда» всем Героям Советского Союза, удостоенным этого звания с момента его учреждения в 1934 году. Сюда собрались лучшие из лучших сынов и дочерей нашей Родины. Это были те, кто осваивали Северный полюс, дрейфовали на льдинах, совершали полеты через Северный полюс в Америку, устанавливали рекорды дальности, скорости, высоты полетов, били фашистов в Испании и самураев на Дальнем Востоке.

Перед началом заседания приглашенные собирались группами, всюду слышались слова приветствий, добрые шутки, смех. Летчики-добровольцы сгруппировались вокруг комкора Смушкевича. Здесь же были прославленные летчики Водопьянов и Коккинаки, легендарные полярники Иван Дмитриевич Папанин и Отто Юльевич Шмидт.

Григорию Пантелеевичу Кравченко Золотые Звезды Героя вручались первому. Сергею Ивановичу Грицевцу дожить до этого дня было не суждено.

Четким армейским шагом Кравченко подошел к президиуму. Михаил Иванович Калинин прикрепил к гимнастерке майора две Золотые Звезды, развернул Героя лицом к залу, посмотрел как бы со стороны сам, по-отцовски обнял и расцеловал.

Когда он спускался в зал, к президиуму, четко чеканя шаг,

шел младший командир П. К. Пономарев.

На следующий день «Комсомольская правда» опубликовала беседу своего корреспондента с дважды Героем Советского Союза. В ней Григорий Пантелеевич рассказал, какими успехами встречают XXII годовщину Великого Октября военные летчики.

В эти дни он был загружен до предела. Ему как выдающемуся летчику страны была оказана честь вести одну из пятерок истребителей над Красной площадью во время парада. Эта традиция зародилась в 1935 году. Первую пятерку скоростных машин вел над первомайской Красной площадью Валерий Чкалов. Потом — Василий Степанчонок, Анатолий Серов, Степан Супрун.

На этот раз готовились показать боевое воздушное мастерство две пятерки истребителей. Первую возглавлял Григорий Кравченко, вторую — полковник Иван Лакеев. На праздник синоптики не обещали хорошей погоды и, к сожалению, не ошиблись. Над столицей нависли тяжелые серые тучи, моросил дождь вперемешку со снегом.

Военный парад шел своим чередом. Ровняя нить штыков, чеканила шаг пехота, прогарцевала конница, показали свою мощь танки и артиллерия. Все ждали, посматривая на беспросветное небо, покажутся ли в такую непогодь летчики? И они не обманулись. Рев моторов заглушил все. Разрывая тучи, над самой крышей Исторического музея метеорами пронеслась десятка огненно-красных истребителей. Они взмыли над Красной площадью и стремительно исполнили серию фигур высшего пилотажа. Четкость была такой, будто всей десяткой управлял с пульта один человек.

А в небо, заглушая моторы, неслось многотысячное «ура!».

Вечером на торжественном приеме участников парада Сталин пригласил к себе Григория Пантелеевича, поздравил с наградами и, посмотрев на широкую грудь Героя, пошутил:

— А место и для следующей звезды еще есть!

Григорий Пантелеевич смутился.

— Товарищ Кравченко, гордитесь вашими звездами, они за мужество и подвиги вам даны. — И он заговорил о делах, интересовался боевыми качествами наших и зарубежных самолетов, организацией летной службы и подготовкой летчиков, деталями боев в Китае и на Халхин-Голе.

У Григория Пантелеевича «оттаивало» сердце. Он разговорился, и уже вскоре его ладони «плавали» в воздухе, имитируя воздушные схватки.

* * *

В ноябрьские же дни Григория Пантелеевича выдвинули кандидатом в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся по Ленинскому избирательному округу столицы. Как-то вечером прямо домой к нему нагрянула делегация доверенных лиц от разных коллективов. Мария Михайловна поставила самовар, накрыла стол. Гости уже вовсю задавали вопросы. Тут были сотрудник газеты завода «Красный факел» Ямщиков, начальник планового отдела фабрики «Красные текстильщики» Савицкий, группа молодежи. Мария Михайловна все поглядывала на приглянувшуюся ей стахановку с фабрики. «Красный Октябрь» Лену Каренину. Когда гости распрощались и ушли, она внимательно и долго смотрела сыну в глаза и, задумавшись, спросила:

— Когда же ты у нас женишься, Гриша? Смотри, какие красивые девушки вокруг.

Он засмеялся. Обнял мать за плечи.

— Вот съездим, мама, на юг, отдохнем, потом и о невестах думать будем. Сегодня комкор Смушкевич выпроваживал меня в отпуск, предложил поехать в Сочи. Завтра пойду получу путевки, давай агитируй отца, все вместе и поедем. Ты ведь у моря не была?

— Нет, Гриша, не была.

— Значит, договорились. Все вместе и поедем.

В последней декаде ноября Григорий Пантелеевич вместе с отцом и матерью выехали на отдых в Сочи. Обслуживающий персонал санатория больше всего удивило, что прославленный в боях летчик приехал отдыхать с родителями.

— Разве так отдыхают Герои?! — пожимали они плечами, судачили между собой.

А Кравченко удивлял их все больше. Сделав зарядку, он шел с отцом и матерью к морю, в парк, то катал их на катере, то нес с базара корзинку винограда и фруктов. Заботился, как о детях.

— Не пойму, Григорий Пантелеевич, кто из вас приехал отдыхать, вы или ваши родители? — сыронизировала как-то молодая врачиха.

— А вы разве песен не знаете? — улыбнулся Кравченко.

— А при чем здесь песни? — подняла та брови.

— Как при чем? — И он запел:

Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет… —

А если прозой и серьезно, то сыновья вырастают, какими их воспитали родители. Мои старички честно поработали в жизни.

Мой долг — воздать им за это по заслугам.

На третий день в санаторий нагрянула группа летчиков. Среди них Кравченко заметил своих друзей по Халхин-Голу Владимира Николаевича Калачева, Леонида Александровича Орлова. Они расцеловались.

Теперь настало хлопотное время для Марии Михайловны. Друзья заходили к ним по одиночке и группами. А она любила принимать гостей.

Отдохнуть летчикам было не суждено. 30 ноября 1939 года финская военщина объявила состояние войны с Советским Союзом.

Григорий Пантелеевич от себя и отдыхающих летчиков немедленно направил телеграмму маршалу Ворошилову с просьбой разрешить им выехать на фронт для участия в боях.

Через два дня был получен ответ:

«Согласен. Выезжайте в Москву. Ворошилов».

Вечером друзья собрались вместе, Григорий взял гитару… «В далекий путь товарищ улетает…» — пели летчики. Мария Михайловна плакала: за один год провожала она сына в третий военный поход.

* * *

Григорий Пантелеевич был назначен командиром особой авиагруппы. Она была смешанной по составу: в нее входили два полка истребителей, два — бомбардировочных. Штаб ее находился в Эстонии, в городе Хаапсалу. Советский Союз для усиления безопасности имел тогда договор с буржуазными прибалтийскими республиками о военных базах на их территориях.

Перед авиагруппой стояли сложные задачи. Надо было в условиях зимы наладить аэродромное хозяйство, боевую деятельность полков в условиях полярной ночи. Такого опыта у Кравченко не было. Это понимали и в штабе ВВС. В помощь молодому командиру назначили опытного полковника инженерно-технической службы Дмитрия Константиновича Бугрова и заместителем по строевой части полковника Александра Михайловича Кравцова, авиатора с дореволюционным стажем, участника гражданской войны, добровольца, дравшегося с японскими империалистами в небе Китая.

Вместе с назначением на новую должность Григорию

Пантелеевичу было вторично во внеочередном порядке присвоено внеочередное звание — полковника. Командование авиагруппой вылетело на свою главную базу. Началась совсем новая для Григория Пантелеевича служба, в корне отличавшаяся от халхин-гольской практики. Бездорожье, нехватка транспорта и горючего, слабые средства связи, сорокаградусные морозы, неподготовленность летного состава к боевым действиям в таких условиях, — и все это на чужой территории, где помощи ждать было неоткуда.

Теперь от него требовалось умение другого масштаба, нежели водить группу в бой. Раньше он был блестящим исполнителем замыслов других, теперь пришлось стать «дирижером» самому. А для этого надо было знать, как складывается общая обстановка на театре войны, в армии, как дела у соседей, с которыми взаимодействуешь. Следить за противником, изучать «почерк» его работы, навязывать ему свою тактику. Были проведены первые налеты на военные объекты в Финляндии. Пролетев над Балтийским морем, авиагруппы Кравченко неожиданно появлялись у линии фронта с тыла противника, чем вводили в замешательство белофинских командиров. Удары авиаторов были мощными. По словам П. М. Стефановского, Кравченко на этом посту проявил «недюжинный организаторский талант крупного военачальника».

При всей напряженности службы Кравченко находил время и оглянуться, не отстать от событий дня. В годовщину гибели Чкалова в «Красной звезде» Григорий Пантелеевич напечатал очерк.

> «Наш Валерий, — писал он, — был человеком с ясным умом и хорошим сердцем.
>
> Мы, военные летчики, часто применяли и применяем в боевых действиях чкаловское спокойствие и упорство. Не выдерживая стремительного натиска наших истребителей, противник всегда сходил с пути. Место Чкалова в боевых рядах заняли новые легионы отважных сынов Родины…»

В один из напряженных фронтовых дней войска облетела весть о подвиге летчика капитана Трусова. Он, как когда-то на Халхин-Голе Сергей Грицевец, вывез из-под носа белофиннов экипаж подбитого над финской территорией бомбардировщика.

Когда Кравченко узнал о подвиге Трусова, он посоветовал комиссару группы:

— Давай, комиссар, выпустим листовку. Хотя Трусов и не из нашей бригады, но пример замечательный. Кто будет писать,

пусть обязательно вспомнит подобный подвиг дважды Героя Советского Союза Сергея Грицевца, замечательный был летчик и человек. А чувство взаимовыручки — святое чувство, особенно на фронте.

В феврале Григорию Пантелеевичу было присвоено звание комбрига.

В начале марта Григория Пантелеевича вызвали в наркомат обороны с отчетом о боевых действиях особой авиабригады. После его доклада Сталин спросил:

— Товарищ Кравченко, сколько понадобится времени, чтобы парализовать железнодорожное движение на дорогах, по которым поступает военная помощь белофиннам от других стран?

— Если разбомбить железнодорожный мост у города Турку, то потребуется несколько дней. Но мы пока не подобрали к нему ключи. Очень сильная зенитная и воздушная охрана.

— Разрушить мост — значит приблизить конец войне. Подумайте об этом, — закончил Сталин.

Штаб особой авиабригады оперативно разработал план рельсовой войны. Бомбардировочная авиация один за другим наносила мощные удары по железнодорожным узлам. Был взорван и мост у города Турку. Войска белофиннов стали испытывать затруднения в снабжении боеприпасами, оружием и техникой. Наши войска перешли в наступление. 9 марта был взят Выборг. Финляндия запросила мира. Договор был заключен.

* * *

Война окончилась, но напряжение на западной границе не ослабевало. Фашистская Германия, прибрав к рукам Польшу, оказывала давление на правительства Эстонии, Латвии, Литвы, чтобы подчинить их своему диктату. Опасность этого понимали как в СССР, так и трудящиеся массы буржуазных прибалтийских республик. Они стали выражать недовольство по поводу действия своих правительств, готовых ради сохранения господства буржуазии стать вассалами Германии, предоставить ей плацдарм для похода против СССР.

Для обеспечения безопасности наших малочисленных гарнизонов в Прибалтике правительство СССР сочло необходимым ввести на них дополнительные воинские части. Правительства Литвы, Латвии и Эстонии приняли эти предложения.

Особая авиабригада оставалась в Эстонии. Для нее стали строиться аэродромы на островах Балтийского моря. В Литву

вошел кавкорпус из знаменитых дивизий армии Буденного под командованием комкора Еременко. Укреплялись авиационные и военно-морские базы. Г. П. Кравченко был отозван в распоряжение Главного штаба ВВС и работал по созданию и укреплению авиабаз и аэродромов на территории всей Прибалтики. В выборе человека на этот пост не ошиблись. Кравченко хорошо справлялся с поставленной задачей. За умелое руководство в апреле 1940 года ему было присвоено звание комдива, а уже в мае, с введением в Красной Армии генеральских и адмиральских званий, он стал генерал-лейтенантом. Ему шел тогда 28-й год. Ни в одной армии мира не было такого молодого авиационного генерала.

Стремительное повышение по службе не вскружило голову. Он оставался простым и доступным, как и в первые годы службы в авиации. В июле 1940 года Кравченко и Смушкевич приехали инспектировать 16-й истребительный полк. Летчики выстроились у машин, так как готовились к полетам. Заметив в строю Георгия Приймука и Александра Пьянкова, участников боев на Халхин-Голе, Кравченко и Смушкевич, отбросив все условности, стали обнимать их по-дружески, шутили, вспоминали о друзьях-товарищах.

В июле 1940 года все прибалтийские республики вошли в состав Советского Союза как равноправные сестры и был образован Прибалтийский Особый военный округ. Кравченко стал в нем командующим Военно-Воздушными Силами.

Международная обстановка складывалась так, что война с Германией становилась почти неизбежной. Григорий Пантелеевич взялся за новые дела со свойственной ему ответственностью, напористостью и деловитостью.

* * *

В конце тридцатых годов в армии прошла огромная смена командных кадров. Омоложение комсостава в армии было необходимо. Войска пополнялись новейшей техникой, менялась их организационная структура. Но многие талантливые военачальники, к огромному сожалению, по ложным наветам и наговорам были отстранены от занимаемых постов, часть из них невинно поплатилась и жизнью. Армия испытывала острую нужду в хорошо подготовленных теоретически и практически военных кадрах. Особенно это ощущалось в самых верхних эшелонах командования. Недавно созданная Военная академия Генерального штаба работала с полной нагрузкой, но быстро

решить эту задачу не могла. При ней были созданы курсы усовершенствования высшего командного и начальствующего состава. Собрали сюда наиболее талантливых командиров. Осенью 1940 года на них был командирован и Кравченко.

Григорий Пантелеевич вернулся домой, в свою московскую квартиру, к родным и близким. За плечами был уже большой опыт воздушного бойца и командира. Теперь на курсах, разбирая многие воздушные бои, он убеждался, что они велись без должной согласованности с общими целями и стратегическими задачами. Авиация чаще всего вела самостоятельную воздушную войну с противником. Ей не хватало должного взаимодействия с наземными войсками. Проблемы военного искусства так захватили молодого генерала, что он с головой ушел в учебу. Теперь в его комнате горками лежали труды многих военных специалистов, и не только советских, по самым различным военным вопросам и проблемам.

В ноябре 1940 года в Москву на экскурсию прибыла группа партийных активистов из Перми. В ней был и учитель Василий Павлович Яковлев. Он выбрал время и как-то к вечеру зашел по известному ему адресу с надеждой: «А вдруг увижу своего генерала!»

Мария Михайловна всплеснула руками, открыв двери гостю.

— Василий Павлович! Родной ты наш! Как хорошо, что вы приехали. Раздевайтесь, проходите, скоро и Гриша придет, вот радости-то у него будет. И Федя сегодня прийти повечерять обещал. Давайте помогите мне на стол накрыть.

Она хлопотала, накрывая стол, и расспрашивала о новостях уральских.

Скрипнула дверь. Мария Михайловна шепнула:

— Гриша пришел, — заговорщицки приложила палец к губам, подавая знак к молчанию.

Войдя в комнату, Григорий Пантелеевич широко открыл глаза и, разведя руки, пошел к Яковлеву:

— Василий Павлович! Дорогой учитель! Какими судьбами вы здесь? Лет-то сколько пролетело, как мы расстались.

Они крепко расцеловались.

— Да вот на своего генерала приехал посмотреть. Советских генералов еще в глаза не видел. Дай, думаю, посмотрю. Взял и приехал.

— Вот и отлично! Мама, ну, ты скажи, какой же Василий Павлович молодец. Десять лет почти минуло, а вы и не изменились. Все могучий и привлекательный. А Евдокия Георгиевна ваша, как поживает и здравствует? Теперь уж без утайки скажу, что все мы шекаэмовцы были в нее влюблены.

Каждый в школе готов был сделать все, что бы она ни пожелала.

В комнату вошел Федор (Федот). Снова объятия и радостные приветствия.

— Ну, Кравченки, молодцы! Один генерал, другой проректор института. Вот это шагнули. А помнишь, Гриша, как вы Федота на комсомольском бюро «прокачивали» и меня как секретаря партячейки пригласили для острастки озорников.

— Ничего он не помнит, — смеялся Григорий. — Вот недавно мы с мамой его прорабатывали, что бывает у нас редко.

— Ага, не помню. Все как перед глазами вижу и сейчас.

— Сознавайся, Федор, что ты тогда натворил? — с шутливой строгостью наступала Мария Михайловна.

— Да за косу девочку дергал. Она со мной дружить не хотела, — оправдывался Федор.

— Да кто с таким дружить будет, если он на кулаки надеется?

— Вот мы ему тогда выговор и влепили.

— Гриша, а помнишь, как тебя козел по степи таскал? — уже вспоминал Федор. — Синяков тебе насадил. Домой пришел, как побитый. А там Иван от кулака прибежал, тоже в синяках, его-то хоть вправду исхлестали.

— Это меня за оплошку тогда Дектярев избил. Оси у телеги надо было смазать, а я деготь нечаянно пролил. Поехали на пашню, а колесо и запосвистывало. Хозяин схватил узду: «Ах ты, дармоед! Сам нажрался, а колесо помазать забыл. Не наживал своим горбом, так тебе чужого добра не жалко!» — А сам бьет почем зря. Я спрыгнул с телеги и бежать.

Расчетливый был, жадюга. Вечером, бывало, уложит нас спать в амбаре и закроет на замок, чтобы на вечерки не убежали. «Не выспитесь, — говорит, — так какие из вас работники будут?»

Григорий много рассказывал О своих делах в Китае, на Халхин-Голе, об опаснейших ситуациях, в которые попадал. Рассказывал как-то со смешком, глядел на давние события как бы со стороны.

— Сбивали меня в Китае… Вынужденные посадки были. В Монголии как-то к черту на кулички занесло. Товарищи, по крайней мере, три раза считали погибшим… Но вот, к счастью, я жив и ни разу даже не ранен.

— И сердечного ранения нет? — намекнул Василий Павлович. — Все еще не женился.

— Для сердечных дел нет времени: либо воюю, либо учусь. Сейчас вот на курсах… мечтаю об академии.

— Есть у него на примете, — подмигнул учителю Федор. — Балерина. В Большой театр зачастил, Ольгу за собой таскает.

— Да, она прекрасная балерина, — уже задумчиво говорил Григорий. — Но до женитьбы еще далеко…

Ночь пролетела, будто сокол взмахнул крылом. Утром, когда проснулись, по стеклам окон стучал дождь.

— Видать, от наших горячих сердец и на улице потеплело, — смеялся Григорий.

Учитель схватился за голову: его валенки стояли у дверей.

— Ну, это не беда, Василий Павлович. Примерьте-ка мои армейские сапоги. Подойдут — носите их, как память. Дарить армейские сапоги — это хорошо. Только не пришлось бы вам, дорогой учитель, носить такие же, как солдату. — Лицо генерала стало суровым. — Чувствую, фашисты не остановятся на полпути. Драться с ними все-таки нам придется.

* * *

При обсуждении уроков, вынесенных из боев на Халхин-Голе и на финском фронте, кое-кто пытался сгладить сложности, крупные пробелы в техническом оснащении войск, в подготовке личного состава, в стратегии и тактике ведения войны. Особенно сложными были вопросы взаимодействия родов войск.

В конце 1940 года Сталин пригласил к себе на совещание ряд крупных авиационных командиров. Здесь были Яков Смушкевич, Иван Лакеев, Павел Рычагов, Григорий Кравченко, Сергей Черных и ряд других военачальников. Вопрос стоял прямо: что сделано в улучшении подготовки авиации к ведению современной войны?

Отчитывающийся военачальник начал с дифирамбов в адрес Сталина и Политбюро за заботу о развитии советской авиации.

— Что делает Политбюро и я лично, — прервал докладчика Сталин, — нам известно. Я бы хотел услышать, что делаете вы и подчиненные вам люди. А вы толчете в ступе воду. У нас нет времени для пустых разговоров. — И посадил докладчика.

Когда речь зашла о путях строительства и совершенствования Военно-Воздушных Сил, Кравченко высказался за комплексное развитие всех видов авиации, за создание крупных самостоятельных соединений, способных выполнять как оперативные, так и стратегические задачи. В этом он был твердо уверен, давая оценку крупным воздушным сражениям в небе Монголии.

К единому мнению на совещании тогда не пришли. Но в дальнейшем уже первый год Великой Отечественной войны показал, что генерал-лейтенант Кравченко был тогда прав.

В марте 1941 года Григорий Пантелеевич закончил курсы при

Военной академии Генерального штаба и принял под командование 64-ю авиадивизию, находившуюся под Москвой.

И снова в бой

В июне 1941 года Григорий Пантелеевич был зачислен слушателем Академии Генерального штаба РККА и готовился к началу занятий. О начале войны он узнал утром 22 июня, находясь на даче в Серебряном бору. Кравченко любил бывать здесь. Ему нравилось «крестьянствовать», как подшучивал он над собой: копать землю, холить ее грабельцами, поливать грядки. Осенью он посадил здесь рябины и теперь радовался, что они хорошо взялись и пошли в рост. Всю субботу Григорий с Ольгой пололи грядки.

— Поднажмем, Оленька, сегодня, — подбадривал он сестру, — зато завтра у нас с тобой целый день отдыха. Махнем на лодке вверх по реке, чтоб мускулы подразмять. А ты вечерком подумай, что с собой захватить, пообедаем где-нибудь на полянке.

Утром со срочным пакетом прибыл вестовой. Григория Пантелеевича срочно вызывали в Главное управление ВВС.

— Все-таки они напали. Я это знал, но не думал, что случится нынче, — сказал он Ольге, садясь в машину.

В тот же день Кравченко был направлен в распоряжение командующего ВВС Белорусского Особого военного округа. Поздно вечером он заехал домой. Как всегда, был подтянут и красив в своей синей летной форме с яркими звездами на груди. Обнял мать.

— Ну, родная, накрывай на стол. Попьем чайку в семейном кругу перед дорогой. Через два часа лечу в командировку.

Он взял свой чемодан, всегда готовый к дороге. Положил в него фотографию девушки со стола. Поманил к себе Ольгу и отдал ей конверт:

— Отнесешь завтра в театр. Отдашь ей.

— А это письмо, батя, передайте утром Николаю Орлову, — попросил отца Григорий Пантелеевич. — Скажите, что я его жду в Минске.

Время летело быстро. За чаем Григорий посматривал на часы.

— Что же теперь будет-то, сынок? — спросил Пантелей Никитич.

— Положение очень серьезное. Немцы умеют воевать, всю Европу расколотили, но и мы не лыком шиты. Знай одно, отец, набьем им морду и вышвырнем. Это точно.

Через час он уехал на аэродром. Настроение у него было хорошее. Григорий умел себя держать. Никто из родных не помнит случая, когда бы видел его грустным, рассеянным или

скучающим. Он был всегда подтянутым, веселым и щедрым.

Утром Пантелей Никитич передал письмо Григория капитану Орлову. Николай Орлов был адъютантом помощника начальника Генерального штаба РККА Смушкевича, но тот был арестован, и капитан оказался не у дел. В финскую кампанию Орлов был адъютантом у Кравченко. Теперь Григорий Пантелеевич снова приглашал его к себе, предварительно договорившись об этом в Управлении ВВС.

В отделе кадров Генштаба Орлов получил назначение в 11-ю авиадивизию на должность начальника оперативного отдела и 25 июня выехал в часть. Он был доволен назначением и уже представлял, как обрадуется командир новой встрече, как они дружно будут служить. Они искренне любили друг друга. Но Орлов даже в мыслях не мог представить той обстановки, в которой находилась уже дивизия.

До начала войны 11-я смешанная авиадивизия состояла из трех истребительных и одного бомбардировочного полков, базировавшихся в районе городов Гродно и Лида. В первые часы войны ее аэродромы подверглись мощному удару фашистской авиации. Дивизия понесла большие потери. Командир дивизии Ганичев, не имея никаких указаний из округа, на свой страх и риск поднял уцелевшие самолеты в воздух, и они вступили в неравный бой с фашистами, сбили несколько десятков самолетов противника, но соотношение сил было слишком не равным. Из 199 самолетов дивизии осталось лишь 72. При бомбежке аэродрома погиб и сам комдив Ганичев. Оставшийся личный состав отходил на восток. Трагически погибла и группа политработников дивизии. Они ехали в машине и ночью оказались в колонне немецких танков. Пытались скрыться в лесу, но были замечены и обстреляны. В живых остался лишь один человек. Он добрался до своих и доложил о случившемся.

В таком состоянии и принял Кравченко дивизию, если это можно было назвать приемом. Остатки авиаполков были разбросаны на разных аэродромах, не имели надежной связи, не было транспорта для переброски в тыл батальонов аэродромного обслуживания, горючего, боевого снаряжения. Дороги были забиты беженцами и отступающими армейскими частями.

Орлов добирался до дивизии тоже не без «приключений». Под Смоленском эшелон попал под бомбежку. Немецкие самолеты наводили с земли диверсанты-ракетчики. Поднялась паника. На станции были выведены из строя пути, поезда на Минск не отправляли. Военный комендант посоветовал Орлову сесть в состав, идущий через Рославль на Могилев: все ближе к месту назначения.

В солдатском вагоне, куда сел капитан в новенькой летной форме, возникло подозрение, что он из тех диверсантов, что наводили ракетами самолеты на станцию. Его задержали, чуть не выбросили из вагона. Хорошо, что вмешался майор и после долгого «экзамена» на знание Москвы убедился, что он действительно советский летчик.

В Рославле снова произошла заминка. Всех оказавшихся там командиров пригласили на совещание, которое проводил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко.

Но нет худа без добра. Пономаренко обратил внимание на Орлова, может быть, по той же самой причине, что он в новеньком обмундировании «блестел, как гривенник». С его помощью Орлов выяснил, где находится штаб 11-й авиадивизии и добрался до Могилевского аэродрома. Но Кравченко на месте не оказалось. Появился он только утром и очень спешил. Все вопросы решал на ходу.

— Ну, как там Москва? — было первым его вопросом.

— Стоит, Григорий Пантелеевич, но чувствуется по всему, готовится к обороне.

— А как там мои?

— Да все нормально. Переехали с дачи в Москву. Иван в 16-м авиаполку, видимо, будет охранять небо столицы.

— Назначение получил?

— В оперативный отдел.

— А ко мне адъютантом не хочешь? Мне сейчас позарез нужен толковый помощник. Давай, как в финскую, повоюем.

В тот же день, уже в новой должности, капитан Орлов вместе с начальником штаба дивизии полковником Воробьевым выехали в район Климовичей к месту новой дислокации штаба дивизий.

Ехали ночью, не включая фар, но шофер хорошо знал Могилевскую область и уверенно вел машину.

Дорога проходила через лес, густо набитый войсками. В одном месте неожиданно поднялась стрельба: то ли немцы забросили диверсантов, то ли своих за врага приняли. С рассветом прибыли к месту базирования штаба дивизии.

1 июля первым прилетел на площадку командир 4-го штурмового авиаполка майор Семен Григорьевич Гетьман. Тут уже были генерал Кравченко и капитан Орлов. Они разложили посадочное полотнище, стали ждать самолеты. Полотнище приходилось то и дело убирать. В небе проплывали на восток фашистские эскадрильи. Новейшие бомбардировщики в сопровождении «мессершмиттов» были почти неприступны для малочисленных наших курносых «ястребков». У Григория

Пантелеевича сжимались кулаки, скрипели зубы. Он вспомнил выступление на XVIII съезде партии наркома обороны Ворошилова, который тогда с высокой трибуны заявлял, что границы нашей Родины неприступны. Что наши бомбовозы за один вылет смогут поднять тысячи тонн авиабомб, сделать за минуту многие миллионы выстрелов. «О самолетах говорил, как об ишаках, что они могут перевезти, а о скорости полета, о вооружении и маневренности боевых машин и не подумал, — размышлял Кравченко. — А теперь тень фашистских бомбардировщиков закрывает солнце над Советской землей».

Гетьман прилетел сюда после того, как отправил полк по группам на боевые заданиях аэродрома близ Быхова и приказал возвращаться им уже в район Климовичей. Прилетающие самолеты ИЛ-2 приземлялись. Их быстро маскировали.

Летчики 4-го штурмового авиаполка удивленно смотрели на Кравченко, стоявшего у самолета У-2. На нем была коверкотовая гимнастерка с генеральскими звездами в петлицах, перехваченная широким ремнем. Две Золотые Звезды Героя, пять орденов. Наглаженные брюки, начищенные сапоги. Он стоял без фуражки, красивый и подтянутый.

Встретить в июльский день 1941 года в прифронтовом лесу дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации, блистательного, как на параде, было невероятно.

— Кто это? — спрашивали летчики друг у друга.

Майор Гетьман построил летчиков. Генерал Кравченко представился:

— Я назначен командиром одиннадцатой смешанной авиадивизии, ваш четвертый штурмовой полк входит в ее состав. Надеюсь, что четвертый штурмовой будет и дальше так же отважно сражаться с немецко-фашистскими захватчиками, как геройски дерется в эти дни.

Настроение у летчиков поднялось. Было радостно сознавать, что их командир — тот самый прославленный воздушный ас, который успел уже повоевать и в Китае, и на Халхин-Голе, и в финскую кампанию. А главное, бойцов удивили его спокойствие и уверенность, четкие и энергичные действия, подтянутость и аккуратность. И это в те дни, когда на фронте была до отчаянности трудная обстановка.

В последующие дни в состав авиадивизии на разные аэродромы в район Климовичей прибыли полк легких бомбардировщиков на ПЕ-2 и полк истребителей на И-16.

В дальнейшем полки менялись, прибывали и убывали на переформирование из-за больших потерь в постоянных жарких боях в воздухе и на земле. Немцы продвигались быстро. Бывало и

так, что к возвращению самолетов с задания аэродром оказывался в руках врага, надо было искать площадку для приземления.

Кравченко с рассвета и до рассвета находился на аэродромах, которые больше напоминали тогда перевалочные базы, чем аэродромы. Он лично руководил боевыми действиями полков, сам ставил боевые задачи, решал вопросы хозяйственного порядка, вел воспитательную работу, находил время для бесед с бойцами аэродромного обслуживания. Это было так необходимо в период отступления, при страшной физической и моральной нагрузке, обрушившейся на людей. Самолеты делали по нескольку вылетов в день. Они бомбили и штурмовали колонны наседающего врага, отгоняли фашистские бомбовозы от городов и расположений наших частей. К вечеру уцелевшие от боев самолеты в большинстве своем были как решето. Их надо было ночью ремонтировать и латать, чтобы с утра они снова могли подняться в воздух. Техника не выдерживала, а люди выдерживали все.

Григорий Пантелеевич был доволен тем, что в состав дивизии входил 4-й штурмовой авиаполк. Он был первой частью, принявшей в самый канун войны на вооружение новые штурмовики ИЛ-2. Они несли реактивные снаряды, бомбовый груз, имели пушки. Отважные летчики наносили большой урон фашистам: громили колонны танков, автомашин с пехотой и грузами.

Немцы уже в те дни бросались в панику при виде ИЛ-2. Наши пехотные части метко окрестили самолеты, называя их «небесной артиллерией».

Дивизия Кравченко в те дни сдерживала напор фашистских армий группы «Центр» на реке Березине. Немцы, чтобы уберечься от нашей авиации, сосредоточили у переправ большое количество зенитной артиллерии, бросили сюда эскадрильи своих истребителей. Но отважные кравченковцы не давали им покоя, беспрерывно бомбили переправы, наводили панику. После их налетов там и тут горели танки и автомашины, надо было снова наводить понтоны и мосты. А атаки летчиков, несмотря на большие потери, следовали одна за другой. Надо было выиграть время, чтобы в тылу отступающих частей развернулись наши войска.

Ведя изнурительную работу по перебазированию авиачастей, организуя удары по наседающему противнику, Кравченко искал возможность ударить по фашистам заметно, по-крупному. И когда разведка донесла, что близ Бобруйска на аэродроме фашистские самолеты, «как на выставке стоят», у генерала, что называется «зачесались руки», мгновенно родилась мысль ударить по

аэродрому, нанести противнику урон, подобный тем, что наносили герои Халхин-Гола самураям.

Он пригласил командира 4-го штурмового полка Гетьмана и поставил перед ним задачу. Тот ухватился за идею.

— Самолеты на аэродроме! Да за одну удачную штурмовку их можно столь накрошить… Надо только подловить момент, подготовить силы.

— Проведите еще раз разведку, — советовал Кравченко, — хотя я не сомневаюсь, что это так и есть. Успехи фашистам кружат голову. Они наверняка и не думают, что мы осмелимся на такое. Разработайте план и ударьте на рассвете. Немцы пунктуальны, и в это время по распорядку должны еще спать. Вот вы этим и воспользуйтесь. Пусть в подштанниках побегают. Так и будет, если все хорошо продумать и подготовить.

— Блестящая идея! — восхищался Гетьман. — Только ночью никто из моих летчиков не летал.

— Не летали, значит, полетите. А слетаете раз, будете летать и впредь. Не боги горшки обжигают, — говорил Григорий Пантелеевич. — По Халхин-Голу знаю. Вы только пилотов в машины за полчасика пораньше посадите, чтобы привыкнуть к темноте и осмотреться смогли.

— Придется отобрать самых опытных, поведу их сам.

— Вот это правильно, по-нашему, майор!

Кравченко пожал руку и пожелал удачи Гетьману.

До рассвета зарокотали моторы. Летчики поднимали машины в темноте, отыскивали друг друга в воздухе по навигационным огням, при подходе к линии фронта выключали и их. Благо, стало уже светать!

При подходе к Бобруйску штурмовики пошли вниз. Вот и аэродром. По обе стороны взлетной полосы плотными рядами поблескивают самолеты. Штурмовики ринулись в атаку. «Эрэсы» молнией ударили в ряды вражеских эскадрилий. Взметнулись желтые фонтаны огня. При взрывах летели обломки вражеских машин, уже подготовленных к боевому вылету.

Полк трижды штурмовал Бобруйский аэродром в этот день.

В результате налетов штурмовиков было уничтожено двадцать три «юнкерса» и сорок семь «мессершмиттов».

Около 10 июля дивизия перебазировалась: 4-й полк — в Ганновку, другие полки — в район города Хотимска. Через несколько дней из-за наступления врага — снова перебазирование в Костюковичи, в Каничи.

И снова, сдерживая наседавших фашистов, летчики дивизии Кравченко бомбили мосты на реках Днепр и Сож, штурмовали колонны танков и били по живой силе противника. По нескольку

боевых вылетов ежедневно. Так работали штурмовые и бомбардировочные полки. Истребители вели воздушные бои, прикрывая ИЛ-2 и ПЕ-2.

В этой сложнейшей обстановке Кравченко внимательно следил, чтобы после каждого боевого вылета проводился разбор, чтобы летчики как можно быстрее накапливали боевой опыт, делились им друг с другом. Он и сам не стеснялся учиться у подчиненных. Любил при беседах расспрашивать, как летчик вел бой, как заходил на штурмовку, что видел вокруг, когда летел до линии фронта и по возвращении, учил и требовал вести разведку. Много раз летчики дивизии обнаруживали с воздуха попавшие в окружение наши части. Сбрасывали им продукты и боеприпасы, ориентировки для прорыва.

Прошло около полутора месяцев, как дивизия находилась в непрерывных боях.

* * *

Фашисты, понимая, что лето на исходе, а их планы далеки до осуществления, остервенело рвались к Москве. Их мощные танковые армады часто делали глубокие и опасные прорывы. Под угрозой такого удара авиадивизия из Каничей перебазировалась в Мглин. Но фашистам удалось быстро обнаружить аэродром и там, хотя Кравченко строго следил за маскировкой. Последовал налет. Самолеты противника провели бомбежку и штурмовку. Сожгли санитарную машину, убили и ранили несколько человек. Крупная бомба попала в штабную землянку и разнесла ее. Генерал Кравченко, полковой комиссар Соколов и начальник штаба дивизии Гудков остались живы лишь потому, что находились в это время на аэродроме среди бойцов.

А вскоре разведка донесла, что колонна немецких танков и мотопехоты движется в направлении аэродрома и находится километрах в десяти, не более.

Кравченко поднял самолеты в воздух для удара по колонне, а сам, получив разрешение на перебазирование, руководил погрузкой и отправкой аэродромных служб к новому месту дислокации. Последние машины покинули аэродром, когда на него вползали тупорылые танки.

При перебазировании колонна проследовала через станцию Унеча. Часа через два прибыли на новый аэродром. В штабной землянке зазвонил телефон. Адъютант Орлов поднял трубку.

— Товарищ генерал, просят вас.

— Я слушаю, — сказал Кравченко.

— Вам звонит телефонистка станции Унеча. Немцы захватили станцию. Их танки уже в нашем дворе. Что нам делать?

— Прячьтесь понадежнее! И быстро! Высылаю группу штурмовиков.

— Спасибо. За нас не беспокойтесь. Бейте гадов! — И связь прервалась.

— Это настоящая героиня и патриотка! — восхищался Григорий Пантелеевич. — И таких людей Гитлер надумал покорить. Сумасшедший!

Самолеты дивизии Кравченко подвергли штурмовке двор и здание почты в Унече, где действительно было много немецких машин и солдат. Летчики уничтожили реактивными снарядами скопление вражеской техники на улицах станции. Генерал в то время еще не знал, что, прорвав оборону в полосе 13-й армии, гитлеровцы вышли в ее тылы и создали угрозу окружения. Вскоре 11-й авиадивизии вместе с другими частями фронта был дан приказ Ставки сорвать замыслы противника. Летчики круглыми сутками штурмовали противника, не давая ему замкнуть кольцо.

19 августа был образован Брянский фронт. Авиадивизия генерала Кравченко вошла в его состав. Штаб фронта оперативно разработал воздушную операцию по разгрому танковой группировки Гудериана в районе Почеп, Стародуба, Шостки и срыву ее наступления на Брянск. Значительное место в этой операции отводилось 11-й смешанной авиадивизии. Ее штурмовики и бомбардировщики делали по 3—4 боевых вылета за день. Несли большие потери, но не переставали наседать на немцев с воздуха. Гитлеровцы вынуждены были часть своих дивизий вместо наступления на Москву бросить на Брянский фронт. Несмотря на большие потери, гитлеровцы рвались вперед. Аэродромы дивизии Кравченко оказались снова близ фронта, под угрозой разгрома. Для эвакуации подразделений и снаряжения не хватало транспорта.

Кравченко попросил кадровиков штаба подыскать руководителей группы для многотрудного пешего перехода.

— Посмотрите, может, кто есть из дальневосточников. Они там прошли хорошую школу маршей и переходов, сражаясь с самураями.

Выбор у штабистов пал на младшего политрука роты связи Корчуганова. Его вызвали к генералу.

— Ты что натворил, Корчуганов, коль тебя сам Кравченко требует? — забеспокоился комбат Свистовский. — Бери мою машину и мигом в штаб дивизии. Вернешься — доложи.

Младший политрук был озадачен. Действительно, что за причина? Ведь в части он всего несколько дней. И к самому

командиру дивизии!

Кравченко оглядел внимательно политрука с головы до ног, будто проверял его выправку и внешний, вид.

— Коротко расскажите о себе. В какой части воевали у озера Хасан, участвовали ли в больших переходах, как ориентируетесь по карте и на местности?

Корчуганов волновался, докладывая.

— Вы, товарищ комиссар, свободнее себя держите, не волнуйтесь… Ведь вы же политработник.

— С полной армейской выкладкой участвовал в шестисоткилометровом походе вдоль границы. Форсированным маршем в пешем строю прошел более двухсот километров до позиций у озера Хасан…

— Хватит. Все ясно. А теперь слушайте. На нашем направлении фашисты прорвали фронт. Дивизия срочно перебазируется. В расположении вашего батальона формируется сейчас сводная колонна авиаспециалистов. Она пойдет к новому месту дислокации пешим маршем, потому что нет никакого транспорта. Командира мы сейчас подберем. Вы будете комиссаром этого подразделения. — Кравченко взял карту и показал примерный маршрут от местечка Локоть до города Ливны. — Там присоединитесь к нам или получите дальнейшие указания.

Корчуганов с честью выполнил поставленную перед ним задачу. Авиадивизия снова перебазировалась вовремя. Когда немцы заняли Брасово, полки 11-й авиадивизии обживали свои посадочные площадки близ города Ливны. И снова громили захватчиков. Только об одном из таких боев газета «Красная звезда» тогда писала:

> «Танковые подразделения тов. Чернова во взаимодействии с бомбардировщиками авиачасти тов. Кравченко нанесли удар по немецкой танковой колонне… В результате боя уничтожено 34 немецких танка, 22 танка разбиты прямым попаданием бомб»…

Несмотря на упорное сопротивление наших войск, гитлеровцы продвигались вперед, имея почти двойное превосходство в силе как в наземных частях, так и в воздухе.

В середине ноября началось «генеральное» наступление фашистов на Москву. Гитлеровские поиска словно железной подковой охватили столицу. Им удалось перерезать семь железнодорожных магистралей из одиннадцати, идущих к Москве. Брянский фронт был расформирован. Генералу Кравченко было поручено сформировать отдельную ударную

авиагруппу в районе Ряжска и не пропустить там врага. Костяком ее стала 11-я смешанная авиадивизия. Авиагруппа входила в оперативное подчинение 3-й армии. Это было временное формирование.

В конце ноября разведчики авиагруппы заметили, что по шоссе Скопин — Ряжск к фронту движутся колонны моторизованной дивизии немцев. Как раз здесь, на стыке двух армий, большой участок фронта был совершенно открыт. Кравченко немедленно поднял в небо самолеты. Пять суток летчики штурмовали и бомбили мотодивизию фашистов. В результате она была сожжена и разгромлена, деморализована и выведена на переформирование.

Летчикам, принимавшим участие в этих действиях, военный совет фронта объявил благодарность, 27 человек были представлены к правительственным наградам.

Здесь дороги войны свели Григория Пантелеевича с бывшим своим командиром по НИИ ВВС Петром Михайловичем Стефановским.

Стефановскому было поручено прикрыть с воздуха разгрузку на станции Ряжск воинских эшелонов 61-й резервной армии. Летчики должны были патрулировать вдоль железной дороги на участке Кораблино — Ряжск — Богоявленск и отбивать все попытки врага помешать выгрузке войск. Для проведения этой операции корпус ПВО выделил полк МИГов и два полка Яков.

> «Прилетели на заданный аэродром, — вспоминает Стефановский. — К моему МИГу подкатывает «эмка». Шофер лихо докладывает: «Начальник гарнизона генерал-лейтенант авиации Кравченко просит вас прибыть к нему на командный пункт». Ознакомившись с моей задачей, Григорий Пантелеевич остался весьма доволен нашим соседством. Сам он тогда командовал сильно поредевшим в бесконечных боях авиасоединением и нуждался в прикрытии аэродрома от налетов гитлеровцев».
>
> «Обстановка здесь весьма неутешительная, — говорил Григорий Пантелеевич. — Немцы обошли Тулу с юго-востока и двигаются на Каширу. Так-то, Петр Михайлович».

В декабре 1941 года началось наступление советских войск. Стояли сильные морозы. Летчики авиагруппы много летали, но подвоз горючего, боеприпасов и другого снаряжения был затруднен. В последних числах декабря Кравченко поручил капитану Орлову найти затерявшийся где-то на проселках

транспорт с горючим. Для поисков Григорий Пантелеевич дал свой самолет У-2, который герою подарили уральские рабочие. Капитан Орлов кружил на небольшой высоте в направлении Ельца, когда налетевший «мессершмитт» подбил самолет. Орлов при посадке сильно стукнулся о приборную доску, но посадил самолет удачно.

Пользуясь попутными машинами, капитан все-таки отыскал транспорт с горючим и доставил его на аэродром. Давал Григорий Пантелеевич и другие задания своему адъютанту. Как-то он поручил ему привезти со своей московской квартиры патефон и пластинки с хорошими песнями. Отдал их в столовую полка, где любили собираться летчики в свободные минуты. Теперь они часто слушали родные напевы, а нередко и подпевали сами.

В последних числах декабря потрепанные в жестоких боях под Москвой фашистские части начали отступать. Были освобождены Елец и Ефремов. Это подняло настроение бойцов, их веру в собственные силы.

Авиагруппа перебазировалась в Лебедянь, затем Ефремов. Здесь авиаторы встречали новый, 1942, год. У генерал-лейтенанта Кравченко было хорошее настроение, он сказал зажигательную и проникновенную речь. Настроение командира передалось и летчикам. Они рвались в бой и добивались победы над врагом.

Во время январских боев 1942 года на подступах к Мценску основная тяжесть борьбы в воздухе снова легла на части, которыми командовал Г. П. Кравченко. В это время в авиагруппе было всего 109 самолетов. Она взаимодействовала с 3-й армией. И славилась не только своими боевыми делами, но и умением хорошо вести разведку. Идет ли экипаж на бомбометание, патрулирует ли в воздухе, он обязательно наблюдает за землей. Именно экипажи авиагруппы Г. П. Кравченко сообщали многие ценные сведения о противнике.

В феврале 1942 года в армиях была учреждена должность командующего ВВС. В 3-й армии на этот пост был назначен Кравченко.

Командирские заботы в новом масштабе были совсем иного рода. Он должен был видеть войну глазами иного ранга. Требовалось оценивать военную обстановку в ее масштабном, стратегическом понимании. Штаб армейских ВВС находился тогда под Мценском. У Григория Пантелеевича было много забот по налаживанию авиационного хозяйства, по установлению тесного взаимодействия авиации с наземными войсками армии и фронта. Забот добавилось еще и потому, что его боевой помощник капитан Орлов был отозван в Москву и получил новое

назначение. В адъютанты Кравченко взял расторопного лейтенанта Михаила Кочергу, но ему предстояло многому еще научиться.

В Ставке Верховного Главного командования в ходе войны искали пути и формы усиления эффективности различных родов войск. Только начал проявлять себя Кравченко, как командир, способный планировать и осуществлять неожиданные и ощутимые для врага удары, как должности командира ВВС армии были упразднены. Стали создаваться отдельные воздушные армии фронтового подчинения.

Григорий Пантелеевич был отозван в Москву и назначен командиром ударной авиагруппы № 8 Ставки Верховного Главного командования. Но ненадолго. Снова прошла реорганизация. Кравченко был отозван в распоряжение Главного управления ВВС. Ему поручили формировать новую 215-ю истребительную авиадивизию. Формировалась она в Подмосковье. Верховный главнокомандующий поставил задачу: в кратчайший срок укомплектовать дивизию кадрами, научить пилотов летному мастерству на новых самолетах ЛА-5.

Приступая к выполнению новой задачи, Кравченко вспомнил, как Сталин на одном из совещаний в начале 1941 года, после знакомства с истребителями МИГ, которые ему очень тогда понравились, обратился к опытным летчикам:

— Я не могу учить летчиков летать на этих машинах. Вы — мои помощники, и вы должны научить их. Но прежде чем учить — сами познайте и полюбите эту машину.

Познать и полюбить машину!.. Кравченко побывал на заводах, где делались для дивизии истребители. Самолет ЛА-5 Григорию Пантелеевичу очень понравился. Он имел пушечное вооружение, мощный мотор и скорость выше, чем немецкие «мессершмитты». Машина была послушной в управлении, выдерживала большие перегрузки. Когда Кравченко впервые поднялся на ЛА-5 в воздух, то понял, что на таком мощном самолете еще не летал. На полном газу казалось, что он просто рвется из рук. Дивизия первой получала эти новые боевые машины. Кравченко выступал перед рабочими. Добивался в управлении кадров ВВС пополнения летчиков-инструкторов. Сам при первой возможности появлялся на аэродроме и летал. Здесь он чувствовал себя снова, как рыба в воде. Летчики выходили полюбоваться, как командир «балетирует» в небе.

Пять месяцев Кравченко формировал дивизию и готовил к боям летный и технический состав. Он часто появлялся в учебных аудиториях и у матчасти. Умел как-то незаметно вклиниться в разговор и научить, не поучая. Бывая в Москве, он заезжал на

квартиру, иногда даже там ночевал. Квартира практически пустовала. Родители уехали в Курган. Ольга, закончив курсы медсестер, служила в эвакогоспитале. Иван-младший сдержал слово, данное Ворошилову, окончив Качинскую школу пилотов, служил летчиком-истребителем в 16-м авиаполку. Федор-младший с начала войны командовал минометной батареей, Федор-старший служил шофером в наркомате обороны, а Иван — в Комитете госбезопасности города Москвы. Практически вся большая семья Кравченко была на войне. Не усидел спокойно дома даже Пантелей Никитич. Он в составе курганской делегации выезжал с подарками на Волховский фронт, попал там под бомбежку, как и в «первую ерманскую», был контужен.

В это время снова встретились Василий Павлович со «своим генералом». Василию Павловичу пришлось-таки обуть снова армейские сапоги. Он добровольцем ушел на фронт осенью 1941 года и был комиссаром 797-го полевого госпиталя 39-й армии Калининского фронта. Яковлев приехал в Москву с санитарной летучкой, доставил тяжелораненых и одновременно хотел раздобыть материалы для агитационной работы. К Кравченкам решил заглянуть наудачу, а вдруг кто-то есть. Хотелось узнать, как воюют его бывшие ученики.

Василий Павлович нажал на кнопку звонка. Дверь отворилась, на пороге стоял молодой старший лейтенант.

— Вам кого, капитан?

Яковлев не успел открыть рот, как вышедший из комнаты Григорий Пантелеевич заметил его и поспешил навстречу.

— Дорогой учитель! Василий Павлович! Какая удача, что вы заехали! Вот это встреча! — Они крепко обнялись, восторженно смотрели друг на друга.

Догадливый адъютант уже накрыл на стол.

— Значит, солдатские сапоги вам надеть все-таки пришлось. Где вы сейчас воюете?

— В Торжке наш эвакогоспиталь квартирует. Педучилище заняли под лазарет. Я там комиссарю, работы много, трудно на чужое горе смотреть. Подал уже второй рапорт о переводе в строевую часть. Надеюсь, что удовлетворят просьбу.

— Я вот себе дивизию скомплектовал. Технику новую получили. Скоро вылетаем на фронт. Мои соколы рвутся в бой. Многие летчики обстреляны в боях, драться умеют. Но теперь задача — не просто драться, а побеждать!

За обедом обменивались новостями, вспоминали о друзьях, товарищах.

— Ну, а где воюет Федот? Федя-младший? — интересовался Василий Павлович.

— Наш Федот уж не тот. Комбат в минометном полку. В сорок первом на фронте случайно с ним встретились. Бензин у моей «эмки» кончился, дозаправки попросил у встречного шофера. А он мне: «Не могу, товарищ генерал. Командир у нас дюже строгий, заругает!» — «А кто он такой ваш командир?» — спрашиваю. «Старший лейтенант Кравченко Федор Пантелеевич». — «Веди меня к нему немедленно. Я покажу этому «экономисту», как генеральскую машину не заправлять!» Вот так и встретились.

Учитель и ученик долго вместе смеялись: «Ну и Федот!»

Расставаясь, крепко обнялись. Договорились встретиться здесь же после войны. Они не знали еще тогда, что встречу им судьба не предоставит. Вернувшись в госпиталь, Василий Павлович узнает, что просьбу его удовлетворили, что он назначен комиссаром в батальон, сформированный из моряков-тихоокеанцев и курсантов военного училища. И уже вскоре в составе 2-й гвардейской армии он будет громить танковые колонны Манштейна в районе Котельниково. Морской пехотинец его части, Илья Каплунов, один уничтожит десять фашистских танков и геройски погибнет сам. Наступая на немцев со своей частью, Василий Павлович прорвет укрепления фашистов на Турецком Валу и будет штурмовать Перекоп, освобождать Евпаторию, Севастополь, брать Кенигсберг, вернется весь в боевых наградах, Долгие годы будет по крупицам собирать документы и материалы о «своем генерале», подключит к поиску десятки людей и, наконец, увековечить память о Герое, своем ученике, сделает целью жизни. Многого они тогда и предположить не могли.

Формирование дивизии генерал-лейтенант Кравченко закончил в октябре 1942 года. Ее включили во 2-й истребительный корпус резерва Ставки Верховного Главнокомандования, базировавшийся близ Ржева. Командовал корпусом генерал Благовещенский, под началом которого Григорий Пантелеевич воевал с японцами в небе Китая. Вскоре корпус перешел в подчинение 14-й воздушной армии и был направлен на Волховский фронт, где полным ходом шла подготовка к прорыву блокады Ленинграда.

В дивизии, несмотря на бои, продолжалась летная подготовка. Как-то Кравченко пригласил к себе комиссаров полков.

— Товарищи, — обратился он, — в политической работе с личным составом мы немало говорим, что прибыли сюда, чтобы драться с фашистами за Ленинград и ленинградцев. Сегодня я был на аэродроме у станции Шум. Там каждый день садятся

транспортники из Ленинграда. Они вывозят изможденных до крайности людей. Об этом надо рассказать нашим летчикам, а еще лучше собрать в каждом полку продукты и направить делегации в Шум. Я думаю, что это подействует больше всех наших бесед. По себе чувствую.

Летчики встретили несколько транспортников из Ленинграда. После этого во всех эскадрильях прошли партийные собрания. Люди рвались в бой. В ночь на 12 января авиация двух фронтов, Ленинградского и Волховского, нанесла массированный удар по врагу. Утром ураганный огонь по фашистской обороне открыли артиллеристы. Войска двух фронтов начали штурм вражеских укреплений. Их надежно прикрывали и поддерживали с воздуха авиаторы. За дни прорыва только летчики 215-й дивизии Кравченко сбили 57 самолетов противника.

После прорыва блокады воздушные бои не утихали. Чтобы завезти в Ленинград продовольствие и военное снаряжение, севернее Синявино саперы и железнодорожные войска начали строить железнодорожную ветку на Ленинград. Фашистская авиация старалась сорвать стройку. Летчики Кравченко взяли объект под «свое крыло». 6 февраля по дороге уже прошел первый грузовой поезд.

Генерал Кравченко пользовался большим уважением и любовью в дивизии. Его знали в лицо летчики и техники, инженеры и оружейники, те, кто воевал и обслуживал боевую работу. Появлялся он на аэродромах и в мастерских обычно неожиданно. Интересовался всем, начиная с того, чем сегодня людей кормили, когда мылись в бане, кто отличился в боях. Умел завести или поддержать разговор, ценил и понимал хорошую шутку.

22 февраля вышел Указ о награждении Григория Пантелеевича Кравченко орденом Отечественной войны. В этот день генерал провел совещание и предупредил все части дивизии, чтобы усилить бдительность: фашисты обязательно попытаются сорвать праздник.

Вечером с несколькими офицерами штаба дивизии Григорий Пантелеевич выехал в 522-й истребительный полк на торжества, посвященные годовщине Красной Армии. Настроение у всех было приподнятое. Днем на совещании командир корпуса генерал-майор Благовещенский, под началом которого, как когда-то в Китае, снова воевал Кравченко, похвалил летчиков и командование 215-й истребительной авиадивизии за чувствительные удары по врагу и умелую разведку. Поздравил о правительственными наградами.

— Твои соколы, Григорий Пантелеевич, — говорил комкор, —

не просто геройски дерутся с врагом. Они научились его побеждать. И это главное! Немцы боятся теперь единоборства с летчиками твоей дивизий. Чаще всего фашисты удирают, завидев ваши краснозвездные истребители. Видимо, действительно ЛА-5 отличная боевая машина, ну и почерк у многих пилотов такой, какой мне запомнился еще по Китаю, где даже самые опытные японские асы не выдерживали атак на вертикалях.

— Постоянно учим людей и летному мастерству, и тактике, и ведению боя при любых условиях, Алексей Сергеевич. Без этого сегодня не повоюешь. Старый опыт хорошо, но его развивать и пополнять надо. В дивизии сейчас много отличных пилотов. Они учат мастерству молодых летчиков. Жаль, летать самому мало приходится, — сетовал Кравченко. — Все другие заботы и дела. Сядешь в кабину, ручка управления та же, а самолет уже не так послушен, как бывало раньше. А командир должен быть всегда в отличной летной форме, уметь летать и драться в небе лучше других. А это на всю жизнь никому не дается. Летать надо больше. Летать и воевать. И немец, конечно, сегодня не тот, что был в первый год войны, товарищ комкор. Тогда спесь у фашистов лилась через край. В небе их было, как воронья по осени, и самолеты получше наших, и боевой опыт… Наваливались кучей на наших одиночек… Через горечь потерь многому научились. Начинаем помаленьку им хребет ломать. И доломаем. Никуда не денутся. Злости у людей много в душах накипело. Летчики рвутся в бой. И это не слова — действительность.

По дороге в полк Кравченко «прокручивал» в памяти разговор с командиром корпуса. Он ценил в Благовещенском человеческое обаяние, командирскую хватку и виртуозное летное мастерство. И снова сетовал на себя: «Мало летаю. Так нельзя. Завтра же выкрою время для боевого вылета».

В полку Григория Пантелеевича ждал сюрприз. Офицеров штаба дивизии встречал не только командир полка Крупенин, но и инспектор армейской авиации Кобзев, воевавший на Халхин-Голе под началом Кравченко. Друзья сердечно обнялись. Оба были взволнованы встречей после долгой разлуки. Полились воспоминания и о боях, и о друзьях.

— Где же теперь воюет наш комиссар Владимир Николаевич Калачев? — интересовался Кобзев.

— Да, это был замечательный политработник, с пламенным сердцем товарищ. Только, Николай Леонтьевич, нет больше среди нас и не будет комиссара Калачева. Пал смертью героя еще в прошлом году. Многих друзей мы потеряли…

Вечер пролетел, как одно мгновение, хотя к себе в дивизию Кравченко вернулся за полночь.

И здесь его ждали гости. В часть приехал брат Иван-младший. Еще осенью раненный в голову и плечо он пролежал в госпитале более пяти месяцев, залечивая раны, и теперь, получив двухнедельный отпуск на поправку, прилетел навестить Григория и Федора-старшего, который служил в 215-й авиадивизии шофером. Они вместе и ожидали Григория Пантелеевича. Иван был еще бледным после госпиталя, но заметно повзрослевшим.

— Вот тебе и Ваня-маленький, — Григорий шел с распростертыми руками навстречу брату. — Да он нас всех перерос. Посмотри на него, Федя. Это же целая коломенская верста, а не Иванка.

Снова радость, снова расспросы и воспоминания.

— Тебе, Гриша, наш замкомандира полка Георгий Приймук низко кланяться велел. Часто он тебя вспоминает. И любит повторять: «Быть нацеленным на атаку — лучшее качество истребителя. Этому нас Григорий Пантелеевич Кравченко еще на Халхин-Голе учил. А он побеждать умеет!» Вот и приходится без тебя, но твоему опыту учиться. Это и хорошо, и очень непросто. На меня смотрят, как на брата Героя и таких же результатов ждут.

— А ты так и действуй, Ваня!

Легли спать, когда на востоке холодной зеленоватой полоской пробивался рассвет.

Через пару часов комдив был уже на ногах. Выпил крепкого чаю, вышел тихо, чтобы не разбудить Ивана.

День выдался пестрый. С утра выглянуло солнце. Потом поползла с Балтики хмарь. Только к обеду северный ветер разметал тяжелую пелену тумана. Снова в небе гудели моторы.

В 12 часов «виллис» комбрига остановился у КП второго гвардейского истребительного полка. Кравченко легко выпрыгнул из кабины, поздоровался с подошедшим командиром полка полковником Кондратом. Тот пригласил зайти отобедать. Григорий Пантелеевич взглянул на часы.

— Сейчас ни минутки нет. Готовься хорошенько, Емельян Филаретович, к вечеру. Приеду вручать ордена. А сейчас не взыщи, ни чайку попить, ни поговорить некогда, спешу в хозяйство Кузнецова, там уже ждет заправленный самолет. Поведу сегодня группу. Наши начали наступление, а фашисты пошли в контратаку. Придется охладить им пыл с неба, чтоб не егозились.

— Не надо бы вам, Григорий Пантелеевич, сегодня летать, — начал отговаривать полковник Кондрат. — Брат, говорят, в гости к вам прилетел. Такое нечасто бывает. Да и праздник сегодня. Фрицев в небе полно. Очень опасно. Вы же знаете Приказ Ставки — высшему комсоставу без особой нужды в заваруху не

лезть.

— Ты, Емельян Филаретович, агитацию не разводи. С Приказами Ставки я хорошо знаком. И что сложно сегодня в воздухе — знаю. Потому и лечу.

Кравченко сел в машину. И через считанные минуты его «виллис» скрылся в снежной пыли.

На аэродроме комдива ждали. Командир полка майор Кузнецов доложил о готовности. Григорий Пантелеевич уточнил задачу, сделал ориентировку. Группе истребителей надо было обеспечить выход самолетов 281-й авиадивизии на штурмовку контратакующего противника.

В небо уходили парами. Взлетели Кравченко и старший лейтенант Смирнов, майор Кузнецов и старший лейтенант Питолин, другие летчики. Восьмерка истребителей быстро набрала высоту и скрылась за облаками.

— Я — ноль первый, — послышался голос комбрига. — Крутить головой на все 360 градусов! Быть внимательным. Надежно прикрывать соседа!

Потом он попросил пункт наведения охарактеризовать обстановку в воздухе.

— Тройка «мессеров» на высоте до двух тысяч метров кружит в районе Синявинских высот, в остальных районах воздух чист, — докладывал полковник Троян.

Восьмерка ЛА-5 на высоте трех километров быстро выходила в заданный район. Первым заметил гитлеровцев лейтенант Сенин и, круто пикируя, пошел на сближение. Немцы поздно обнаружили атаку. Сенин в упор прошил «мессера». Тот густо задымил и понесся к земле. Два других фашиста бросились наутек, под прикрытие своих зенитных батарей.

А с немецких аэродромов, лежащих к югу от станции Мга, взмыло в небо до трех десятков самолетов. «Мессершмитты» забирались в высоту для удобной атаки. «Фокке-Вульфы» шли пониже, отрезая группе Кравченко отход к своим аэродромам.

— Прикрой-ка меня, Смирнов. Встречный «фоккер» прикурить просит. Так я ему сейчас огонька удружу, — попросил комдив ведомого.

Самолеты, уже стремительно неслись навстречу друг другу. Вот-вот они неминуемо столкнутся… И фашист не выдержал, взмыл. Желтое брюхо его машины тут же было прошито огненной трассой. «Фоккер» завалился набок и с ревом и свистом устремился на снежное поле.

— Кому еще прикурить хочется?! Налетай! Подешевело… — задорно шутил комдив.

— Ноль первый! Ноль первый! Вас с высоты атакует

«мессер», — предупреждал Кузнецов…

— Вижу, майор!

Самолет комдива круто пикировал. Немец мчался за ним.

У самой земли Кравченко перевел самолет на бреющий полет. Фашист не рассчитал и врезался в болото. К небу взметнулось желтое пламя и комья грязного снега.

Самолет комдива свечкой уходил в облака, чтобы снова атаковать…

Яростный бой продолжался более получаса. На снегу догорали сбитые самолеты. Кончались горючее и боезапас. Но силы были слишком неравными. На аэродром не вернулись ни комдив Кравченко, ни его ведомый старший лейтенант Смирнов, ни командир полка майор Кузнецов. Наблюдавшие за смертельной схваткой в воздухе артиллеристы видели, как последний наш ЛА-5, сбивший несколько фашистов, снижаясь, стал уходить в сторону своих аэродромов. За ним тянулся хвост дыма. Когда истребитель перелетел линию фронта, из него выбросился человек. Бойцы напряженно ждали, вот-вот раскроется белый купол парашюта. Но этого не случилось. Летчик упал вблизи батареи. Артиллеристы бросились к нему. Он еще был живой, пытался что-то сказать, но потерял сознание. Бойцы отстегнули ремни парашюта, расстегнули летный комбинезон и увидели две Золотые Звезды Героя.

Кравченко много раз прыгал с парашютом, и он никогда не подводил летчика. Но на этот раз парашют не сработал.

Братья ждали Григория Пантелеевича к обеду, когда с КП им сообщили о случившемся. С группой офицеров штаба они выехали к месту гибели командира дивизии. Погода снова переменилась. Сыпал снег. Мело. Сгущались сумерки, когда, наконец, они по ориентирам отыскали санитарную землянку стрелковой дивизии. Майор медицинской службы с горечью сказал, что оказать генералу помощь медицина была бессильна. Григорию Пантелеевичу ставили уколы, делали искусственное дыхание. Борьба за его жизнь продолжалась часа полтора, но в сознание он так и не пришел. Артиллеристы рассказывали, что самолет пролетел над ними на высоте метров в триста, когда из него выбросился летчик.

Кравченко лежал на столе в своем синем летном комбинезоне. В правой его руке было намертво зажато кольцо с куском перебитого тросика. Ногти пальцев были поломаны. Видимо, Григорий Пантелеевич, падая, пытался порвать ранец, чтобы освободить парашют, но сделать этого не сумел.

Все были поражены этой нелепой случайностью.

Иван как летчик обнаружил: парашют не раскрылся потому,

что вытяжной тросик, раскрывающий его, был перебит, в правой руке Григория осталось кольцо с обрывком тросика. Парашютный ранец генерала не был поврежден.

На войне бывает всякое. Возможно, тросик был перебит осколком снаряда. При медицинском обследовании выяснилось, что Григорий Пантелеевич не был ранен. Он провел за свою жизнь более сотни воздушных боев и не имел ранений.

Вечером 23 февраля Кравченко должен был приехать во 2-й гвардейский полк для вручения боевых наград личному составу. Его ожидали с нетерпением. Но вот в столовую вошел взволнованный командир полка и сообщил, что комдив Кравченко геройски погиб в бою. Летчики застыли в шоковом молчании, а когда осознали случившееся, горе запеклось в сердцах.

— Отомстим за командира! Смерть фашистскому отродью! — раздались гневные возгласы.

На следующий день летчики дивизии простились со своим командиром. Самолет ЛИ-2 с гробом генерала Кравченко взлетел с аэродрома Шум и взял курс на Волхов, а потом на Москву. В небо поднялась пятерка истребителей сопровождения. Взлетев ввысь, они отсалютовали мощными залпами своих пушек. На самолете ЛИ-2 летела группа сопровождения из офицеров дивизии и братья Героя, Федор-старший и Иван.

В Москву срочно были вызваны с фронтов Федор-младший и Ольга, из Кургана родители — Пантелей Никитич и Мария Михайловна.

По решению правительства тело генерал-лейтенанта Кравченко было предано кремации.

Похороны состоялись 28 февраля в Москве, на Красной площади. Урну с прахом Героя установили в нише Кремлевской стены, рядом с захоронением Валерия Чкалова.

* * *

Мстить фашистам за командира летчики дивизии начали в тот же день. На многих истребителях появилась надпись-клятва, надпись-призыв: «Отомстим за Кравченко!» Уже вечером 23 февраля было сбито пять немецких стервятников. В 1943 году вся пятерка летчиков, сопровождавших Кравченко на своих истребителях в последний путь, за мужество и отвагу в боях была удостоена звания Героев Советского Союза. Сотни летчиков использовали в боях его опыт, мастерство и тактику, нанося удары по фашистским захватчикам.

Приказом министра обороны СССР генерал-лейтенант авиации Григорий Пантелеевич Кравченко занесен навечно в список 3-й эскадрильи истребительного полка:

Тяжело переживала утрату семья Кравченко. Но шла война. Два Федора, два Ивана и Ольга уехали по своим частям и отважно сражались за свою Родину.

Федор-младший вернулся с фронта награжденный орденами боевого Красного Знамени, Александра Невского, четырьмя орденами Отечественной войны, медалями «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены».

Двух орденов и многих медалей был удостоен летчик-истребитель Иван-младший; с наградами Родины вернулись с фронтов и другие родные Григория Пантелеевича.

В День Советской Армии 23 февраля 1963 года генерал-полковник Андрей Герасимович Рытов и генерал-лейтенант Федор Семенович Гудков пришли на квартиру к Марии Михайловне Кравченко и вручили письмо министра обороны СССР маршала Р. Я. Малиновского, в котором он поздравил мать Героя с 45-й годовщиной Советской Армии и Военно-Морского Флота.

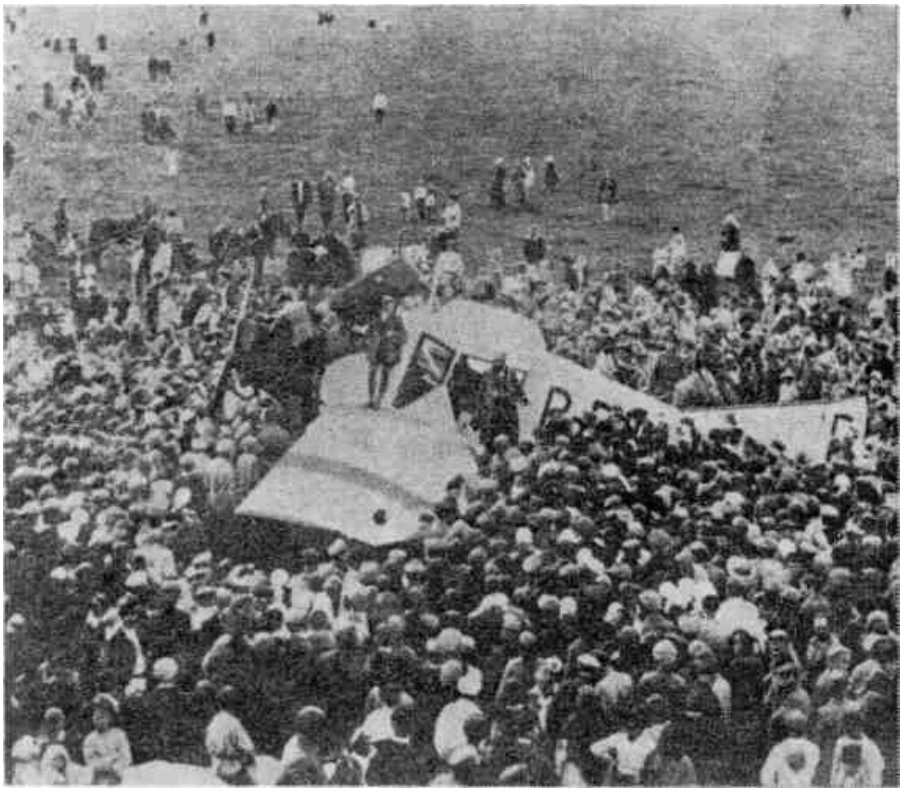
> «Вместе с Вами гордимся Вашим сыном, его жизнь является для воинов примером беззаветного служения Родине. Желаем Вам, Мария Михайловна, доброго здоровья и многих лет жизни».

В селе Голубовка установлен бронзовый бюст Г. П. Кравченко.

В Москве, Днепропетровске, Кургане, во многих городах и селах именем Героя названы улицы, школы и пионерские дружины.

К Кремлевской стене — вечному памятнику Героям идут миллионы людей со всех континентов планеты, чтобы поклониться праху беззаветных борцов за счастье человечества.

А далеко от Москвы, за Седым Уралом, в селе Звериноголовском, каждое утро спешат на уроки дети. Они идут в школу имени дважды Героя Советского Союза Григория Пантелеевича Кравченко. Им есть у кого учиться и радости жизни, и мужеству в ней.



Первый самолет, приземлившийся в г. Кургане. 1923 г.

Лейтенант Г. П. Кравченко удостоен первой награды Родины — ордена «Знак Почета». 1936 г.

Монголия. Перед возвращением в Москву. Слева направо: старший лейтенант Л. А. Орлов, майор Г. П. Кравченко, майор В. Н. Грачев, полковник И. И. Душкин, комкор Я. В. Смушкевич, полковник И. А. Лакеев, полковник В. И. Шевченко (второй справа неизвестен)

Монголия. Халхин-Гол. Командир 22-го истребительного авиационного полка майор Г. П. Кравченко (слева), командир

первой эскадрильи капитан К. М. Кузьменко, комиссар полка В. Н. Калачев

Монголия. Халхин-Гол. Маршал МНР Х. Чойбалсан и командир 22-го истребительного авиационного полка майор Г. П. Кравченко на командном пункте

Григорий Пантелеевич Кравченко после получения Золотых Звезд Героя Советского Союза. 1939 г.

Командующий ВВС Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант Г. П. Кравченко на аэродроме. 1940 г.

90 к.

В этой книге под одной обложкой
объединены три повести о наших земляках,
по призыву комсомола пришедших в авиацию.
Сергей Грицевец погиб незадолго
до начала Великой Отечественной войны.
Но свой богатый боевой опыт,
полученный в небе Испании и Монголии,
он щедро передавал товарищам.
Григорий Кравченко сражался
с японскими захватчиками в Китае и Монголии,
с немецкими фашистами на своей земле.
Первоклассный летчик и талантливый организатор
воздушных сражений, генерал-лейтенант в 27 лет,
он погиб 23 февраля 1943 года.
Михаил Галкин всего 64 дня участвовал
в боевых действиях Великой Отечественной войны.
Но и за такой короткий срок
он успел уничтожить 28 вражеских самолетов.

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

notes

Примечания

1

Нижняя часть дерева.

2

Колесная мазь, смесь дегтя со смолой.

З

Единица массы в системе русских мер, равен 0,4 килограмма.

4

По слухам, вид казни.

5

Тогдашнее простонародное название Казахстана.

6

Надстройка в середине здания.

7

Трехгодовалый.

8

Дословно: золотая лошадь (с казахского).

9

Шу́бенки — рукавицы, сшитые из овчины мехом внутрь.

10

Здесь — частный молокозавод.

11

Бродягам, босякам, оборванцам.

12

Искаженное Осоавиахим.

13

Кафтан без воротника.

В 1929 г. восстановила.

15

В 1932—1941 гг. почетное звание и значок, учрежденный Центральным советом Осоавиахима (ныне ДОСААФ).

16

Ороговевший слой кожи, сброшенный во время линьки.

НКО — Народный комиссариат обороны.

А. А. Новиков. В небе Ленинграда.

19

Деревянный двухлопастной воздушный винт.

20

Баин-Тумен — ныне город Чойбалсан.